М. КОРНФОРТ

ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ

И * Л

Издательство

иностранной

литературы

*

MAURICE CORNFORTH

DIALECTICAL MATERIALISM

An Introductory Course

Volume One

MATERIALISM AND THE DIALECTICAL METHOD

1952

Volume Two

HISTORICAL MATERIALISM

1953

Volume Three

THE THEORY OF KNOWLEDGE

1954

LONDON, LAWRENCE & WISHART LTD.

МОРИС КОРНФОРТ

ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ

ВВЕДЕНИЕ

Перевод с английского

ОБЩАЯ РЕДАКЦИЯ
члена-корреспондента АН СССР
П. Н. ФЕДОСЕЕВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва — 1956

Книга известного английского теоретика-марксиста М. Корнфорта «Диалектический материализм» вышла в Англии тремя отдельными выпусками: I том — «Материализм и диалектический метод» в 1952 году, II том — «Исторический материализм» в 1953 году III том — «Теория познания» в 1954 году.

По просьбе Издательства иностранной литературы М. Корнфорт для русского издания заново просмотрел, исправил и дополнил свою работу, которая выходит объединенная в один том.

Перевод книги сделан Ю. П. Михаленко (I том), Е. Г. Панфиловым (II том) и А. В. Старостиным (III том).

Редактор ***В. Г. Виноградов***

Редакция литературы по философии и психологии
Заведующий — кандидат философских наук В. А. МАЛИНИН

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

В основу этой книги положен ряд публичных лекций, организованных Коммунистической партией Великобритании в Лондоне, а также ряд лекций, прочитанных в двух партийных школах по изучению философии. Эта книга написана не как учебник. Она предназначается для трудящихся, которые не занимаются специально философией или наукой, и ставит своей целью просто познакомить их с некоторыми основными идеями марксистской философии и показать в некоторой степени ее назначение и практическое применение.

Я стремился придерживаться популярной формы объяснения этих идей, не осложняя своего изложения отступлениями в более специальные области философии, разбором каких-либо более трудных для понимания философских теорий прошлого и настоящего или многочисленными доводами по отдельным вопросам, которые могли бы оказаться необходимыми для защиты данных положений против философских противников. Я свел употребление специальных терминов до минимума. Я также не пытался охватить все те вопросы, которые следовало бы осветить в любой книге, представляющей собой полный курс марксистской философии.

В учебнике принято начинать с научного определения каждого вводимого понятия. Однако, учитывая цели этой книги, я не стеснялся вводить и употреблять ряд довольно хорошо знакомых понятий задолго до того, как перейти к их точному и научному определению. Так, я с самого начала ввел понятие «класс», хотя определение этого понятия дается значительно позже. Точно так же я допускаю, как само собой разумеющееся, что читатель имеет известное представление о том, что понимается под «истиной», а также что читатель согласен, что внешний материальный мир действительно существует, и откладываю на самый конец книги

рассмотрение вопроса о характере истины и основаниях для нашей уверенности в существовании мира.

Строй книги обусловлен ее общей целью. Книга делится на три тома, причем первые два тома содержат довольно элементарное изложение диалектического и исторического материализма. В начале первого тома я подчеркиваю классовый и партийный характер нашей философии, в начале второго — что нашей целью является социализм, который требует материалистического подхода к пониманию общества и его законов развития. Для третьего тома я оставил рассмотрение круга проблем, связанных с характером и законами развития сознания и познания.

Строго говоря, некоторые проблемы, рассматриваемые в третьем томе, относятся к разделу, озаглавленному «Диалектический материализм», т. е. к разделу о всеобщих принципах марксистского мировоззрения, в то время как другие проблемы относятся к разделу, озаглавленному «Исторический материализм», т. е. к проблемам распространения этих принципов на общество. Я сгруппировал эти проблемы и перенес их рассмотрение на конец книги по двум причинам. Во-первых, эти проблемы, по-видимому, имеют более сложный и «развитый» характер, а я хотел бы идти от менее сложного к более сложному, или от более элементарного к менее элементарному. Во-вторых, так как истинное или ложное сознание развивается благодаря обществу, а знание коренится в производственной и других формах общественной деятельности, я считаю, что рассмотрение этих проблем может выиграть, если изложить их после, а не до рассмотрения элементарных идей общественной науки.

Таким образом, в третьем томе я стремился воспользоваться идеями диалектического и исторического материализма, элементарно изложенными в первых двух томах, для того чтобы показать, каким образом фактически возникает и развивается человеческое сознание. Я стремился шаг за шагом проследить этот процесс от условного рефлекса до человеческой свободы — от его первоистоков в чисто животной жизни до развития человеческого знания и человеческой свободы.

Поскольку цель этой книги состояла в том, чтобы рассмотреть и обсудить основные идеи марксистской философии, то я постоянно обращался к великим произведениям классиков марксиз-

ма-ленинизма. Я сознательно включил в книгу довольно большое количество цитат, так как она была опубликована в Англии, где большинство народа для систематического изучения марксистской философии не имеет той возможности, какая существует в Советском Союзе. В русском издании некоторые из цитат опущены, так как они хорошо известны советским читателям.

Марксизм является развивающейся и творческой философией, и поэтому я не считал возможным ограничиться изложением тех основных принципов и положений, которые среди марксистов могут рассматриваться как решенные. Я также осмелился на протяжении книги предложить такие истолкования и выводы, которые ни в коем случае нельзя считать общепринятыми. Однако я надеюсь, что неправильности, которые могут быть обнаружены в книге, а также все то, что я изложил правильно, будут стимулировать мысль и дискуссии и, таким образом, помогут, пусть в очень небольшой степени, общему делу социализма.

Наиболее важное для марксистской философии в настоящее время состоит не в том, чтобы мы ограничивали содержание книг простым повторением и изложением основных идей марксизма. Прежде всего мы должны исследовать новые области, должны идти новыми путями, проверяя наши основные идеи путем смелого применения и развития их, и при этом не очень бояться возможных ошибок.

И в этой связи мы должны иметь в виду, что в настоящее время мы боремся за мирное соревнование с капитализмом, которое докажет раз и навсегда, что социализм представляет собой тот путь, по которому пойдут народы всею мира. Следовательно, нашей задачей является не только выдвигать наши собственные взгляды в противоположность буржуазным идеям и в полемике с ними, но также изучать более тщательно все то, о чем думают в капиталистическом мире и, таким образом, помочь «отделить зерна от плевел». Мы должны установить контакт со всем, что в какой-то степени является научным и прогрессивным, с тем чтобы развивать нашу философию так, чтобы она могла иметь наиболее широкое влияние и помогала мобилизовывать всех людей доброй воли.

Марксизм-ленинизм является универсальной философией, задача которой состоит в том, чтобы включать в себя и развивать

дальше все то положительное в прошлом и настоящем, что имеется в идеях и опыте человечества.

Эта книга является всецело плодом дискуссий, происходивших в Англии, где мы работаем при больших неудобствах. Я надеюсь, что главная польза, которую мы можем получить благодаря переводу этой книги на русский язык, состоит в том, что критика советского читателя поможет нам действовать лучше в будущем.

Морис Корнфорт.

Лондон, март, 1956.

Памяти Давида Геста

ТОМ I

МАТЕРИАЛИЗМ И ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ МЕТОД

*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
МАТЕРИАЛИЗМ

Глава I
ПАРТИЙНОСТЬ ФИЛОСОФИИ

Каждая философия выражает точку зрения определенного класса. Но в отличие от эксплуататорских классов, которые всегда стремились поддерживать и оправдывать свое классовое положение при помощи разнообразной маскировки и фальсификации действительности, рабочий класс в силу самого своего классового положения и целей заинтересован в познании и понимании вещей такими, как они есть, без всякой маскировки или фальсификации.

Партии рабочего класса нужна философия, которая выражает его революционную классовую точку зрения. Она составляет прямую противоположность идеям, враждебным рабочему классу и социализму.

Это определяет материалистический характер нашей философии.

Партийность и классовость философии

Среди марксистов общепризнанным является положение, что диалектический материализм есть мировоззрение марксистско-ленинской партии.

Как многим политикам, так и многим философам это определение неизбежно покажется странным. Но мы совершенно не поймем диалектический материализм, если не сможем уловить мысль, скрывающуюся за этим определением.

Прежде всего разберемся в том, какая философская концепция скрывается за идеей, которая выражена в этом определении партийности или — поскольку партия всегда является политическим представителем класса — классовости философии.

Под философией обычно понимается наше наиболее общее представление о природе мира и о месте и назначении человечества в нем — наше мировоззрение.

Раз мы поняли это, то отсюда становится очевидным, что у всех людей есть некоторая философия, даже если они никогда не учились рассуждать о ней. Каждый человек испытывает влияние

определенных философских взглядов, даже если он не продумал их для себя и не может их сформулировать.

Некоторые люди, например, думают, что этот мир есть не что иное, как «юдоль печали», и что наша жизнь в нем является приготовлением к лучшей жизни в другом и лучшем мире. Исходя из таких взглядов на мир, они считают, что мы должны стойко выносить все, что ни случится с нами, не борясь против этого, хотя стараясь делать всяческое добро нашим братьям, какое мы только можем. Это — одного сорта философия, одного сорта мировоззрение.

Другие люди думают, что мир является местом для обогащения и что каждый в нем должен сам о себе заботиться. Это уже другого сорта философия.

Но если мы признали, что философия является мировоззрением, то отсюда возникает задача систематической и детальной разработки этого мировоззрения, задача превращения его в хорошо формулированную и последовательную теорию и превращения безотчетно разделяемых народных верований и взглядов в более или менее систематические учения. Эту задачу и выполняют философы.

Разрабатывая свои теории, философы часто создавали нечто очень запутанное, крайне абстрактное и чрезвычайно трудное для понимания большинства людей. Но даже хотя сравнительно немногие люди могут читать и понимать сугубо философские произведения, тем не менее эти произведения могут иметь и имеют на самом деле очень широкое влияние. Тот факт, что философы систематизировали определенные верования, усиливает эти верования и способствует навязыванию их широким массам простых людей. Отсюда все так или иначе испытывают влияние этих философов, даже если они никогда не читали их работ.

Но если это так, тогда мы не можем рассматривать системы философов как совершенно обособленные, ни от чего не зависимые, как лишь продукты умственного труда отдельных философов. Конечно, формулировка взглядов, особые приемы, которыми они разработаны и изложены, — это творение отдельных философов. Но сами взгляды в их наиболее общем виде имеют социальную основу в идеях, которые отражают общественную деятельность и общественные отношения данного времени и которые, следовательно, не выходят готовыми из головы философов.

Теперь мы можем сделать шаг дальше.

Когда общество разделено на классы, — а общество всегда было разделенным на классы, начиная с разложения первобытной общины, то есть на протяжении всего исторического периода, к которому относится история философии, — то различные взгляды, имеющие хождение в обществе, всегда выражают точку зрения различных классов. Следовательно, можно заключить, что различные

системы философов также всегда являются выражением классовой точки зрения. Фактически они суть не что иное, как систематически разработанная и теоретически сформулированная классовая точка зрения, или, если хотите, идеология определенных классов.

Философия есть и всегда была классовой философией. Философы иногда могут делать вид, что это не так, но это не меняет сути дела.

Люди не мыслят и не могут мыслить изолированно от общества и, следовательно, от классовых интересов и классовых битв, происходящих в обществе, как они не могут жить и действовать в такой изоляции. Философия есть мировоззрение, есть попытка понять мир, человечество и место человека в этом мире. Подобное воззрение не может быть не чем иным, как воззрением класса, а философ выступает, как мыслящий представитель класса. Да и как может быть иначе? Философские системы не импортируются с какой-либо другой планеты, но создаются здесь, на Земле, людьми, вовлеченными, нравится им это или нет, в существующие классовые отношения и классовую борьбу. Следовательно, что бы ни говорили философы о себе, нет такой философии, которая не отражает точки зрения определенного класса или которая безразлична и беспристрастна в отношении классовой борьбы. Сколько бы мы ни искали, мы не найдем никакой беспристрастной, беспартийной, надклассовой философии.

Помня об этом, мы увидим, что все философии прошлого так или иначе выражали точку зрения так называемых «образованных» классов, то есть эксплуататорских классов. Вообще именно руководящие силы общества выражают и пропагандируют свои идеи в форме философских систем. А вплоть до появления современного рабочего класса, который является специфическим продуктом капитализма, этими командующими силами в обществе всегда были эксплуататорские классы. Именно их воззрения господствовали в философии так же, как они господствовали в обществе.

Из этого мы можем сделать лишь тот вывод, что рабочий класс, если он намерен возглавить руководство обществом, должен выразить свою собственную классовую точку зрения в форме философии и противопоставить эту философию философским системам, выражающим воззрения и защищающим интересы эксплуататоров.

«В немногих словах заслуги Маркса и Энгельса перед рабочим классом можно выразить так: они научили рабочий класс самопознанию и самосознанию, и на место мечтаний поставили науку»[1], — писал В. И. Ленин.

---

[1] В. И. Ленин, Соч., 4-е изд., т. 2, стр. 6.

«Великая всемирно-историческая заслуга Маркса и Энгельса состоит в том, что они научным анализом доказали неизбежность краха капитализма и перехода его к коммунизму, в котором не будет больше эксплуатации человека человеком... что они указали пролетариям всех стран их роль, их задачу, их призвание: подняться первыми на революционную борьбу против капитала, объединить вокруг себя в этой борьбе *всех* трудящихся и эксплуатируемых»[1].

Обучая рабочий класс «самопознанию и самосознанию» и объединению вокруг себя «*всех* трудящихся и эксплуатируемых», Маркс и Энгельс создали революционную теорию борьбы рабочего класса, освещающую путь, следуя по которому рабочий класс может покончить с капиталистической эксплуатацией, может стать у руководства всеми народными массами и, таким образом, освободить раз и навсегда все общество от всякого угнетения и эксплуатации человека человеком.

Маркс и Энгельс писали в тот период, когда капитализм был еще на подъеме и когда силы рабочего класса впервые сплачивались и организовывались. Их теория была развита Лениным в тот период, когда капитализм достиг своей последней стадии — стадии монополистического капитализма, или империализма, и когда началась пролетарская социалистическая революция. Эту теорию в ряде вопросов развил далее Сталин.

Маркс и Энгельс учили, что без своей собственной партии рабочий класс никогда не сможет одержать победу над капитализмом и не сможет повести все общество вперед к уничтожению капитализма и установлению социализма. Поэтому рабочий класс должен иметь свою собственную партию, независимую от всех буржуазных партий. Ленин развил дальше учение марксизма о партии, он показал, что партия должна действовать как авангард своего класса, как наиболее сознательная часть своего класса и что она является орудием завоевания и удержания политической власти.

Для выполнения такой роли партия, очевидно, должна обладать знанием, пониманием и предвидением событий действительности; другими словами, она должна быть вооружена революционной теорией, на которой основывается ее политика и которой она руководствуется в своей деятельности.

Такой теорией является марксизм-ленинизм. И это не только лишь экономическая теория, и это не исключительно политическая теория, но это и мировоззрение — философия. Сами экономические и политические взгляды не являются и никогда не могут быть независимы от общего мировоззрения. Более того, специальные экономические и политические взгляды всегда выражают ми-

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 28, стр. 146.

ровоззрение тех, кто этих взглядов придерживается, и, наоборот, философские взгляды всегда находят выражение во взглядах на экономику и политику.

Признавая все это, революционная партия рабочего класса не может не сформулировать свои философские взгляды, а сформулировав, последовательно их не придерживаться; она не может также не развивать и не оберегать свою партийную философию. В этой философии, философии диалектического материализма, воплощены общие идеи, служащие для партий средством осознания мира, который она стремится изменить; с их помощью она определяет свои цели и намечает, как бороться за них. В этой философии воплощены главные идеи, посредством которых партия стремится просветить и организовать весь класс и оказывать влияние, руководить и завоевывать на свою сторону всю массу трудящегося народа, показывая ему выводы, необходимо вытекающие из каждой стадии борьбы, помогая народу учиться на своем собственном опыте, как идти вперед к социализму.

Итак, мы видим, почему в наше время возникла философия, выражающая революционное мировоззрение рабочего класса, и почему эта философия — диалектический материализм — определяется как мировоззрение марксистско-ленинской партии.

Сам опыт научил партию, что необходимо иметь свою собственную философию. Опыт показывает, что, если у нас нет своей собственной революционной социалистической философии, тогда неизбежно наши философские идеи становятся результатом заимствования из враждебных, антисоциалистических источников. Если мы в наши дни не приемлем точки зрения рабочего класса и борьбы за социализм, тогда мы приемлем — или скатываемся к ней без намерения сделать это — точку зрения капиталистов и борьбы против социализма. Вот почему партия рабочего класса, чтобы быть действительным революционным руководителем своего класса и не вводить в заблуждение свой класс заимствованием враждебных капиталистических идей и соответствующей таким идеям политики, должна заботиться о формулировании, защите и пропаганде своей собственной революционной философии.

Классовая философия и истина

Против только что сказанного о классовости и партийности философии может быть выдвинуто возражение, что такая концепция является полным искажением всей сущности философии.

Некоторые скажут, что они, мол, согласны с тем, что классовые интересы могут склонить нас верить скорее в одно, чем в другое. Но разве философия не должна быть выше этого? Разве философия не должна быть объективной и беспристрастной и учить

нас оставлять в стороне классовые и партийные интересы и стремиться только к истине? Ибо разве не безусловно то, что истинно, является истинным, независимо от того, удовлетворяет ли это тем или иным классовым интересам, или нет? Если философия пристрастна — партийна, то как она может быть объективной, как она может отражать истину?

В ответ на подобные возражения мы можем сказать, что в действительности точка зрения рабочего класса на философию весьма далека от того, чтобы не заботиться об истине.

Существует ли истина? Конечно, да — и люди приближаются к ней. Ибо различные взгляды, в зависимости от их партийности, не могут быть одинаково близки к истине. Каждая философия отражает классовую точку зрения. Так же как один класс отличается от другого по своей социальной роли и по вкладу, вносимому в развитие общества, так и одна философия отличается от другой по воплощению положительных достижений в выработке истины о мире и обществе.

Люди склонны считать, что если мы становимся на партийную, классовую точку зрения, то мы отворачиваемся от истины; и что, с другой стороны, если мы действительно стремимся к истине, то мы должны быть строго беспристрастны и беспартийны. Но в действительности все это не так. Лишь тогда, когда мы становимся на партийную точку зрения исторически самого прогрессивного класса, мы способны приблизиться к истине.

Следовательно, определение диалектического материализма как философии революционной партии рабочего класса никоим образом не противоречит притязанию диалектического материализма выражать истину и быть средством достижения истины. Напротив, мы имеем полное право претендовать на это ввиду действительного исторического положения и роли рабочего класса.

За исключением рабочего класса, все другие классы, которые стремились к руководству обществом, были эксплуататорскими классами. Но всякий эксплуататорский класс, каковы бы ни были его достижения, всегда вынужден искать известные средства *маскировки* своего действительного положения и своих целей как от самого себя, так и от эксплуатируемых и доказательства вечности и справедливости своего господства, так как такой класс никогда не может признать свое действительное положение и цели как эксплуататорского класса или временный характер своей собственной системы.

Например, в античном рабовладельческом обществе Аристотель, величайший философ древности, доказывал, что институт рабства является законом природы, так как некоторые люди рабы от природы.

В период расцвета феодального общества крупнейший философ средних веков Фома Аквинский представил всю вселенную

в виде своего рода феодальной системы. Все было расположено согласно феодальной иерархии[1], на вершине которой находился бог в окружении главных архангелов. Любая вещь зависела от того, что непосредственно стояло над ней в системе; ничто не могло существовать без бога.

Что касается капитализма, то он разрушает все феодальные узы и, как заметили Маркс и Энгельс, буржуазия «не оставила между людьми никакой другой связи, кроме голого интереса, бессердечного «чистогана»[2]. Это было отражено в ранней буржуазной философии, особенно в ранней английской философии.

Эта философия рассматривала мир как состоящий из независимых атомов, каждый из которых находит свое полное завершение в самом себе, занят только собой, и все они находятся во взаимодействии. Это было зеркало капиталистического общества, каким оно представлялось поднимающейся буржуазии. И при помощи таких идей им также удавалось маскировать свои собственные цели, цели господства и обогащения. Согласно этим идеям, рабочий и капиталист находились «на одном уровне», поскольку каждый являлся свободным человеческим атомом, и они свободно заключали договор, по условиям которого один должен был работать, другой — предоставлять капитал и платить заработную плату.

Но рабочий класс не нуждается в каком-либо подобном «самообмане» («ложном сознании»), который содержится в такой философии. Он желает не создания новой системы эксплуатации, а уничтожения всякой эксплуатации человека человеком. По этой причине он заинтересован не в том, чтобы маскировать что-либо, но в том, чтобы понимать вещи именно так, как они есть на самом деле. Так как чем лучше познает он истину, тем более сильным он станет в борьбе.

Более того, другие господствующие классы всегда желали увековечить себя и просуществовать столько, сколько это будет возможно. Поэтому они благоволили к философским «системам», которые рассматривали их положение в обществе как вечное и неизменное. Подобные системы пытаются определить природу вселенной таким образом, чтобы представить определенные вещи и определенные отношения как необходимые, вечные и неизменные. И затем они утверждают, что поскольку данная социальная система является необходимой частью целого, то она так же вечна и неизменна, как и само целое. Но рабочий класс не желает

[1] *Иерархия* — порядок, при котором все, что находится на высшей ступени, господствует над тем, что находится на более низкой ступени. Так, крепостные находились у подножия феодальной иерархии, а король на ее вершине. Подобным же образом папа является главой «католической иерархии».

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. I, Госполитиздат, 1952, стр. 11.

увековечивать свое классовое положение. Напротив, он желает покончить со своим собственным классовым положением столь скоро, сколь это возможно, и построить бесклассовое общество. Поэтому рабочему классу не нужна такая философская система, которая устанавливает некое ложное постоянство. Его классовое положение и цели таковы, что дают ему возможность допускать и даже обязывают признавать и прослеживать изменение, появление и исчезновение *всего* существующего.

Следовательно, наша партийная философия имеет право претендовать на истину. Она является единственной философией, которая основана на точке зрения, требующей, чтобы мы стремились понимать вещи именно такими, как они есть, во всех их многообразных изменениях и взаимосвязях, без искажений и прикрас.

Революция в философии

«Учение Маркса всесильно, потому что оно верно, — писал В. И. Ленин. — Оно полно и стройно, давая людям цельное миросозерцание, непримиримое ни с каким суеверием, ни с какой реакцией, ни с какой защитой буржуазного гнета»[1].

И в этой работе Ленин пишет:

«...в марксизме нет ничего похожего на «сектантство» в смысле какого-то замкнутого, закостенелого учения, возникшего *в стороне* от столбовой дороги развития мировой цивилизации. Напротив, вся гениальность Маркса состоит именно в том, что он дал ответы на вопросы, которые передовая мысль человечества уже поставила. Его учение возникло как прямое и непосредственное *продолжение* учения величайших представителей философии, политической экономии и социализма»[2]. В философском отношении марксизм представляет собой завершение целого крупного периода развития философской мысли, в котором философские проблемы были поставлены и оформились в ходе целого ряда революций и который достиг своего высшего пункта в классической немецкой философии начала XIX в.

Но если, таким образом, марксизм является продолжением и завершением прошлых достижений философии, то это такое продолжение, которое кладет конец определенной эпохе развития философии и образует ее новый отправной пункт, так как по сравнению с философскими системами прошлого он отправляется по новым путям. Он составляет революцию в философии, конец «систем» прошлого, философию совершенно нового типа.

Марксизм-ленинизм является не философией, выражающей мировоззрение эксплуатирующего класса, меньшинства, стремя-

1 В. И. Ленин, Соч., т. 19, стр. 3.
2 Там же.

щегося навязать свою власть и свои идеи народным массам с целью держать их в подчинении, а это философия, которая служит простым людям в их борьбе за ниспровержение всякой эксплуатации и построение бесклассового общества.

Марксизм-ленинизм является философией, которая стремится понять мир, чтобы изменить его. «Философы лишь различным образом *объясняли* мир, — писал Маркс, — но дело заключается в том, чтобы *изменить* его»[1]. Следовательно, если о философии прошлого можно было сказать, что она была попыткой понять мир и место и назначение человека в нем, попыткой, неизбежно обусловленной классовыми воззрениями, предрассудками и иллюзиями философов, принадлежащих к различным эксплуататорским классам, то о марксистско-ленинской философии следует сказать, что она является попыткой понять мир с целью изменить его и определить и осуществить назначение человека в нем. Диалектический материализм является теоретическим оружием в руках народа, которое служит цели изменения мира.

Марксизм-ленинизм, следовательно, стремится основывать свои представления о вещах не на чем ином, как на фактическом их исследовании, исходящем из опыта и практики и проверяемом ими. Он не изобретает «системы» и не пытается затем все подогнать под нее (как это делали предшествовавшие философии).

Таким образом, диалектический материализм является в полном смысле народной философией, научной философией и философией практики.

«Открытие Маркса и Энгельса, — говорил А. А. Жданов, — представляет конец старой философии, т. е. конец той философии, которая претендовала на универсальное объяснение мира... С появлением марксизма как научного миросозерцания пролетариата кончается старый период истории философии, когда философия была занятием одиночек, достоянием философских школ, состоявших из небольшого количества философов и их учеников, замкнутых, оторванных от жизни, от народа, чуждых народу.

Марксизм не является такой философской школой. Наоборот, он является преодолением старой философии, когда философия была достоянием немногих избранных — аристократии духа, и началом совершенно нового периода истории философии, когда она стала научным оружием в руках пролетарских масс, борющихся за своё освобождение от капитализма.

Марксистская философия, в отличие от прежних философских систем, не является наукой над другими науками, а представляет собой инструмент научного исследования, метод, пронизывающий все науки о природе и обществе и обогащающийся данными этих

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, Госполитиздат, 1952, стр. 385.

наук в ходе их развития. В этом смысле марксистская философия является самым полным и решительным отрицанием всей предшествующей философии. Но отрицать, как подчёркивал Энгельс, не означает просто сказать "нет". Отрицание включает в себя *преемственность*, означает поглощение, критическую переработку и объединение в новом высшем синтезе всего того передового и прогрессивного, что уже достигнуто в истории человеческой мысли»[1].

Революционный характер диалектического материализма воплощен в двух сторонах марксистско-ленинской философии, которые дали ей название, — в диалектике и материализме.

Для того чтобы понять вещи, чтобы изменять их, мы должны изучать их не согласно требованиям какой-либо абстрактной системы, но в их действительном изменении и взаимосвязи, а это и есть то, что понимается под диалектикой.

Мы должны отбросить предвзятые идеи и представления о вещах и стараться привести наши теории в соответствие с действительными условиями материального существования, а это значит, что наши взгляды, наша теория являются материалистическими.

В диалектическом материализме, писал Энгельс, впервые действительно серьезно отнеслись к материалистическому мировоззрению, и оно было последовательно проведено, так как «решились понимать действительный мир — природу и историю — таким, каким он сам дается всякому, кто подходит к нему без предвзятых идеалистических выдумок... решились без сожаления пожертвовать всякой идеалистической выдумкой, которая не соответствует фактам, взятым в их собственной, а не в какой-то фантастической связи. И ничего более материализм вообще не означает»[2].

---

[1] А. А. Жданов, Выступление на дискуссии по книге Г. Ф. Александрова «История западноевропейской философии» 24 июня 1947 г., Госполитиздат, 1952, стр. 12–13.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, стр. 366.

Глава II

МАТЕРИАЛИЗМ И ИДЕАЛИЗМ

Материализм противоположен идеализму, ибо в то время как идеализм утверждает, что духовное, или идеальное, предшествует материальному, материализм утверждает, наоборот, что материальное предшествует идеальному. Это различие проявляется в противоположных способах истолкования и понимания всякого вопроса в теории, а также в противоположном подходе на практике.

Несмотря на то, что идеализм принимает множество утонченных форм в писаниях философов, он в своей основе является продолжением веры в сверхъестественное. Он подразумевает веру в два мира — в мир идеальный, или сверхъестественный, который он противопоставляет миру материальному.

В сущности идеализм является консервативной, реакционной силой, и его реакционное влияние проявляется на практике. Марксизм отстаивает последовательный взгляд воинствующего материализма.

Материализм и идеализм — противоположные способы истолкования всякого вопроса

Наша философия называется диалектическим материализмом, говорит Сталин, «потому, что его подход к явлениям природы, его метод изучения явлений природы, его метод познания этих явлений является *диалектическим*, а его истолкование явлений природы, его понимание явлений природы, его теория — *материалистической*»[1].

Материализм не является догматической системой. Это — способ истолкования, понимания, объяснения всякого вопроса.

Материалистический способ истолкования событий, понимания вещей и их взаимосвязей противоположен идеалистическому способу истолкования и понимания их. Материализм противоположен идеализму.

Отсюда ясно, что материализм и идеализм не являются двумя абстрактными противоположными теориями о природе мира, мало касающимися простых людей, занятых практической деятельностью.

[1] И. Сталин, Вопросы ленинизма, Госполитиздат, 1952, стр. 574.

Они являются противоположными способами истолкования и понимания всякого вопроса, и, следовательно, они выражают различный подход к этим вопросам на практике и ведут к самым различным выводам из практической деятельности.

Нельзя также употреблять термины «материализм» и «идеализм», как некоторые это делают, для выражения противоположных взглядов в области морали; идеализм — как выражение возвышенного, материализм — как выражение низменного и эгоистического. Если же мы будем употреблять эти термины таким образом, мы никогда не поймем противоположности между идеалистическим и материалистическим воззрениями; потому что этот способ выражения, как говорит Энгельс, означает не что иное, как «непростительную уступку филистерскому предрассудку против названия "материализм", предрассудку, укоренившемуся у филистера под влиянием долголетней поповской клеветы на материализм. Под материализмом филистер понимает обжорство, пьянство, тщеславие и плотские наслаждения, жадность к деньгам, скупость, алчность, погоню за барышом и биржевые плутни, короче — все те грязные пороки, которым он сам предается втайне. Идеализм же означает у него веру в добродетель, любовь ко всему человечеству и вообще веру в "лучший мир", о котором он кричит перед другими»[1].

Прежде чем пытаться дать общее определение материализма и идеализма, рассмотрим, каким образом эти два способа понимания вещей выражаются в отношении к некоторым простым и знакомым вопросам. Это поможет нам понять значение различия между материалистическим и идеалистическим истолкованием.

Прежде всего рассмотрим очень знакомое нам естественное явление — грозу. Что вызывает грозы?

Идеалистический способ понимания этого вопроса состоит в том, чтобы считать грозы следствием гнева бога: разгневавшись, он ниспосылает громы и молнии на человечество.

Материалистический способ понимания гроз противоположен идеалистическому. Материалист попытается объяснить и понять грозы исключительно как следствие того, что мы называем естественными силами. Например, древние материалисты высказали предположение, что грозы вовсе не следствие гнева богов. С их точки зрения, они вызываются ударом друг о друга материальных частиц, находящихся в облаках. В данном случае дело не в том, что это частное объяснение было ложным, а в том, что это было попыткой материалистического, в отличие от идеалистического, объяснения. В настоящее время благодаря научному исследованию естественных сил природы, которые вызывают грозы, знание

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, стр. 357–358.

о последних значительно расширилось. Конечно, и в настоящее время знание о грозах остается очень неполным, но во всяком случае известно достаточно, чтобы стало совершенно ясно, что объяснены они могут быть только материалистически и что идеалистическое объяснение лишилось всякого доверия.

Мы видим, что, в то время как идеалистическое объяснение пытается связать объясняемое явление с некоторой *духовной* причиной — в данном случае с гневом господним, — материалистическое объяснение связывает его с материальными причинами.

В настоящее время большинство образованных людей согласится принять материалистическое объяснение причин грозы. Это потому, что они вообще признают *научное* объяснение естественных явлений, а всякий шаг вперед в естественных науках является шагом вперед в *материалистическом* понимании природы.

Возьмем второй пример, на этот раз из общественной жизни. Почему существуют богатые и бедные? Это вопрос, который задают многие люди, особенно бедные люди. Наиболее откровенные идеалисты отвечают на этот вопрос просто, что, мол, бог создал людей такими. Воля бога такова, что некоторые должны быть богатыми, другие бедными.

Но в большей моде другие, менее откровенные идеалистические объяснения. Примером таких объяснений может служить следующее рассуждение: некоторые люди потому богаты, что они старательны и предусмотрительны, экономно используют свои ресурсы, в то время как другие потому бедны, что они расточительны и глупы. Люди, которые придерживаются такого рода объяснения, говорят, что все это — следствие вечной «человеческой природы». Природа человека и общества такова, что необходимо возникает различие между бедными и богатыми.

Как в случае объяснения причины грозы, так и в случае объяснения причины существования бедных и богатых идеалист ищет некую духовную причину — если не в воле бога, божественном разуме, то в определенных врожденных чертах человеческого ума.

Материалист, напротив, ищет причину существования богатых и бедных в материальных, экономических условиях общественной жизни. Он видит причину разделения общества на богатых и бедных в способе производства материальных благ для жизни, когда одна часть людей владеет землей и другими средствами производства, в то время как другая часть людей должна работать на них. И как бы упорно они ни работали и как бы ни копили и экономили, неимущие останутся бедными, в то время как имущие будут богатеть благодаря продуктам труда бедных.

Таким образом, мы видим, что при решении таких вопросов различие между материалистическим и идеалистическим взглядами может быть очень важным. И это различие важно не только в теоретическом, но и в практическом смысле.

Так, например, материалистическое представление о грозах помогает нам принять меры предосторожности против них, такие, как, например, устройство на зданиях громоотводов. Но если мы объясняем грозы идеалистически, то все, что мы можем сделать в целях предосторожности против них, это ожидать и молиться. Далее, если мы соглашаемся с идеалистическим объяснением существования бедных и богатых, то все, что нам остается сделать, это принять существующее положение вещей, радоваться своему господствующему положению и предаваться умеренной благотворительности, если мы богаты, и проклинать свою судьбу, если мы бедны. Напротив, вооруженные материалистическим пониманием общества, мы можем найти способ изменения общества.

Поэтому, хотя некоторые люди, возможно, и заинтересованы идеалистически объяснять вещи, в интересах огромного большинства научиться объяснять их материалистически.

Учитывая все сказанное о материализме и идеализме, какое общее определение можем мы дать каждому из них и различию между ними, чтобы раскрыть главное в их содержании? Такое определение было дано Энгельсом.

«Великий основной вопрос всей, в особенности новейшей, философии есть вопрос об отношении мышления к бытию... Философы разделились на два больших лагеря сообразно тому, как отвечали они на этот вопрос. Те, которые утверждали, что дух существовал прежде природы, и которые, следовательно, в конечном счете, так или иначе признавали сотворение мира... составили идеалистический лагерь. Те же, которые основным началом считали природу, примкнули к различным школам материализма»[1].

Идеализм — это такой способ объяснения, который считает духовное предшествующим материальному, в то время как материализм считает материальное предшествующим духовному. Идеализм считает, что все материальное якобы зависит от чего-то духовного и определяется им, в то время как материализм утверждает, что все духовное зависит от чего-то материального и определяется им. И это различие проявляется как в общих философских представлениях о мире в целом, так и в представлениях об отдельных вещах и событиях.

Идеализм и вера в сверхъестественное

В своей основе идеализм — это религия, теология. «Идеализм есть поповщина»[2], — писал Ленин. Всякий идеализм является продолжением религиозного подхода к решению любого вопроса,

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, стр. 349—350.
[2] В. И. Ленин, Философские тетради, Госполитиздат, 1947, стр. 330.

даже если отдельные идеалистические теории и сбросили свою религиозную оболочку. Идеализм неотделим от суеверий, веры в сверхъестественное, таинственное и непознаваемое.

Напротив, материализм стремится объяснить эти вопросы исходя из материального мира, при помощи факторов, которые можно проверять, понимать и контролировать.

Корни идеалистического представления о вещах, следовательно, те же, что и религии.

Верующим неизбежно кажется, что религиозные представления, так сказать представления о сверхъестественных духовных существах, находят свое оправдание не в показаниях органов чувств, но в чем-то, что залегает глубоко в духовной природе человека. И безусловно верно, что эти представления глубоко коренятся в историческом развитии человеческого сознания. Но каково их происхождение, как первоначально возникли эти представления? Мы никак не можем считать подобные представления, как учит нас религия, продуктами божественного откровения или следствием любой другой сверхъестественной причины, если мы находим, что сами они естественного происхождения. И это происхождение может быть прослежено на фактах.

Представления о сверхъестественном и религиозные идеи вообще обязаны своим происхождением прежде всего беспомощности людей перед лицом сил природы и их невежеству. Силы, которые люди не могут понять, олицетворяются — их представляют, как проявление деятельности духов.

Например, мы уже видели, что незнание людьми действительных причин такого устрашающего их явления, как грозы, привело к тому, что ее причины были объяснены фантастически, как следствие гнева богов.

По той же причине такое важное явление, как выращивание урожаев зерна, было сведено к деятельности духов: люди стали верить, что зерно произрастает под действием особой духовной силы, заключенной в нем.

С самых первобытных времен люди олицетворяли подобным образом силы природы. С возникновением классового общества, когда действия, поступки людей стали вызываться господствующими над ними и непонятными для них социальными отношениями, люди придумали новые сверхъестественные силы. Эти новые сверхъестественные силы явились дублированием существовавшего тогда общественного порядка. Люди придумали богов, возвышающихся над всем человечеством, подобно тому как короли и знать возвышались над простым народом.

Всякая религия и всякий идеализм содержат в своей основе подобное *удвоение мира*. Они дуалистичны и выдумывают идеальный, или сверхъестественный, мир, господствующий над реальным, материальным, миром.

Очень характерны для идеализма такие противопоставления, как душа и тело; бог и человек; небесное царство и царство земное; усваиваемые разумом формы и идеи вещей и мир материальной действительности, воспринимаемый органами чувств.

Для идеализма всегда существует высший, якобы более реальный нематериальный мир, который предшествует материальному миру, является его конечным источником и причиной и которому материальный мир подчинен. Для материализма, напротив, существует один мир — материальный мир.

Под идеализмом в философии мы понимаем всякое учение, которое считает, что вне материальной действительности существует высшая, духовная действительность, исходя из которой в конечном счете должна быть объяснена материальная действительность.

Некоторые разновидности современной идеалистической философии

На данном этапе нашего изучения философии могут оказаться полезными несколько замечаний о некоторых характерных учениях современной буржуазной философии. На протяжении почти трехсот лет выдвигался род философии, известный как «субъективный идеализм». Эта философия учит, что материальный мир вообще не существует. Ничто не существует, кроме ощущений и идей в нашем сознании, и им не соответствует никакая внешняя материальная действительность.

Не признавая существования внешней материальной действительности, субъективный идеализм, выдвигаемый в качестве учения о познании, отрицает, что мы можем знать что-либо об объективной реальности вне нас, и утверждает, что мы можем познавать лишь явления, а не «вещи в себе».

Этот род идеализма стал сейчас очень модным. Он даже пытается выдать себя за крайне «научное» мировоззрение. Когда капитализм был еще прогрессивной силой, буржуазные мыслители считали, что возможно все в большей и большей степени познавать реальный мир и, таким образом, контролировать силы природы и безгранично улучшать положение человечества. Теперь они говорят, что реальный мир является непознаваемым, областью таинственных сил, выходящих за границы нашего понимания. Нетрудно видеть, что мода на подобные учения — это лишь симптом разложения капитализма.

Мы видели, что в своей основе идеализм — это всегда вера в *два мира*, идеальный и материальный, и идеальный мир он помещает перед и над материальным. Материализм, напротив, знает лишь один мир, материальный мир, и отказывается придумывать второй, воображаемый, высший идеальный мир.

Материализм и идеализм непримиримо противоположны. Но это не препятствует многим философам пытаться примирить и сочетать их. В философии существует также много различных попыток найти компромисс между идеализмом и материализмом.

Одна из таких попыток компромисса хорошо известна под именем «дуализма». Эта компромиссная философия, подобно любой идеалистической философии, считает, что существует духовное, которое независимо и отлично от материального, но в отличие от идеализма она пытается утверждать их равнозначность.

Так, она толкует мир неживой материи чисто материалистически: в нем с ее точки зрения действуют только естественные силы, а духовные факторы находятся и действуют за его пределом и не имеют к нему никакого отношения. Но когда доходит дело до объяснения сознания и общества, здесь, заявляет эта философия, область деятельности духа. Здесь, утверждает она, надо искать идеалистического, а не материалистического объяснения.

Этот компромисс между материализмом и идеализмом, следовательно, равносилен тому, в сущности, что мы остаемся идеалистами, поскольку во всех наиболее важных вопросах о человеке, обществе и истории мы продолжаем придерживаться идеалистических взглядов в противоположность материалистическим.

Другая компромиссная философия известна под именем «реализма». В своей современной форме эта философия возникла в противоположность субъективному идеализму.

«Реалистические» философы говорят, что внешний, материальный, мир действительно существует независимо от наших восприятий и некоторым образом отражается в наших ощущениях. В этом «реалисты» соглашаются с материалистами в противоположность субъективному идеализму; в самом деле, нельзя быть материалистом, не являясь последовательным реалистом в вопросе о реальном существовании материального мира. Но утверждать только, что внешний мир существует независимо от нашего восприятия его, — это еще не значит быть материалистом. Например, известный католический философ средних веков Фома Аквинский в этом смысле был «реалистом». И по сей день большинство католических теологов считает ересью что бы то ни было, кроме «реализма» в философии. Но в то же время они утверждают, что материальный мир, который действительно существует, был создан богом и поддерживается и управляется все время силой бога, духовной силой. Поэтому они фактически идеалисты, а вовсе не материалисты.

Более того, словом «реализм» философы сильно злоупотребляют. Считается, поскольку вы признаете, что то или иное является «реальным», вы можете называть себя «реалистом». Так, некоторые философы, считая, что реальным является не только мир материальных вещей, но что существует также вне пространства

и времени реальный мир «универсалий», абстрактных сущностей вещей, называют себя «реалистами». Другие утверждают, что хотя и не существует ничего, кроме восприятий в нашем сознании, но, поскольку эти восприятия являются реальными, они также называют себя «реалистами». Все это лишь показывает, что иные философы весьма изобретательны в употреблении слов.

Основные положения материализма и их противоположность идеализму

В противоположность всяким формам идеализма и изощренным попыткам примирить материализм с идеализмом основные положения материализма могут быть сформулированы просто и ясно.

Чтобы понять сущность этих положений, мы должны также понять, каковы главные положения, выдвигаемые всякой формой идеализма.

Существуют три таких главных положения идеализма:

1. Идеализм утверждает, что материальный мир зависит от духовного.

2. Идеализм утверждает, что дух, или разум, или идея может и действительно существует отдельно от материи. (Самой крайней формой этого утверждения является субъективный идеализм, который считает, что материя вообще не существует и является чистой иллюзией.)

3. Идеализм утверждает, что существует область таинственного и непознаваемого, «над», или «за пределами», или «позади» того, что может быть установлено и познано посредством восприятий, опыта и науки.

Основные положения материализма противоположны этим трем утверждениям идеализма:

1. Материализм учит, что мир материален по самой своей природе, что все существующее появляется на основе материальных причин, возникает и развивается в соответствии с законами движения материи.

2. Материализм учит, что материя есть объективная реальность, существующая вне и независимо от сознания, и что духовное существует вовсе не отдельно от материального, а все умственное, или духовное, является продуктом материальных процессов.

3. Материализм учит, что мир и его законы являются полностью познаваемыми и что, хотя многое может быть непознанным, нет ничего, что по природе является непознаваемым.

Марксистско-ленинская философия характеризуется своим исключительно последовательным материализмом в решении всех вопросов тем, что она не делает никаких уступок идеализму при их решении.

Материализм и идеализм на практике

Как было указано выше, противоположность материализма идеализму, выраженная теперь в наиболее общей форме, является не противоположностью абстрактных теорий о природе мира, а противоположностью между различными способами понимания и истолкования всякого вопроса. Вот почему она имеет такое важное значение.

Рассмотрим некоторые наиболее обычные способы проявления противоположности между материализмом и идеализмом.

Например, идеалисты убеждают нас не полагаться «слишком» на науку. Они уверяют, что наиболее значительные истины лежат за пределами достижений науки. Поэтому они убеждают нас не думать о вещах на основании очевидности, опыта, практики, а принимать их на веру от тех, которые претендуют на то, что знают лучше и обладают неким «высшим» источником информации.

Таким образом, идеализм является лучшим другом и надежной опорой любой формы реакционной пропаганды. Это философия капиталистической прессы и Би-Би-Си. Она покровительствует суевериям всякого рода, мешает нам думать самим за себя и научно подходить к моральным и социальным проблемам.

Далее, идеализм утверждает, что самым главным для всех нас является внутренняя жизнь души. Он убеждает нас в том, что мы никогда не разрешим своих человеческих проблем иначе, как неким внутренним возрождением. Это любимая тема речей сытых людей. Однако многие рабочие также сочувствуют ей, например на фабриках, где активна группа «морального перевооружения». Они убеждают нас не бороться за улучшение условий, а совершенствовать свою душу. Они не говорят нам того, что лучший способ своего материального и нравственного усовершенствования – это примкнуть к борьбе за мир и социализм.

Далее, идеалистический подход нередко встречается среди многих социалистов. Многие искренние социалисты, например, считают действительным пороком капитализма то, что товары несправедливо распределяются и что если бы мы только могли заставить всех, включая капиталистов, принять новые принципы справедливости и права, то в таком случае мы могли бы покончить с пороками капитализма. Социализм для них не что иное, как осуществление абстрактной идеи справедливости. Идеалистическая сущность такого мнения заключается в предположении, что только *идеи*, которых мы придерживаемся, определяют образ нашей жизни и способ организации общества. Те, которые так думают, забывают искать материальные причины. Потому что фактически способ распределения продуктов в капиталистическом

обществе, когда богатством пользуется одна часть общества, в то время как другая и большая часть общества живет в нищете, — определяют не идеи о распределении богатства, которых придерживаются люди, а тот материальный факт, что способ производства основан на эксплуатации рабочих капиталистами. Пока этот способ производства продолжает существовать, до тех пор сохранятся крайности богатства и нищеты, а социалистические идеи справедливости будут противостоять капиталистическим идеям справедливости. Следовательно, задача социалистов заключается в том, чтобы организовать борьбу рабочего класса против класса капиталистов и довести ее до того момента, когда рабочий класс возьмет власть у класса капиталистов.

Если мы не поймем этого, тогда мы не сможем найти успешного способа борьбы за социализм. Мы обнаружим, что наши социалистические идеалы постоянно вызывают разочарование и теряют доверие. Таков был на самом деле опыт социализма в Англии.

На таких примерах можно видеть, как идеализм служит оружием реакции и как социалисты, когда они попадают в объятия идеализма, попадают под влияние буржуазной идеологии.

Перенять и использовать буржуазные идеи для социалистической теории мы можем не в большей степени, чем перенять и использовать буржуазную государственную машину со всеми ее учреждениями и чиновниками в целях строительства социализма.

Действительно, на протяжении всей истории идеализм, как правило, был оружием реакции. Какие бы прекрасные системы философии ни сочинялись, идеализм использовался как средство оправдания господства эксплуататорского класса и обмана эксплуатируемых.

Это не значит, что под идеалистическим покровом не высказывалось истин. Конечно, их высказывали. Так как идеализм имеет очень глубокие корни в нашем способе мышления, то люди часто облекают свои мысли и чаяния в идеалистические одеяния. Но идеалистическая форма всегда является помехой, препятствием в выражении истины — источником путаницы и ошибок.

Далее, прогрессивные движения в прошлом принимали идеалистическую идеологию и боролись под ее знаменем. Но это показывает лишь, что они либо содержали в себе семена будущей реакции, поскольку они выражали стремление нового эксплуататорского класса к захвату власти; или они сами находились под влиянием реакционных идей; или же это было признаком их слабости и незрелости.

Например, великое революционное движение английской буржуазии XVII в. проходило под идеалистическими, религиозными лозунгами. Но то же обращение к богу, которое оправдывало

Кромвеля в казни короля, оправдывало его также в подавлении левеллеров.

У первых демократов и социалистов было много идеалистических понятий. Но в данном случае это показывало *незрелость* и *слабость* движения. Идеалистические иллюзии должны были быть превзойдены, чтобы революционное движение рабочего класса могло возникнуть и восторжествовать. После того как движение окрепло, сохранение внутри него идеалистических представлений было выражением враждебного, реакционного влияния.

Правильно будет сказать, что идеализм является по существу консервативной силой — идеологией, помогающей защите существующего положения вещей и сохранению в умах людей иллюзий об их действительном положении.

С другой стороны, всякий действительный социальный прогресс — всякое увеличение производительных сил, всякий прогресс науки — порождает материализм и поддерживается материалистическими идеями. И вся история человеческой мысли была историей борьбы материализма против идеализма, историей преодоления идеалистических иллюзий и заблуждений.

Борьба за материализм

Как коммунисты, то есть как организованный авангард рабочего класса, последовательно борющийся против всякой эксплуатации человека человеком и за установление коммунизма, мы не нуждаемся в идеализме ни в какой его форме.

Вот, к примеру, некоторые из высказываний В. И. Ленина по этому вопросу.

«Гениальность Маркса и Энгельса состоит как раз в том, что в течение очень долгого периода, *почти полустолетия*, они развивали материализм, двигали вперед одно основное направление в философии...

Возьмите... отдельные философские замечания Маркса... вы увидите *неизменный* основной мотив: настаивание на *материализме* и презрительные насмешки по адресу всякого затушевывания, всякой путаницы, всяких отступлений к *идеализму*...

Маркс и Энгельс от начала и до конца были партийными в философии, умели открывать отступления от материализма и поблажки идеализму... во всех и всяческих “новейших” направлениях.

“Реалисты” и т. п., а в том числе и “позитивисты”... все это — жалкая кашица, презренная *партия середины* в философии, путающая по каждому отдельному вопросу материалистическое и идеалистическое направление. Попытки выскочить из этих двух

коренных направлений в философии не содержат в себе ничего, кроме «примиренческого шарлатанства»[1].

Во всяком вопросе мы, сторонники материализма, против идеализма. Это потому, что мы знаем, что только в свете материалистической теории, изучающей вещи так, как они есть, без идеалистических выдумок о них, мы можем понять силы природы и общества, чтобы быть способными преобразовать общество и овладеть силами природы.

Поэтому материализм учит нас также полагаться на самих себя, на рабочий класс — на народ. Он учит нас, что нет ничего таинственного, выходящего за рамки нашего понимания, что нам нет нужды признавать то, что якобы существует как проявление воли бога, что нам следует с презрением отвергать «авторитетные» учения тех, кто выдает себя за наших учителей, и что мы можем сами понять природу и общество так, что сможем изменить их.

Мы ненавидим идеализм, так как под покровом высокопарных разговоров он проповедует подчинение человека человеку и умаляет силы человечества.

Максим Горький выразил материалистическую уверенность в силах человечества, когда он писал:

«Для меня не существует идеи вне человека, для меня именно он и только он является творцом всех вещей и всех идей, именно он — чудотворец и в будущем владыка всех сил природы. Самое прекрасное в нашем мире то, что создано трудом, умной человеческой рукой, и все наши мысли, все идеи возникают из трудового процесса...

И если уж надобно говорить о “священном”, — так священно только недовольство человека самим собой и его стремление быть лучше, чем он есть; священна его ненависть ко всякому житейскому хламу, созданному им же самим; священно его желание уничтожить на земле зависть, жадность, преступления, болезни, войны и всякую вражду среди людей, священен его труд»[2].

---

1 В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 321, 323, 324, 325–326.

2 М. Горький, О литературе, изд. «Советский писатель», М., 1953, стр. 334.

Глава III

МЕХАНИСТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ

Одним из видов материализма прошлого является механистический материализм, созданный революционной буржуазией. Он воспринял материалистическое представление древности о том, что мир состоит из неизменных материальных частиц (атомов), в результате взаимодействия которых возникают все явления природы, и пытался далее представить действия природных вещей по типу действий машины.

В свое время механистический материализм был прогрессивным и революционным учением. Но у него есть три крупных недостатка: 1) он в конечном счете приводит к понятию «верховного существа», которое дало миру движение; 2) он стремится свести все процессы к одному и тому же кругу механических взаимодействий и поэтому не может объяснить развития, возникновения новых качеств, возникновения процессов нового типа в природе; 3) он не может объяснить развития общества, дать объяснение общественной деятельности людей и ведет к абстрактному представлению о человеческой природе.

Изменение мира. Как понимать это изменение

До Карла Маркса материализм был по преимуществу *механистическим*.

Часто приходится слышать жалобы на то, что материалисты пытаются все в мире, включая жизнь и разум, свести к системе бездушного механизма, к простому механическому взаимодействию тел. Этот упрек относится к механистическому материализму. Марксистский же материализм является не механистическим, а диалектическим. Чтобы понять, что это означает, надо сначала понять некоторые особенности самого механистического материализма.

К решению этой проблемы можно подойти, задав вопрос: каким образом материалисты пытались понять различные процессы и изменения, повсеместно наблюдаемые в мире?

Мир полон изменений. Ночь сменяет день, а день — ночь; времена года следуют одно за другим; люди рождаются, стареют и умирают. Любая философская система признает изменение как всюду существующий факт. Вопрос в том, как понимать повсюду наблюдаемые изменения?

Прежде всего изменения можно понимать идеалистически или материалистически. Идеализм связывает всякое изменение с какой-нибудь идеей или целью — если не человеческой, то бо-

жественной. Таким образом, для идеализма изменения в материальном мире в конечном счете порождаются и осуществляются чем-то находящимся вне материи, чем-то не материальным, не подчиненным законам материального мира.

Материализм же связывает всякое изменение с материальными причинами. Иными словами, он стремится объяснить то, что происходит в материальном мире, исходя из самого материального мира.

Но, хотя все признают наличие изменений, поскольку их невозможно игнорировать, философы все же пытались найти что-то такое, что не изменяется, — нечто постоянное, неизменное, находящееся вне или внутри того, что изменяется.

Этот взгляд обычно является существенной составной частью идеологии эксплуататорского класса. Эксплуататоры боятся изменений, так как боятся, что они тоже могут быть сметены в результате таких изменений. Поэтому они всегда ищут чего-нибудь прочного и устойчивого, не подверженного изменению. И с этим неизменным они, так сказать, пытаются связать свою собственную судьбу.

К этому же стремились и ранние материалисты. За всеми сменяющимися явлениями они искали чего-то такого, что никогда не изменяется. Но в то время как идеалисты искали вечное и неизменное в области духа, эти материалисты искали его в самом материальном мире. И они нашли его в конечной материальной частице — вечном и неразрушимом атоме.

Следовательно, согласно этим материалистам, все *изменения* являются результатом движения и взаимодействия *неизменных* атомов.

Это очень древняя теория, выдвинутая около 2000 лет назад в Греции и еще ранее в Индии и Китае.

В свое время это была очень прогрессивная теория, она являлась грозным оружием в борьбе против идеализма и суеверий. Например, римский поэт Лукреций Кар объяснял в своей философской поэме «О природе вещей», что целью атомистической теории греческого философа Эпикура было показать, «откуда являются вещи и каким образом все происходит без помощи свыше»[1].

Так возник материализм, который считал, что мир состоит из твердых, непроницаемых материальных частиц и что движение и взаимодействие этих частиц являются единственной причиной всякого изменения.

Эта теория была возрождена в новое время. В XVI и XVII вв. философы и ученые в борьбе против феодальной, католической философии обратились к ней. Но этот материализм нового времени по содержанию оказался намного богаче древнего, потому что он

[1] Лукреций, О природе вещей, книга I, изд. АН СССР, 1945, стр. 156.

пытался выяснить, каковы законы взаимодействия материальных частиц, и, таким образом, составить картину того, как все явления, от простых физических изменений до человеческой жизни, возникают в результате движения и взаимодействия отдельных частей материи. Таким образом, к XVIII в. появились характерные для нового времени теории механистического материализма.

Буржуазная философия

Механистический материализм явился, по сути дела, идеологией, способом теоретического мышления поднимающейся буржуазии. Для того чтобы правильно его понять, мы должны прежде всего понять то, что он возник и развился в противовес феодальной идеологии, что основным предметом его критики были феодальные идеи, что на деле он был самой радикальной формой буржуазной оппозиции феодальному мировоззрению.

В период подъема буржуазии были разбиты феодальные общественные отношения и феодальные идеи, воплощенные в католической философии, которая освящала эти феодальные общественные отношения.

Феодальная система, экономическая основа которой заключалась в эксплуатации крепостных крестьян феодальными собственниками, включала сложные общественные отношения вассальной зависимости и субординации. Все это находило отражение не только в социальной и политической философии, но также в философии природы.

Для философии природы феодального периода было характерно то, что каждое явление в природе объясняли, исходя из его собственного места в системе вселенной, исходя из его предполагаемого положения зависимости и подчинения в этой системе и конечных целей, служить которым оно было предназначено.

Буржуазные философы и ученые разрушили эти феодальные представления о природе. Они рассматривали ее как систему тел, находящихся во взаимодействии, и, отвергая все феодальные догмы, призывали к исследованию природы с целью раскрыть ее действительный механизм.

Исследование природы шло рука об руку с географическими открытиями, развитием торговли и транспорта, совершенствованием машин и мануфактурного производства. Самые крупные успехи были достигнуты в механических науках, которые, так сказать, непосредственно связаны с потребностями технологии. Это привело к тому, что материалистическая теория была обогащена в результате научного исследования природы, в особенности достижениями в различных областях механики.

Это определило как силу, так и слабость, как достижения, так и ограниченность материалистической теории.

Энгельс пишет, что эту теорию толкало вперед «главным образом мощное, все более быстрое и все более бурное развитие естествознания и промышленности». Но она оставалась преимущественно механической, потому что только механические науки достигли высокой степени развития. Ее «своеобразную, но неизбежную тогда ограниченность» вызывало «исключительное приложение масштаба механики к процессам химической и органической природы»[1].

Механистический способ понимания природы, однако, возник не просто в силу того факта, что в то время наука была представлена лишь одной механикой, которая достигла значительных успехов. Он глубоко коренился в классовых воззрениях наиболее прогрессивных буржуазных философов, а это вело к тому, что они черпали вдохновение только в механических науках.

Точно так же, как буржуазия, свергая феодальное общество, отстаивала индивидуальную свободу, равенство и развитие свободного рынка, наиболее прогрессивные философы буржуазии — материалисты, — низвергая феодальные идеи, провозгласили, что мир состоит из отдельных материальных частиц, взаимодействующих друг с другом по законам механики.

Это учение о природе — теория природы — отражало буржуазные общественные отношения не в меньшей степени, чем теории, которым оно пришло на смену, отражали феодальные общественные отношения. Но точно так же, как новые буржуазные общественные отношения разорвали феодальные оковы и дали начало новому грандиозному развитию производительных сил, соответствующие им буржуазные взгляды на природу опрокинули препятствия, воздвигнутые феодальными воззрениями на пути научного исследования, и дали начало новому грандиозному развитию научного исследования.

Казалось, что философские взгляды находили подтверждение в науке, а наука доставляла материал для развития и детальной разработки философских взглядов.

Мир и машина

Мир — так думали механистические материалисты — состоит из одних лишь частиц материи, находящихся во взаимодействии. Каждая частица обладает существованием, отдельным и отличным от любой другой частицы, в их совокупности они образуют мир; совокупность их взаимодействий образует совокупность всего свершающегося в мире; эти взаимодействия являются взаимодействиями механического типа, то есть они состоят просто во внешнем воздействии одной частицы на другую.

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, с. 352, 354.

Это все равно, что считать мир в целом не чем иным, как сложным агрегатом механизмов, машиной.

С этой точки зрения вопрос, который можно поставить о природе, равносилен вопросу, который можно поставить о машине, — каков ее механизм, как она действует?

Примером этого является изображение Ньютоном солнечной системы. Ньютон разделял тот же самый общий взгляд, что и греческий материалист Эпикур, поскольку он думал, что материальный мир состоит из частиц, движущихся в пустом пространстве. Но что касается отдельных явлений природы, таких, как движение Солнца и планет, то Эпикур ни в какой степени не ставил задачей дать точное их описание. Например, о видимом движении Солнца в небе с востока на запад Эпикур говорил, что важно было понять то, что Солнце не является богом, а лишь совокупностью атомов: не было необходимости в объяснении действительного механизма их движения. Он говорил, что, может быть, Солнце все время движется вокруг Земли, но, может быть, оно распадается, и его атомы каждую ночь разделяются, так что на следующее утро мы видим «новое солнце»: для него подобные вопросы были попросту неважны. Ньютон же, напротив, стремился дать точное описание действия солнечной системы, объяснить ее механизм с помощью силы тяжести и механических сил.

Но точно так же, как Эпикур не интересовался действием солнечной системы, Ньютон не интересовался тем, как она возникла и как она развивалась. Он принял ее как данную устойчивую совокупность механизмов, созданную, быть может, богом. Он занимался выяснением вопроса не о том, как она возникла и как она развивалась, а о том, как она действовала.

Тот же самый механический подход проявился в открытии кровообращения Гарвеем. Сущность его открытия состоит в том, что он показал механизм кровообращения. Причем он рассматривал сердце как насос, который гонит кровь из сердца по артериям так, что она возвращается обратно по венам, а вся система регулируется серией клапанов.

Чтобы лучше понять механистическое мировоззрение, поставим вопрос: что такое механизм, чем характеризуется механизм?

а) Механизм состоит из неизменных частей, составляющих целое; б) требуется движущая сила, чтобы привести его в движение; в) раз он приведен в движение, то его части взаимодействуют и приводят к определенным результатам в соответствии с законами, которые могут быть с точностью установлены.

Рассмотрим, например, такой механизм, как часы. а) Он состоит из некоторого числа различных частей — зубьев, рычагов и т. д., тщательно подогнанных друг к другу. б) Их нужно заводить. в) Далее, по мере того, как раскручивается пружина, части

взаимодействуют по законам, в точности известным часовщикам, приводя к регулярному движению стрелок циферблата.

Далее, чтобы знать, как действует механизм, подобный часам, его нужно разобрать, установить, каковы его части, как они соединены воедино и как путем взаимодействия, раз механизм приведен в движение приложением требуемой движущей силы, они создают общее движение, характеризующее механизм в действии.

Именно так механистические материалисты рассматривали природу. Они стремились разложить природу, найти ее конечные составные части, выяснить то, как они соединены вместе и каким образом их взаимодействие производит все воспринимаемые нами изменения, все явления мира. Более того, установив, как механизм действует, они стремились найти способ исправить, улучшить, изменить его и заставить его приводить к новым результатам, соответствующим потребностям человека.

Сила и достижения механистического материализма

Механистический материализм был важной вехой в истории познания природы. Он явился крупным шагом вперед, сделанным буржуазными мыслителями, ударом, нанесенным ими по идеалистической философии.

Механисты были последовательны в своем материализме, поскольку они вели прогрессивную борьбу против идеализма и поповщины, пытаясь распространить на область мышления и общества те же самые механистические представления, из которых они исходили при научном исследовании природы. Они стремились включить человека и всю его духовную деятельность в механистическую систему естественного мира.

Наиболее радикальные механисты не только физические процессы и не только растительную и животную жизнь, но и самого человека рассматривали как машину. Уже в XVII в. великий французский философ Декарт утверждал, что все животные являются сложными машинами-автоматами, но человек отличен от них, потому что он обладает душой. А в XVIII в. последователь Декарта врач Ламетри написал книгу с интригующим названием «Человек—машина». Люди тоже являются машинами, говорил он, но только очень сложными. На это учение смотрели, как на нечто исключительно ужасное, как на страшное оскорбление человеческой природы, не говоря уже о боге. Все же в свое время это был прогрессивный взгляд на человека. Тот взгляд, что люди являются машинами, был шагом вперед в понимании природы человека по сравнению с тем взглядом, что они — жалкие куски плоти, в которых обитают бессмертные души; этот взгляд был также сравнительно более человечным.

Например, великий английский материалист и утопический социалист Роберт Оуэн говорил, обращаясь к святошам-капиталистам своего времени:

«Опыт научил вас, как различны результаты, получаемые от механизма, содержащегося в исправности, чистоте, хорошо приноровленного, и от механизма, находящегося в грязи, беспорядке, в котором не предупреждают излишнего трения... Если вы можете получить такие благодетельные результаты от должной заботы о ваших неодушевленных машинах, то каких же выгод можно ожидать, если вы обратите одинаковое внимание и на живые машины, организованные несравненно лучше»[1].

Однако этот гуманизм был в лучшем случае буржуазным гуманизмом. Как и весь механистический материализм, он коренился в классовых воззрениях буржуазии. Точка зрения, что человек является машиной, коренится в том взгляде, что в производстве человек является простым придатком машины. И если, с одной стороны, это означает, что за человеческой машиной должен быть хороший уход и она должна содержаться в хороших условиях, то, с другой стороны, это равно означает, что для этой цели должно тратиться не больше того, чем строго необходимо требуется для содержания человеческой машины в пригодном для работы состоянии.

Слабость и ограниченность механистического материализма

Механистический материализм имел серьезные недостатки.

1) Он не мог провести материалистическую точку зрения последовательно и во всех областях.

Если мир подобен машине, то кто создал, кто привел ее в движение? Ни одна система механистического материализма в конечном счете не могла обойтись без «верховного существа», находящегося вне материального мира, даже если это «верховное существо» уже более не вмешивалось постоянно в дела мира и не поддерживало движения вещей, а только привело вещи в движение и затем наблюдало, что происходит.

Существование такого «верховного существа» постулировалось многими механистическими материалистами. А это открывает дверь идеализму.

2) Механистический материализм повсюду видит изменение. Однако, так как он всегда пытается *свести* все явления к одной и той же системе механических взаимодействий, он понимает это изменение лишь как вечное *повторение* механических процессов одних и тех же видов, как вечный цикл одних и тех же изменений.

[1] Роберт Оуэн, Новый взгляд на общество, М., 1893, стр. 66–67.

Эта ограниченность не отделима от взгляда на мир, как на машину. Потому что точно так же, как машина должна быть приводима в движение, так мир никогда не может сделать чего-либо, кроме того, что ему предназначено делать. Он не может ни измениться сам, ни создать что-либо совершенно новое. Следовательно, механистическая теория оказывается несостоятельной всякий раз, когда речь идет о том, чтобы объяснить возникновение *нового качества*. Она повсюду видит изменение, но не замечает ничего *нового*, никакого *развития*.

Различные процессы природы — например химические процессы и процессы живой материи — не могут быть в действительности все сведены к одному и тому же виду механического взаимодействия материальных частиц.

Химическое взаимодействие отличается от механического тем, что изменения, происходящие в результате химического взаимодействия, приводят к изменению качества. Например, если рассматривать механическое взаимодействие двух сталкивающихся частиц, то их качественное состояние не имеет значения, а результат выражается в изменении количества и направления движения каждой из них. Но если два химических вещества смешиваются и соединяются химически, то возникает новое вещество, качественно отличное от обоих из них. Подобным же образом с точки зрения механики тепло есть не что иное, как увеличение количества движения частиц материи. В химии же нагревание ведет к качественным изменениям.

Равным образом процессы природы не заключаются лишь в повторении одного и того же цикла механических взаимодействий; напротив, в природе существует постоянное развитие и изменение, ведущее к беспрестанному возникновению новых форм существования или, что то же самое, движения материи. Поэтому, чем более широко и последовательно категории механики применяются для объяснения природы, тем более выявляется их существенная ограниченность.

3) Еще в меньшей степени механистический материализм способен объяснить *общественное* развитие.

Механистический материализм является выражением радикального буржуазного взгляда на общество. Этот взгляд заключается в том, что общество рассматривается, как состоящее из социальных атомов, воздействующих друг на друга. С этой точки зрения не могут быть раскрыты действительные экономические и социальные причины развития общества. Поэтому великие социальные изменения кажутся результатом совершенно случайных причин. Сама человеческая деятельность представляется или механическим результатом внешних причин, или же еще — и здесь механистический материализм скатывается к идеализму — ее рассматривают как чисто стихийную и беспричинную.

Одним словом, механистический материализм не может дать объяснения общественной деятельности людей.

Механистический материализм и утопический социализм

Механистический материализм рассматривал людей совершенно абстрактно, считая каждого человека социальным атомом, наделенным от природы определенными врожденными свойствами, атрибутами и правами.

Это нашло выражение в буржуазной концепции «прав человека» и в буржуазном революционном лозунге «Все люди равны».

Но представление о правах человека нельзя вывести из абстрактной природы человека: оно определяется уровнем общества, в котором живут люди. Точно так же не являются люди тем, что они суть «от природы»: они становятся тем, чем они являются, и изменяются в результате своей общественной деятельности. Точно так же люди не равны «от природы». В противоположность буржуазной концепции абстрактного равенства, которое сводилось к чисто формальному равенству прав граждан, равенству перед законом, Маркс и Энгельс заявили, что «реальное содержание пролетарского требования равенства сводится к требованию *уничтожения классов*. Всякое требование равенства, идущее дальше этого, неизбежно приводит к нелепости»[1].

Придерживаясь своего абстрактного, механистического взгляда на людей, как на социальные атомы, прогрессивные механисты пытались решить абстрактным образом вопрос о том, какая форма общества была бы наилучшей для человечества, что лучше всего соответствовало бы абстрактной человеческой природе, такой, как они ее представляли.

Этот образ мышления был перенят социалистическими мыслителями, непосредственными предшественниками Маркса — утопическими социалистами. Утопические социалисты были механистическими материалистами. Они предлагали социализм в качестве идеального устройства общества. Они не представляли его себе как необходимый результат развития противоречий капитализма. С их точки зрения, его можно было бы предложить и осуществить в любое время, если бы только люди догадались сделать это. Они не понимали того, что социализм должен быть завоеван борьбой рабочего класса против капитализма; по их мнению, социализм мог бы быть осуществлен, когда все люди смогли бы убедиться, что он является справедливым и наилучшим образом соответствует потребностям человеческой природы. (Вот почему Роберт Оуэн призывал архиепископа Кентерберийского и королеву Викторию поддержать его социальную программу.)

---

[1] Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1953, стр. 101.

Далее, механистические материалисты — и это относится прежде всего к утопическим социалистам — считали, что то, чем является человек, его характер и деятельность, определяется его окружением и образованием. Поэтому они провозглашали, что для того, чтобы сделать людей лучше, счастливее и разумнее, нужно лишь поместить их в лучшие условия и дать им лучшее образование.

Но на это Маркс отвечает:

«Материалистическое учение о том, что люди суть продукты обстоятельств и воспитания, что, следовательно, изменившиеся люди — это продукты иных обстоятельств и измененного воспитания,— это учение забывает, что обстоятельства изменяются именно людьми и что воспитателя самого надо воспитать»[1].

Если люди являются только продуктами обстоятельств, то они находятся во власти обстоятельств. Однако, напротив, люди сами могут изменять обстоятельства. И изменение самих людей наступает не как механическое следствие измененных обстоятельств, но в ходе и в результате их собственной деятельности по изменению обстоятельств.

Итак, каковы действительные материальные общественные причины, действующие в человеческом обществе и порождающие новую деятельность, новые идеи и, следовательно, измененные обстоятельства и изменившихся людей?

Механистический материализм не мог дать ответа на этот вопрос. Он не мог ни объяснить законов общественного развития, ни показать путь изменения общества. Поэтому, хотя в свое время он и был прогрессивным и революционным учением, он не мог служить руководством в борьбе рабочего класса за изменение общества.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, стр. 384.

Глава IV

ОТ МАТЕРИАЛИЗМА МЕХАНИСТИЧЕСКОГО К МАТЕРИАЛИЗМУ ДИАЛЕКТИЧЕСКОМУ

Механистический материализм исходит из определенных догматических предпосылок: 1) что мир состоит из постоянных и устойчивых вещей, или частиц, с определенными, неизменными свойствами; 2) что частицы материи от природы являются инертными и какое-либо изменение может иметь место лишь при действии некоторой внешней причины; 3) что всякое движение, всякое изменение может быть сведено к механическому взаимодействию отдельных частиц материи; 4) что каждая частица обладает своей собственной неизменной природой, не зависимой от чего бы то ни было еще, и что отношения между отдельными вещами являются чисто внешними.

Преодолевая механицизм и выходя за пределы его догматической точки зрения, диалектическим материализм утверждает, что мир является совокупностью не вещей, а процессов, что материя неотделима от движения, что движение материи охватывает бесконечное разнообразие форм, возникающих друг из друга и переходящих друг в друга, и что вещи существуют не как отдельные индивидуальные единицы, а в неразрывной связи и взаимосвязи.

Вещи и процессы

Чтобы понять, каким образом можно преодолеть ограниченности механистического подхода, следует прежде всего рассмотреть определенные крайне догматические предпосылки, из которых исходят механистические материалисты. *Ни для одной из этих механистических предпосылок нельзя найти оправдания.* Выясняя и показывая их ошибочность, мы увидим, каким образом механистический материализм может быть превзойден.

1) Механицизм считает, что основу всякого изменения составляют постоянные и устойчивые вещи, обладающие определенными, неизменными свойствами.

Таким образом, для механистов мир состоит из неделимых и неразрушимых материальных частиц, которые, взаимодействуя, проявляют такие свойства, как положение, масса, скорость.

Согласно механицизму, если бы можно было установить положение, массу и скорость каждой частицы в данный момент времени, то этим было бы сказано все, что можно было сказать о мире в данное время, и было бы возможно, пользуясь законами механики, предсказать все, что должно будет случиться впоследствии.

Это — первое исходное догматическое положение механицизма. Но мы должны отвергнуть его, потому что мир состоит не из *вещей*, он состоит из *процессов*, в которых вещи возникают и исчезают.

«...мир состоит не из готовых, законченных *вещей*, — пишет Энгельс, — а представляет собой совокупность *процессов*, в которой вещи, кажущиеся неизменными, равно как и делаемые головой мысленные их снимки, понятия, находятся в беспрерывном изменении, то возникают, то уничтожаются»[1].

В самом деле, именно этому учат нас новейшие достижения науки. Так, атом, считавшийся когда-то вечным и неделимым, был разложен на электроны, протоны и нейтроны; и сами они не являются «элементарными частицами» в каком-либо абсолютном смысле слова, то есть они не в большей степени вечны и неразрушимы, чем атом; напротив, наука все более и более показывает, что они также возникают, уничтожаются и претерпевают многие изменения.

Основой всего являются не «вещь» и не «частица», а бесконечные *процессы* природы, в которых *вещи* находятся в «беспрерывном изменении, то возникают, то уничтожаются». И, более того, естественный процесс бесконечен: всегда будут существовать новые стороны, подлежащие раскрытию, и его нельзя свести к каким-либо *конечным* составным частям. «Электрон так же *неисчерпаем*, как и атом, природа бесконечна»[2], — писал Ленин.

Точно так же при изучении общества нельзя понять данного общества, исходя лишь из некоторой совокупности институтов, в которые и посредством которых организованы отдельные индивиды. Для этого нужно изучать происходящие общественные процессы, в ходе которых изменяются как институты, так и люди.

Материя и движение

2) Второе догматическое положение механицизма состоит в том, что изменение может быть лишь результатом действия некоторой внешней причины.

Подобно тому, как ни одна часть машины не приходит в движение, если на нее не действует и не заставляет ее двигаться другая часть машины, — подобно этому и механицизм считает материю инертной, лишенной движения, или, точнее, самодвижения. Согласно механицизму, ничто никогда не движется, если только что-то другое не толкает или не тянет его, ничто никогда не изменяется без вмешательства чего-либо другого.

---

1 К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, стр. 368.
2 В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 249.

Не удивительно, что, рассматривая материю подобным образом, механисты вынуждены были признавать существование «верховного существа», давшего материи «первоначальный толчок».

Но мы должны отвергнуть это безжизненное, мертвое учение о материи.

Это учение отделяет материю от движения: материя мыслится как пассивная масса, так что движение всегда должно вноситься в материю извне. Дело, однако, обстоит как раз наоборот; нельзя отделить движение от материи. Движение, по словам Энгельса, есть форма бытия материи.

«*Движение есть форма бытия материи*. Нигде и никогда не бывало и не может быть материи без движения. Движение в мировом пространстве, механическое движение менее значительных масс на отдельных небесных телах, колебание молекул в качестве теплоты или в качестве электрического и магнитного тока, химическое разложение и соединение, органическая жизнь — вот те формы движения, в которых — в одной или в нескольких сразу — находится каждый отдельный атом вещества в мире в каждый данный момент. Всякий покой, всякое равновесие только относительны, они имеют смысл только по отношению к той или другой определенной форме движения. Так, например, известное тело может находиться на земле в состоянии механического равновесия, т. е. в механическом смысле — в состоянии покоя, но это не мешает тому, чтобы данное тело принимало участие в движении земли и в движении всей солнечной системы, как это совершенно не мешает его мельчайшим физическим частицам совершать обусловленные его температурой колебания или же атомам его вещества — совершать известный химический процесс. Материя без движения так же немыслима, как и движение без материи»[1].

Материя далеко не пассивна, не безжизненна и не инертна. Она по самой своей природе находится в процессе постоянного изменения и движения. Раз мы это поняли, отпадает надобность в «первом толчке». Движение, как и материя, никогда не имело начала.

Представление о неразрывной связи материи и движения, понимание того, что движение есть форма бытия материи, дает возможность ответить на ряд труднейших вопросов, которые обычно навязчиво возникают в умах людей, когда они рассуждают о материализме, и которые заставляют их покидать материализм и искать у попов разъяснения «конечной» истины относительно мира.

Был ли мир сотворен «верховным существом»? Каково происхождение материи? Каково происхождение движения? Что явля-

---

[1] Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 56—57.

ется первоначалом всего сущего? Что есть первопричина? Вопросы такого рода приводят людей в затруднение.

Можно дать ответы на эти вопросы.

Нет, мир не был сотворен «верховным существом». Любое особое строение материи, любой особый процесс движущейся материи имеет происхождение и начало — они порождены каким-либо предшествующим строением материи, каким-либо предшествующим процессом движущейся материи. Но движущаяся материя не имеет ни происхождения, ни начала.

Наука учит, что материя и движение неразрывны. Какими бы статичными ни казались нам некоторые вещи, в них имеется постоянное движение. Атом, например, сохраняет тождество с самим собой лишь посредством постоянного движения своих частей.

Таким образом, при изучении причин изменения следует искать не только внешние его причины, но прежде всего следует искать источник движения в самом процессе, в его собственном самодвижении, во внутренних импульсах развития, содержащихся в самих вещах.

Так, при изучении причин общественного развития и его законов не следует рассматривать общественные изменения как результат действий великих людей, которые навязывают свои высшие идеи и волю инертной массе общества, или как результат стечения случайных обстоятельств или действия внешних факторов, но как результат развития внутренних сил самого общества, а это значит: развития общественных производительных сил.

Таким образом, в отличие от утопистов мы считаем, что социализм будет осуществлен не в результате мечтаний реформаторов, а в результате развития самого капиталистического общества, внутри себя содержащего причины, которые с неизбежностью должны привести его к концу и к социалистической революции.

Формы движения материи

3) Третье догматическое положение механицизма состоит в том, что механическое движение частиц, т. е. простое перемещение частиц в результате действия на них внешних сил, рассматривается как конечная, основная форма движения материи и считается, что все изменения, все свершающееся в мире может быть сведено к такому механическому движению частиц и объяснено посредством него.

Таким образом, все движение материи сводится к простому механическому движению. Все изменяющиеся качества, которые мы находим в материи, являются не чем иным, как проявлениями основного механического движения материи. Как бы ни были разнообразны эти проявления, какие бы новые и высшие формы развития, казалось, ни возникали, все они должны быть сведены к од-

ному и тому же — вечному повторению механического взаимодействия отдельных частей материи.

Трудно найти какое-либо оправдание для такого предположения. В материальном мире существуют различные типы процессов, которые представляют собой различные формы движения материи. Но их никоим образом нельзя свести к одной и той же (механической) форме движения.

«Движение, рассматриваемое в самом общем смысле слова, т. е. понимаемое как форма бытия материи, как внутренне присущий материи атрибут, обнимает собою все происходящие во вселенной изменения и процессы, начиная от простого перемещения и кончая мышлением. Само собою разумеется, что изучение природы движения должно было исходить от низших, простейших форм его и должно было научиться понимать их прежде, чем могло дать что-нибудь для объяснения высших и более сложных форм его»[1].

Простейшей формой движения является простое перемещение тел, законы которого изучает механика. Но это не значит, что все движение может быть сведено к этой простейшей форме движения. Это скорее значит, что нужно изучать, каким образом из этой простейшей формы движения возникают и развиваются все высшие формы движения «от простого перемещения и кончая мышлением».

Одна форма движения превращается в другую и возникает из другой. Высшая и более сложная форма движения не может существовать без низшей и более простой формы, но это не значит, что она может быть сведена к этой более простой форме. Она неотделима от более простой формы, но этим не исчерпывается ее сущность. Например, мышление, происходящее в наших головах, неотделимо от химического, электрического и т. д. движения, происходящего в сером веществе мозга, но его нельзя свести к этому движению, этим не исчерпывается его сущность.

Однако *материалистическую* точку зрения, отвергающую механистическое представление о том, что все формы движения материи можно свести к механическому движению, не следует смешивать с *идеалистическим* представлением о том, что возникновение высших форм движения нельзя объяснить развитием из низших форм. Например, идеалисты утверждают, что жизнь как форму движения материи невозможно вывести из каких-либо процессов, присущих неживой материи. По их мнению, жизнь может возникнуть лишь путем внесения извне в материальную систему чего-то таинственного — «жизненной силы». Но утверждение о том, что высшая форма движения не может быть сведена к низшей форме, не означает, что эта высшая форма не может возникнуть из низшей

[1] Ф. Энгельс, Диалектика природы, Госполитиздат, 1953, стр. 44.

в ходе развития последней. Так, материалисты всегда будут утверждать, что жизнь, например, появляется на определенной ступени развития более сложных форм неживой материи и возникает в результате этого развития, а не в результате внесения в неживую материю таинственной «жизненной силы». В данной области задачей науки еще остается показать экспериментально, каким образом происходит переход от неживой материи к живой.

Таким образом, механистическая программа сведения всего движения материи к простому механическому движению должна быть отвергнута. Скорее мы должны изучать все бесконечно разнообразные формы движения материи в их превращениях друг в друга и как они возникают друг из друга — сложные из простых, высшие из низших.

Что касается общественных явлений, то никто еще не пытался показать, каким путем социальные изменения можно объяснить механическим взаимодействием атомов, составляющих тела различных членов общества, хотя такая попытка была бы логическим завершением механистической программы. Но нечто подобное пытается сделать механистическая теория, известная под названием «экономический детерминизм». Согласно этой теории, все общественное движение должно быть объяснено экономическими изменениями, происходящими в обществе: все определяющие факторы социального изменения исчерпаны, когда описан экономический процесс. Это пример механистической программы сведения сложного движения к одной простой форме: процесса социального изменения, включающего все политическое, культурное и идеологическое развитие, к простому экономическому процессу. Но задачу объяснения общественного развития нельзя осуществить, пытаясь свести все движение к экономическому процессу. Задача состоит скорее в том, чтобы показать, как на основе экономического процесса возникают и играют свою роль в сложном общественном движении все разнообразные формы общественной деятельности.

Вещи и их взаимосвязь

4) Последнее догматическое положение механицизма, о котором следует упомянуть, сводится к следующему. Считают, что каждая из вещей или частиц, взаимодействие которых, как предполагают, производит всю совокупность событий во вселенной, обладает своей собственной неизменной природой, совершенно независимой от всего остального. Другими словами, считают, что каждую вещь можно рассматривать как существующую отдельно от других вещей, как независимую единицу.

Если исходить из этого предположения, то это значит считать, что все отношения между вещами являются чисто внешними отно-

шениями. Это значит утверждать, что вещи вступают друг с другом в разнообразные отношения, но эти отношения являются случайными и безразличными для природы соотносящихся вещей.

И если каждая вещь рассматривается как отдельная единица, вступающая во внешние отношения с другими вещами, то, следовательно, механицизм рассматривает целое лишь как сумму его отдельных частей. Согласно этому взгляду, свойства и законы развития целого определяются исключительно лишь свойствами всех его частей.

Ни одно из этих положений не является правильным. Ничто не существует и не может существовать в исключительной изоляции, отдельно от своих условий существования, независимо от своих взаимоотношений с другими вещами. Вещи возникают, существуют и уничтожаются не каждая независимо от всех других вещей, но каждая в ее отношении к другим вещам. Сама природа вещи видоизменяется и преобразуется через ее отношения к другим вещам. Когда вещи вступают в такие отношения, что они становятся частями целого, то целое нельзя считать лишь общей суммой частей. Верно, что целое не существует отдельно и независимо от своих частей. Но взаимные отношения, в которые части вступают, образуя целое, изменяют их собственные свойства, так что если можно сказать, что целое определяется частями, то равным образом можно сказать, что части определяются целым.

Наконец, само развитие науки еще раз показывает несостоятельность старых механистических положений. Эти положения имеют силу лишь в очень узкой области — при изучении механических взаимодействий дискретных (раздельных) частиц. В физике они были опровергнуты уже развитием исследований электромагнитного поля. Еще менее приемлемы они в биологии при изучении живой материи. И еще менее они приемлемы при изучении человека и общества. Нельзя понять общественный процесс, что всегда пытаются сделать механисты, рассматривая его просто как результат системы неизменных, характерных черт «человеческой природы». Ибо «человеческая природа» всегда обусловлена и всегда изменяется в связи с изменением в человеческих общественных отношениях.

Преодоление ограниченности механистического материализма

Когда мы рассматриваем и отвергаем эти положения механистического материализма, мы, следовательно, начинаем сознавать необходимость в материалистическом учении другого, нового типа — в материализме, который преодолевает слабости и узкие, догматические положения механицизма.

Именно таким является диалектический материализм.

Диалектический материализм рассматривает мир не как совокупность законченных вещей, а как совокупность процессов, в которых все вещи подвержены непрерывному изменению: возникновению и уничтожению.

Диалектический материализм считает, что материя постоянно находится в движении, что движение есть форма бытия материи, так что материя не в большей степени может существовать без движения, чем движение без материи. Нет никакой надобности, чтобы движение вносилось в материю какой-то внешней силой; прежде всего необходимо искать внутренние источники развития, самодвижения, которые присущи всем процессам.

Диалектический материализм понимает под движением материи то, что включает в себя все изменения и процессы во вселенной, от простого перемещения и кончая мышлением. Следовательно, он признает бесконечное разнообразие форм движения материи, превращение этих форм друг в друга, их развитие от простых к сложным, от низших к высшим.

Диалектический материализм считает, что в многообразных процессах, происходящих во вселенной, вещи возникают, изменяются и уничтожаются не как отдельные, индивидуальные единицы, но в существенных взаимоотношениях и во взаимосвязи, поэтому они не могут быть поняты в их оторванности и обособленности, но лишь в их отношении и взаимосвязи.

В диалектическом материализме, следовательно, материалистическое учение становится неизмеримо более богатым по содержанию, более исчерпывающим, чем предшествующий механистический материализм.

Глава V

ДИАЛЕКТИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ О РАЗВИТИИ

В то время как ранее философские учения считали, что вселенная остается всегда в сущности одной и той же, вечным кругом тех же самых процессов, наука указала на факт эволюции. Но, признавая факт эволюционного развития, буржуазные мыслители попытались понять и объяснить его на фантастический, идеалистический лад. Они понимали развитие как всегда гладкий, постепенный процесс, не признавая перерывов постепенности, скачков от одного состояния к другому.

Следуя идеям Гегеля, восприняв революционную сторону его философии и в то же время освободив ее от идеалистической шелухи, Маркс и Энгельс создали диалектико-материалистическое учение о развитии. Ключ к пониманию развития в природе и обществе и к пониманию скачков и перерывов постепенности, которые характеризуют всякое действительное развитие, лежит в признании внутренних противоречий и противоположных борющихся тенденций, действующих во всех процессах.

Это открытие Маркса и Энгельса явилось революцией в философии и превратило ее в революционное оружие трудящихся, в метод познания мира с целью его изменения.

Идея эволюции

Мы видели, что преодоление механистической точки зрения, осуществленное диалектическим материализмом, основывается на развитии науки и полностью им подтверждается. Действительно, прогресс самой науки разрушил в целом представление о вселенной, которого придерживались механистические материалисты.

Согласно этому представлению, вселенная всегда остается, по существу, той же самой. Это — огромная машина, которая всегда делает одно и то же, продолжает вырабатывать одни и те же продукты, движется в вечном круге одних и тех же процессов.

Так, привыкли думать, что звезды и солнечная система всегда остаются теми же самыми и что Земля с ее материками и океанами, растениями и животными, населяющими их, также всегда остается той же самой.

Но это представление уступило дорогу учению об эволюции, которое вторглось во все области исследования без исключения. Наука не развивается изолированно от общества в целом, и это широкое применение идеи эволюции вызвано не просто

ее подтверждением в научной теории, но также обусловлено ее популярностью среди новых поднимающихся сил промышленного капитализма, которые сами покровительствовали науке.

«Буржуазия не может существовать, не вызывая постоянно переворотов в орудиях производства, не революционизируя, следовательно, производственных отношений, а стало быть, и всей совокупности общественных отношений. Напротив, первым условием существования всех прежних промышленных классов было неизменное сохранение старого способа производства. Беспрестанные перевороты в производстве, непрерывное потрясение всех общественных отношений, вечная неуверенность и движение отличают буржуазную эпоху от всех предшествовавших»[1].

Промышленные капиталисты считали себя носителями прогресса. И так же, как они считали прогресс законом капитализма, — они считали его законом всей вселенной.

Так возникает возможность огромного шага вперед в научной картине вселенной. Мы обнаруживаем, что развивающаяся картина вселенной — не статична, не остается всегда одной и той же, а находится в непрестанном прогрессивном развитии.

Выяснилось, что звезды существовали не всегда — они образовались из скоплений рассеянного газа.

Однажды образовавшись, вся звездная система, со всеми входящими в нее звездами, шаг за шагом претерпевает эволюционный процесс.

Вокруг некоторых звезд, подобно тому, как это было с нашим Солнцем, возникают планеты, и они становятся своеобразными солнечными системами. Так возникла Земля. По мере охлаждения поверхности Земли образовались определенные химические соединения. Такие химические соединения не могли образоваться при высокой температуре звезд.

Так материя начала проявлять новые свойства, отсутствовавшие у нее раньше, — свойства химического соединения.

Затем из сложных связей углеродных атомов образовались органические соединения. А из органической материи возникли первые тела, которые стали проявлять свойства жизни, живой материи. Снова возникли новые свойства материи — свойства живой материи.

Живые организмы претерпели длительную эволюцию, приведшую в конечном счете к появлению человека. Вместе с человеком родилось человеческое общество. И снова возникли новые процессы с новыми законами: законами общества и законами мышления.

Что будет дальше?

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. I, стр. 11—12.

Буржуазная наука не может показать, что будет дальше. Здесь ее предел, так как буржуазная наука не может предположить конец капитализма. Но социалистическая наука показывает, что самому человеку предстоит начать новую фазу развития — коммунистическое общество, в котором весь социальный процесс будет подчинен его собственному сознательному, планомерному руководству.

Все вышеизложенное представляет собой историю развития материальной вселенной.

Можно сказать, что, за исключением последнего пункта, все это общеизвестно. Буржуазным мыслителям известно это не хуже, чем марксистам, хотя они об этом часто забывают. Но марксизм настаивает не только на том факте, что все в мире находится в процессе развития. Открытие марксизма состоит в том, что он выяснил, каким образом материалистически понять и объяснить это развитие. Это означало, что марксизм открыл законы материалистической диалектики. Вот почему только марксизм способен дать полное научное объяснение развития и указать путь будущего развития.

Именно в этом заключается смысл великого открытия Маркса, которое показало, как понимать материалистически изменение и развитие и, следовательно, как стать хозяевами будущего.

Идеалистические представления об изменении и развитии

Каким образом буржуазные мыслители пытались объяснить обнаруженное ими всеобщее изменение и развитие?

Рассмотрим, что утверждали некоторые из них на протяжении более века.

Гегель говорил, что весь процесс развития, происходящий в истории, был вызван осуществлением абсолютной идеи в истории. Герберт Спенсер говорил, что все развитие представляет собой процесс возрастания «интеграции материи», и считал его причиной некую, как он выражался, «непостижимую и вездесущую силу». Анри Бергсон говорил, что все сущее представляет собой процесс эволюции, вызываемый деятельностью «жизненной силы». Совсем недавно школа английских философов пустила в обращение фразу «эмерджентная эволюция». Философы этой школы указывали, что в ходе развития постоянно возникают, одно за другим, новые качества материи. Но по вопросу о том, почему это развитие должно происходить именно так, один из вождей этой школы, профессор Самюэл Александер, заявил, что это необъяснимо и должно быть принято «с естественной верой», тогда как другой из ее вождей, профессор Ллойд Морган, утверждал, что это должно быть следст-

вием действующей в мире некоей имманентной силы, которую он отождествлял с богом.

Таким образом, всякий раз, когда было нужно объяснить развитие, обращались к фантазии, к чему-то необъяснимому и непредсказуемому. И точно так же, когда они рассуждали о будущем, все эти буржуазные философы эволюции или утверждали, подобно Гегелю, что развитие в данный момент закончилось (Гегель учил, что абсолютная идея полностью осуществлена в прусском государстве, видным чиновником которого он был), или же считали будущее непознаваемым.

В настоящее время они начинают терять всякую надежду и рассматривают все — прошлое, настоящее и будущее — как непостижимое, как следствие действия таких сил, которые никто и никогда не может понять и контролировать.

Та же история имеет место в других науках. В космогонии, изучающей эволюцию звезд, обращаются к сверхъестественному творцу, считая его положившим начало этому процессу. Биологи, изучающие развитие органической жизни, обращаются к ряду непредсказуемых случаев (произвольные мутации генов), как основе процесса в целом.

Однако подобные представления являются ненаучными. Почему? Эти представления являются ненаучными потому, что их сторонники утверждают, что процессы, которые они, как предполагается, изучают, происходят без всякой причины. Верно, что это утверждение часто делается под покровом «научной» объективности и скромности: открыто не говорится, что не существует никакой причины, а утверждается лишь то, что в настоящее время у нас нет путей к установлению того, какова эта причина, если она вообще существует. Но такие оговорки не меняют существа рассматриваемых теорий, потому что факт остается фактом; говорить ли, что материя была создана, что мутации совершаются самопроизвольно, или же признавать возможность существования чего-либо без причины, без всякой причины, которую можно установить, — это одно и то же. Такие утверждения не заслуживают даже того, чтобы быть названными предварительными научными гипотезами, они являются просто-напросто идеалистическими выдумками, фантазиями... Наука может не знать еще, почему что-либо происходит, но утверждать, что это происходит без всякой причины, значит отречься от науки.

Вторым пороком эволюционных идей большинства буржуазных мыслителей является то, что они рассматривают процесс развития как гладкий, постепенный и непрерывный процесс. Они считают, что процесс перехода от одной стадии развития к другой происходит через ряд переходных градаций, без борьбы и какого-либо перерыва постепенности.

Но постепенность не является законом развития. Напротив, периоды гладкого, постепенного эволюционного развития прерываются внезапными и резкими изменениями. Новая стадия развития наступает, когда созрели для нее условия, путем перерыва постепенности, путем скачка от одного состояния к другому.

Гегель первый указал на это.

Он замечает, что с каждым периодом перехода дело обстоит «подобно тому, как у ребенка после продолжительного спокойного питания первое вдыхание нарушает постепенность только количественного роста, вместе с чем совершается качественный прыжок и дитя рождается»[1].

Но только Маркс последовал этому глубокому замечанию Гегеля. Что касается буржуазных мыслителей последующего периода, то хотя научные исследования и даже обычный опыт ясно показывали, что развитие не может происходить без перерыва постепенности, без резких переходов и скачков от одного состояния к другому, — они тем не менее пытались в своих общих теориях сделать непрерывную постепенность законом развития.

Это предубеждение в пользу гладкой линии развития шло рука об руку с либеральной верой, что капиталистическое общество будет развиваться гладко — через упорядоченный буржуазный прогресс, расширяющийся «от прецедента к прецеденту», как однажды выразился Теннисон. Придерживаться иного представления о развитии вообще означало бы придерживаться иного представления об общественном развитии в частности.

Учение диалектического материализма о развитии

Вопрос о материалистическом понимании и объяснении развития, то есть об объяснении в соответствии с фактами, понятыми «в их собственной, а не в какой-то фантастической связи», решен диалектическим материализмом.

Диалектический материализм рассматривает вселенную не как статичную и неизменную, а как находящуюся в постоянном процессе развития. Он рассматривает это развитие не как гладкий, постоянный и непрерывный процесс, но как процесс, в котором периоды постепенного эволюционного изменения сменяются перерывами постепенности, внезапными скачками от одного состояния к другому. И он ищет объяснения этого всеобщего развития, его движущую силу, не в выдумках идеалистической фантазии, а внутри самих материальных процессов — во внутренних противоречи-

---

1 Гегель, Феноменология духа, Предисловие, СПБ, 1913, стр. 5.

ях, борющихся противоположных силах, действующих во всяком процессе природы и общества.

Основные идеи материалистической диалектики, применяемые при рассмотрении законов развития реального, материального мира, включая общество, будут изложены в следующих главах.

Но вот как их подытоживает Ленин.

Сутью материалистической диалектики является «...признание... противоречивых, *взаимоисключающих*, противоположных тенденций во *всех* явлениях и процессах природы...» Только это «дает ключ к “самодвижению” всего сущего»; только это «дает ключ к “скачкам”, к “перерыву постепенности”, к “превращению в противоположность”, к уничтожению старого и возникновению нового».

«В собственном смысле диалектика есть изучение противоречия *в самой сущности предметов*».

«Развитие есть “борьба” противоположностей»[1].

От Гегеля к Марксу

Везде, где действует противоречие, существует источник развития.

Эту глубокую мысль впервые высказал Гегель. Но он разработал ее на идеалистический лад. Согласно Гегелю, весь процесс развития в материальном мире (мир в пространстве и времени) является не чем иным, как осуществлением абсолютной идеи, существующей вне времени и пространства. Идея развивается через ряд противоречий, и именно это идеальное развитие проявляется в материальном мире. Если пространственные и временные вещи вынуждены претерпевать ряд превращений и возникать и уничтожаться одна за другой, то это потому, что они являются лишь воплощением самопротиворечивого развития абсолютной идеи. Для Гегеля развитие реальных вещей является следствием самопротиворечивости их понятий, так как если понятие самопротиворечиво, то вещь, в которой осуществляется это понятие, не может быть устойчивой, а должна в конечном счете подвергнуть себя отрицанию и превратиться во что-то другое. Таким образом, вместо того чтобы рассматривать понятия вещей как отражение этих вещей в нашем сознании, вещи сами рассматривались как осуществление всех понятий.

Энгельс в следующих словах подводит итог материалистической критике Гегеля:

«Гегель не был просто отброшен в сторону. Наоборот, была подхвачена... революционная сторона его философии, диалектический метод. Но этот метод в его гегелевской форме был непригоден.

---

[1] В. И. Ленин, Философские тетради, стр. 327, 328, 237, 327.

У Гегеля диалектика есть саморазвитие понятия. Абсолютное понятие не только существует — неизвестно где, — от века, но и составляет истинную, животворящую душу всего существующего мира... Обнаруживающееся в природе и в истории диалектическое развитие, т. е. причинная связь того поступательного движения, которое, сквозь все зигзаги и сквозь все временные попятные шаги, пробивается от низшего к высшему, — это развитие является у Гегеля только отпечатком самодвижения понятия, вечно совершающегося неизвестно где, но, во всяком случае, совершенно независимо от всякого мыслящего человеческого мозга. Надо было устранить это идеологическое извращение. Вернувшись к материалистической точке зрения, мы снова увидели в человеческих понятиях отображения действительных вещей, вместо того чтобы в действительных вещах видеть отображения тех или иных ступеней абсолютного понятия. Диалектика сводилась этим к науке об общих законах движения как внешнего мира, так и человеческого мышления: два ряда законов, которые по сути дела тождественны, а по своему выражению различны лишь постольку, что человеческая голова может применять их сознательно, между тем как в природе — до сих пор большей частью и в человеческой истории — они пролагают себе дорогу бессознательно, в форме внешней необходимости, среди бесконечного ряда кажущихся случайностей. Таким образом, диалектика понятий сама становилась лишь сознательным отражением диалектического движения действительного мира. Вместе с этим гегелевская диалектика была перевернута, а лучше сказать — поставлена на ноги, так как прежде она стояла на голове...

Тем самым революционная сторона гегелевской философии была восстановлена и одновременно освобождена от тех идеалистических обшивок, которые у Гегеля затрудняли ее последовательное проведение»[1].

Это материалистическое понимание диалектики является ключом к тому, чтобы находить силы развития в самом материальном мире, не прибегая к внешним причинам.

Это открытие явилось результатом всего развития науки и философии.

Но прежде всего оно явилось результатом изучения законов общества — изучения, ставшего необходимым благодаря самому развитию общества. Оно явилось результатом открытия противоречий капитализма, выяснения сил общественного развития и показа тем самым пути вперед от капитализма к социализму.

Вот почему буржуазные мыслители не могут решить проблемы раскрытия реальных материальных сил развития в природе и об-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, стр. 366–367, 368.

ществе. Решить эту проблему – значит вынести капиталистической системе смертный приговор. И здесь они молчат. Решить его может лишь революционная философия авангарда революционного класса, рабочего класса.

Открытые Марксом законы материалистической диалектики показывают нам, как понимать диалектическое развитие природы. Но прежде всего они показывают, как понимать общественное изменение и как вести рабочему классу борьбу за социализм.

Это открытие означает революцию в философии. Оно означает триумф материализма над идеализмом, потому что оно покончило с ограниченностями чисто механистического материализма прошлого.

Оно также положило конец всем философским «системам». Оно превратило философию в революционное оружие трудящихся, в инструмент, в метод познания мира, так же как и его изменения.

Подводя итог основным идеям материалистической диалектики, Сталин писал: «...в жизни всегда существует *новое* и *старое*, *растущее* и *умирающее*, революционное и контрреволюционное», и то, что «...в жизни рождается и изо дня в день растёт, – неодолимо, остановить его движение вперёд невозможно. То есть, если, например, в жизни рождается пролетариат как класс и он изо дня в день растёт, то как бы слаб и малочислен ни был он **сегодня**, в конце концов он всё же победит. Почему? Потому, что он растёт, усиливается и идёт вперёд. Наоборот, то, что в жизни стареет и идёт к могиле, неизбежно должно потерпеть поражение, хотя бы оно **сегодня** представляло из себя богатырскую силу. То есть, если, например, буржуазия постепенно теряет почву под ногами и с каждым днём идёт вспять, то как бы сильна и многочисленна ни была она сегодня, в конце концов она всё же потерпит поражение»[1].

Таким образом, материалистическая диалектика Маркса указывает нам путь вперед и придает непоколебимую веру в наше дело.

[1] И. В. Сталин, Соч., т. 1, стр. 298–299.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ДИАЛЕКТИКА

Глава VI

ДИАЛЕКТИКА И МЕТАФИЗИКА

Диалектика, как метод исследования, как метод мышления, противоположна метафизике. Метафизический способ мышления имеет дело с абстракциями. Он рассматривает вещи в их обособленности, абстрагируясь от их действительных условий существования и взаимосвязей. Метафизический метод рассматривает вещи как неподвижные и застывшие, абстрагируясь от их действительного изменения и развития. Поэтому он вырабатывает неподвижные формулы и всегда выдвигает любой вопрос в форме абсолютно резких противоположностей — «или — или». Он не способен понять единство и борьбу противоположных процессов и тенденций, проявляющихся во всех явлениях природы и общества.

В отличие от метафизики цель диалектики состоит в том, чтобы проследить действительные изменения и взаимосвязь в мире и чтобы мыслить вещи всегда в их действительном движении и взаимосвязи.

Метафизический способ мышления

Диалектический материализм, мировоззрение марксистско-ленинской партии, является материалистическим по своей теории, по своему истолкованию и пониманию всего существующего, диалектическим по своему методу.

Мы видели, что материалистическое понимание противоположно идеалистическому пониманию. Далее, мы видели, что раньше материалисты истолковывали вещи на механистический лад и что механистический материализм оказался неспособным объяснить действительные процессы изменения и развития. Для этого необходима материалистическая диалектика, необходимо изучать и понимать вещи диалектически.

В самом деле, диалектический метод есть не что иное, как метод изучения и понимания вещей в их действительном изменении и развитии.

И как таковой диалектический метод противоположен *метафизическому*.

Что такое метафизика? Или точнее, что такое метафизический способ мышления, противоположностью которого является диалектический способ мышления?

По сути дела метафизика есть абстрактный способ мышления. В определенном отношении всякое мышление абстрактно, так как оно оперирует общими понятиями и по необходимости должно отвлекаться от массы отдельных и несущественных деталей. Например, если мы говорим, что «люди обладают двумя ногами», то мы рассуждаем о наличии двух ног у людей, абстрагируясь от их других свойств, таких, как обладание головой, двумя руками и т. д.; точно так же наше рассуждение относится ко всем людям вообще, отвлекаясь от индивидуальности единичных людей, Петра, Павла и т. д. Но имеются разные абстракции. Для метафизики характерно то, что она создает ложные, вводящие в заблуждение абстракции. Как говорит Энгельс, «...искусство оперировать понятиями не есть что-либо врожденное... а требует действительного мышления»[1], искусство правильного мышления требует изучения того, каким образом избегать метафизических абстракций.

Например, если мы мыслим о людях, о «человеческой природе», то нам следует мыслить таким образом: мы признаем, что люди живут в обществе и что их человеческая природа не может быть независима от их жизни в обществе, а, напротив, развивается и изменяется с развитием общества. В таком случае мы создадим представления о человеческой природе, которые соответствуют действительным условиям существования людей и их изменению и развитию. Однако очень часто о «человеческой природе» мыслят совсем по-другому. А именно так, как будто бы существует какая-то «человеческая природа», которая проявляется совершенно независимо от действительных условий существования людей и всегда и повсюду остается в точности той же самой. Мыслить подобным образом — это значит, безусловно, создавать ложную, вводящую в заблуждение абстракцию. И вот именно такой абстрактный способ мышления мы называем *метафизическим*.

Понятие неподвижной, неизменной «человеческой природы» является образцом метафизической абстракции, метафизического образа мышления.

Метафизик мыслит не о действительных *людях*, а об абстрактном «человеке».

Метафизика, или метафизический способ мышления, — это, следовательно, такой способ мышления, который мыслит вещи, 1) абстрагируясь от условий их существования и 2) абстрагируясь от их изменения и развития. Он мыслит вещи 1) отдельно

---

[1] Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 14.

друг от друга, игнорируя их взаимосвязи, и 2) как неподвижные и застывшие, игнорируя их изменение и развитие.

Мы уже привели один пример метафизического способа мышления. Нетрудно привести еще массу их. В самом деле, метафизический образ мышления так широко распространен и в такой степени стал нераздельной частью ходячей буржуазной идеологии, что едва ли найдется журнальная статья, радиопередача или книга ученого профессора, в которых нельзя найти примеров метафизических ошибок.

Например, изрядно наговорено и написано о демократии. Но ораторы и писатели обычно имеют в виду какую-то чистую, или абстрактную, демократию, которую они пытаются определить, абстрагируясь от действительного развития общества, классов и классовой борьбы. Но не может быть такой чистой демократии, это — метафизическая абстракция. Чтобы понять сущность демократии, обязательно нужно поставить вопрос: демократия для кого, для эксплуататоров или эксплуатируемых? Нужно понять, что, поскольку демократия является формой правления, не существует демократии, не связанной с господством какого-нибудь определенного класса, и что демократия, устанавливаемая при господстве рабочего класса, является более высокой формой демократии, чем буржуазная демократия, точно так же как буржуазная демократия — это более высокая форма демократии, чем, скажем, демократия рабовладельцев древней Греции. Иными словами, не следует пытаться рассуждать о демократии, абстрагируясь от действительных общественных отношений и от действительного изменения и развития общества.

Далее, пацифисты пытаются основывать свою оппозицию войне на том положении, что «все войны несправедливы». Они рассуждают о войнах абстрактно, не учитывая того, что характер каждой отдельной войны определяется соответственно исторической эпохе, целям войны и классам, в интересах которых она ведется. В результате этого они не видят различия между войнами империалистическими и освободительными, между справедливыми и несправедливыми войнами.

В настоящее время в большинстве английских школ детей регулярно подвергают «тестам умственных способностей». Утверждается, что каждый ребенок обладает определенным неизменным количеством «умственных способностей», которое можно определить независимо от действительных условий существования ребенка, и что оно определяет его способности на протяжении всей его жизни независимо от тех условий изменения и развития, в каких впоследствии он может оказаться. Это еще один пример метафизики. В данном случае метафизическое представление об «умственных способностях» используется в качестве оправдания для того, чтобы лишить большинство детей возможности получить образование

на том основании, что их умственные способности слишком низки, чтобы они могли пользоваться такой возможностью.

Вообще говоря, метафизика — это такой способ мышления, который пытается установить раз и навсегда сущность, свойства и возможности всего, что он рассматривает. Следовательно, этот способ исходит из предположения, что каждая вещь обладает неизменной сущностью и неизменными свойствами.

И он мыслит скорее с помощью понятий о «вещах», чём о «процессах». Он пытается свести все к формуле, которая утверждает, что весь мир или любая часть мира, которую мы рассматриваем, состоит из таких-то и таких-то вещей с такими-то и такими-то свойствами. Такую формулу мы можем назвать «метафизической» формулой.

Так, Энгельс указывает на «старый метод исследования и мышления, который Гегель называет "метафизическим", который имел дело преимущественно с *вещами* как с чем-то законченным и неизменным...»[1].

В философии метафизика часто означает поиски «конечных составных частей мира». Поэтому материалисты, которые утверждали, что конечные составные части являются маленькими твердыми материальными частицами, были такими же метафизиками, как и идеалисты, которые утверждали, что конечными составными частями являются духи. Все эти философы полагали, что они могут резюмировать «конечную природу мира» в некоей формуле. У одних из них была одна формула, у других другая, но все они были метафизиками. Однако это было безнадежным исканием. Нельзя резюмировать всю бесконечную, изменяющуюся вселенную в какой-либо из таких формул. И чем более мы работаем в этом направлении, тем более это становится очевидным.

Теперь должно быть ясно, что механистический материализм, который мы рассматривали в предшествующих главах, с полным основанием может быть назван *метафизическим* материализмом.

Отметим мимоходом, что в настоящее время некоторые философы, так называемые позитивисты[2], утверждают, что они выступают против «метафизики», поскольку, как они сами заявляют, они отрицают всякую философию, которая стремится найти «конечные составные части мира». Для них «метафизика» означает любую теорию, оперирующую «абсолютами», которые нельзя проверить в чувственном опыте. Употребляя термин в этом смысле, они скрывают тот факт, что сами они, вообще говоря, больше метафизики,

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, стр. 368.

[2] Позитивисты говорят, что мы не имеем права утверждать, что существует что-либо, кроме наших собственных чувственных восприятий. Они говорят, что утверждать что-либо, помимо этого, является «метафизикой».

чем любые другие философы, так как их собственный способ мышления доходит до крайностей метафизической абстракции. Что может быть более метафизичным, чем воображать, как это делают философы-позитивисты, что наш чувственный опыт существует оторванно от реального, материального мира, находящегося вне нас? На деле они сами превращают «чувственный опыт» в метафизический «абсолют».

В противоположность абстрактному, метафизическому способу мышления диалектика учит нас мыслить вещи в их действительных изменениях и взаимосвязях. Мыслить диалектически — значит мыслить конкретно, а мыслить конкретно — значит мыслить диалектически. Противопоставляя диалектический метод метафизике, мы показываем несостоятельность, односторонность и ложность метафизических абстракций.

Это соображение помогает нам понять первоначальный смысл слова «диалектика». Это слово происходит от греческого слова *диалего*, что значит вести беседу или спорить. Считалось, что обсудить вопрос со всех сторон, под всеми углами зрения, противопоставляя и сталкивая в споре различные односторонние точки зрения, является лучшим методом достижения истины. Такова была, например, диалектика, применявшаяся Сократом. Когда кто-либо утверждал, что он располагает формулой, которая раз и навсегда решает какой-либо вопрос, Сократ вступал с ним в спор и, заставляя его рассмотреть вопрос под различными углами зрения, вынуждал его противоречить себе и, таким образом, признать, что его формула была ложна. Сократ считал, что при помощи этого метода можно достичь более правильного понимания вещей.

Марксистский диалектический метод развился из диалектики в том смысле, как ее понимали греки, и включает ее в себя. Но он гораздо богаче по содержанию и шире по объему. В результате этого он стал чем-то качественно *новым* по сравнению с домарксистской диалектикой — новым революционным методом. Это потому, что диалектический метод сочетается с последовательным материализмом и перестает быть простым средством спора, становясь методом исследования как природы, так и общества, методом материалистического познания мира, который вырастает из деятельности по изменению мира и руководит ею.

Метафизическая формула «или — или»

Метафизика исходит из предположения, что каждая вещь обладает своей собственной неизменной природой, своими собственными неизменными свойствами, и рассматривает каждую вещь саму по себе, изолированно. Она пытается определить природу и свойства всех вещей, как данных отдельных объектов ис-

следования, не рассматривая вещи в их взаимосвязи и в их изменении и развитии.

В силу этого метафизика мыслит вещи в рамках абсолютных противоположностей. Вещи одного рода она противополагает вещам другого рода. Если вещь одного рода, то она обладает одной совокупностью свойств, если она другого рода, она обладает другой совокупностью свойств; одно исключает другое, и каждая мыслится отдельно от другой.

Энгельс пишет:

«Для метафизика вещи и их мысленные отображения, т. е. понятия, суть отдельные, неизменные, застывшие, раз навсегда данные предметы, подлежащие исследованию один после другого и один независимо от другого. Он мыслит сплошными неопосредствованными противоположностями; речь его состоит из "да — да, нет — нет; что сверх того, то от лукавого". Для него вещь или существует или не существует, и точно так же вещь не может быть самой собой и в то же время иной»[1].

Философы выразили сущность этого метафизического способа мышления в формуле: «Каждая вещь есть то, что она есть, а не другая вещь». Может показаться, что это не более как выражение простого здравого смысла. Но в таком случае это лишь показывает, что сам так называемый здравый смысл содержит ложные представления, которые должны быть выявлены. Этот способ мышления мешает нам изучать вещи в их действительных изменениях и взаимосвязях, во всех их противоречивых аспектах и отношениях, в процессе их превращения из «одной вещи» в «другую вещь».

И не только философы являются метафизиками.

Имеются, например, «левые» тредъюнионисты, которые столь же метафизичны, как и представители любой философской школы. Для них каждый член собрания их отделения тредъюниона является или классово-сознательным активистом или же, в противном случае, правым оппортунистом. Каждый должен быть отнесен к той или другой категории, и раз он отнесен к «правым», то для них он конченный человек. Их метафизический взгляд на жизнь не учитывает того, что какой-нибудь рабочий, который был их противником в прошлом по одним вопросам, может еще оказаться союзником в будущем по другим вопросам.

В одной из пьес Мольера есть человек, который впервые узнает о прозе. Когда ему объясняют, что такое проза, он восклицает: «Как, всю свою жизнь я говорил прозой!».

Подобным же образом имеется немало рабочих, которые могут с полным основанием сказать: «Как, я был метафизиком всю мою жизнь!»

[1] Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 21.

У метафизика на все есть свои готовые формулы. Он говорит: или эта формула годна или нет. Если она годна, то она решает вопрос. Если она не годна, то у него готова некая альтернативная формула. «Или — или, но не то и другое вместе» — таков его девиз. Вещь является или тем или этим; она обладает или данной совокупностью свойств или иной совокупностью свойств; две вещи находятся друг к другу или в данном или в ином отношении.

Применение метафизической формулы «или — или» ведет к бесконечным затруднениям.

Например, некоторые испытывают трудность в понимании современных взаимоотношений между империалистами Англии и США. Утверждают: или они сотрудничают или, в противном случае, они не сотрудничают. Если они сотрудничают, то тогда между ними нет противоречий, если же противоречия между ними существуют, то тогда они не сотрудничают. Но дело, однако, обстоит как раз наоборот; империалисты этих стран действуют заодно, и тем не менее существуют противоречия между ними; и нельзя ни понять того, каким образом они сотрудничают между собой, ни успешно против них бороться, не поняв разделяющих их противоречий.

Далее, для некоторых представляет трудность понимание возможности мирного сосуществования капиталистических и социалистических государств. Утверждают, что или эти государства могут мирно сосуществовать, в случае чего антагонизм между капитализмом и социализмом должен исчезнуть; или, наоборот, антагонизм сохраняется, и в этом случае они не могут мирно сосуществовать. Но дело обстоит как раз наоборот: антагонизм сохраняется, и все же борьба социалистических государств и миллионов людей во всех странах за мир может привести к мирным отношениям между капиталистическими и социалистическими государствами.

Часто бывает трудно избежать метафизического способа мышления. И это потому, что, как бы ни был ошибочен этот способ мышления, он коренится в чем-то очень нужном и полезном.

Вещи необходимо классифицировать — располагать некоторой системой их классификации, системой обозначения их свойств и отношений. Это является предпосылкой правильного мышления. Мы должны выяснить, какие различные виды вещей существуют в мире, чтобы сказать, что такие-то вещи обладают такими-то свойствами в отличие от тех вещей, которые обладают другими свойствами, чтобы сказать, каковы отношения между ними.

Но если, далее, рассматривать эти вещи, их свойства и отношения каждое в отдельности как неизменные величины, как взаимно исключающиеся понятия, то это уже будет ошибкой. Потому что любая вещь в мире обладает множеством различных и поистине противоречивых сторон, существует в тесной связи с другими вещами, а не изо-

лированно от них и подвержена изменению. Поэтому часто случается так, что когда мы классифицируем нечто как «А», а не как «Б», то эта формула опровергается превращением этого нечто из состояния «А» в состояние «Б», или тем, что в некоторых отношениях она является «А», а в других отношениях «Б», или тем, что она обладает противоречивой природой, являясь частью «А» и частью «Б».

Например, всем хорошо известно различие между птицами имлекопитающими и что, в то время как птицы кладут яйца, млекопитающие, как правило, рождают детенышей живыми и вскармливают их молоком. Естествоиспытатели раньше привыкли считать, что млекопитающие строго отличаются от птиц, так как, помимо всех прочих отличий, млекопитающие не кладут яиц. Но это положение было совершенно опрокинуто, когда было обнаружено животное по названию «утконос», потому что утконос, хотя он, несомненно, и является млекопитающим, но это такое млекопитающее, которое кладет яйца. Как объяснить это необычное поведение утконоса? Объяснение этого явления следует искать в эволюционной связи между птицами и млекопитающими, которые совместно произошли от первобытных животных, кладущих яйца. Птицы и теперь продолжают класть яйца, тогда как млекопитающие этого уже не делают, за исключением нескольких консервативных видов животных вроде утконоса. Если рассматривать животных в эволюции, в развитии, то это представляется весьма естественным. Но если пытаться, как это делали прежние естествоиспытатели, подгонять виды животных под некую строгую, неизменную систему классификации, то продукты эволюции опрокинут эту систему.

Далее, идея или теория, которая была прогрессивной в одних условиях, когда она впервые возникла, не может быть названа по этой причине «прогрессивной» в абсолютном смысле, так как позднее в новых условиях она может стать реакционной. Например, механистический материализм, когда он впервые возник, был прогрессивной теорией. Но нельзя сказать, что он и в настоящее время все еще прогрессивен. Наоборот, в новых условиях, которые возникли, механистическая теория стала отсталой, реакционной. Механицизм, бывший прогрессивным в период подъема капитализма, идет рука об руку с идеализмом, как часть буржуазной идеологии периода разложения капитализма.

Здравый смысл также признает недостаточность метафизического образа мышления.

Например: когда человек лыс? Здравый смысл признает, что, хотя мы можем отличить лысого человека от нелысого, тем не менее облысение происходит в процессе потери волос, и поэтому люди в середине этого процесса вступают в период, когда нельзя утверждать с абсолютной достоверностью, лысы они или нет; они нахо-

дятся в процессе облысения. Метафизическое «или — или» отказывается служить.

Во всех этих примерах мы сталкиваемся с различием между *объективными процессами*, в которых что-то претерпевает изменение, и *понятиями*, в которых мы пытаемся обобщить отличительные признаки вещей, участвующих в процессе. Такие понятия никогда не соответствуют и никак не могут всегда и во всех отношениях соответствовать своим объектам именно потому, что объекты претерпевают изменение.

Так, Энгельс пишет:

«Разве понятия, господствующие в естественной науке, — фикции, потому что они отнюдь не всегда совпадают с действительностью? С того момента, как мы приняли теорию эволюции, все наши понятия об органической жизни только с приближением соответствуют действительности. В противном случае не было бы вообще никаких изменений; в тот день, когда понятие и действительность в органическом мире абсолютно совпадут, наступит конец развития»[1].

И он указывал, что подобные соображения относятся ко всем понятиям без исключения.

Единство и борьба противоположностей

Когда мы рассматриваем свойства вещей, их взаимосвязи, способы их действия и взаимодействия, процессы, в которые они вступают, то мы находим, что, вообще говоря, все эти свойства, взаимосвязи, взаимодействия и процессы разделяются на *коренные противоположности*.

Например, если мы рассматриваем простейшие способы, которыми два тела могут действовать друг на друга, то находим, что это действие может быть или притяжением или отталкиванием.

Если мы рассмотрим электрические свойства тел, то обнаружим положительное и отрицательное электричество.

В органической жизни существует ассимиляция и диссимиляция.

Далее, в математике существует сложение и вычитание, плюс и минус.

И вообще, к какой бы области исследования мы ни обратились, мы найдем, что она содержит такие коренные противоположности. Мы обнаружим, что рассматриваем не просто известное число *различных* вещей, *различных* свойств, *различных* отношений, *различных* процессов, но пары *противоположностей*, коренных *противоположностей*.

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные письма, Госполитиздат, 1948, стр. 484.

Как это выразил Гегель: «Противоположность, по которой различающееся определение имеет против себя не другое определение вообще, но свое собственное иное»[1].

Так, если мы рассматриваем силы, действующие между двумя телами, то существует не просто некоторое число различных сил, а эти силы делятся на силы притяжения и силы отталкивания; если мы рассматриваем электрические заряды, то существует не просто некоторое число различных зарядов, а все эти заряды делятся на положительные и отрицательные, и так далее. Притяжение противостоит отталкиванию, положительное электричество — отрицательному электричеству.

Эти коренные противоположности не могут быть поняты посредством метафизического образа мышления.

Во-первых, метафизический образ мышления пытается игнорировать противоположности, пытается сбросить их со счета. Он стремится понять данный предмет исследования просто, оставаясь в пределах целого ряда различных свойств вещей и различных отношений между ними, игнорируя коренные противоположности, проявляющиеся в этих свойствах и отношениях. Так, например, те люди, которые метафизически мыслят об обществе, разделенном на классы, пытаются рассматривать общество просто как состоящее из большого числа различных индивидов, связанных между собой всеми видами различных социальных отношении, при этом они игнорируют коренную противоположность между эксплуататорами и эксплуатируемыми, проявляющуюся во всех этих социальных отношениях.

Во-вторых, когда тем не менее метафизический образ мышления наталкивается на коренные противоположности и не может их больше игнорировать, тогда — верный своей привычке рассматривать каждую вещь изолированно, как неизменную величину — он рассматривает эти противоположности изолированно одну от другой, рассматривает их как существующие отдельно и как исключающие друг друга. Так, например, прежние физики привыкли считать положительное и отрицательное электричество просто лишь двумя различными «электрическими флюидами».

Но вопреки метафизике коренные противоположности не только существуют в любом предмете исследования, но эти противоположности взаимно предполагают друг друга, неразрывно связаны вместе и не могут ни существовать, ни быть понятыми вне связи друг с другом.

Этот отличительный признак противоположности известен как полярность: коренные противоположности являются полярными противоположностями. Магнит, например, обладает двумя полю-

---

[1] Гегель, Энциклопедия философских наук, Логика, М., 1861, § 119, стр. 210.

сами — северным и южным. Но эти полюсы, противоположные друг другу и отличные друг от друга, не могут существовать отдельно один от другого. Если магнит разрезать надвое, то не получится так, что северный полюс останется в одной половине, а южный — в другой, но в каждой половине вновь появляются северный и южный полюсы. Северный полюс существует лишь как противоположность южного, и, наоборот, один может быть определен лишь как противоположность другого.

Вообще коренная противоположность должна быть понята как полярная противоположность, и каждый предмет исследования должен быть понят при помощи полярной противоположности, заключенной в нем.

Так, в физике мы находим, что притяжение и отталкивание действуют во всяком физическом процессе таким образом, что они не могут быть отделены и изолированы одно от другого. При рассмотрении живых тел мы не обнаруживаем в одних случаях ассимиляцию, а в других — диссимиляцию, но всякий жизненный процесс включает как ассимиляцию, так и диссимиляцию. В капиталистическом обществе растущее обобществление труда неотделимо от своей противоположности, от роста централизации капитала. Математика дает яркие примеры этого единства противоположностей — она служит прекрасным подтверждением того, что в любой области исследования противоположности не могут быть поняты отдельно друг от друга, а только в их неразрывной связи. Основными действиями математики являются две противоположности — сложение и вычитание. Причем сложение и вычитание до такой степени не могут быть поняты отдельно одно от другого, что сложение может быть представлено как вычитание, и, наоборот, действие вычитания $(a - b)$ может быть представлено как сложение $(-b + a)$. Подобным же образом деление a/b может быть представлено как умножение $a \times 1/b$[1].

Единство противоположностей, их неразрывную связь никоим образом нельзя понимать как гармоничное и постоянное отношение, как состояние равновесия. Наоборот: «Единство... противоположностей условно, временно, преходяще, релятивно. Борьба взаимоисключающих противоположностей абсолютна, как абсолютно развитие, движение»[2].

Коренные, полярные противоположности, существующие в любой области природы и общества, проявляются в *конфликте* и *борьбе* противоположных сил. Эта борьба, несмотря на периоды временного равновесия, ведет к постоянному движению и развитию, к бесконечному возникновению и уничтожению всего существующего, к резким изменениям состояния и превращениям.

---

[1] См. Ф. Энгельс, Диалектика природы, стр. 205.

[2] В. И. Ленин, Философские тетради, стр. 328.

Так, например, равновесие сил притяжения и отталкивания в области физических явлений всегда лишь условно и временно; конфликт и борьба сил притяжения и отталкивания всегда утверждают себя, приводя к физическим изменениям и превращениям или превращениям в пределах атома, химическим изменениям или в крупном масштабе к вспышкам звезд.

Диалектика и метафизика

Подведем итог.

Метафизика оперирует понятиями «законченных» вещей, действительные и возможные свойства которых она стремится зафиксировать и определить раз и навсегда. Она рассматривает каждую вещь саму по себе, изолированно от всех других, в рамках неопосредствованных противоположностей — по формуле «или — или». Она противопоставляет одну вещь другой, одно свойство другому, одно отношение другому, не рассматривая вещи в их действительном движении и взаимосвязи и не учитывая того, что каждый предмет исследования представляет единство противоположностей — единство противоположных друг другу, но неразрывно связанных вместе сил и тенденций.

В противоположность метафизике диалектика отказывается рассматривать вещи сами по себе, как наделенные неизменной природой и неизменными свойствами (по формуле «или — или»), она считает, что вещи возникают, существуют и уничтожаются в процессе бесконечного изменения и развития, в процессе сложных и постоянно меняющихся взаимоотношений, в процессе, в котором каждая вещь существует лишь в ее связи с другими вещами и претерпевает ряд превращений и в котором всегда проявляется единство, неразрывная взаимосвязь и борьба противоположных свойств, сторон, тенденций, характеризующих каждое явление природы и общества.

В противоположность метафизике целью диалектики является проследить действительные изменения и взаимосвязи в мире и рассматривать вещи всегда в их движении и взаимосвязи.

Так, Энгельс пишет: «...мир состоит не из готовых, законченных *вещей*, а представляет собой совокупность *процессов*... нам уже не могут больше внушать чрезмерное почтение... для старой... метафизики непреодолимые противоположности...»[1].

«Прежние неизменные противоположности и резкие, непереходимые разграничительные линии все более и более исчезают... Центральным пунктом диалектического понимания природы явля-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, стр. 368.

ется признание той истины, что эти противоположности и различия, хотя и существуют в природе, но имеют только относительное значение, и что, напротив, их воображаемая неподвижность и абсолютное значение привнесены в природу только нашей рефлексией».

Диалектика «...берет вещи и их умственные отражения главным образом в их взаимной связи, в их сцеплении, в их движении, в их возникновении и исчезновении...»[1].

Ленин писал, что понимание «противоречивых частей» всякого явления является сутью диалектики. Она состоит в признании (открытии) «противоречивых, *взаимоисключающих*, противоположных тенденций во *всех* явлениях и процессах природы (и духа и общества *в том числе*)»[2].

Наконец, Маркс писал: «В своем рациональном виде диалектика внушает буржуазии и ее доктринерам-идеологам лишь злобу и ужас, так как в позитивное понимание существующего она включает в то же время понимание его отрицания, его необходимой гибели, каждую осуществленную форму она рассматривает в движении, следовательно также и с ее преходящей стороны, она ни перед чем не преклоняется и по самому существу своему критична и революционна»[3].

---

[1] Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 12—13, 14, 22.
[2] В. И. Ленин, Философские тетради, стр. 327.
[3] К. Маркс, Капитал, т. I, Госполитиздат, 1952, стр. 20.

Глава VII

ИЗМЕНЕНИЕ И ВЗАИМОСВЯЗЬ

Марксистский диалектический метод требует, чтобы мы всегда рассматривали вещи не изолированно, а в их взаимосвязи с другими вещами, в связи с действительными условиями и обстоятельствами каждого случая; чтобы мы рассматривали вещи в их изменении и развитии, в их возникновении и исчезновении, обращая всегда взимание особенно на то, что является новым, возникающим и развивающимся.

Отсюда следует, что марксистскому диалектическому методу чуждо пользование «готовыми, законченными схемами» и абстрактными формулами, а наоборот, он требует тщательного, детального исследования процесса во всей его конкретности, основывая свои выводы лишь на таком анализе.

Рассмотрение предметов в их взаимосвязи и обусловленности

Диалектический метод прежде всего требует, чтобы мы рассматривали вещи не каждую саму по себе, а всегда во взаимосвязи с другими вещами.

Это кажется «очевидным». Тем не менее это такой «очевидный» принцип, о котором очень часто забывают, но о котором очень важно помнить. Мы уже рассмотрели этот принцип и несколько примеров его применения при разборе метафизического способа мышления, поскольку сутью метафизики является абстрактное понимание вещей вне связи с другими вещами и конкретными условиями их существования.

Принцип рассмотрения вещей в связи с действительными условиями и обстоятельствами, а не в отрыве от этих действительных условий и обстоятельств всегда имеет коренное значение для движения рабочего класса даже при решении простейших вопросов политики.

Например, было время, когда английские рабочие боролись за десятичасовой рабочий день. В то время они поступали правильно, не выдвигая восьмичасовой рабочий день в качестве своего непосредственного требования, так как тогда это еще не было осуществимым требованием. Равным образом они поступили правильно, когда, добившись десятичасового рабочего дня, они не удовлетворились достигнутым.

Бывают моменты, когда правильным будет, если отряд рабочих начнет стачку, и бывают моменты, когда это не будет правильным. Такие вопросы должны решаться в соответствии с действительными обстоятельствами каждого случая. Подобным же образом бывают моменты, когда правильным будет продолжать и расширять стачку, и моменты, когда будет правильным прекратить ее. Немногого стоит такой вождь рабочего класса, который пытается решать вопросы политики исходя лишь из «общих принципов», не принимая во внимание действительных условий, в которых приходится проводить политику, не понимая того, что та же самая политика может быть правильной в одном случае и неправильной в другом, в зависимости от конкретных обстоятельств каждого дела. Так, Ленин пишет: «Разумеется, в политике, где дело идет иногда о крайне сложных — национальных и интернациональных — взаимоотношениях между классами и партиями, очень много случаев будет гораздо более трудных, чем вопрос о законном «компромиссе» при стачке или о предательском «компромиссе» штрейкбрехера, изменника вождя и т. п. Сочинить такой рецепт или такое общее правило... которое бы годилось на все случаи, есть нелепость. Надо иметь собственную голову на плечах, чтобы в каждом отдельном случае уметь разобраться»[1].

Эту готовность марксистов приспосабливать политику к обстоятельствам и изменять политику с изменением обстоятельств иногда называют коммунистическим «оппортунизмом». Но на деле здесь нет ничего похожего на оппортунизм — вернее, имеет место прямо противоположное. Это есть применение на практике науки о стратегии и тактике борьбы рабочего класса. В самом деле, что понимают под оппортунизмом в отношении политики рабочего класса? Оппортунизм означает подчинение коренных интересов рабочего класса в целом временным интересам какой-либо одной группы рабочего класса, принесение в жертву интересов класса ради отстаивания временных привилегий какой-либо отдельной группы. Коммунисты руководствуются тем принципом Маркса, что «они всегда являются представителями интересов движения в целом»[2]. А это значит, что, анализируя положение в каждом отдельном случае и решая, какой политики придерживаться в данных конкретных условиях, мы должны исходить из интересов движения в целом.

В общих вопросах также может возникнуть величайшая путаница из забвения диалектического принципа, что вещи должны рассматриваться не изолированно, а в их неразрывной взаимосвязи. Например, английские лейбористские лидеры в свое время утверждали, а многие члены лейбористской партии продолжают утверждать еще и теперь, что национализация есть установление

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 31, стр. 50.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, стр. 437.

социализма. Они рассматривают национализацию саму по себе, изолированно, вне связи с государством и общественным строем, в которых проводятся меры по национализации. Они упускают из виду тот факт, что если общественная власть, государство, остается в руках эксплуататоров и если их представители заседают в правлениях национализированных отраслей хозяйства и контролируют их, а национализированные отрасли продолжают работать на основе эксплуатации труда одного класса в интересах другого класса, то такая национализация не является социализмом. Социалистическая национализация может осуществиться лишь при том условии, если общественная власть, государство, находится в руках рабочих.

Далее, в политических спорах люди очень часто обращаются к понятию «справедливости», которое заставляет их судить о событиях без малейшего рассмотрения действительного смысла этих событий и обстоятельств, в которых они возникли. Что хорошо для Ивана, то хорошо и для Петра — вот принцип, применяемый в таких спорах.

Так, утверждают, что если мы защищаем демократическое право рабочих в капиталистических странах агитировать за то, чтобы покончить с капитализмом и установить социализм, то мы не можем отрицать право других людей в социалистических странах агитировать за то, чтобы покончить с социализмом и восстановить капитализм. Те, которые утверждают нечто подобное, приходят в ужас, когда видят, что контрреволюционные группы в СССР, стремившиеся восстановить капитализм в этой стране, были лишены возможности осуществления своих целей. Как, восклицают они, ведь это недемократично, это тирания! Эти утверждения упускают из виду различие между борьбой в интересах огромного большинства за уничтожение эксплуатации и борьбой в интересах небольшой группы за сохранение или восстановление эксплуатации; они упускают из виду различие между защитой права огромного большинства устраивать свои дела в своих собственных интересах и защитой права небольшого меньшинства удерживать большинство в подчинении; другими словами, они упускают из виду различие между поступательным и попятным движением, между движением стрелки часов вперед и назад, между революцией и контрреволюцией. Конечно, если мы боремся за социализм и если мы его завоевали, то мы будем защищать завоеванное и не дадим ни малейшей возможности какой-либо группе уничтожить это завоевание. Пусть капиталисты и их приспешники кричат о демократии «вообще». Если, как сказал Ленин, мы будем «иметь собственную голову на плечах, чтобы в каждом отдельном случае уметь разобраться», они нас не обманут.

В последнее время «либеральное» понимание «справедливости» стало поистине излюбленным оружием реакции. В 1949 г. и снова в 1950 г., когда фашисты решили провести демонстрацию в Лондоне в день 1 мая, министр внутренних дел поспешил запретить первомайскую демонстрацию рабочих. «Если я запрещаю одну, я должен запретить и другую», — объяснял он учтиво. Вот сколь скрупулезно «справедлив» он был!

Принцип изучения предметов в их взаимосвязи и взаимообусловленности является также очень важным принципом науки. Ученые, которые анализируют предметы и рассматривают их различные свойства, очень часто забывают, что предметы, которые они могут рассматривать изолированно, не существуют изолированно. А это ведет к серьезным недоразумениям.

Например, советские биологи, исходя из этого принципа диалектики, подчеркивают единство организма и среды. Они указывают, что нельзя считать, что организм обладает своей собственной природой, изолированной от среды, так как это метафизично. Например, не существует такой вещи, как растение, изолированное от среды, потому что такое растение — просто музейный экземпляр, искусственно сохраняемое мертвое растение. Живые растения произрастают на почве в определенном климате, в определенной среде, и они растут и развиваются, ассимилируя условия существования. Поэтому мичуринцы определяют наследственность, или природу организма, как его способность требовать определенных условий для жизни и развития и отвечать на разные условия определенным образом. Такое понимание единства организма и среды ведет к важным последствиям, так как оно позволяет ожидать возможности изменить природу организма, заставляя его приспосабливаться к изменившимся условиям и ассимилировать их. И это ожидание подтвердилось на практике.

Биологи школы Менделя — Моргана, напротив, рассматривают организм абстрактно, метафизично, в отрыве от действительных условий существования. Они считают «природу» организма совершенно независимой от условий его жизни. Исходя из этого, они делают вывод в чисто метафизическом духе, что наследственность организма «есть то, что она есть», и что бесполезно пытаться изменить ее теми способами, при помощи которых советские биологи *уже* научились изменять наследственность организмов.

Рассмотрение предметов в их движении, их возникновении и исчезновении

Рассмотрим несколько примеров принципа диалектики, который требует рассмотрения предметов в их движении, их изменении, их возникновении и исчезновении.

Этот принцип также имеет большое значение для науки.

Например, советские биологи, руководствуясь этим принципом диалектики, рассматривают организм в его росте и развитии. На определенной стадии роста природа организма пластична, поэтому если можно изменить его на этой стадии, то очень часто можно изменить его природу, придать ему измененную наследственность. Нечто заново возникает в организме, и в это время это новое нужно воспитывать и придавать ему желательное направление. Но если эта стадия пройдена, то природа организма делается устойчивой и ее уже нельзя изменить. Если вы желаете изменить наследственность организма, то надо найти именно нужную стадию роста.

Биологи школы Менделя — Моргана, наоборот, рассматривают природу организма как данную и неизменную с самого начала.

Этот второй принцип диалектики учит нас всегда обращать внимание на то, что является новым, на то, что возникает и растет, — обращать внимание не только на то, что существует в данный момент, а главным образом на то, что возникает.

Этот принцип имеет первостепенное значение для революционного сознания, для революционной практики.

Русские большевики, например, с самого начала видели, в каком направлении двигалось русское общество, что было в нем нового, что возникало. Они искали то, что возникало и росло, хотя оно было еще слабо: рабочий класс. В то время как другие не смогли оценить роли рабочего класса и кончили тем, что заключили компромисс с силами старого общества, большевики пришли к выводу, что рабочий класс был новой, растущей силой, и повели его к победе.

Примером именно такой победы растущего и развивающегося над разлагающимся и отмирающим является изменение в соотношении сил в течение войны 1941—1945 гг. Когда в ноябре 1941 г. немцы были около Москвы, все «союзные военные стратеги» за пределами Советского Союза считали поражение России делом решенным. Но в то время как немцы находились на пределе военной мощи, советские силы, наоборот, все еще разворачивались и росли. Поэтому поражение немецких фашистов было предрешено.

Точно так же в настоящее время, когда печать и радио полны хвастливых заявлений и угроз американских империалистов и их приспешников, мы придаем особое значение тому, что растет и развивается во всем мире, — народному лагерю мира, который будет продолжать расти и нанесет империалистам сокрушительное поражение.

Далее, в борьбе за единство движения рабочего класса в связи с английской лейбористской партией и входящими в ее

состав тредъюнионами, мы прежде всего обращаем внимание на то, что возникает и растет в движении. Поэтому мы видим гораздо больше, чем только политику правых лидеров и их влияние. Источник силы правых в прошлом, хотя они все еще сильны и господствуют. Но растут силы будущего, полные решимости бороться против капитализма и войны. Так же и в отношении отдельных людей — мы должны поддерживать и опираться на то, что зреет в них, что растет и движется вперед. Именно это и делает хороший секретарь, организатор.

Подобные примеры показывают, что основой диалектического метода, его наиболее существенной чертой является изучение и понимание вещей в их конкретной взаимосвязи и движении.

Против предвзятых схем — «истина всегда конкретна»

Иногда воображают, что диалектика — это предвзятая схема, под шаблон которой будто бы должно подходить все, что угодно. Это прямо противоположно правде о диалектике. Применять марксистский диалектический метод — это не значит пользоваться предвзятой схемой и пытаться подогнать под нее все, что угодно. Нет, это значит изучать вещи такими, каковыми они являются в действительности, в их действительной взаимосвязи и движении. Ленин писал: «...самая суть... марксизма: конкретный анализ конкретной ситуации»[1].

Это именно то, на чем неоднократно настаивал Ленин. В самом деле, он провозгласил это как «основное положение диалектики».

Истинная диалектика, писал Ленин, идет путем «...детальнейшего изучения развития во всей его конкретности. Основное положение диалектики: абстрактной истины нет, истина всегда конкретна...»[2].

Что имеет в виду Ленин под словами «истина всегда конкретна»? Именно то, что мы не постигнем истины вещей природы или общества, выдумывая некую общую схему, некую абстрактную формулу; что мы можем познать истину лишь в том случае, если попытаемся выяснить в отношении каждого отдельного процесса, какие именно силы в нем действуют, каково их соотношение, какие из них растут и развиваются, а какие приходят в упадок и отмирают, и на этой основе дадим оценку процессу в целом.

Так, Энгельс говорит: «...дело могло идти не о том, чтобы внести диалектические законы в природу извне, а о том, чтобы оты-

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 31, стр. 143.
[2] В. И. Ленин, Соч., т. 7, стр. 380.

скать их в ней, вывести их из нее... Природа есть пробный камень диалектики...»[1].

Что касается изучения общества и оценки, даваемой людьми действительным общественным изменениям, оценки, служащей для обоснования политической стратегии, то Ленин высмеивал тех, кто принимал к руководству какую-то абстрактную, предвзятую схему.

Согласно некоторым «авторитетам», марксистская диалектика утверждает, что всякое развитие должно происходить в виде триады — тезис, антитезис, синтез. Ленин высмеял это утверждение:

«Для всякого очевидно, что центр тяжести аргументации Энгельса лежит в том, что задача материалистов — правильно и точно изобразить действительный исторический процесс», что настаивание на подборе примеров, «доказывающих верность триады, — не что иное, как остатки... гегельянства... В самом деле, раз заявлено категорически, что "доказывать" триадами что-нибудь — нелепо... какое значение могут иметь примеры "диалектических" процессов?» Всякий, «прочитавший определение и описание диалектического метода у Энгельса... увидит, что о триадах Гегеля и речи нет, а все дело сводится к тому, чтобы рассматривать социальную эволюцию как естественно-исторический процесс развития...»

«Диалектическим методом... Маркс и Энгельс называли не что иное, как научный метод в социологии, состоящий в том, что общество рассматривается как живой, находящийся в постоянном развитии организм... для изучения которого необходим объективный анализ производственных отношений, образующих данную общественную формацию, исследование законов ее функционирования и развития»[2].

Рассмотрим несколько примеров того, что значит изучение «развития во всей его конкретности» и принцип «истина всегда конкретна», в противоположность тому методу, который пытается составить некую предвзятую схему общественного развития и рассматривает такую схему как основу политики.

В свое время в России в эпоху господства царизма меньшевики привыкли говорить: «У нас должен быть капитализм прежде социализма». Сначала капитализм должен полностью развиться, затем последует социализм — такова была их схема.

Вследствие этого они поддерживали либералов в политике и предписывали рабочим бороться лишь за лучшие условия труда на капиталистических предприятиях.

Ленин опроверг эту глупую схему. Он показал, что либералы, напуганные рабочими, пойдут на компромисс с царем и что союз

[1] Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 12, 22.
[2] В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 147, 148.

рабочих и крестьян может отнять у либералов руководство революцией, свергнуть самодержавие и затем пойти дальше: свергнуть капиталистов и построить социализм раньше, чем капитализм будет иметь возможность полностью развиться.

После того как пролетарская революция одержала победу, была выдвинута новая схема — на этот раз Троцким. Троцкий утверждал, что нельзя построить социализм в одной стране и что если не произойдет революции в передовых капиталистических странах, то в России невозможно осуществить социализм. Ленин и вслед за ним Сталин показали, что эта схема также была ложной, потому что, если бы даже не произошло резолюции в передовых капиталистических странах, союз рабочих и крестьян в Советском Союзе все же обладал достаточными силами для построения социализма.

В западноевропейских странах раньше часто говорили: «У нас должен быть фашизм раньше коммунизма». Предполагали, что сначала капиталисты откажутся от демократии и установят фашистскую диктатуру, а затем рабочие свергнут фашистскую диктатуру. Но коммунисты отвечали: нет, мы будем бороться вместе со всеми демократическими силами, чтобы сохранить буржуазную демократию и разгромить фашистов, и это создаст наилучшие условия для движения вперед, к завоеванию власти рабочего класса и строительству социализма.

Наконец, в настоящее время иногда приходится слышать такое утверждение: «Капитализм означает войну, следовательно, война неизбежна». Однако эта схема тоже ложна. Империалисты в своей политике неизбежно делают ставку на завоевательные войны. При этом, чем сильнее становятся Советский Союз и силы трудящихся во всем мире, тем отчаяннее становятся империалисты. Но они не могут вести войну без народа. Чем больше они готовят войну, чем более явной становится их агрессивность, чем больше одна держава пытается навязать свое господство другой державе и чем большее бремя налагают империалисты на свои народы, тем больше возможностей объединить народ для борьбы против военных поползновений империалистов. Поэтому мир может быть сохранен. А в борьбе за сохранение мира мы можем заложить основы для ликвидации условий, порождающих угрозу войны. Итак, война не является неизбежной: планы империалистов можно сорвать. Их можно сорвать, если рабочий класс сплотит вокруг себя все миролюбивые силы. И если мы сорвем империалистические планы войны, это будет лучший путь для ликвидации самого капитализма и построения социализма.

Нельзя ожидать, что империализм рухнет сам собой в результате войн. С империализмом можно покончить, лишь объединяя

миролюбивые силы для борьбы против осуществления империалистических военных планов.

Все эти примеры показывают, что следование некоторой готовой схеме, некоторой абстрактной формуле означает пассивность, поддержку капитализма, предательство в отношении рабочего класса и социализма. Диалектический же метод, который рассматривает вещи в их конкретной взаимосвязи и движении, показывает нам, как двигаться вперед, как бороться, каких союзников привлекать на свою сторону. В этом неоценимое значение марксистского диалектического метода для движения рабочего класса.

Глава VIII

ЗАКОНЫ РАЗВИТИЯ

Чтобы понять развитие, нужно понять различие между количественными изменениями — увеличением и уменьшением — и качественными изменениями — превращением в новое состояние, возникновением чего-то нового.

Количественные изменения в определенном критическом пункте всегда ведут к качественным изменениям. И точно так же качественные различия и качественные изменения всегда основаны на количественных различиях и количественных изменениях.

Следовательно, развитие надо понимать не как простой процесс роста, а как такой процесс, в котором количественные изменения ведут к открытым, коренным качественным изменениям.

Далее, это превращение количественных изменений в качественные изменения происходит в результате конфликта или борьбы противоположных тенденций, которые действуют на основе противоречий, внутренне присущих всем вещам и процессам.

Поэтому марксистский диалектический метод учит нас понимать процесс развития как превращение количественных изменений в качественные и искать основу и объяснение такого характера развития в единстве и борьбе противоположностей.

Что мы понимаем под «развитием»?

Подчеркивая, что необходимо изучать действительные процессы в их движении и во всех их взаимосвязях, Сталин указывал, что процессы природы и общества всегда находятся в состоянии «обновления и развития, где всегда что-то возникает и развивается, что-то разрушается и отживает свой век»[1].

Когда возникающее и развивающееся достигает зрелости, а разрушающееся и отживающее окончательно исчезает, возникает нечто новое.

Поэтому, как мы видели, критикуя механистический материализм, процессы не повторяют все время один и тот же цикл изменений, но переходят от одной стадии к другой по мере того, как непрерывно возникает нечто *новое*. Таков действительный смысл слова «развитие». Мы говорим о развитии в том случае, когда шаг за шагом возникает что-то новое.

Таким образом, существует различие между простым *изменением* и развитием. Развитие — это изменение, происходящее от

---

[1] И. Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 576.

одной ступени к другой в соответствии со своими собственными внутренними законами.

Равным образом существует различие между *ростом* и развитием. Это различие известно, например, биологам. Так, рост означает увеличение — чисто количественное изменение. Развитие же означает не увеличение, а переход к качественно новой ступени, приобретение иного качества. Например, гусеница растет, делаясь длиннее и толще; затем она окукливается и наконец превращается в бабочку. Это является развитием. Гусеница *вырастает* в большую гусеницу; она *развивается* в бабочку.

Процессы, происходящие в природе и обществе, свидетельствуют не просто о перемещении и не просто о росте, но и о развитии. В таком случае можем ли мы сделать какие-либо выводы об общих законах развития? Это является следующей задачей материалистической диалектики — установить, какие общие законы проявляются во всяком развитий, и, следовательно, дать нам *метод подхода* к пониманию, объяснению и контролированию развития.

Количество и качество. Закон перехода количественных изменений в качественные

Это приводит нас к тому принципу марксистского диалектического метода, который может быть назван «законом перехода количественных изменений в качественные». Что это значит?

Всякое изменение имеет количественную сторону, то есть сторону, которая характеризуется простым увеличением или уменьшением, которое не меняет природы того, что изменяется. Но количественное изменение, увеличение или уменьшение, не может продолжаться бесконечно. В определенной точке оно всегда ведет к качественному изменению; и в этой критической точке (или «узловой точке», как называл ее Гегель) качественное изменение наступает относительно внезапно, так сказать, скачком.

Например, если нагревать воду, то она не будет бесконечно становиться горячее; при определенной критической температуре она начинает превращаться в пар, претерпевая качественное превращение из жидкости в газ. К веревке, употребляемой для поднятия тяжестей, можно привешивать все больший и больший груз, но веревка не может выдержать бесконечно большой груз: в определенный момент веревка должна оборваться. Паровой котел может выдерживать все большее и большее давление пара — вплоть до той точки, где он взрывается. Разновидность какого-либо растения может подвергнуться многим изменениям на протяжении ряда поколений. Такие изменения, например, могут произойти в условиях более низкой температуры. Эта разновидность остается

неизменной, пока не наступает момент, когда внезапно происходит качественное изменение, изменение в наследственности растения. Таким же образом в результате накопления ряда количественных изменений яровая пшеница превращается в озимую пшеницу, и наоборот.

Этот закон перехода количественных изменений в качественные имеет силу также и для развития общества. Так, раньше, чем возникла система промышленного капитализма, происходил процесс накопления богатства в денежной форме в немногих частных руках (в значительной степени путем колониального грабежа) и образование неимущего пролетариата (путем огораживания и изгнания крестьян с земли). На определенной стадии этого процесса, когда было накоплено *достаточно* денег, чтобы составить капитал для промышленной деятельности, когда было пролетаризировано *достаточное* количество людей, чтобы предоставить необходимый труд, созрели условия для возникновения промышленного капитализма. В этом пункте накопление количественных изменений привело к возникновению качественной ступени в развитии общества.

Вообще качественные изменения происходят относительно внезапно, в виде скачка. Новое рождается внезапно, хотя его возможность уже содержалась в постепенном эволюционном процессе непрерывного количественного изменения, происходившего до этого.

Таким образом, мы находим, что непрерывное, постепенное количественное изменение в определенной точке ведет к прерывному, внезапному качественному изменению. Мы уже отметили в предыдущей главе, что большинство из тех, кто рассматривал законы развития природы и общества, видели это развитие только с его непрерывной стороны. Это значит, что они рассматривали развитие лишь со стороны процесса роста, количественного изменения, и не видели его качественной стороны, именно того, что в определенной точке постепенного процесса роста внезапно появляется новое качество, происходит качественное превращение.

Тем не менее постоянно происходит именно так. Когда вы разогреваете чайник, вода внезапно закипает, когда достигнута точка кипения. Если вы жарите яичницу, то смесь на сковородке неожиданно *зажаривается*.

Внезапное появление нового качества в определенный момент постепенного процесса роста происходит при преобразовании общества. Капиталистическое общество будет преобразовано в социалистическое общество только тогда, когда господство одного класса будет заменено господством другого класса, а это является радикальным преобразованием, скачком к новому состоянию общества, революцией.

Если, с другой стороны, мы обратим внимание на качественную сторону дела, то увидим, что качественные изменения всегда

возникают в результате накопления количественных изменений и что качественные различия основаны на количественных различиях.

Поскольку количественные изменения должны в определенном пункте привести к качественному изменению, то мы, если хотим добиться качественного изменения, должны изучать его количественную основу и знать, что нужно увеличить и что уменьшить, чтобы произвести требуемое изменение.

Естествознание учит нас, каким образом чисто количественное различие — прибавление или убавление — приводит к качественным различиям в природе. Например, прибавление одного протона в ядре атома приводит к превращению одного элемента в другой[1]. Атомы всех элементов образуются из комбинаций одних и тех же протонов и электронов, и лишь различие в количестве протонов и электронов, комбинируемых в атоме, дает различные виды атомов, атомы различных элементов с различными химическими свойствами. Так, атом, состоящий из одного протона и одного электрона, — это атом водорода, но если добавить еще один протон и один электрон, то это будет атом гелия, и т. д. Точно так же в химических соединениях прибавление одного атома к молекуле приводит к различию между веществами, обладающими различными химическими свойствами. Вообще различные качества коренятся в количественных различиях.

Энгельс выразил это в следующих словах: «...в природе качественные изменения — точно определенным для каждого отдельного случая способом — могут происходить лишь путем количественного прибавления либо количественного убавления материи или движения...

Все качественные различия в природе основываются либо на различном химическом составе, либо на различных количествах или формах движения... либо, — что имеет место почти всегда, — на том и другом. Таким образом, невозможно изменить качество какого-нибудь тела без прибавления или отнятия материи либо движения, т. е. без количественного изменения этого тела»[2].

Эта черта диалектического закона, связывающая качество с количеством, знакома читателям популярной литературы об атомных бомбах. Для производства урановой бомбы необходимо иметь изотоп урана с атомным весом 235; более обычный изотоп урана с атомным весом 238 не годится. Разница между этими двумя изотопами чисто количественная: разница в атомном весе, зависящем от числа нейтронов, имеющихся в каждом изотопе. Но эта количественная разница атомных весов 235 и 238 приводит к качественному различию между веществом, обладающим свойствами, необходимыми для

---

[1] Простейшее объяснение физических явлений, к которым мы обращаемся в этом и в следующем примерах, см. E. H. S. Burhop, The Challenge of atomic Energy, Lawrence and Wishart, London, 1954.

[2] Ф. Энгельс, Диалектика природы, стр. 39.

бомбы, и веществом, лишенным этих свойств. Далее, при наличии некоторого количества урана-235 необходима определенная «критическая масса» его, чтобы произошел взрыв. Если его масса недостаточна, то цепная реакция, вызывающая взрыв, не произойдет; когда «критическая масса» достигнута, реакция происходит.

Таким образом, мы видим, что количественные изменения в определенный момент переходят в качественные изменения и что качественные различия основываются на количественных различиях. Это всеобщая черта развития. Что является причиной такого развития?

Развитие происходит через единство и борьбу противоположностей

Вообще говоря, причина того, почему в каждом отдельном случае количественные изменения приводят к качественному изменению, заключается в самой природе, в содержании этих отдельных процессов. Поэтому в каждом отдельном случае можно при наличии достаточных знаний объяснить, почему именно качественное изменение является неизбежным и почему оно происходит именно в определенный момент.

Чтобы дать такое объяснение, нужно изучить фактические обстоятельства данного случая. Этого объяснения нельзя найти при помощи одной только диалектики, но знание диалектики помогает в том смысле, что оно указывает нам, где его искать. В каком-либо отдельном случае мы можем еще не знать, как и почему происходит изменение. В таком случае перед нами стоит задача выяснить это путем исследования фактических обстоятельств дела. И такую задачу мы всегда можем решить в каждом отдельном случае, потому что возникновение нового качества не содержит в себе чего-либо непознаваемого и таинственного, какого-нибудь сокровенного секрета.

Рассмотрим, например, случай качественного изменения, происходящего при кипячении воды.

Когда нагревается масса воды, находящейся в чайнике, то в результате увеличивается скорость движения молекул, из которых состоит вода. До тех пор, пока вода сохраняет жидкую форму, силы притяжения между молекулами остаются достаточными для того, чтобы вся масса молекул была связана воедино, как масса воды в чайнике, хотя отдельные молекулы с поверхности воды постоянно улетучиваются. Но в точке кипения движение молекул становится достаточно сильным, чтобы они в большом числе начали отрываться от всей массы молекул. Следовательно, наблюдается качественное изменение. Вода бурно закипает, и вся масса быстро превращается в пар. Очевидно, что это изменение происходит в результате борьбы противоположностей, действующих внутри массы

воды, то есть тенденции молекул двигаться отдельно и отрываться друг от друга вопреки силам притяжения между ними. Первая тенденция усиливается до той точки, где она преодолевает вторую, в данном случае в результате внешнего добавления тепла.

Другой пример — с веревкой, рвущейся, когда груз делается слишком большим, — мы уже рассматривали. Здесь опять качественное изменение происходит в результате действия противоположности, возникающей между крепостью веревки и силой тяжести груза. Далее, когда яровая пшеница превращается в озимую, то это является результатом действия противоположности между «консерватизмом» растения и изменяющимися условиями роста и развития, которые воздействуют на это растение; в определенный момент воздействие второго преодолевает первое.

Эти примеры подготовляют нас к общему выводу о том, что, как говорит Сталин, «внутреннее содержание процесса развития, внутреннее содержание превращения количественных изменений в качественные» составляет борьба противоположностей — противоположных тенденций, противоположных сил — в рассматриваемых вещах и процессах.

Таким образом, закон о том, что количественные изменения переходят в качественные изменения и что качественные различия основываются на количественных различиях, приводит нас к закону единства и борьбы противоположностей.

Вот как формулирует Сталин этот закон, эту черту диалектики:

«В противоположность метафизике диалектика исходит из того, что предметам природы, явлениям природы свойственны внутренние противоречия, ибо все они имеют свою отрицательную и положительную сторону, своё прошлое и будущее, своё отживающее и развивающееся, что борьба этих противоположностей, борьба между старым и новым, между отмирающим и нарождающимся, между отживающим и развивающимся, составляет внутреннее содержание процесса развития, внутреннее содержание превращения количественных изменений в качественные.

Поэтому диалектический метод считает, что процесс развития от низшего к высшему протекает не в порядке гармонического развёртывания явлений, а в порядке раскрытия противоречий, свойственных предметам, явлениям, в порядке "борьбы" противоположных тенденций, действующих на основе этих противоречий»[1].

Чтобы понимать развитие, чтобы понимать, как и почему количественные изменения ведут к качественным изменениям, как и почему совершается переход от старого качественного состояния к новому, для этого нужно понимать противоречия, внутренне присущие каждой рассматриваемой вещи и каждому рассмат-

[1] И. Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 578.

риваемому процессу, и понимать, каким образом на основе этих противоречий возникает «борьба» противоположных тенденций.

Понимать это мы должны конкретно, в каждом отдельном случае помня указание Ленина, что «основное положение диалектики... истина всегда конкретна». Нельзя выводить законы развития в каждом конкретном случае из общих принципов диалектики: в каждом отдельном случае их нужно открыть путем фактического исследования. А диалектика подсказывает нам, что искать.

Диалектика общественного развития. Противоречия капитализма

Диалектическое понимание развития — учение о единстве и борьбе противоположностей — наиболее полно разработано в марксистском учении об обществе. Здесь, с точки зрения борьбы рабочего класса, на основе опыта рабочего класса можно очень точно разработать учение о диалектике противоречий капитализма и их развитии.

Но принципы, характеризующие развитие общества, не противоположны принципам, характеризующим развитие природы, а по существу являются теми же самыми, хотя форма их проявления в каждом случае различна. Так, Энгельс пишет, что у него не было никаких сомнений в том, что «в природе сквозь хаос бесчисленных изменений пробивают себе путь те же диалектические законы движения, которые и в истории господствуют над кажущейся случайностью событий»[1].

Марксистское понимание противоречий капитализма и их развития — этого завершающего триумфа диалектического метода — было следующим образом разъяснено Энгельсом.

Основное противоречие капитализма заключается не просто в антагонизме двух классов, которые противостоят друг другу, как две внешние силы, вступившие в антагонизм. Нет, это противоречие внутри самой общественной системы, на основе которого возникает и действует классовый антагонизм.

Капитализм осуществил концентрацию «средств производства в больших мастерских и мануфактурах, превращение их по сути дела в общественные средства производства. С этими общественными средствами производства и продуктами продолжали, однако, поступать так, как будто они по-прежнему оставались средствами производства и продуктами труда отдельных лиц. Если до сих пор собственник орудий труда присваивал продукт, потому что это был, как правило, его собственный продукт, а чужой вспомогательный труд был исключением, то теперь собственник средств труда продолжал присваивать себе продукты, хотя они производились уже не *его трудом*, а исключительно *чужим трудом*. Таким обра-

[1] Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 11.

зом, продукты общественного труда стали присваиваться не теми, кто на самом деле приводил в движение средства производства и в действительности был производителем этих продуктов, а *капиталистом*»[1].

Основное противоречие капитализма, следовательно, — это противоречие между обобществленным производством и капиталистическим присвоением. Именно на основе этого противоречия развивается борьба между классами.

«Это противоречие... *заключало в зародыше все коллизии современности... Противоречие между общественным производством и капиталистическим присвоением выступает наружу как антагонизм между пролетариатом и буржуазией*»[2].

Это противоречие может быть разрешено лишь победой рабочего класса, когда рабочий класс установит свою собственную диктатуру и вместо частной собственности и присвоения введет общественную собственность и присвоение в соответствии с общественным производством. Этот пример очень точно иллюстрирует смысл того, что сказал Сталин о «борьбе» «противоположных тенденций, действующих на основе этих противоречий». Классовая борьба существует и действует на основе противоречий, свойственных самой общественной системе.

Именно в результате борьбы противоположных тенденций, противоположных сил, возникающих на основе противоречий, свойственных общественной системе, происходит общественное преобразование, скачок к качественно новой фазе общественного развития. Этот процесс имеет свою количественную сторону. Рабочий класс растет численно и организационно. Капитал все более концентрируется и централизуется.

«Централизация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Она взрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют»[3].

Вот каким образом законы диалектики, обобщенные в принципе перехода количественных изменений в качественные и в единстве и борьбе противоположностей, действуют в развитии общества. Следовательно, для того чтобы осуществить преобразование общества, рабочий класс должен научиться понимать социальную обстановку в свете законов диалектики. Руководствуясь этим пониманием, он должен основывать тактику и стратегию своей классовой борьбы на конкретном анализе действительного положения на каждой стадии борьбы.

---

1 Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 254.
2 Там же, стр. 254, 255.
3 К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 766.

Глава IX

ПРОТИВОРЕЧИЕ

В процессах, когда в них имеется единство и борьба противоположных тенденций, существует противоречие. Противоречие внутренне присуще процессам, а не выступает просто как результат случайных и внешних причин.

Разрешение противоречий, внутренне присущих процессам природы и общества, ведет к качественным изменениям и является движущей силой таких изменений. Противоречие присуще всем процессам, происходящим в мире, но законы каждого отдельного процесса можно понять только путем изучения конкретных противоречий, существенных для каждого отдельного процесса, и специфических форм, которые принимают эти противоречия в специфических случаях.

Противоречия внутренне присущи процессам

В предыдущей главе мы рассмотрели, каким образом происходят качественные изменения путем борьбы противоположных сил. Это было показано на примере изменения жидкого состояния тела в твердое или газообразное, а также на примере изменения общества, на примере его перехода от капитализма к социализму. В каждом случае действуют «противоположные тенденции», «борьба» которых завершается определенным коренным преобразованием, качественным изменением.

Эта борьба не является внешней и случайной. Эту борьбу нельзя правильно понять, если мы будем считать, что речь идет о силах или тенденциях, возникающих совершенно независимо друг от друга, которые случайно встречаются, сталкиваются и приходят в конфликт друг с другом.

Напротив, эта борьба является внутренней и необходимой, ибо она возникает и проистекает из природы процесса в целом. Противоположные тенденции не являются независимыми друг от друга, напротив, они неразрывно связаны между собой как части или стороны единого целого. И они действуют и приходят в конфликт на основе противоречия, внутренне присущего процессу в целом.

Движение и изменение происходит на основе причин, *внутренне присущих* вещам и процессам, на основе *внутренних* противоречий.

Так, например, старая механистическая концепция движения состояла в том, что движение происходит только тогда, когда одно

тело сталкивается с другим; для механистической концепции не существует никаких внутренних причин движения, то есть «самодвижения», а существуют только внешние причины. Однако в действительности противоположные тенденции, которые действуют в ходе изменения состояния тела, действуют на основе противоречивого единства сил притяжения и отталкивания, внутренне присущего всем физическим явлениям.

Подобно этому, классовая борьба в капиталистическом обществе возникает на основе противоречивого единства обобществленного труда и частного присвоения, внутренне присущего капиталистическому обществу. Она возникает не в результате внешних причин, а в результате противоречий, заключенных в самой сущности капиталистического строя. В противоположность этому теоретики консервативной партии и правого крыла лейбористской партии доказывают, что классовая борьба вызывается внешним вмешательством — «коммунистическими агитаторами» и «советскими агентами». Они полагают также, что если только можно было бы остановить это внешнее вмешательство, то капиталистический строй мог бы прекрасно преуспевать в том виде, как он есть.

Внутренняя необходимость борьбы противоположных сил, а также внутренняя необходимость ее исхода — необходимость, базирующаяся на противоречиях, внутренне присущих процессу в целом, — не является просто тонкостью философского анализа. Она имеет очень большое практическое значение.

Например, буржуазные теоретики вполне могут признавать факт классовых столкновений в капиталистическом обществе. Однако они не признают необходимости такого столкновения: они не признают того, что этот факт основывается на противоречиях, присущих самой природе капиталистического строя, и что поэтому эта борьба, достигнув своей высшей точки, может завершиться только крушением самой системы и заменой ее новой, высшей системой общества. Таким путем они пытаются смягчить классовую борьбу, ослабить ее и примирить противоположные друг другу классы или затушить эту борьбу и, таким образом, сохранить систему целой и невредимой. Именно такой буржуазный взгляд на классовую борьбу вносится в рабочее движение социал-реформистами.

Именно в противоположность такому узкому, метафизическому способу понимания классовой борьбы Ленин указывал:

«Главное в учении Маркса есть классовая борьба. Так говорят и пишут очень часто. Но это неверно... Ограничивать марксизм учением о борьбе классов — значит урезывать марксизм, искажать его, сводить его к тому, что приемлемо для буржуазии. Марксист лишь тот, кто *распространяет* признание борьбы классов до признания *диктатуры пролетариата*. В этом самое глубокое отличие

марксиста от дюжинного мелкого (да и крупного) буржуа. На этом оселке надо испытывать *действительное* понимание и признание марксизма»[1].

Вообще противоречие – внутренне присуще данному процессу. Борьба, которая является характерной для процесса, представляет собой не внешнее столкновение случайно противоположных факторов, а разрешение противоречий, принадлежащих самой природе процесса. И эта борьба обусловливает исход процесса.

Противоречие есть единство и борьба противоположностей

Коренным представлением в диалектике является именно такое представление о противоречии, внутренне присущем самой природе вещей, которое состоит в том, что движущая сила качественных изменений лежит в противоречиях, находящихся внутри всех процессов природы и общества, и что, для того чтобы понять вещи и явления, контролировать их и господствовать над ними на практике, мы должны исходить из конкретного анализа их противоречий.

Что именно мы подразумеваем под «противоречием»?

Согласно обычной, метафизической концепции, противоречия возникают в наших понятиях о вещах, а не в самих вещах. Мы можем высказывать противоречивые положения о вещи, и, следовательно, в том, что мы говорим об этой вещи, имеется противоречие, однако в самой вещи не может быть никакого противоречия.

При такой точке зрения противоречие рассматривается просто и исключительно как логическое отношение между отдельными положениями, и при этом оно не берется как действительное отношение между вещами. Такая точка зрения основывается на рассмотрении вещей в статике, как «затвердевших и замороженных», и не принимает во внимание их движений и динамических взаимосвязей.

Если мы будем рассматривать реальные сложные движения и взаимосвязи действительных, сложных вещей, то мы найдем, что противоречивые тенденции могут существовать и действительно существуют в них. Например, если силы, действующие в теле, сочетают в себе тенденции притяжения и отталкивания, то это есть реальное противоречие. И если движение общества объединяет в себе тенденцию к обобществлению производства с тенденцией к сохранению частного присвоения продукта, то это также является реальным противоречием.

Существование противоречий в вещах представляет собой очень хорошо знакомое нам явление. В этом, по крайней мере, нет

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 25. стр. 383, 384.

ничего непонятного, и об этом часто упоминается в будничных разговорах. Например, мы говорим о человеке, что у него «противоречивый» характер, или что он «полон противоречий». Это означает, что этот человек проявляет противоположные тенденции в своем поведении, как, например, мягкость и жестокость, отвагу и трусость, эгоистичность и самопожертвование. Или еще: противоречивые отношения являются предметом будничных сплетен, когда мы говорим о супружеской паре, которая вечно ссорится, но никогда не будет счастлива порознь.

Подобные примеры указывают на то, что, когда мы в марксистской философии говорим о «противоречиях в вещах», мы не изобретаем некую искусственную философскую теорию, а имеем в виду нечто такое, что хорошо известно каждому. Мы не употребляем также слова «противоречие» в каком-то новом, необычном, исключительно нашем смысле, а пользуемся им в его обычном, повседневном значении.

Действительное противоречие есть *единство* противоположностей. Существует реальное противоречие, внутренне присущее, как мы говорим, самой природе вещи, процесса или отношения, когда в этой вещи, процессе или отношении объединяются вместе противоположные тенденции таким образом, что ни одна из этих тенденций не может существовать без другой. В единстве противоположностей обе противоположные стороны находятся в отношении взаимной зависимости, где одна противоположность является условием существования другой противоположности. Например, классовое противоречие между рабочими и капиталистами в капиталистическом обществе является как раз таким единством противоположностей, потому что в капиталистическом обществе ни рабочие не смогут существовать без капиталистов, ни капиталисты — без рабочих. Природа капиталистического общества такова, что эти противоположности находятся в нем вместе в неразрывном единстве. Это единство противоположностей принадлежит самой сущности общественной системы. Капитализм есть система, при которой капиталисты эксплуатируют рабочих, а рабочие эксплуатируются капиталистами.

Именно единство противоположностей в противоречии делает неизбежной и необходимой *борьбу* противоположностей. Поскольку противоположные стороны неразрывно объединены, постольку существует борьба. Так, например, вследствие того, что противоположные классы объединены в капиталистическом обществе, развитие этого общества происходит и не может не происходить в форме классовой борьбы. Мы можем также говорить о *взаимопроникновении* противоположностей в противоречии. Ибо в любой фазе борьбы каждая из противоположных тенденций, объединенных между собой в процессе борьбы, по своему действительному характеру и действию во многих

отношениях подвержена влиянию, изменению или проникновению со стороны другой тенденции. На каждую сторону противоречия всегда воздействует ее связь с другой стороной противоречия.

Разрешение противоречий

Мы можем понять процессы природы и общества, контролировать эти процессы и господствовать над ними, только благодаря пониманию их противоречий и следствий этих противоречий, только благодаря пониманию способа разрешения этих противоречий.

Противоречие является движущей силой изменения. Так, если мы хотим понять, каким образом изменяются вещи, и контролировать и использовать эти изменения, мы должны понять их противоречия.

Почему мы можем сказать, что противоречие есть движущая сила изменения? Потому, что только наличие противоречий в процессе создает те внутренние условия, которые с необходимостью вызывают изменение. Процесс, в котором не содержалось бы никаких противоречий, просто продолжался бы все время одним и тем же образом до тех пор, пока какая-нибудь внешняя сила не прекратила бы или не видоизменила бы его. Движение без противоречий представляло бы собой беспрестанное повторение одного и того же движения. Именно наличие противоречий, то есть противоречивых тенденций движения, или единства и борьбы противоположностей, вызывает *изменения* движения в ходе процесса.

Представьте себе, если сможете, общество без противоречий. Это было бы общество, где люди, постоянно выполняя одни и те же операции одним и тем же способом, удовлетворяли бы все свои потребности. Такое общество никогда не изменялось бы. В этом обществе постоянно бы происходило движение, поскольку люди все время выполняли бы известные операции; однако это движение всегда было бы тем же самым. Происходил бы процесс, но это был бы процесс повторения. Однако подобное общество не существует и не могло бы никогда существовать потому, что вследствие самой природы условий человеческой жизни всегда должны быть противоречия в обществе.

Удовлетворяя свои потребности, люди создают новые неудовлетворенные потребности, а развивая свои производительные силы, они создают такое положение дел, когда им необходимо изменить свои общественные отношения и учреждения в соответствии с этими производительными силами. Вот почему происходят изменения в обществе. Общественный процесс не есть процесс повторения, напротив, он представляет собой процесс, в котором происходят новые вещи и явления.

Далее, некоторые метафизические материалисты пытаются представить вселенную как систему частиц, сталкивающихся друг с другом и отлетающих друг от друга. Такая вселенная была бы вселенной постоянного движения частиц, однако она была бы вселенной, где постоянно повторяется одно и то же движение.

Действительная вселенная не похожа на такую вселенную, потому что она полна противоречий — противоречий притяжения и отталкивания, изучаемых физикой, соединения и разъединения атомов, изучаемых химией, противоречий процессов жизни и взаимоотношения организма со средой, изучаемых биологией. Именно разрешение этих противоречий (в их специфических формах, в специфических процессах) составляет действительные изменяющиеся процессы действительного изменяющегося мира.

Это показывает, что там, где существуют противоречия, происходит разрешение этих противоречий — разрешение борьбы противоположностей, возникающей из единства противоположностей. Процесс есть разрешение его собственных существенных противоречий.

Всеобщность и специфичность противоречия

Противоречие есть всеобщая черта всех процессов. Однако каждый специфический вид процесса имеет свои собственные специфические противоречия, которые являются для него характерными и отличаются от противоречий, присущих другим процессам.

Это положение было подчеркнуто Мао Цзэдуном в его работе «Относительно противоречия», в которой он дал наиболее полное из имеющихся до сих пор в марксистской литературе исследований этой концепции. Мао Цзэдун проводит различие между «всеобщностью» и «специфичностью» противоречия.

Из всеобщей идеи о противоречии никогда нельзя вывести то, что случится в любом специфическом случае, или то, каким образом можно контролировать специфический процесс. Как уже подчеркивалось, диалектический метод не состоит в приложении некоей предвзятой схемы к объяснению всего, напротив, он состоит в том, чтобы основывать выводы только на конкретном анализе конкретной ситуации.

Каждый вид процесса имеет свою собственную диалектику, которую можно постичь только путем тщательного изучения этого специфического процесса. Диалектика мира атомов не является точно такой же, как диалектика тел, непосредственно доступных восприятию наших чувств. Диалектика живых организмов не является точно такой же, как диалектика процессов неорганической материи. Диалектика человеческого общества есть новый закон

движения. А каждая фаза развития человеческого общества снова несет с собой свою собственную специфическую диалектику.

Так, например, противоречие между тенденциями притяжения и отталкивания в физическом движении и противоречие между интересами классов в обществе — оба являются противоречиями. Это — свидетельство всеобщности противоречия. Однако каждое противоречие имеет свой собственный отличительный характер, иной, чем у другого противоречия. Это — свидетельство специфичности противоречия.

Нельзя изучить законов физики или законов общества, если пытаться вывести их из всеобщей идеи о противоречии. Их можно изучить только путем исследования физических и общественных процессов. Физические движения и движение людей в обществе являются совершенно разными формами движения, и, таким образом, противоречия, изучаемые социологией, являются иными, чем противоречия, изучаемые физикой, и разрешаются они иным способом. Общественные и физические процессы являются подобными в том отношении, что каждый процесс содержит в себе противоречие, однако они различаются теми противоречиями, которые содержит в себе каждый процесс.

Противоречия, характерные для каждого вида процесса, можно назвать существенными противоречиями этого вида процесса. Например, противоречия между силами притяжения и отталкивания являются существенными противоречиями физических процессов, а противоречия между производительными силами и производственными отношениями являются существенными противоречиями общественных процессов.

Если мы будем далее рассматривать существенные противоречия, характерные для разных видов процессов, то мы сможем сказать, что эти противоречия проявляются специфическими способами в специфических случаях процессов данного вида.

Например, существенные противоречия общественных процессов проявляются специфическими способами в каждой специфической общественной формации. Противоречие между производительными силами и производственными отношениями принимает специфические формы в различных формациях общества. Так, в капиталистическом обществе оно принимает специфическую капиталистическую форму противоречия между все возрастающим общественным характером производства и сохранением частного присвоения.

С другой стороны, отношения между любым видом живого организма и его средой являются противоречивыми. Организм живет только благодаря своей среде, и в то же самое время его среда содержит угрозу для его жизни, которую (угрозу) он должен постоянно преодолевать. У человека это противоречие принимает форму специфического противоречивого отношения между человеком и

природой, а само это отношение принимает еще более специфические формы на каждой ступени общественного развития человека. Человек есть часть природы и живет благодаря природе. Человек также живет, противопоставляя себя природе и подчиняя природу своей воле. Само это противоречивое отношение развивается и принимает специфические формы вместе с развитием человека. Оно, например, имеется налицо как при первобытнообщинном строе, так и при коммунизме, однако оно представляет при коммунизме иную сторону, чем при первобытнообщинном строе.

Следовательно, для того чтобы понять процесс и изучить, каким образом контролировать его и господствовать над ним, мы должны узнать его существенные противоречия и исследовать специфические формы, которые эти противоречия принимают в специфических случаях.

Глава X

СТАРОЕ И НОВОЕ

Качественное изменение происходит тогда, когда старое единство противоположностей, в котором одна сторона была господствующей, заменяется новым единством, в котором отношение господства изменилось. Характер такого изменения определяется характером внутренних противоречий, результатом которых является это изменение, хотя оно часто может быть вызвано и всегда обусловливается внешними причинами.

Появление нового качества всегда происходит внезапно, в то время как завершение качественного изменения, вытеснение старого качества новым представляет собой постепенный процесс, занимающий большее или меньшее время, в соответствии с характером действующих сил и с теми обстоятельствами, в которых эти силы действуют. Борьба, путем которой происходит изменение, принимает различные формы, а в обществе возникает различие между антагонистическими и неантагонистическими формами борьбы внутри противоречия.

Поступательное развитие имеет место тогда, когда разрешение ряда противоречий в процессе продвигает этот процесс от одной ступени к другой. Подобное развитие происходит посредством преодоления и замены старого новым. Для того чтобы понять это развитие, мы должны понять основное противоречие процесса на каждой ступени его развития, а также понять, что является главной силой разрешения основного противоречия и продвижения процесса на следующую ступень развития. Поступательное движение может происходить только путем отрицания старого новым, а не путем сохранения старого.

Результат разрешения противоречий

Единство противоположностей в противоречии характеризуется определенными отношениями главенства и подчиненности или отношениями господства между противоположностями.

Например, в физическом единстве притяжения и отталкивания известные элементы притяжения или отталкивания могут преобладать в отношениях друг к другу. Единство таково, что одна сторона преобладает над другой или в известных случаях обе стороны могут быть равными.

Любое качественное состояние процесса соответствует определенному отношению господства одной стороны противоречия над другой. Так, твердому, жидкому и газообразному состояниям тел соответствуют определенные отношения господства в единстве

притяжения и отталкивания, характерные для молекул тел. Подобно этому, в противоречиях капиталистического общества элемент частного присвоения играет господствующую роль в отношении своей противоположности, общественного производства, а класс капиталистов господствует над рабочим классом. Если эти отношения господства становятся обратными, тогда это означает качественное изменение, конец капиталистической ступени развития общества и начало новой ступени развития.

Отношения господства ввиду самой своей природы, очевидно, являются непостоянными и подвержены изменению, даже если в некоторых случаях они остаются неизменными в течение длительного времени. Если отношение принимает форму равенства или равновесия, то подобное равновесие по природе своей непрочно, ибо внутри его происходит борьба противоположностей, которая способна привести к господству одной стороны противоречия над другой. Следовательно, также если одна сторона противоречия господствует над другой, то борьба противоположностей содержит в себе возможность перемены этого положения.

«Единство... противоположностей, — писал Ленин, — условно, временно, преходяще, релятивно. Борьба взаимоисключающих противоположностей абсолютна...»[1]. Это положение является бесспорно истинным. Какие бы ни могли быть отношения господства в единстве противоположностей, они всегда подвержены изменениям, в результате которых прежнее единство противоположностей исчезает и на его место заступает новое единство противоположностей.

Результатом разрешения противоречий является, стало быть, изменение в отношении господства, которое было характерно для первоначального единства противоположностей. Такое изменение составляет изменение в самой природе вещи, переход от одного состояния к другому, превращение одной вещи в другую, изменение, влекущее за собой не просто внешнюю перемену, а изменение во внутреннем характере и законах движения вещи.

Именно такое изменение мы подразумеваем под качественным изменением. Например, если перекрасить кусок железа из черного цвета в красный, то это будет просто внешняя перемена (оказывающая воздействие на способ отражения этим куском железа света и, следовательно, на то, каким он является в зрительном восприятии), однако это не является качественным изменением в том смысле, как мы его здесь определили. С другой стороны, если железо раскалить до точки плавления, тогда это *есть* качественное изменение, соответствующее нашему его определению. И оно осуществляется именно как изменение в отношениях притяжения и отталкивания, характерных для внутреннего молекулярного состояния

[1] В. И. Ленин, Философские тетради, стр. 328.

металла. Металл превращается из твердого состояния в жидкое, его внутренний характер и законы движения становятся в известном отношении иными, он претерпевает качественное изменение.

Качественное изменение есть результат изменения в соотношении противоположностей. Такое изменение подготовляется рядом количественных изменений, затрагивающих отношения господства в единстве противоположностей. Поскольку изменяется отношение господства, постольку количественное изменение переходит в качественное.

Когда в результате исчезновения старой формы единства противоположностей и возникновения новой формы единства происходит такое коренное или качественное изменение, тогда изменяются сами противоположности. Та сторона какого-либо процесса, которая из подчиненной становится господствующей, изменяется в этом процессе; точно так же обстоит дело и с другой стороной, которая из господствующей становится подчиненной. Следовательно, в новом качественном состоянии существуют не те же самые старые противоположности в изменившемся отношении, но вследствие того, что отношения изменились, противоположности, вместе находящиеся в этом отношении, также изменяются. Появляется новое единство противоположностей, новое противоречие.

Когда, например, рабочий класс становится сильнее класса капиталистов и из подчиненного класса становится господствующим классом, тогда в новом качественном состоянии общества исчезает класс капиталистов (ибо господствующий класс лишает его условий для существования), а рабочий класс, находясь в совершенно новых условиях, становится фактически новым классом. Поэтому противоречия общества изменяются; специфические противоречия старого состояния исчезают и нарождаются новые противоречия. Борьба между рабочим классом и капиталистами приходит к концу, и начинается новый вид борьбы.

Внешние и внутренние причины качественных изменений

Насколько переход от количественных изменений к качественным определяется разрешением противоречия, внутренне присущего самому процессу, или внутренними причинами, и насколько этот переход определяется внешними, или случайными, причинами?

Переход от количественных изменений к качественным определяется как тем, так и другим, однако различными способами.

Как в природе, так и в обществе различные вещи всегда взаимодействуют и влияют друг на друга. Следовательно, внешние

причины всегда должны принимать участие в изменениях, которые происходят в вещах. В то же самое время характер изменений всегда зависит от внутренних причин.

Эта проблема была рассмотрена Мао Цзэдуном в его работе «Относительно противоречия». Мао Цзэдун писал:

«Противоречия, внутренне присущие вещам и явлениям, служат коренной причиной их развития, тогда как взаимная связь и взаимодействие одной вещи или явления с другими вещами или явлениями представляют собой причины второго порядка. ...внешние причины являются условием изменений, а внутренние причины — основой изменений, причем внешние причины действуют через внутренние»[1].

Рассмотрим, к примеру, такое явление, как развитие цыпленка из зародыша. Зародыш, не получая тепла извне, не будет развиваться внутри яйца в цыпленка. Однако то, что развивается в яйце, что вылупляется из него, зависит от того, что находится внутри яйца. Как отмечает Мао Цзэ-дун: «Яйцо, получив соответствующее количество тепла, превращается в цыпленка, но тепло не может превратить камень в цыпленка, потому что основа у них различна»[2].

С другой стороны, вода не будет кипеть, если ее не нагреть. Однако процесс кипения, происходящий вследствие нагревания, происходит на основе внутреннего противоречия притяжения и отталкивания, характерного для молекул воды.

Подобно этому, в обществе революция происходит в определенной внешней обстановке, однако характер революции, ее исход и сам факт того, что она происходит, зависят от внутренних причин. Так, основа русской революции 1917 г. находилась внутри русского общества. Это сделало революцию неизбежной и определило ее характер. Однако то, что в действительности подтолкнуло революцию в 1917 г., представляло собой нечто внешнее — обстановку, вызванную империалистической войной.

Вообще, если мы рассмотрим качественные изменения, то их качественный характер можно будет объяснить только действием внутренних причин; специфические противоречия, на которых основывалось старое качество, определяют, какое возникнет новое качество. Внешние причины оказывают влияние только на количественные изменения вещей — на время и место их начала, на скорость их течения.

Чисто «внешние причины способны вызвать лишь... изменение объема и количества, но ими нельзя объяснить, почему вещам

[1] Мао Цзэдун, Избранные произведения, т. 2, Издательство иностранной литературы, 1953, стр. 412, 414.

[2] Там же, стр. 414.

и явлениям присущи бесконечное качественное многообразие и переход одного качества в другое»[1].

Так, например, классовая борьба в капиталистическом обществе может быть ускорена или замедлена рядом специфических внешних причин. Однако наличие классовой борьбы, ее продолжение, направление и конечный исход определяются противоречиями, внутренне присущими капиталистической системе.

Внезапность и постепенность качественных изменений

Если качественное изменение является результатом разрешения противоречий, то, следовательно, весь процесс борьбы противоположностей можно рассматривать как процесс замены одного качества другим, старого качества новым. Старое качество соответствует преобладанию одной стороны в единстве противоположностей. Когда эта сторона утрачивает свою главенствующую роль, то наступает замена старого качества новым. В этом смысле каждая составляющая сторона в единстве противоположностей является носителем определенного качества. Борьба одной составляющей стороны за сохранение своего господства сохраняет и старое качество; борьба другой составляющей стороны за аннулирование этого господства вызывает к жизни новое качество, сменяющее старое.

Например, вся жизнь есть единство противоположностей, единство процессов созидания и разрушения живой материи. До тех пор, пока созидание удерживает свои позиции в этом единстве, продолжается жизнь. Однако когда начинает преобладать разрушение, наступает смерть.

С другой стороны, если мы будем рассматривать противоречия капиталистического общества, то будет очевидно, что состояние общества при капитализме зависит от господства частного присвоения над общественным производством и от господства класса капиталистов над рабочим классом. Именно борьба рабочего класса против класса капиталистов и его борьба за освобождение общественного производства от оков частного присвоения создадут, когда произойдет ликвидация старого состояния общества, новое, социалистическое состояние общества.

Уже указывалось, что каждое противоречие имеет свои собственные специфические отличительные черты. И точно так же борьба противоположностей имеет в каждом отдельном случае свои собственные специфические особенности в зависимости от специфического противоречия, из которого она возникает. Следовательно, процессы качественного изменения, замена старого качества новым также имеют свои собственные специфические

---

[1] Мао Цзэдун, Избранные произведения, т. 2, стр. 413.

особенности в соответствии с данными качествами. Качественные изменения совершаются в результате разрешения противоречий, как результат количественных изменений — это положение представляет собой *всеобщую истину*. Однако эта всеобщая истина не говорит нам о том, каким образом будет разрешаться всякое *специфическое* изменение. Мы можем обнаружить это, только изучив каждый специфический случай.

Так, рассматривая разрешение общественных противоречий, приводящих к качественным изменениям в обществе, Мао Цзэдун отмечал, что каждое противоречие разрешается по-разному:

«Качественно различные противоречия могут разрешаться лишь качественно различными методами. Например, противоречие между пролетариатом и буржуазией разрешается методом социалистической революции. Противоречие между народными массами и феодальным строем разрешается методом демократической революции. Противоречие между колониями и империализмом разрешается методом национально-революционной войны. Противоречие между рабочим классом и крестьянством в социалистическом обществе разрешается методом коллективизации и механизации сельского хозяйства. Противоречия внутри коммунистической партии разрешаются методом критики и самокритики. Противоречия между обществом и природой разрешаются методом развития производительных сил»[1].

Каким бы ни был метод разрешения различных противоречий, всегда наступает момент, когда количественная сторона борьбы противоположностей внутри противоречия изменяется в достаточной мере для того, чтобы начало возникать новое качество. Это — момент, когда *начинается* качественное изменение. Каким образом *продолжается* это изменение, зависит целиком от специфического характера противоречия, результатом которого является это изменение, зависит от способа, каким продолжается борьба противоположностей.

Качественное изменение происходит всегда внезапно, и оно не может не быть внезапным в том смысле, что в известный момент количественного изменения возникает новое качество, которого раньше не было. В этот момент, так сказать, начинают происходить новые вещи и явления, действуют новые причины и вытекают новые следствия, приходят в действие новые законы движения. Это есть так называемый качественный «скачок», первое появление нового, которого раньше здесь не было.

Этому качественному изменению предшествует процесс, подготовляющий возникновение нового качества. В течение этого процесса противоречия разрешаются, так сказать, невидимо, не проявляясь в качественном изменении. В конце этой фазы внезапно

---

[1] Мао Цзэдун, Избранные произведения, т. 2, стр. 426.

начинается фаза возникновения нового качества, и она не может не начинаться внезапно.

Например, при нагревании воды происходит движение, которое внезапно переходит в процесс кипения. При развитии ребенка в чреве матери происходит движение, которое внезапно переходит в процесс рождения. В обществе происходит движение классов, обостряются конфликты, вызревают взгляды людей и внезапно начинается решающее революционное изменение.

После того как происходит качественное изменение, быстрота или медленность и вообще способ его завершения — будет ли старое качество уничтожено одним ударом, как во взрыве, или же оно будет заменено новым качеством более постепенно — всецело зависят от обстоятельств каждого отдельного случая. Когда возникает новое качество, когда оно скачкообразно приобретает существование, тогда начинается процесс нового качественного характера, в котором новое качество постепенно заменяет старое.

Следовательно, в то время как качественное изменение начинается внезапно, процесс продолжения этого изменения и его завершения представляет собой процесс, занимающий более или менее длительное время. Насколько быстро или насколько медленно новое заменяется старым и каким образом это происходит: насильственно или нет — зависит от характера процесса и условий, при которых он происходит.

Например, физические изменения состояния тела, такие, как кипение воды, являются внезапными, потому что внезапно наступает момент, когда начинает возникать новое вещество — пар; однако превращение воды в пар является постепенным процессом. То же самое имеет место и в отношении химических превращений и в отношении качественных изменений в обществе. В разрешении общественных противоречий наступает момент, когда начинается качественное изменение — переход власти из рук одного класса в руки другого класса, переход от одной системы производственных отношений к другой системе производственных отношений; после чего для завершения этого изменения может потребоваться больший или меньший период времени.

Возьмем, например, политическую сторону социальной революции, то есть завоевание государственной власти. Во время русской социалистической революции это произошло в результате единого удара, то есть сравнительно быстро. В несколько дней все решающие позиции власти перешли в руки рабочего класса.

В следующий тур социалистических революций — в период революций в странах народной демократии — завоевание власти происходило более медленно, путем ряда шагов, когда последовательно одна за другой завоевывались позиции государственной власти. Если мы обратимся к революциям, путем которых буржуазия в прошлом вырвала власть у феодальной знати, то эти

революции происходили еще более медленно, часто растягиваясь на многие годы.

Или если мы будем рассматривать экономические изменения, то эти изменения имеют тенденцию происходить сравнительно медленно, через ряд последовательных ступеней. Например, капиталистические отношения, возникнув в феодальном обществе, расширяли свою сферу шаг за шагом в течение длительного периода. С другой стороны, замена капитализма социализмом, которая уже началась, представляет собой другой постепенный процесс, хотя он происходит более быстро, чем замена феодализма капитализмом. (Этот процесс происходит более быстро вследствие определенных причин, а именно потому, что социализм не может прийти на смену капитализму до тех пор, пока рабочий класс не завоюет государственную власть и пока эта государственная власть не будет направлять и ускорять экономические изменения. Напротив, переход от феодализма к капитализму начинается вообще задолго до того, как государственная власть переходит в руки класса капиталистов, а тем временем феодальное государство действует в направлении скорее замедления, чем ускорения экономических изменений.)

Эти примеры показывают, что у качественных изменений существует количественная сторона, а именно: сила и скорость, с которыми эти изменения завершаются. И естественно, что при известных неблагоприятных обстоятельствах подобное изменение может никогда не завершиться совсем. В известных случаях возможно, что начавшееся изменение затем прекращается, а его следы исчезают.

Концепция диалектического материализма о противоречии включает в себя как внезапность, так и постепенность качественных изменений. Различие между этой концепцией об изменении и концепциями многих других философских течений состоит не в том, что диалектический материализм считает, что все качественные изменения внезапны, в то время как остальные говорят, что они происходят постепенно. Это отличие состоит в том, что диалектический материализм рассматривает изменение, как происходящее в результате борьбы противоположностей, в результате разрешения противоречий, в то время как другие философские направления не видят этого или отрицают это. Эти философские течения полагают, что изменение происходит всегда плавно, без конфликтов, или, в крайнем случае, только путем внешних конфликтов.

Антагонизм и неантагонизм в противоречии

Разрешение противоречий всегда влечет за собой борьбу одной стороны противоречия с другой и преодоление одной стороны другой. Однако в соответствии с природой противоречия этот

процесс может происходить различными способами. Различие между противоречиями, разрешение которых влечет за собой подавление или разрушение одной стороны противоречия другой, и такими противоречиями, разрешение которых не требует подобных методов, особенно следует проводить в отношении общества.

Переход от капитализма к социализму, например, происходит путем свержения рабочим классом класса капиталистов. Однако последующий переход от социализма к коммунизму не требует свержения кого-либо. Первый переход осуществляется посредством борьбы между взаимно антагонистическими силами, в то время как никаких подобных антагонизмов не нужно преодолевать для того, чтобы осуществить переход от социализма к коммунизму.

Вообще общественные противоречия являются антагонистическими тогда, когда они влекут за собой конфликты экономических интересов. В подобных случаях одна группа навязывает свои собственные интересы другой группе и одна группа свергает другую. Однако, когда нет конфликтов экономических интересов, тогда не существует антагонизма и поэтому не существует необходимости в свержении какой-либо одной группы другой. Поскольку в социалистическом обществе покончено с классовыми антагонизмами, то все общественные вопросы можно урегулировать путем обсуждения и дискуссий, путем критики и самокритики, путем убеждения и соглашения.

Следовательно, антагонизм и противоречие не одно и то же. Антагонизм и борьба противоположностей внутри противоречия также не одно и то же. Борьба противоположностей является всеобщей, необходимой чертой каждого противоречия, и она может принять или не принять антагонистическую форму в зависимости от специфического характера отдельного противоречия.

Так, Ленин отмечал, что «антагонизм и противоречие совсем не одно и то же. Первое исчезнет, второе останется при социализме»[1].

Как указывает Мао Цзэдун: «...антагонизм является лишь одной из форм борьбы противоположностей, а не всеобщей ее формой...»[2].

Различие между антагонизмом и неантагонизмом в противоречиях общества имеет большое практическое значение. В обществе имеется много противоречий, и практически важно различать, какие противоречия являются антагонистическими, а какие таковыми не являются, для того чтобы найти правильный метод их разрешения. Если противоречие одного вида будет принято за

---

1 Ленинский сборник, XI, стр. 357.

2 Мао Цзэдун, Избранные произведения, т. 2, стр. 464.

противоречие другого вида, то последуют неправильные действия, которые не смогут привести к желаемым результатам.

Например, социалисты-реформисты считают, что нет нужды для рабочего класса брать власть и использовать ее для подавления класса капиталистов, в то время как марксисты признают, что покончить с капитализмом и достичь социализма нельзя никаким другим методом. Однако когда устанавливается социализм, исчезают классы и классовые антагонизмы, и тогда, следовательно, методы борьбы, пригодные для преодоления классовых антагонизмов, становятся не пригодными для последующей борьбы за переход от социализма к коммунизму. Противоречия остаются, однако, так как они больше не принимают форму антагонизма интересов, они для своего решения не требуют насильственных мер для того, чтобы навязать интересы одной части общества другой.

Различие между антагонизмом и неантагонизмом в противоречиях внутри общества есть различие между теми противоречиями, которые можно разрешить только путем использования материальной силы одной стороной против другой, и такими противоречиями, которые можно разрешить полностью в результате обсуждений среди членов общества и согласованных решений, принимаемых после подобных обсуждений. Противоречия этого последнего вида являются особым видом противоречия, которое может возникнуть только среди разумных человеческих существ и только тогда, когда они объединены ради общих интересов, а не разделены антагонистическими интересами. В подобных противоречиях появляется новый элемент разумного, целенаправленного, сознательно контролируемого разрешения противоречий в противоположность слепому разрешению противоречий в природе — новый элемент человеческой свободы, противостоящий естественной необходимости.

Поступательный характер развития

Во многих процессах разрешение их противоречий ведет к направленному и поступательному развитию, причем, как говорит Энгельс, «поступательное развитие, при всей кажущейся случайности и вопреки временным отливам, в конечном счете пробивает себе дорогу...»[1]. Процесс идет вперед от одной ступени к другой, причем каждая ступень является переходом к чему-то новому, а не возвратом к какой-то уже пройденной ступени.

Однако другие процессы не характеризуются таким поступательным движением.

Например, если охладить или разогреть воду, то она, претерпевая качественные изменения, переходит в новое состояние (лед

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, стр. 368.

или пар), однако такое движение нельзя назвать ни прогрессивным, ни регрессивным. Если, к примеру, мы готовим чай, то мы могли бы назвать шагом вперед превращение воды в пар; если же мы приготовляем напиток со льдом, тогда превращение воды в лед является шагом вперед. Факт состоит в том, что лед может превратиться в воду, а вода в пар, и обратно, и этому движению внутренне не присущ какой-либо порядок: ни направленность от низшего к высшему, ни наоборот. Однако когда мы рассматриваем такое движение, как движение общества, то мы обнаруживаем, что этому движению присущ такой порядок: общество движется вперед от первобытно-общинного строя к рабству, от рабства к феодализму, от феодализма к капитализму, от капитализма к коммунизму. Это есть движение, имеющее направленность, — это есть «поступательное» движение. Например, движение от капитализма к социализму является движением в поступательном и прогрессивном направлении; шаг от социализма к капитализму означал бы шаг назад, регресс.

Гегель обычно считал, что все процессы природы относятся к процессам, не имеющим направленности (подобно процессу: лед — вода — пар — вода — лед), и что направленность может появиться в процессах только тогда, когда в них действует «дух», или «сознание».

«При всем бесконечном многообразии изменений, совершающихся в природе, в них обнаруживается лишь круговращение, которое вечно повторяется; в природе ничто не ново под луной... Лишь в изменениях, совершающихся в духовной сфере, появляется новое»[1].

Однако это различие в действительности не зависит ни от какого различия между «природой» и «духом». Движение может иметь направленность тогда, когда никакое сознание не направляет его. Сам дух, или сознание, является продуктом природы; биологические изменения в природе, которые привели к возникновению человека, имеют направленность, имеют ее и геологические изменения; имеют ее и процессы в эволюции звезд, и т. п. Вообще направленность в процессах имеет естественное объяснение. Если некоторые процессы имеют направленность, а некоторые не имеют, то это зависит исключительно от особого характера самих процессов и от условий, при которых они происходят.

Вообще так как качественные изменения в процессе всегда следуют за количественными изменениями, то они имеют направленность в том случае, когда эти количественные изменения возникают из условий, постоянно действующих внутри самого процесса, а в противном случае они не имеют направленности. Движение является ненаправленным, когда оно происходит только при условиях,

---

[1] Гегель, Соч., т. VIII, стр. 51—52.

вызванных внешними причинами. Движение имеет направленность в том случае, когда оно (хотя и обусловленное внешними факторами) побуждается внутренними причинами. В этом случае та направленность, которую оно принимает, является «его собственной» направленностью именно потому, что она возникает из внутренних причин.

Что же, следовательно, является основой направленности в процессах, основой внутренних причин поступательного движения развития? Ее можно найти в существовании и длительном действии в этих процессах коренных противоречий, которые разрешаются, принимая ряд специфических форм. Вот что порождает ряд ступеней развития, вот что порождает длительные процессы развития в определенном направлении.

Так, например, если общественное развитие имеет направленность, то она возникает потому, что человек находится в постоянном противоречивом отношении к природе. Постоянное существование этого противоречия порождает постоянное стремление улучшать свои производительные силы, и поскольку это стремление действует в таком направлении, шаг за шагом возникают противоречия между общественными производительными силами и производственными отношениями. Направленность общественной эволюции человека есть направленность господства человека над природой, и движение общества принимает эту направленность просто вследствие естественных условий человеческой жизни, вследствие побуждений к изменениям и развитию, которые люди испытывают вследствие необходимости удовлетворять свои потребности.

Подобно этому если такие тела, как звезды, проходят ряд эволюционных стадий, то это происходит потому, что противоречивые условия их развития порождают постоянные процессы, как, например, радиацию, существование которых вызывает ряд качественных ступеней развития в их истории.

Мы, конечно, не можем сказать, как это делают некоторые философы, что в течение вечного времени бесконечная вселенная развивалась от ступени к ступени в предопределенном направлении.

Для любых подобных утверждений нет никаких оснований, и, в самом деле, в них нет никакого смысла. Нельзя говорить о направленности, которую якобы принимает все: можно говорить только о направленности развития отдельных вещей, которыми мы интересуемся. Направленное развитие вещей и явлений происходит не вследствие того, что в них действуют «бог» или «дух», оно также не является проявлением каких-то таинственных космических законов, напротив, оно возникает и следует из специфических противоречий отдельных вещей и явлений. Отдельные вещи и явления характеризуются специфическими противоречиями, в результате которых движение этих вещей и явлений принимает определенное направление.

Противоречие между старым и новым, между прошедшим и будущим

Когда происходит поступательное движение в процессах, то шаг за шагом совершается, как говорит Сталин, «переход от старого качественного состояния к новому качественному состоянию»[1], замена старого качества новым качеством.

Новая ступень развития наступает в результате разрешения противоречия, присущего старой ступени развития. А сама новая ступень развития содержит в себе новое противоречие, так как эта ступень появляется на свет, содержа в себе нечто от прошлого, из которого она возникает, и от будущего, к которому она ведет. Поэтому она имеет свою отрицательную и положительную сторону, своё прошлое и будущее, своё отживающее и развивающееся. На этой основе возникает борьба между старым и новым, между отмирающим и нарождающимся, между отживающим и развивающимся.

Таким образом, поступательное движение развития есть постоянное разрешение ряда противоречий. Развитие постоянно стремится вперед, к новому развитию. Весь процесс на каждой ступени развития является по существу борьбой между старым и новым, между отмирающим и нарождающимся.

Для того чтобы понять законы развития какого-либо явления, мы должны, стало быть, понять его противоречия, а также то, каким образом они разрешаются.

Процесс обычно содержит в себе не одно, а много противоречий. Он представляет собой клубок противоречий. И, таким образом, для того чтобы понять, как протекает развитие процесса, нужно принять во внимание все его противоречия и понять их взаимоотношение.

Прежде всего это большей частью означает, что мы должны понять *главное* противоречие процесса в его общем характере и в той специфической форме, которую оно принимает на каждой ступени развития. Главное противоречие – это такое противоречие, внутренне присущее самой природе процесса, которое определяет его направление.

Так, например, в обществе главным противоречием является противоречие между производительными силами и производственными отношениями, и это противоречие принимает специфическую форму на каждой ступени развития общества. В капиталистическом обществе это есть противоречие между общественным производством и частным присвоением. Это основное противоречие есть тот фактор, который определяет направление развития, а именно: переход от капитализма к социализму – переход

[1] И. Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 576.

к общественному присвоению, соответствующему общественному производству.

Процесс, обусловленный основным противоречием, характеризуется, кроме этого, рядом крупных и малых последующих противоречий, характер и влияние которых зависят от основного противоречия. Действие и разрешение этих противоречий составляют всеобщий процесс разрешения основного противоречия по направлению к возникновению новой ступени процесса, нового качества.

Основное противоречие разрешается посредством всей борьбы, возникающей из всех последующих противоречий. Однако здесь одно специфическое противоречие вообще играет ключевую, или *главную*, роль. Другими словами, среди всех элементов, тенденций или сил, вступающих в различные формы борьбы в сплетении противоречий, существует вообще одно противоречие, играющее *главную* роль в доведении основного противоречия до его разрешения, в достижении новой ступени и в замене старого качества новым.

Например, в любой капиталистической стране существует много противоречий. Кроме противоречия между рабочим классом и классом капиталистов, существуют другие противоречия между другими классами — между городской мелкой буржуазией, крестьянами, помещиками и т. д., а также противоречия внутри самого класса капиталистов. Имеются также противоречия международного порядка, как противоречия между данной капиталистической страной и другими странами и противоречия между империалистами и колониальными народами. Однако внутри всего этого клубка противоречий именно борьба рабочего класса с классом капиталистов играет в каждой данной стране ключевую, или главную, роль в движении общества вперед, от капитализма к социализму. Ибо это есть единственное противоречие, разрешение которого выльется в такой переход от господства одной стороны противоречия к господству другой его стороны, который вызовет коренное изменение в качественном состоянии всех явлений.

Так, например, противоречие между крупными капиталистами и мелкой буржуазией всегда принимает форму господства крупных капиталистов, причем если сила господства крупных капиталистов над мелкой буржуазией постоянно растет, то последняя становится все слабее и ее роль во всех сферах общественной жизни все более отходит на последний план. Следовательно, мелкая буржуазия не может быть главной революционной силой в капиталистических странах и ее противоречие с крупными капиталистами не может быть главным противоречием. Напротив, рабочий класс становится все сильнее вместе с развитием капитализма и представляет собой такую силу, находящуюся под господством капиталистов, которая сможет в конечном счете сбросить

это господство. Вот почему рабочий класс есть главная революционная сила, и вот почему противоречие между рабочим классом и капиталистами есть главное противоречие.

Следовательно, для того чтобы понять законы развития процессов, нужно не только понять основное противоречие процесса на каждой ступени развития, необходимо также понять и то, что представляет собой главную силу в разрешении основного противоречия и в движении процесса вперед, к следующей ступени развития.

Мао Цзэдун указывал, что «при изучении любого процесса... необходимо стремиться отыскать главное противоречие»[1].

Это может оказаться сложной задачей, так как то, что является главным противоречием в известных обстоятельствах, при других обстоятельствах может оказаться неглавным. «Определив это главное противоречие, легко решать все проблемы»[2], в то время как если мы не определим главного противоречия, то мы не сможем найти главного звена, а потому не сможем найти и метода разрешения противоречий.

«Таков метод, указанный нам Марксом при изучении им капиталистического общества»[3], — писал Мао Цзэдун. Маркс показал, каким образом в своей борьбе с классом капиталистов рабочий класс сможет найти союзников и воспользоваться обстоятельствами, возникающими из всего сплетения общественных противоречий, для того чтобы повести общество вперед, от капитализма к коммунизму.

Роль отрицания в развитии

Поступательное движение, как бы сложно оно ни было в каждом отдельном случае, всегда совершается путем борьбы нового и старого и путем преодоления старого и умирающего новым и возникающим.

Так, в общественном развитии, при переходе от капитализма к социализму, новое, которое возникает в экономической жизни капиталистического общества, — общественный характер производства — противоречит старому и унаследованному от прошлого — частному характеру присвоения; возникает новая сила, рабочий класс, борьба которого против класса капиталистов есть борьба за осуществление новой ступени развития против защитников старого.

Эта диалектическая концепция развития противоположна старой либеральной концепции, приятной сердцу буржуазных теоре-

---

1 Мао Цзэдун, Избранные произведения, т. 2, стр. 443.
2 Там же.
3 Там же.

тиков. Либералы признают развитие и утверждают, что прогресс является всеобщим законом природы и общества. Но они рассматривают развитие как гладкий процесс, и если они иногда признают, что существует борьба, то они смотрят на этот факт, как на неудачный перерыв, способный скорее помешать развитию, чем способствовать ему. Для них существующее не может быть заменено возникающим, старое не может быть преодолено новым, а должно быть сохранено с тем, чтобы оно могло постепенно улучшаться и стать более высокой формой существующего.

Социал-реформисты, верные этой философии, которую они переняли от капиталистов, стремились сохранить капитализм, рассчитывая на то, что он может врасти в социализм. Стремясь таким образом сохранить капитализм, они кончили не борьбой за социализм, а борьбой против него. Эти поборники социального мира и классового сотрудничества не могут избежать борьбы: они просто принимают в ней участие как представители противоположной стороны.

Сравнивая диалектико-материалистическую, или революционную, концепцию развития с этой либеральной, реформистской концепцией развития, можно сказать, что первая концепция признает и содержит в себе *отрицание*, в то время как вторая не признает и не способна признать роль отрицания в развитии. Диалектика учит нас понимать, что новое должно бороться против старого и преодолевать его, что старое должно уступить место новому и старое должно быть заменено новым, – другими словами, что новое должно подвергнуть отрицанию старое.

Либерал, который мыслит метафизически, понимает отрицание как простое «нет». Для него отрицание означает просто конец чего-нибудь. Вместо движения вперед оно означает отступление, вместо приобретения – потерю. Напротив, диалектика учит нас не бояться отрицания, а понять, каким образом оно становится условием прогресса, средством для положительного продвижения вперед.

Глава XI

ОТРИЦАНИЕ ОТРИЦАНИЯ

Диалектическое учение о развитии благодаря признанию роли отрицания противоположно либеральному представлению о развитии. Для либерала отрицание означает просто удар, разрушающий что-то. Дело же обстоит как раз наоборот: отрицание является условием положительного прогресса, в котором старое уничтожается лишь после того, как оно создало условия для перехода к новому, а все положительные приобретения, принадлежавшие старой ступени, переносятся в новое.

Более того, уже пройденная ступень развития может быть воспроизведена на более высоком уровне в результате двойного отрицания, в результате отрицания отрицания. Согласно либеральному представлению о развитии, если данной ступени развития и суждено подняться на более высокий уровень, то это должно произойти постепенно и мирно, без процесса отрицания.

Но дело обстоит как раз наоборот: высшая ступень развития может быть достигнута лишь путем двойного отрицания.

Повторение старой ступени развития на более высоком уровне, происходящее посредством отрицания отрицания, есть всеобщий и важный закон развития, действие которого подтверждается многими процессами природы, общества и мышления.

Положительный характер отрицания

«В диалектике отрицать не значит просто сказать “нет”», — писал Энгельс[1].

Когда в процессе развития старая ступень отрицается новой, то, во-первых, эта новая ступень может появиться, лишь возникая из старой и в противоположность ей. Условия существования нового рождаются и созревают внутри старого. Отрицание есть положительный процесс, осуществляемый лишь путем развития того, что отрицается. Старое не просто ликвидируется, оставляя вещи в том состоянии, как если бы оно никогда не существовало: оно уничтожается лишь после того, как оно само создает условия для новой ступени развития.

Во-вторых, старая ступень развития, которая отрицается, сама представляет собой прогрессивную ступень в поступательном процессе развития в целом. Она отрицается, но прогресс, осуществимый в ней, не отрицается. Напротив, этот прогресс

---

[1] Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 133.

находит продолжение на новой ступени, которая вбирает в себя и развивает дальше все достижения прошлого.

Например: социализм сменяет капитализм — первый отрицает второй. Но условия возникновения и победы социализма были порождены капитализмом, и социализм появляется как следующая за капитализмом ступень общественного развития. Все достижения, весь прогресс производительных сил, также и все культурные достижения, имевшие место при капитализме, не уничтожаются, когда уничтожается капитализм, а, наоборот, сохраняются и умножаются.

Либералы не понимают этого положительного содержания отрицания, для них отрицать значит просто сказать «нет». Более того, они представляют себе отрицание лишь как приходящее извне, как внешнее. Нечто превосходно развивается, а затем что-то приходит извне и отрицает его — уничтожает. Такова их концепция. То, что нечто в силу своего собственного развития приводит к своему собственному отрицанию и тем самым к более высокой ступени развития, — это выше их понимания.

Так, либералы представляют себе социальную революцию не только как катастрофу, как конец упорядоченного прогресса, но они считают, что такая катастрофа может быть произведена лишь внешними силами. Если революция угрожает опрокинуть капиталистическую систему, то это происходит не вследствие развития противоречий самой этой системы, а по вине «агитаторов».

Конечно, *бывает* отрицание и в форме просто внешнего удара, который что-либо разрушает. Например, если я иду по дороге и меня сбивает автомобиль, то я испытываю отрицание чисто отрицательного рода. Такие случаи часты в природе и обществе. Но не так должны мы понимать отрицание, если хотим понять положительную роль отрицания в процессе развития.

На каждой ступени развития возникает борьба старого с новым. Новое возникает и усиливается в рамках старых условий, и, когда оно становится достаточно сильным, оно побеждает и уничтожает старое. Это является отрицанием прошедшей стадии развития, отрицанием старого качественного состояния, это означает появление новой и более высокой ступени развития, нового качественного состояния.

Отрицание отрицания

Это приводит нас к следующей диалектической черте развития — отрицанию отрицания.

Согласно либеральной идее о том, что отрицать «значит просто сказать «нет», — согласно этой идее, если отрицание отрицается, то снова восстанавливается первоначальное положение без изменений. Согласно этой идее, отрицание есть просто отрицание,

устранение. Поэтому если отрицание, устранение, само отрицается, то это просто означает восстановление того, что было устранено. Если вор крадет мои часы, а затем я отнимаю их у него, мы возвращаемся к исходной точке — часы снова у меня. Совершенно так же, если я говорю: «Будет хороший день», — а вы говорите: «Нет, будет дождливый день», — на что я отвечаю: «Нет, день не будет дождливым», — я просто, отрицая ваше отрицание, восстановил свое первоначальное утверждение.

Это выражено в принципе формальной логики «не не-А = А». Согласно этому принципу, отрицание отрицания является бесплодной операцией. Оно попросту возвращает вас к отправной точке.

Рассмотрим, однако, действительный процесс развития и совершающееся в нем диалектическое отрицание.

Общество развивается от первобытного коммунизма к рабовладельческой системе. Следующая ступень — феодализм. Следующая за ней — капитализм. Каждая ступень возникает из предшествующей и отрицает ее. Пока наблюдается простая последовательность ступеней, каждая выступает как отрицание другой и представляет собой более высокую ступень развития. Но что же дальше? Коммунизм. Здесь происходит возврат к началу, но на более высоком уровне развития. Вместо первобытного коммунизма, основанного на крайне низких производительных силах, возникает коммунизм, основанный на высоко развитых производительных силах и содержащий в себе новые огромные возможности развития. Старое первобытное бесклассовое общество превратилось в новое бесклассовое общество более высокого типа. Оно, так сказать, поднято к более высокому могуществу, вновь появляется на более высокой ступени. А случилось это лишь потому, что с появлением классов и развитием классового общества старое бесклассовое общество подверглось отрицанию, потому что в конце концов классовое общество, после того как оно полностью проделало свое развитие, само в конечном счете подверглось отрицанию, когда рабочий класс взял власть в свои руки, покончил с эксплуатацией человека человеком и установил новое бесклассовое общество, основывающееся на всех достижениях всего предшествующего развития.

Это и является отрицанием отрицания. Это отрицание отрицания не возвращает нас к первоначальному исходному пункту. Оно приводит нас к новому исходному пункту, который является первоначальным исходным пунктом, поднятым посредством своего отрицания и отрицания отрицания на более высокую ступень.

Таким образом, мы видим, что в ходе развития в результате двойного отрицания более поздняя ступень может повторить более раннюю ступень, но повторить ее на более высоком уровне развития.

Происходит «развитие, как бы повторяющее пройденные уже ступени, но повторяющее их иначе, на более высокой базе... развитие, так сказать, по спирали, а не по прямой линии»[1].

Таково учение о развитии, которое, как и концепцию диалектического отрицания, либеральный взгляд не может усвоить. Либеральному взгляду развитие представляется гладким восходящим движением, совершающимся путем ряда мелких изменений. Если данной ступени развития и суждено подняться на более высокий уровень, то это должно произойти постепенно и мирно, посредством «гармоничного развертывания» всех высших потенций, скрытых на первоначальной ступени развития. Однако факты показывают, что дело обстоит как раз наоборот: высокая ступень достигается лишь путем борьбы и отрицания. Развитие происходит не как «гармоничное развертывание», а как «раскрытие противоречий», в котором низшая ступень отрицается — уничтожается; в котором развитие, следующее за ее отрицанием, само отрицается; в котором более высокая ступень развития достигается лишь в результате этого двойного отрицания.

Как говорит Гегель, высшая цель развития достигается лишь через «страдание, терпение и труд отрицания»[2].

Отрицание отрицания как всеобщий и важный закон развития

При рассмотрении закона отрицания отрицания следует еще раз подчеркнуть сказанное ранее, а именно: что суть диалектики заключается в изучении процесса «во всей его конкретности», в выяснении того, как он происходит на самом деле, а не в том, чтобы выдумывать какую-то предвзятую схему и затем пытаться «доказать» необходимость существования действительного процесса, воспроизводящего эту идеальную схему. Мы не станем утверждать заранее, что всякий процесс является примером отрицания отрицания. Еще в меньшей степени станем мы пользоваться понятием этого закона для «доказательства» чего бы то ни было.

Ссылаясь на указания Маркса о наличии отрицания отрицания в истории, Энгельс говорит:

«Таким образом, называя этот процесс отрицанием отрицания, Маркс и не помышляет о том, чтобы в этом видеть доказательство его исторической необходимости. Напротив того: после того как он доказал, исторически, что процесс этот отчасти уже действительно совершился, отчасти еще должен совершиться, только после этого характеризует он его как такой процесс, который происходит притом по известному диалектическому закону. Вот и все»[3].

---

1 В. И. Ленин, Соч., т. 21, стр. 38.
2 Гегель, Феноменология духа. Предисловие.
3 Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 126.

Диалектика учит нас, что можно понять законы развития всякого отдельного процесса путем изучения самого этого процесса в его развитии. Но поступая таким образом, мы обнаружим повторение старой ступени на более высоком уровне, совершающееся посредством отрицания отрицания.

«Итак, что такое отрицание отрицания? — пишет Энгельс. — Чрезвычайно общий и именно потому чрезвычайно широко действующий и важный закон развития природы, истории и мышления... Само собой понятно, что я еще ничего не говорю о том *особом* процессе развития... когда говорю, что это — отрицание отрицания... Когда я обо всех этих процессах говорю, что они представляют отрицание отрицания, то я охватываю их всех одним этим законом движения и именно потому оставляю без внимания особенности каждого специального процесса в отдельности. Диалектика же есть не более как наука о всеобщих законах движения и развития природы, человеческого общества и мышления»[1].

Сколь чрезвычайно широко действующим и важным является этот закон развития, может быть показано на многочисленных примерах.

Мы уже видели, каким образом в истории происходит отрицание отрицания в развитии от первобытного коммунизма к коммунизму. Оно происходит также в развитии индивидуальной собственности. Маркс указывал, что докапиталистическая индивидуальная частная собственность, основанная на труде собственника, отрицается — ликвидируется — капиталистической частной собственностью. Ибо капиталистическая частная собственность возникает лишь путем разорения и экспроприации докапиталистических индивидуальных производителей. Индивидуальный производитель имел право собственности на свои орудия производства и свой продукт — и то и другое было отнято у него капиталистом. Но когда капиталистическая частная собственность сама отрицается, когда «экспроприаторов экспроприируют», тогда индивидуальная собственность производителей снова восстанавливается, но в новой форме и на более высоком уровне.

Отрицание капиталистической частной собственности не восстанавливает частной собственности для производителей, а создает им «индивидуальную собственность, но на основании приобретений капиталистической эры — кооперации свободных работников и их общинного владения землей и произведенными ими средствами производства»[2].

Производитель в качестве участника общественного процесса производства располагает теперь, как своей индивидуальной собст-

---

[1] Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 132, 133.

[2] К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 766.

венностью, долей в общественном продукте — «по труду» на первой стадии коммунистического общества и «по потребностям» в полностью развитом коммунистическом обществе.

Когда появился капитализм, единственным путем вперед был путь через отрицание отрицания. Некоторые из английских чартистов в своей аграрной политике выдвигали требования, направленные на то, чтобы остановить новые капиталистические процессы и восстановить *старую* индивидуальную частную собственность производителей. Но напрасно. Единственным путем вперед для производителей является путь борьбы против капитализма за социализм — не восстанавливать *старую* индивидуальную собственность, уничтоженную капитализмом, а уничтожить капитализм и таким образом создать снова индивидуальную собственность на *новой*, социалистической основе.

Далее, в истории мышления «первоначальный, стихийный материализм» древних философов отрицается философским идеализмом, а современный материализм возникает как отрицание этого идеализма. Этот современный материализм — отрицание отрицания — «представляет собой не простое воскрешение старого материализма, а к прочным основам последнего присоединяет еще все идейное содержание двухтысячелетнего развития философии и естествознания...»[1].

Отрицание отрицания, как на это также указывал Энгельс, явление очень хорошо знакомое растениеводу. Если у растениевода есть какие-то семена и он хочет получить из них лучшие семена, то он должен взрастить эти семена в определенных условиях, — что означает, что семена отрицаются, из них вырастают растения, — а затем он должен контролировать условия развития растений, пока они не произведут свое собственное отрицание, дав большее, чем имелось вначале, количество семян.

Правда, некоторые эксперты предлагали в последнее время пойти другим, прямым и более коротким путем в этом деле, а именно: изменять семена непосредственно, подвергая их воздействию химических препаратов или Х-лучей. Однако результатом этого явилось некоторое число случайных изменений свойств семян, а не контролируемый процесс развития.

«Далее, вся геология представляет ряд отрицаний, подвергшихся в свою очередь отрицанию, ряд последовательных разрушений старых и отложений новых горных формаций... Но результат этого процесса весьма положителен: это — образование почвы, составленной из разнообразнейших химических элементов и находящейся в состоянии механической измельченности, которое делает возможной в высшей степени массовую и разнообразнейшую растительность.

---

[1] Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 130.

То же самое мы видим в математике», — продолжает Энгельс. Если вы хотите получить более высокую степень числа a, то это можно сделать сначала таким действием над a, которое дает $-a$, и затем путем дополнительного действия умножения $-a$ на само себя, что дает a^2. Таким образом a^2, вторая степень от a, получено путем отрицания отрицания. В данном случае также можно получить a^2 из a путем одного действия, именно умножая a на a. Тем не менее, как указывает Энгельс, «...отрицание, подвергшееся уже отрицанию, так крепко пребывает в a^2, что последнее при всяких обстоятельствах имеет два квадратных корня, а именно $+a$ и $-a$»[1].

Закон отрицания отрицания можно проследить на рядах химических элементов, в которых свойства элементов с более низким атомным весом исчезают и затем появляются вновь в элементах с большим атомным весом.

Да и само развитие жизни подчинено закону отрицания отрицания. Простейшие живые организмы являются, образно выражаясь, бессмертными: они увековечивают себя путем постоянного деления. Развитие более высоких организмов, с половым размножением, стало возможно лишь ценой смерти. Организм становится смертным. Более высокое развитие жизни достигается ценой своего собственного отрицания, смерти.

Но развитие этих смертных организмов идет дальше. Начинается процесс эволюции видов растений и животных. С появлением человека начинается общественное развитие — весь процесс общественного развития от первобытного коммунизма через его отрицание, классовое общество, к бесклассовому, коммунистическому обществу. Более того, человек начинает подчинять себе природу. И когда, при коммунизме, он ставит свою собственную общественную организацию под свой сознательный контроль, тогда открывается совершенно новая эпоха в развитии жизни.

---

[1] Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 128, 129.

Глава XII

КРИТИКА И САМОКРИТИКА

Развитие через борьбу противоречий, борьба между новым и старым останется законом и для развития будущего коммунистического общества. Но с уничтожением всякой эксплуатации человека человеком это развитие будет происходить уже не через насильственные социальные конфликты и перевороты, а при помощи рационального метода критики и самокритики, который станет новым рычагом развития.

Из всего, что было сказано о марксистском диалектическом методе, вытекает, что марксизм является творческой наукой, которая должна постоянно обогащаться в применении к новым условиям развития. Критика и самокритика составляют самую душу марксистского диалектического метода.

Новый тип развития

Каким же будет развитие общества в будущем, когда будет достигнута высшая стадия коммунизма? Можно ли считать, что будут продолжать действовать те же самые диалектические законы развития? Или это развитие прекратится?

Развитие не прекратится. Наоборот, лишь с построением коммунистического общества действительно начнется человеческое развитие в полном смысле, то есть развитие, сознательно планируемое и контролируемое самими людьми; все остальное было лишь мучительным приготовлением к этому, родовыми муками человечества.

Когда все средства производства будут полностью поставлены под плановое общественное руководство, тогда следует ожидать, что господство человека над природой возрастет в огромной степени, а подчинение и преобразование природы человека в свою очередь будут означать глубокие изменения в образе жизни человека. Например, ясно, что способность производить абсолютное изобилие продуктов при минимальной затрате человеческого труда, ликвидация противоположности между городом и деревней, противоположности между физическим и умственным трудом, безусловно, несет в себе глубокие изменения в общественной организации, во взглядах, привычках, в образе жизни людей вообще. Но осуществление этих изменений не может не повлечь за собой на каждой ступени развития преодоления форм общественной

организации, взглядов и привычек, принадлежащих прошлому. Следовательно, развитие будет по-прежнему происходить через раскрытие противоречий, борьбу между старым и новым, будущим и прошедшим. Как иначе могли бы мы представить себе движение вперед?

На каждой ступени развития из существующих условий будут вырастать новые тенденции, которые станут в противоречие с существующими условиями и поэтому поведут к их отмиранию и замене их новыми условиями.

Однако нет никаких оснований предполагать, что это развитие, как и прежде, будет происходить посредством насильственных конфликтов и социальных переворотов.

Напротив, вместе с наступлением коммунизма произойдет, по выражению Энгельса, «скачок человечества из царства необходимости в царство свободы». А это значит, что стихийные конфликты, характерные для «царства необходимости», уступят место планируемым и контролируемым изменениям.

«Законы их собственных общественных действий, противостоявшие людям до сих пор как чуждые, господствующие над ними законы природы, будут применяться людьми с полным знанием дела, следовательно, будут подчинены их господству. Общественное бытие людей, противостоявшее им до сих пор, как навязанное свыше природой и историей, становится теперь их собственным свободным делом... люди начнут вполне сознательно сами творить свою историю»[1].

Когда люди поймут законы их собственной общественной организации и поставят их под свой объединенный контроль, когда не будет эксплуатации человека человеком, когда люди полностью научатся понимать, что является новым и растущим и в чем его противоречие со старым, тогда будет возможно устранять старые условия и создавать новые условия преднамеренным и планомерным образом, без конфликтов и переворотов. Противоречие и преодоление старого новым остаются, но элемент антагонизма и конфликта между людьми в обществе исчезает и уступает место подлинно человеческому методу решения дел путем разумного обсуждения — при помощи критики и самокритики.

Этому методу общественного развития уже сейчас положено начало в Советском Союзе.

«В нашем советском обществе, — говорит А. А. Жданов, — где ликвидированы антагонистические классы, борьба между старым и новым и, следовательно, развитие от низшего к высшему происходит не в форме борьбы антагонистических классов и катаклизмов, как это имеет место при капитализме, а в форме критики и самокритики, являющейся подлинной движущей силой нашего

---

[1] Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 267.

развития, могучим инструментом в руках партии. Это, безусловно, новый вид движения, новый тип развития, новая диалектическая закономерность»[1].

Перспективы человечества

На первой фазе перехода от социализма к коммунизму развитие происходит путем постоянной борьбы против старых пережитков капитализма.

Что будет, когда последние следы старого классового общества будут уничтожены во всем мире?

Мы можем, во всяком случае, предсказать некоторые основные черты развития мирового коммунистического общества — ассоциированного человечества. Так, государственная организация и правительственная партия отживут, партия и государство исчезнут. Это уже предвидели Маркс и Энгельс.

Далее, Ленин указывает: «Подобно тому, как человечество может прийти к уничтожению классов лишь через переходный период диктатуры угнетенного класса, подобно этому и к неизбежному слиянию наций человечество может прийти лишь через переходный период полного освобождения всех угнетенных наций, т. е. их свободы отделения»[2]. Когда «социализм войдет в быт народов, когда нации убедятся на практике в преимуществах общего языка перед национальными языками», тогда «национальные различия и языки начнут отмирать, уступая место общему для всех мировому языку»[3].

Что касается более отдаленного будущего, то у нас нет данных для предсказаний, хотя мы можем быть совершенно уверены, что в этом будущем произойдут огромные изменения и что люди будущего, хозяева природы, не знающие угнетения человека человеком, будут вполне способны позаботиться о судьбах человеческого рода.

Бернард Шоу в сочинении «Назад к Мафусаилу» рассуждает о возможности значительного увеличения продолжительности человеческой жизни, в конечном счете о возможности ее безграничного удлинения. Правда, он думал, что это произойдет благодаря действию таинственной «жизненной силы». И все-таки это глубокое рассуждение, так как к такому результату вполне может привести развитие физиологических знаний и медицинской науки. Шоу был совершенно прав, предполагая, что такое развитие коренным образом изменит весь образ жизни человека

---

[1] А. А. Жданов, Выступление на дискуссии по книге Г. Ф. Александрова «История западноевропейской философии» 2 июня 1947 г., стр. 40.

[2] В. И. Ленин, Соч., т. 22, стр. 135—136.

[3] И. В. Сталин, Соч., т. 11, стр. 349.

и все социальные учреждения. Это действительно одно из тех средств, с помощью которых развитие науки и усиление человеческого господства над природой (в данном случае над нашей собственной природой) могут повести к изменениям широкого, преобразующего значения для человеческой жизни и общества.

Во всяком случае, мы не можем ставить пределы возможностям человеческих достижений. Памятуя об этом, мы можем с полным основанием считать, что наши потомки спустя несколько сот поколений будут по своему образу жизни напоминать нас в гораздо меньшей степени, чем мы напоминаем наших предков — первобытных дикарей.

Творческий характер марксизма

Теперь можно попытаться подытожить главные выводы относительно диалектики.

Диалектика обращает внимание на взаимосвязь, изменение и развитие. Толкуемая материалистически диалектика — это «наука о всеобщих законах движения и развития природы, человеческого общества и мышления».

Диалектический метод — это такой метод подхода к явлениям, применяя который мы обогащаем свое материалистическое понимание природы и истории и всех отдельных процессов природы и истории. Это — *метод*, а не общая формула и не абстрактная философская система. Он служит руководством при изучении вещей с целью их изменения.

Если таков характер диалектики и диалектического метода, то должно быть ясно, что сама диалектика как наука растет и развивается и что метод крепнет и обогащается в результате каждого нового применения. Каждое новое явление общественного развития и всякий прогресс науки и искусства дают базу для обогащения и расширения понимания диалектики и диалектического метода. Нельзя осмыслить новый материал и овладеть им путем простого повторения того, что уже известно. Наоборот, мы узнаем больше, расширяем, исправляем и обогащаем наши представления в свете новых проблем и нового опыта. Таким образом, марксизм — это развивающаяся, прогрессивная наука.

«Овладеть марксистско-ленинской теорией — значит усвоить *существо* этой теории и научиться пользоваться этой теорией при решении практических вопросов революционного движения в различных условиях классовой борьбы пролетариата.

Овладеть марксистско-ленинской теорией — значит уметь обогащать эту теорию новым опытом революционного движения, уметь обогащать ее новыми положениями и выводами, уметь *развивать ее и двигать вперед*, не останавливаясь перед тем,

чтобы, исходя из существа теории, заменить некоторые ее положения и выводы, ставшие уже устаревшими, новыми положениями и выводами, соответствующими новой исторической обстановке»[1].

Марксизм творческий является прямой противоположностью ревизионизма. Это следует подчеркнуть, так как ревизионизм обыкновенно начинает с заявления о том, что марксизм «не должен быть догмой». Ревизионизм означает отступление от марксизма. Под флагом борьбы с догмами он изменяет марксизму в пользу догм буржуазной теории. Марксизм творческий оберегает и хранит сущность марксистской материалистической теории. Сталин говорил о Ленине:

«Ленин был и остаётся самым верным и последовательным учеником Маркса и Энгельса, целиком и полностью опирающимся на принципы марксизма. Но Ленин не был только лишь исполнителем учения Маркса—Энгельса. Он был вместе с тем продолжателем учения Маркса и Энгельса... он развил дальше учение Маркса—Энгельса применительно к новым условиям развития...»[2].

Критика и самокритика как один из рычагов прогресса

Значит, чтобы овладеть методом марксизма-ленинизма, диалектическим методом, нужно применять его и, применяя, развивать. А это требует критики и самокритики во всех областях теоретической и практической деятельности. Критика и самокритика, составляющие самую душу марксистского диалектического метода, означают, что теория и практика должны всегда идти рука об руку. Нельзя допускать, чтобы теория отставала от практики; теория должна не только держаться наравне с практикой, но и идти впереди нее, чтобы служить верным и надежным путеводителем. Нельзя позволить, чтобы практика блуждала в потемках, лишенная света теории, или чтобы ее уводила в сторону ложная и устаревшая теория. А этого единства теории и практики можно достигнуть лишь путем постоянной бдительности, постоянной готовности критиковать и учиться, путем постоянной проверки идей и действий не только сверху, но и снизу, путем готовности признавать новое и исправлять или отбрасывать, что уже старо и более неприменимо, путем честного признания ошибок. Ошибки неизбежны. Но путем проверки, которая вовремя вскрывает ошибки, критического изучения корней этих ошибок и их исправления, путем обучения на ошибках мы идем к новым успехам.

---

1 «История ВКП(б). Краткий курс», Госполитиздат, 1951, стр. 339—340.
2 И. В. Сталин, Соч., т. 10, стр. 92.

Ошибки редко бывают чисто случайными ошибками суждения. Большей частью ошибки возникают в результате того, что мы цепляемся за старые привычки и за старые формулы, которые устарели и не применимы к новым условиям и новым задачам. Когда это случается и когда в результате этого вещи оказываются не такими, какими они предполагались, тогда, если мы готовы критически установить, что было неправильно, мы приобретаем знания о чем-то новом, растем, приобретая новые силы и опыт.

Глава XIII

ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ И НАУКА

Диалектический материализм является научным мировоззрением. Его научный характер проявляется особенно в том, что он превращает социализм в науку и, развивая науку об обществе, показывает, каким образом вся наука может развиваться на пользу человечества.

Вообще диалектический материализм является научным мировоззрением в том смысле, что он не стремится установить какую-либо философию «над наукой», а основывает свои представления о мире на научных открытиях.

Весь прогресс науки – это непрерывный ряд побед материализма в борьбе против идеализма. Кроме того, наука показывает также, что наше материалистическое мировоззрение должно быть диалектическим. Такие великие открытия прошлого, как закон превращения энергии, теория эволюции Дарвина и клеточная теория, продемонстрировали диалектический характер природы.

Но наука в капиталистическом мире находится в состоянии кризиса в силу главным образом: 1) подчинения научных исследований капиталистическим монополиям и военным целям и 2) конфликта между новыми открытиями и старыми идеалистическими и метафизическими взглядами.

Диалектический материализм является не только обобщением достижений науки, но также орудием научной самокритики и дальнейшего развития науки.

Диалектический материализм как научное мировоззрение

Диалектический материализм – мировоззрение марксистско-ленинской партии – является поистине научным мировоззрением. Ибо его основу составляет рассмотрение вещей такими, как они есть, без произвольных, предвзятых допущений (идеалистических выдумок), потому что он требует, чтобы наши представления о вещах основывались на фактическом исследовании и опыте и постоянно проверялись и перепроверялись в свете практики и последующего опыта.

В самом деле, понятие «диалектический материализм» означает: понимание вещей такими, как они есть («материализм»), в их действительной взаимосвязи и движении («диалектика»).

Нельзя сказать того же самого о других философских учениях. Все они создают произвольные предпосылки того или иного рода и на основе этих предпосылок пытаются создать «систему». Однако такие предпосылки произвольны лишь по видимости, на деле

они выражают различные предрассудки и иллюзии определенных классов.

Научный характер марксизма особенно проявляется в том, что он превращает *социализм* в *науку*.

Мы не основываем наш социализм, как это делали утописты, на идее абстрактной человеческой природы. Утописты разрабатывали схемы идеального общества, но не могли показать, как построить социализм на практике. Марксизм, основывая социализм на анализе действительного развития истории, экономического закона движения капиталистического общества в особенности, превратил его в науку и, следовательно, показал, каким образом возникает социализм как необходимая следующая ступень в развитии общества и каким образом он может осуществиться лишь путем развертывания классовой борьбы рабочего класса, свержения класса капиталистов и установления диктатуры пролетариата.

Таким образом, марксизм рассматривает самого человека, общество и историю научно.

«...социализм, с тех пор как он стал наукой, требует, чтобы с ним и обращались как с наукой, — писал Энгельс, — то есть чтобы его изучали. Приобретенное таким образом, все более проясняющееся сознание необходимо распространять среди рабочих масс со все большим усердием и все крепче сплачивать организацию партии и организацию профессиональных союзов»[1].

Научное изучение общества показывает, что человеческая история развивается от стадии к стадии в соответствии с определенными законами. Сами люди представляют собой действующую силу в этом развитии. Познавая законы развития общества, мы, следовательно, можем направлять нашу собственную борьбу и творить наше собственное социалистическое будущее.

Таким образом, научный социализм есть величайшая и важнейшая из всех наук.

В настоящее время специалисты естественных наук охвачены беспокойством, потому что они чувствуют, что правительство не знает, как надлежащим образом использовать их открытия. И у них имеются основательные причины беспокоиться по этому поводу. Наука открывает, например, секреты атомной энергии, а ее открытия используются для создания оружия разрушения. Многие люди начинают даже полагать, что было бы лучше, если бы у нас вообще не было науки, так как ее открытия делают возможными такие ужасающие бедствия.

Что нужно сделать для того, чтобы открытия науки находили должное применение на благо человечества? Только научный социализм, марксизм-ленинизм, отвечает на этот вопрос. Он показывает, каковы силы, творящие историю. Тем самым он показывает,

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. I, стр. 605.

каким образом люди сами могут теперь творить свою собственную историю, изменять общество и определять свое собственное будущее. Следовательно, марксизм-ленинизм учит тому, как развивать науку на благо человечества, как вывести ее из нынешнего кризиса. Физика может научить тому, как освободить атомную энергию, но она не может научить тому, как контролировать общественное использование этой энергии. Ибо для этого нужна не наука об атоме, а наука об обществе.

Наука и материализм

Диалектический материализм ни в коем случае не является философией, стоящей «над наукой».

Другие философские направления ставили философию «над наукой» в том смысле, что они думали, что могут выяснить то, каков мир, просто размышляя о нем, не опираясь на данные конкретных наук, на практику и опыт, и затем пытались высокомерно диктовать ученым, указывать им, в чем они были неправы, каково было «действительное значение» их открытий, и так далее.

Марксизм кладет конец старой философии, которая претендовала на то, чтобы стоять над наукой и объяснять «мир в целом». Энгельс пишет: «...современный материализм... не нуждается больше в стоящей над прочими науками философии. Как только перед каждой отдельной наукой ставится требование выяснить свое место во всеобщей связи вещей и знаний о вещах, какая-либо особая наука об этой всеобщей связи становится излишней»[1]. Диалектический материализм, пишет он дальше, «уже больше не философия, а просто мировоззрение, которое должно найти себе подтверждение и проявить себя не в некоей особой науке наук, а в реальных науках. Философия, таким образом... "одновременно преодолена и сохранена", преодолена по форме, сохранена по своему действительному содержанию»[2].

Наше представление об окружающем нас мире, о природе, о предметах и процессах природы, их взаимосвязях и законах движения должно быть результатом не философской спекуляции, а естественно-научного исследования.

Научная картина мира и его развития не является полной и никогда не будет таковой. Но она продвинулась достаточно далеко, чтобы мы могли понять, что философская спекуляция поверхностна. И мы отказываемся заполнять пробелы научного знания при помощи спекуляции.

Например, мы знаем, что жизнь есть способ существования определенных органических тел — белковых тел, но мы еще не зна-

---

[1] Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 25.
[2] Там же, стр. 130—131.

ем точно того, как возникли эти тела, как возникла жизнь. Бесполезно спекулировать по этому поводу, это можно выяснить трудным путем — путем интенсивного научного исследования. Лишь таким путем придем мы к познанию «тайны жизни». «Наука уже может управлять жизнью, может управлять мертвым и живым белком. Но сказать окончательно, "что такое белок" и "что такое жизнь", как производное от него, наука пока еще не может. Почему? В свое время Энгельс прекрасно сказал в "Анти-Дюринге", что для того, чтобы действительно исчерпывающе узнать, что такое жизнь, мы должны пройти все формы ее проявления от самых низших до самых высших.

Так вот, для того, чтобы понять и узнать, "что такое белок", необходимо тоже пройти все формы его проявления от низших до высших. А для этого требуется эксперимент, эксперимент и еще раз эксперимент»[1].

Развивающаяся картина мира, которую развертывает перед нами естествознание, является материалистической картиной — вопреки многочисленным попыткам буржуазных философов представить дело наоборот. Ибо по мере того как наука развивается, она шаг за шагом показывает, каким образом богатое разнообразие вещей, процессов и изменений, обнаруживаемое в действительном мире, может быть объяснено и понято при помощи материальных причин, без помощи бога, духа и любой другой сверхъестественной силы.

Всякий прогресс науки — это победа материализма в борьбе против идеализма, это завоевание материализма, хотя, изгоняемый с одной позиции, идеализм всегда переходил на другую позицию и вновь проявлялся в новой форме, так что в прошлом науки никогда не были последовательно материалистическими. Ибо всякий успех науки означает объяснение порядка и развития материального мира, исходя из «самого материального мира».

Наука и диалектика

По мере развития науки не только эта материалистическая картина мира становится менее туманной, более определенной и более убедительной, но, указывал Энгельс: «С каждым составляющим эпоху открытием даже в естественно-исторической области материализм неизбежно должен изменять свою форму»[2].

Открытия естественных наук на протяжении прошлых ста или более лет имеют то значение, что материалистическая картина, которую они нарисовали, стала диалектической.

---

[1] «О положении в биологической науке», Сельхозгиз, 1948, стр. 125.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, стр. 353–354.

Энгельс пишет, что «революция, к которой теоретическое естествознание вынуждается простой необходимостью систематизировать массу накопляющихся чисто эмпирических открытий, должна привести даже самого упрямого эмпирика к осознанию диалектического характера процессов природы»[1].

«Природа есть пробный камень диалектики, и современное естествознание, представившее для этой пробы чрезвычайно богатый, с каждым днем увеличивающийся материал, тем самым доказало, что в природе, в конце концов, все совершается диалектически...»[2].

Как указывал Энгельс, больше всего содействовали диалектико-материалистическому взгляду на природу три великих научных открытия, сделанных в XIX в.[3] Это:

Открытие того, что клетка является той единицей, из размножения и дифференциации которой развивается все тело растения и животного (провозглашено Шванном в 1839 г.).

Закон превращения энергии (провозглашен Майером в 1845 г.).

Теория эволюции Дарвина (провозглашена в 1859 г.).

Рассмотрим вкратце диалектический смысл этих открытий.

Прежде всего — закон превращения энергии.

Раньше принято было считать, что тепло, например, является особой «субстанцией», которая входит в тела и выходит из них; что электричество, магнетизм и т. д. являются отдельными «силами», действующими на тело. Таким образом, физические процессы различного рода рассматривались отдельно, изолированно друг от друга. Каждый из них помещался на отдельную полку как проявление особой «субстанции» или «силы», а их существенная взаимосвязь не была понята.

Но в XIX в. наука с открытием принципа сохранения и превращения энергии показала, что «механическая сила... теплота, лучеиспускание (свет и лучистая теплота), электричество, магнетизм, химическая энергия, — представляют собой различные формы проявления универсального движения, которые переходят одна в другую в определенных количественных отношениях, так что, когда исчезает некоторое количество одной, на ее место появляется определенное количество другой, и все движение в природе сводится к непрерывному процессу превращения из одной формы в другую»[4].

Ключ к этому открытию был найден не какой-либо абстрактной философией и не в процессе чистого мышления. Нет, это

---

1 Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 12.
2 Там же, стр. 22—23.
3 См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, стр. 369—370.
4 Там же, стр. 369.

открытие было тесно связано с развитием паровых машин и разработкой принципа их действия.

В паровой машине при сжигании угля освобождается тепловая энергия. Она нагревает пар, который затем под давлением направляется в цилиндр, где он движет поршень вперед и вращает колеса машины. Тепло превращается в механическое движение.

Откуда взялась энергия, освобожденная из угля? Мы теперь знаем, что она была получена от солнечного излучения, накоплена в растениях, образовавших угольные пласты и, наконец, освобождена при сжигании угля. Ее выделяют в больших количествах солнечные атомы в процессе образования более тяжелых элементов из водорода во внутренних слоях солнца.

Это открытие сначала было сформулировано как закон сохранения энергии. Энергию нельзя создать или уничтожить: количество, исчезающее в одной форме, вновь появляется в другой форме. Но, как указывал Энгельс, в основном это закон превращения — одна форма движения материи превращается в другую.

Так физика становится наукой о превращениях, она перестала изучать различные типы физических процессов или формы движения, каждую изолированно, а начала изучать их взаимосвязи и то, каким образом одна форма превращается в другую.

(Законы превращения являются законами движения и взаимосвязи, относящимися к взаимосвязи форм движения материи и их превращению одной в другую. Они не являются законами перехода количества в качество. В отдельных случаях знание законов превращения важно для понимания перехода количества в качество. Например, знание законов превращения тепла в механическое движение показывает, сколько тепловой энергии должно быть освобождено для создания достаточного давления пара, чтобы двигать поршень.)

Теория эволюции Дарвина также является диалектической и материалистической.

Вместо отдельных видов, каждый из которых якобы создан богом, Дарвин показал нам картину эволюционного развития видов путем естественного отбора. Абсолютно резкие разграничительные линии были уничтожены, было показано, как связаны виды между собой и как происходят превращения в живой природе. Например, плавательный пузырь рыб стал легкими сухопутных животных, чешуя пресмыкающихся превратилась в птичьи перья и т. д.

Подобную картину мы наблюдаем в развитии геологии, которая также стала наукой о развитии, наукой, изучающей образование земной коры.

Наконец, открытие того, что клетка является той единицей, из размножения и дифференциации которой развивается весь

организм растения и животного, заменило старое представление о теле, как состоящем из отдельных тканей. Клеточная теория была также теорией о движении и взаимосвязи, показывающей, как все ткани и органы живого тела возникают путем дифференциации.

Таким образом, мы видим, как естествознание шаг за шагом раскрывает картину диалектики природы.

Когда мы говорим «картина», мы должны добавить, что это картина в том смысле, что она, так сказать, представляет собой верное изображение. Но мы составляем себе данную картину не путем одного лишь наблюдения природы и фиксирования того, что мы видим. Эта картина не является также предметом обожания, объектом созерцания и интеллектуального наслаждения.

Иногда говорят, что существенной чертой науки является то, что она основана на наблюдении. Конечно, наука основана на наблюдении, но не это является ее самой существенной чертой. Основу науки составляет не простое наблюдение, а опыт. Наука основана на деятельности, которая вмешивается в природу и изменяет ее, мы познаем вещи не только наблюдая, но и изменяя их.

Так, наука никогда не открыла бы секрета превращения тепла в механическое движение путем одного наблюдения природы. Этот секрет был раскрыт в результате производства паровых машин. Тайны процессов природы раскрываются людям в такой степени, в какой они сами научаются воспроизводить эти процессы.

Точно так же Дарвин не смог бы написать «Происхождение видов» лишь на основании наблюдений, которые он сделал во время путешествия на корабле «Бигль». Для этого он воспользовался практическим опытом и результатами английских животноводов и растениеводов.

Научная картина мира основана не просто на наблюдении вещей, но прежде всего на изменении их.

И мы проверяем ее, совершенствуем ее, а также пользуемся ею при изменении природы. Наука — не догма, а руководство к действию. С другой стороны, если оторвать науку от практики, она выродится в догму.

Следовательно, естествознание доказывает, что процессы природы носят диалектический характер, и дает нам все более конкретную и подробную картину действительного диалектического движения и взаимосвязи в природе.

Кризис науки в капиталистическом мире

Однако, отмечая значение естественных наук для формирования правильного диалектического взгляда на природу, Энгельс указывал также на великую путаницу, существующую в науках.

Он писал: «Но так как и до сих пор можно по пальцам перечесть естествоиспытателей, научившихся мыслить диалектически, то этот конфликт между достигнутыми результатами и укоренившимся способом мышления вполне объясняет ту безграничную путаницу, которая господствует теперь в теоретическом естествознании и одинаково приводит в отчаяние как учителей, так и учеников, как писателей, так и читателей»[1].

Эта путаница стала в настоящее время намного больше. В самом деле, по мере того как развивался и обострялся общий кризис капитализма, вместе с ним развивались и возрастали путаница в научной теории и извращение научной практики.

Наука, своими открытиями раскрывающая истинную диалектику природы, тем не менее в капиталистическом мире находится в состоянии кризиса.

Какова природа этого кризиса? Она двоякого рода.

Во-первых, наука — это деятельность исследования и открытия. В капиталистическом обществе она выросла в огромной степени вместе с другими производительными силами. Научные исследования не могут больше вестись отдельными лицами на свой страх и риск: они требуют крупных институтов, разнообразного оборудования, умелой организации, крупных финансовых расходов.

Но чем более расширяются научные исследования и растут эти требования, тем более попадают они под контроль монополий и их правительств, в особенности же под контроль военщины.

При капитализме наука должна способствовать увеличению прибылей и подготовке войны. Наука, которая не способствует этому, все в большей степени лишается ресурсов, необходимых для ее существования.

«Например, вся важная область растительной физиологии остается относительно неразвитой. И это, грубо говоря, потому, что в нее не вложены деньги. Состояние сельского хозяйства при капитализме таково, что не создается усилий для основательных исследований в этой области...

Интересно также отметить, что, в то время как некоторые области науки находятся в заброшенном состоянии потому, что в них не вложено денег, другие страдают от того, что их вложено слишком много. Так, например, развитию геохимии мешает то, что в интересах чрезвычайно могущественных нефтяных объединений подобные исследования поставлены в условия секретности. От науки требуют решения только тех частных проблем, в которых заинтересованы капиталистические монополии, что ни в коем случае не совпадает с решением

[1] Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 23.

проблем, связанных с дальнейшим развитием науки и с интересами народа. Это вредит всему делу развития науки»[1].

Таким образом, наука все более и более подчиняется целям торговли и войны. В результате наука все более и более дезорганизуется и извращается. Именно это и происходит с наукой в капиталистическом мире.

Наука важна не только тем, что она приносит знание, но и тем, что знания, которые она дает, способствуют росту благосостояния людей, развитию производительных сил, ликвидации болезней. И, однако, при капитализме она не развивается в этом направлении в той степени, в какой это возможно.

Как преодолеть эту дезорганизацию и извращение науки?

Мы можем и должны вести повседневную борьбу с неправильным применением науки. Но лишь переход к социализму может обеспечить полное развитие и использование науки на благо человечества. Социализм означает, что развитие всех производительных сил может быть планируемо и организовано на благо человечества, а не в целях прибылей и войны; таким же образом при социализме обстоит дело, в частности, и в науке.

Вторая сторона кризиса науки в капиталистических странах теоретическая — кризис научных идей.

Как он возникает?

Главной задачей науки является открытие взаимосвязей и законов, действующих в мире, чтобы вооружить людей знанием, необходимым для развития производства, и чтобы сделать жизнь лучше и совершеннее.

Но для обобщения исследований и формулирования открытий необходимы идеи. Чтобы разрабатывать науку и направлять ее общее развитие, необходима теория.

А в этой области идей и теорий великие открытия науки в капиталистическом обществе вступают в противоречие с традиционными формами буржуазной идеологии.

Как говорит Энгельс, возникает «конфликт между достигнутыми результатами и укоренившимся способом мышления».

Короче, *идеализм* и *метафизика*, характеризующие буржуазную идеологию и прочно укоренившиеся в ней, глубоко проникли в научные идеи и теории.

Благодаря тому, что в одной области за другой научные открытия раскрывают действительную диалектику природы, дальнейшее развитие научного исследования требует, как говорит Энгельс, «диалектического обобщения»[2]. Но это увело бы теорию далеко за рамки, навязываемые ей буржуазным мировоззрением.

---

[1] J. D. Bernal and Maurice Cornforth, Science for Peace and Socialism, Birch Books, London, 1948, p. 61.

[2] Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 14.

Борьба нового и старого в науке

Итак, мы видим, что буржуазная наука в одной области за другой отворачивается от своих собственных достижений, сдает завоеванные позиции и, вместо того чтобы идти вперед, терпит теоретический крах. В самом деле, здесь имеет место борьба нового против старого — прогрессивных научных открытий против старых идей, при помощи которых формулируется научная теория. Поэтому, понимая это, можно быть совершенно уверенным в том, что регрессивное течение окажется лишь временным и что развитие науки преодолеет преграды старых идеи и изживших догм.

Возьмем биологию. Здесь судьба теории Дарвина была такова, что ей навязали догму — теорию ген. То же случилось с клеточной теорией, ей навязали догму Вирхова о том, что клетка может произойти только от клетки. В каждом случае диалектической теории развития была навязана метафизическая догма, отрицавшая развитие.

В физике великие открытия, касающиеся электрона, атомного ядра, кванта действия — физических превращений, были истолкованы, и не только философами-идеалистами, но и физиками-теоретиками, как означающие, что материя исчезла и что достигнуты пределы исследования. В родственной науке, космологии, ученые, узнав столь многое о вселенной и ее развитии, стали прибегать к помощи идеи сотворения.

Во всех этих случаях науке навязывается догма, тормозящая ее дальнейшее развитие. Отсюда кризис.

«Преступление» советской науки заключается в том, что она с успехом бросает вызов таким догмам и устраняет их.

В Советском Союзе ученые борются за процветание «той науки, люди которой, понимая силу и значение установившихся в науке традиций и умело используя их в интересах науки, все же не хотят быть рабами этих традиций, которая имеет смелость, решимость ломать старые традиции, нормы, установки, когда они становятся устарелыми, когда они превращаются в тормоз для движения вперед, и которая умеет создавать новые традиции, новые нормы, новые установки»[1].

---

[1] «Речь тов. Сталина на приеме в Кремле работников Высшей школы 17 мая 1938 г.» (См. «Высшая школа. Основные постановления, приказы, инструкции», изд. 2., М., «Советская наука», 1948, стр. 3.).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, мы вкратце рассмотрели основные черты марксистского материалистического понимания мира и марксистского диалектического метода. Какие выводы можем мы теперь сделать?

1) Мировоззрение диалектического материализма — это совокупность последовательных и обоснованных взглядов, которые черпают свою силу из того факта, что они возникают непосредственно из стремлений разрешить важнейшие вопросы нашего времени.

Эпоха капитализма — это эпоха бурного общественного развития. Она отмечена революционным прогрессом производительных сил и научных открытий и вытекающим отсюда непрерывным потрясением всех условий общественной жизни. Это ставит теоретическую задачу первостепенной важности, а именно: выработать правильное понимание законов изменения и развития природы и общества.

К этой теоретической задаче и обращается диалектический материализм.

2) Задача заключается не в том, чтобы выработать философскую систему в старом смысле. Нужна не система идей, выведенных из головы философов, которой затем можно было бы восхищаться и которую можно было бы созерцать в качестве системы «абсолютной истины».

Капиталистическое общество — это общество, раздираемое противоречиями, и чем более оно развито, тем более угрожающими и нетерпимыми становятся последствия этих противоречий для трудящихся. Новые производительные силы используются не для блага всего общества, а в целях увеличения прибылей эксплуататорского меньшинства. Вместо того чтобы вести к всеобщему изобилию, рост производительных сил ведет к периодически повторяющимся экономическим кризисам, к безработице, к нищете и страшно разрушительным войнам.

Поэтому философская проблема разработки правильного понимания законов изменения и развития в природе и обществе становится для трудящихся практическим политическим вопросом о том, как изменить общество с тем, чтобы новые могущественные производительные силы могли быть использованы

на благо человечества. Впервые в истории существует возможность полной и зажиточной жизни для всех. Задача состоит в том, чтобы найти путь превращения этой возможности в действительность.

Именно решением этой практической задачи и занимается теория диалектического материализма.

3) Обращаясь к этой задаче, диалектический материализм является и может быть лишь партийной философией, философией партии, а именно партии рабочего класса, цель которой — повести миллионы трудящихся к социалистической революции и построению коммунистического общества.

4) Диалектический материализм не может быть не противоположен различным современным школам буржуазной философии.

Что могут предложить эти различные школы философии в настоящее время? Кучи систем и аргументов, среди которых, кстати сказать, нет ни одного оригинального или убедительного, если постараться внимательно вникнуть в них, но никакого решения вопросов, волнующих народы капиталистических стран и колоний. Как положить конец нищете? Как покончить с войной? Как использовать производство для всеобщего блага? Как покончить с угнетением одной нации другой? Как покончить с эксплуатацией человека человеком? Как установить братство среди людей? Таковы наши проблемы. Мы должны оценивать философские учения исходя из того, показывают они нам или нет путь решения этих проблем. При помощи этого критерия каждая в отдельности и все вместе буржуазные философские школы должны быть оценены по их заслугам и признаны негодными.

Господствующие буржуазные философские направления при всех их различиях имеют общее, выражающееся в отказе от великих положительных идей, которые вдохновляли прогрессивные движения прошлого. Правда, в рядах буржуазных философов остаются те, кто в соответствии со своими взглядами пытается сохранить и отстоять некоторые из этих положительных идей. Ибо эти идеи являются такими, которые нельзя уничтожить никакими средствами. Однако господствующие философские течения подчеркивают беспомощность и ограниченность, они говорят о таинственности вселенной. Они внушают или веру в бога, или же безнадежную покорность судьбе и слепому случаю. Почему так? Потому, что основой всех этих философских направлений является признание и одобрение капитализма и все они не могут видеть что-либо за пределами капитализма. С начала до конца они отражают неразрешимый кризис капиталистического мира. И функция их заключается в том, чтобы помогать опутывать людей «паутиной лжи».

5) Диалектический материализм предлагает судить о нем, и о нем будут судить в соответствии с тем, указывает ли он прак-

тически осуществимый выход из капиталистического кризиса и войны, указывает ли он трудящимся осуществимый путь к завоеванию и удержанию политической власти и к построению социалистического общества, в котором не будет больше эксплуатации человека человеком и в котором люди во все возрастающей степени будут становиться хозяевами природы.

Диалектический материализм есть философия практики, неразрывно связанная с практикой борьбы за социализм.

Эта философия родилась из великого движения нашего времени, из движения людей, которые работают, которые «создают все блага жизни и кормят и одевают весь мир», чтобы встать, наконец, во весь свой рост. Она полностью, целиком служит этому движению. В этом источник всех ее положений и источник постоянного испытания, проверки и развития этих ее выводов.

Без такой философии это движение не может достичь осознания самого себя и своих задач, не может достичь единства, не может одержать победу в борьбе.

Так как величайшая задача, стоящая перед нами, — это задача разрушения капитализма и построения социализма, то отсюда следует, что главной проблемой, к которой обращается диалектический материализм и на решение которой направлена вся философия диалектического материализма, является проблема раскрытия движущих сил развития общества. Главная задача в том, чтобы достигнуть такого понимания общества, общественной деятельности людей и развития человеческого сознания, которое показывало бы нам, как создать новое, социалистическое общество и сформировать новое, социалистическое сознание. Материалистическое понимание и диалектический метод, которые мы рассмотрели в этом томе, применяются к решению этой задачи в материалистическом истолковании истории.

ТОМ II

ИСТОРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ

*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ

Глава I

НАУЧНЫЙ СОЦИАЛИЗМ

Социализм — это общественная собственность на средства производства и использование этих средств для удовлетворения материальных и культурных потребностей всего общества. Социализм необходим, ибо только путем такого коренного преобразования экономической основы общества возможно уничтожить зло, порождаемое капитализмом, и полностью использовать новую мощную технику.

Социализм можно завоевать только путем борьбы рабочего класса и лишь при условии, что массовое рабочее движение соединено с научной теорией социализма.

Маркс и Энгельс заложили основы этой теории. Основой их учения явилось открытие законов развития общества, законов классовой борьбы.

Капитализм и социализм

Идея социализма возникла и овладела умами людей в современном обществе как результат возмущения пороками капитализма и осознания того факта, что только путем коренного переустройства всей экономической основы общества можно устранить эти пороки.

В капиталистическом обществе средства производства — земля, заводы, фабрики, шахты, транспорт — принадлежат капиталистам, а производство ведется ради капиталистической прибыли. Напротив, сущность социализма состоит в том, что средства производства становятся общественной собственностью, а производство на основе общественной собственности осуществляется в интересах всего общества.

С самого начала своего возникновения капитализм нес в себе немыслимый ранее рост производительных сил, созидающих жизненные блага. Однако эти блага шли на увеличение прибыли немногих людей, в то время как массы трудящихся были обречены на тяжелый труд и нищету. Использование этих новых сил, производящих жизненные блага не ради обогащения немногих,

а для увеличения богатства всего общества, — есть цель социализма.

В современном обществе созданы новые мощные производительные силы, как об этом свидетельствуют открытия науки и рост промышленности. Однако с каждым годом становится все более очевидным, что капиталисты и их директора не способны направить развитие этих сил и использовать их в интересах большинства народа.

Сегодня это более очевидно, чем когда-либо раньше.

В своем стремлении обеспечить себе максимальные прибыли современные крупные капиталистические монополии не останавливаются ни перед чем. Ради обеспечения максимальных прибылей они усиливают эксплуатацию рабочих, разоряют и доводят до нищеты большинство населения своей страны, захватывают другие страны и грабят их богатства, милитаризируют народное хозяйство, подготавливают и ведут войны.

Новые открытия, например в области производства атомной энергии, капиталистические державы не используют и не развивают в интересах народа. Напротив, эти открытия используются ими для производства нового оружия, для того, чтобы запугать конкурирующие с ними капиталистические державы и попытаться внушить страх народам, уже избавившимся от капитализма.

Капиталистические державы захватили громадные области в качестве колоний и претендуют на то, что они «развивают» эти области. Однако народы, живущие в колониях, остаются в условиях невероятной нищеты.

Несмотря на все возможности науки, капитализм не способен хотя бы прокормить в достаточной мере массы народа. Сегодня в США, в самой богатой капиталистической стране мира, уничтожаются «излишние» продукты, в то время как около половины населения Соединенных Штатов недоедает. Если капиталистическая система не способна даже распределить имеющиеся продукты, то неудивительно, что она не способна увеличить производство продуктов для удовлетворения нужд голодных.

Люди начинают даже бояться новых знаний и развития техники, потому что они опасаются, что результатом более высокоразвитой техники может быть только кризис и безработица, а результатом дальнейшего развития знаний — лишь создание еще более ужасных орудий разрушения. Капиталистическая система превратила высочайшие достижения человека в угрозу для жизни и существования людей. Это — главнейший и последний признак того, что данная система изжила себя и должна быть заменена другой системой.

При социализме громадные, все возрастающие возможности современной техники используются для удовлетворения потребностей людей. Производство ведется не ради получения прибылей,

а ради удовлетворения материальных и культурных потребностей общества. Это обеспечивается тем, что средства производства, все средства созидания богатств берутся из-под контроля капиталистического меньшинства, заинтересованного в получении капиталистических прибылей, и переходят под контроль самого трудящегося народа.

Социалистическая теория и рабочее движение

Однако, для того чтобы установить социализм, необходимо нечто большее, чем общая идея социализма, как лучшего, чем капитализм, строя общества. Для этого необходимо понять, какие надо организовать общественные силы и каким врагам эти силы должны будут нанести поражение.

Первые представления о социализме были утопическими по своему характеру. Первые социалисты мечтали о лучшем строе общества, придавали своей мечте определенные очертания и повсюду пропагандировали ее. Однако этот строй оставался лишь мечтой. Первые социалисты не могли сказать, как практически установить этот строй.

Утопические социалисты критиковали капиталистический строй общества как неразумный и несправедливый. Для них социализм базировался просто на разуме и на справедливости. А так как они считали, что свет разума одинаково принадлежит всем людям, то они обращались ко всему обществу без различия — и прежде всего к господствующему классу, как к наиболее влиятельному, — с призывом постигнуть истину социализма и претворить его в жизнь.

Утопические социалисты первые выступили с разоблачением и осуждением капитализма и первые мечтали о социализме — об обществе, основанном на общественной собственности на средства производства, — как об альтернативе капитализма. Однако эта мечта родилась в головах реформаторов. Утопические социалисты не могли указать путь к достижению социализма, потому что они не имели понятия о законах общественного развития и не могли найти реальную общественную силу, способную создать новое общество.

Этой силой является рабочий класс. Класс капиталистов сопротивляется установлению социализма, потому что гибель капиталистической системы означает его собственную гибель. Напротив, для рабочего класса социализм означает освобождение от эксплуатации, конец нищеты и безработицы. Социализм означает, что рабочие работают на самих себя, а не ради прибылей других.

Установление социализма зависит от мобилизации рабочего класса на борьбу за социализм и от преодоления рабочим клас-

сом сопротивления класса капиталистов. В этой борьбе рабочий класс должен стремиться к объединению со всеми теми слоями общества, — а вместе с ними он составляет большинство общества, — интересы которых попираются классом капиталистов и которые доведены до состояния нищеты и разорения погоней господствующего капиталистического меньшинства за прибылями.

Более того. Чтобы добиться победы социализма, чтобы добиться освобождения рабочего класса от капитализма, движение рабочего класса должно *осознать* свою цель — построение социализма. Однако это сознание не возникает само по себе, оно не возникает стихийно. Напротив, необходима научная разработка социалистической теории, внесение этой теории в рабочее движение и борьба за нее внутри этого движения.

Сами условия жизни рабочих подводят их к объединению и организации в целях защиты своего жизненного уровня от наступления капиталистов, в целях улучшения условий своей жизни. Однако тред-юнионистская борьба в целях защиты и улучшения условий жизни рабочего класса не избавит его от капитализма. Напротив, до тех пор, пока борьба рабочего класса ограничивается такими чисто экономическими целями, эта борьба сводится лишь к тому, чтобы вырвать уступки у капитализма при сохранении капиталистической системы. Эту фазу борьбы исключительно за реформы, которые не выходили бы за рамки капитализма, рабочее движение сможет преодолеть только тогда, когда оно соединится с социалистической теорией. Только тогда оно может осознать свою основную цель — полное избавление от капитализма — и выработать стратегию и тактику классовой борьбы для достижения этой цели.

В истории движения рабочего класса были вожди, которые утверждали, что не надо идти дальше интересов борьбы за завоевание уступок у капитализма. Существо оппортунизма в рабочем движении состоит именно в стремлении добиваться лишь временных выгод для тех или иных слоев рабочего класса за счет коренных интересов всего класса. Корень оппортунизма в рабочем движении состоит в признании стихийной борьбы за реформы как альфы и омеги рабочего движения.

Для того чтобы достигнуть социализма, рабочее движение не должно полагаться только на стихийное развитие массовой борьбы за лучшие условия жизни. Оно должно соединиться с социалистической теорией, с научным пониманием капитализма и положения различных классов при капитализме, с научным пониманием того, что рабочий класс может добиться своего освобождения, лишь объединив все силы в целях низвержения капитализма и установления социализма.

Союз социалистической теории с массовым движением рабочего класса есть условие для успешного прогрессивного движения общества от капитализма к социализму.

Марксистская наука об обществе

Великим вкладом марксизма явилась разработка научной социалистической теории и внесение ее в рабочее движение.

Маркс и Энгельс основали социализм исходя из научного понимания законов общественного развития, законов классовой борьбы. И потому они смогли показать, каким путем можно построить социализм. Они вооружили рабочий класс знанием его исторической миссии.

Маркс пришел к своим выводам не как ученый, занимавшийся только «чистой» наукой, хотя он и проводил глубокие научные исследования. В качестве революционного демократа и республиканца Маркс в 40-х годах XIX в. принимал участие в движении, приведшем к революции 1848 г. Маркс пришел к своим выводам, будучи активным политическим деятелем, стремившимся понять движение, в котором он принимал участие, с целью направить его по пути освобождения народа от угнетения, суеверия и эксплуатации.

Эти выводы были в целостном виде сформулированы в «Манифесте Коммунистической партии», написанном Марксом совместно с Энгельсом в 1848 г.

Маркс и Энгельс поняли, что все общественное движение есть борьба между классами, что сами борющиеся друг с другом классы есть продукт экономического развития общества, что политика есть отражение экономического развития и классовой борьбы. Они поняли, что происходившая в то время буржуазная революция, задачей которой было устранение остатков феодального господства и установление демократии, подготовляет путь к пролетарской, социалистической революции. И пролетарская революция может победить только путем завоевания рабочим классом политической власти.

Только потому, что Маркс и Энгельс посвятили свою жизнь делу рабочего класса и увидели в нем новую, подымающуюся, преобразующую силу истории, они смогли открыть законы общественных изменений, которые никогда не смог бы открыть тот, кто стоял на точке зрения эксплуататорских классов.

«...уже значительно раньше совершились исторические события, которые вызвали решительный поворот в понимании истории, — писал Энгельс. — В 1831 г. в Лионе произошло первое рабочее восстание; в период с 1838 по 1842 г. первое национальное рабочее движение, движение английских чартистов, достигло своей высшей точки. Классовая борьба между пролетариатом и буржу-

азией выступала на первый план... Но старое... идеалистическое понимание истории не знало никакой классовой борьбы, основанной на материальных интересах, и вообще никаких материальных интересов...

Новые факты заставили подвергнуть всю прежнюю историю новому исследованию...» Из этого нового положения, продолжает Энгельс, стало ясно, «что *вся* прежняя история... была историей борьбы классов, что эти борющиеся друг с другом общественные классы являются в каждый данный момент продуктом отношений производства и обмена, словом — *экономических* отношений своей эпохи; следовательно, выяснилось, что экономическая структура общества каждой данной эпохи образует ту реальную основу, которою и объясняется в последнем счете вся надстройка правовых и политических учреждений, равно как религиозных, философских и других воззрений каждого данного исторического периода»[1].

Благодаря осознанию значения классовой борьбы в капиталистическом обществе пришло осознание того факта, что классовая борьба в равной мере велась и в предшествующие эпохи и что, в действительности, вся история, со времени распада первобытнообщинного строя, была историей классовой борьбы.

Но в чем же состояла причина классовой борьбы? Классовая борьба имела своей основой столкновение материальных интересов различных классов. Поняв это, надо было искать ключ к пониманию всего исторического развития в области этих материальных интересов. Различные классы с их различными интересами стали рассматриваться как «продукт отношений производства и обмена», экономических условий, господствующих в обществе.

Маркс отмечал, что «в производстве люди воздействуют не только на природу, но и друг на друга. Они не могут производить, не соединяясь известным образом для совместной деятельности и для взаимного обмена своей деятельностью. Чтобы производить, люди вступают в определенные, связи и отношения, и только через посредство этих общественных связей и отношений существует их отношение к природе, имеет место производство»[2].

Исследовав развитие экономических условий, условий производства и обмена, и борьбы между классами, являющейся результатом этих экономических условий Маркс и Энгельс нашли ключ к пониманию развития общества в целом.

Таким образом, поняв законы исторического развития, Маркс и Энгельс показали, что социализм — не утопическая мечта,

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, Госполитиздат, 1952, т. II, стр. 124—125.

[2] Там же, т. I. стр. 63.

а неизбежный результат развития капиталистического общества и борьбы рабочего класса против капитализма. Они учили рабочий класс сознавать свою собственную силу и свои собственные классовые интересы и объединяться для решительной борьбы против класса капиталистов, сплачивая вокруг себя все силы, недовольные капитализмом. Они показали, что невозможно избавиться от капитализма и построить социализм, пока рабочий класс не завоюет политической власти, пока он не лишит капиталистов всей власти и не подавит их сопротивление. Они показали также, что, для того чтобы победить старый мир и создать новое, бесклассовое общество, рабочий класс должен иметь свою собственную партию, которую Маркс и Энгельс назвали Коммунистической партией.

Глава II

МАТЕРИАЛИЗМ И НАУКА ОБ ОБЩЕСТВЕ

Первый руководящий принцип исторического материализма утверждает, что в обществе, как и в природе, изменение и развитие происходят по объективным законам.

Все, что происходит в обществе, осуществляется путем сознательной деятельности людей. Однако результат этой деятельности и сознательные мотивы, которыми она направляется, в конечном счете обусловлены законами экономического развития, действующими независимо от воли людей.

Открытие Марксом законов общественного развития вооружило рабочее движение научным знанием, с помощью которого оно может довести борьбу против капитализма до установления диктатуры пролетариата, а затем построить социалистическое общество.

Марксистское понимание общественных законов не является фаталистическим. Напротив, оно показывает, каким образом люди могут собственными усилиями преобразовывать и действительно преобразуют общество. Исторический материализм также не отрицает роли отдельных вождей. Напротив, он показывает, что такие вожди всегда выражают интересы классов и служат им.

Материалистическое понимание истории

Общая теория движущих сил и законов общественного изменения, развитая па основе открытий Маркса, известна как материалистическое понимание истории, или исторический материализм.

Материалистическое понимание истории было выработано в результате распространения материалистического мировоззрения на решение общественных вопросов. И благодаря тому, что Маркс распространил материализм на решение общественных вопросов, материализм Маркса не является больше просто теорией, имеющей своей целью объяснение мира; он представляет собой руководство к практическому изменению мира, к практическому построению общества, где нет эксплуатации человека человеком.

Более того, исторический материализм имеет большое значение в настоящее время. Он всегда применим к различным событиям современности. Он позволяет делать выводы в отношении причин не только прошедших событии, но и событий, происходящих в настоящее время, а поэтому и в отношении того, что надо

делать, за какую политику надо бороться для того, чтобы удовлетворить потребности народа.

Именно в применении к событиям современности исторический материализм обнаруживает свой научный характер. Ибо в конечном счете критерий истинности общественной науки, как и всех других наук, может заключаться только в ее практическом применении. Раз исторический материализм превращает историю в науку благодаря тому, что материалистическое понимание истории является теорией, указывающей не только на то, как надо объяснять историю, но и на то, как надо делать историю, то он, следовательно, становится основой практической политики революционного класса, который сегодня делает историю.

Распространение материалистического мировоззрения на общество приводит к трем руководящим принципам, которые исторический материализм применяет при рассмотрении общественной жизни. Эти принципы следующие:

а) Развитие общества регулируется объективными законами, которые может открыть наука.

б) Взгляды и учреждения, а также изменения в области политики, идеологии и культуры возникают на основе развития материальной жизни общества.

в) Взгляды и учреждения, возникающие, таким образом, на основе материальной жизни, играют активную роль в развитии материальной жизни.

Эти руководящие принципы будут рассмотрены в этой и следующей главах.

Общественные процессы регулируются объективными законами

Первый руководящий принцип, вытекающий из распространения материализма на общество, состоит в том, что изменение и развитие в обществе, как и в природе, происходят по объективным законам. Общественные процессы, подобно процессам природы, регулируются объективными законами.

Материализм считает, что процессы природы всегда происходят по законам, которые могут быть открыты и которые характеризуют данные процессы и объекты. Материализм объясняет происходящее в материальном мире из самого материального мира. Он не признаёт необъяснимых явлений, божественного вмешательства или контроля нематериальных, сверхъестественных сил над материальными явлениями.

Таким образом, материализм, поскольку он рассматривает человеческие дела как часть материального мира, а не как принадлежащие к некоторым другим «высшим» областям бытия, не признает необъяснимых случайностей, божественного вмеша-

тельства в поступки людей и влияния на них сверхъестественных сил, подобно тому как он не признает этого в природе.

Раз материализм распространяется на общество, то, следовательно, мы должны стремиться объяснять движение в обществе также как происходящее по специфическим законам, которые можно открыть путем исследования процессов общественной жизни.

Материалистическое понимание объективных законов

Что же в этой связи мы понимаем под «законом»? Каково точное материалистическое понимание «законов», пусть это будут законы природы или законы общественных процессов?

Законы науки являются выражением (обычно только приблизительным) объективной закономерности, которую можно обнаружить в событиях.

Закон, как, например, закон тяготения, есть правило, сформулированное, чтобы выразить некоторую закономерную связь между явлениями, иными словами закономерную связь между наблюдаемыми явлениями, между наблюдаемыми особенностями вещей и процессов.

Эти связи и закономерности, выражающиеся в законе, не зависят от нас. Мы можем познать их и выразить их в законе, мы можем, далее, учитывать эти законы в нашей практической деятельности. Однако законы науки, поскольку они являются объективными законами и обладают научной ценностью, выражают объективные связи и закономерности, действующие независимо от нашего сознания и воли.

Например, взаимное притяжение тел, выраженное в законе тяготения, действует независимо от нашего сознания и воли. Оно действует совершенно одинаково независимо от того, наблюдаем ли мы его, или нет, нравится ли нам это, или нет. Мы должны строить свои действия на основе закона тяготения, так как у нас нет никакой возможности изменить его.

Раз общественные процессы регулируются законами, то то, что говорилось о законах природы, надо сказать и о законах общества. В общественных процессах имеются закономерности и связи, не зависящие от нашего сознания и воли. И независимо от того, замечаем мы их, или нет, нравятся они нам, или нет, эти закономерности и связи действуют совершенно одинаково.

Если такие закономерности и связи существуют и в природе, и в обществе, они существуют потому, что явления и в природе, и в обществе не происходят без причины, потому, что раз имеется причина, то должно существовать и ее следствие. Если, например, некоторые события происходили бы без причины или

если в ход событий вмешивалось бы сверхъестественное, или если одинаковые причины не производили бы одинаковых следствий, — то тогда нельзя было бы сказать, что события регулируются законами, так как в этом случае отсутствовали бы закономерность и связь, выражающиеся в законе.

Если, следовательно, мы говорим, что общество развивается по объективным законам, то мы подразумеваем под этим, во-первых, то, что общественные события происходят только тогда, когда имеются налицо условия, вызывающие такие события. Если, скажем, начинается движение, в котором люди ставят перед собой новые общественные цели, то это движение возникает тогда и только тогда, когда для этого имеются условия. Оно происходит в определенное время и при определенных обстоятельствах и не могло бы произойти в другое время и при других обстоятельствах, когда отсутствовали бы его причины.

Так, например, если мы рассматриваем возникновение христианства в Римской империи, то мы должны искать причины возникновения христианства в условиях, сложившихся в то время в римском обществе. Подобно этому, если мы рассматриваем возникновение рационализма и вольнодумства в Европе нового времени, то мы должны снова искать его причины в специфических условиях общества, которые складывались в Европе того времени. Ни в первом, ни во втором случае не следует искать объяснения движению в каком-то особом просветлении человеческих умов, происходящем независимо от общего движения общества.

Мы подразумеваем под этим, во-вторых, что раз произошли определенные события, то произойдут и их следствия — независимо от желаний или намерений людей. Последующие действия, последующие события могут изменить эти следствия, но они не могут уничтожить их.

Например, изобретение морского компаса привело в движение целую цепь следствий, превзошедших все ожидания и предположения. Точно так же обстояло дело с изобретением паровой машины, с изобретением прядильной машины и т. п. Раз такая цепь следствий приведена в движение, то она дает такое направление общественным событиям, которое нельзя отменить. То же самое происходит и в области политики и идеологии. Политическая и идеологическая деятельность людей, являющаяся продуктом определенных общественных условий, приводит в соответствии с этими условиями к результатам, которые могут превзойти все предположения и ожидания или даже быть совершенно отличными от них.

В-третьих, под этим мы подразумеваем также то, что, хотя условия постоянно изменяются и одни и те же условия никогда не повторяются, тем не менее можно открыть одни и те же причинные связи в различных рядах событии.

Так, великие общественные движения, возникающие в различные периоды истории, служат примером подобной причинной связи, действующей при различных условиях. Если, например, триста лет назад существовало движение, имевшее своей целью освобождение от феодализма, а сейчас существует движение, имеющее своей целью избавление от капитализма, то оба эти движения, при всем их различии, являются повторением одного и того же процесса: оба они возникли потому, что существующая общественная система превратилась в оковы для экономического развития.

Однако одно дело сказать, что общественные процессы регулируются законами и что поэтому возможна наука об обществе, — другое дело открыть эти законы, раскрыть основные законы изменения и развития в обществе. Каким образом марксизм разрешает этот вопрос?

Определяющие факторы общественного развития

Развитие общества имеет специфические черты, отличающие общественные изменения от изменений, происходящих в природе. Существенное отличие общественных явлений от явлений природы заключается в том, что общество состоит из наделенных сознанием людей, из сознательной деятельности которых вытекают все общественные результаты.

«...история развития общества в одном пункте существенно отличается от истории развития природы... — писал Энгельс, — в природе... действуют одна на другую лишь слепые, бессознательные силы... Наоборот, в истории общества действуют люди, одаренные сознанием, поступающие обдуманно или под влиянием страсти, ставящие себе определенные цели. Здесь ничто не делается без сознательного намерения, без желаемой цели»[1].

Ввиду этого обычно считалось, что в обществе в отличие от природы якобы нельзя открыть объективные законы. Предполагалось, что в природе все определяется законами природы. Напротив, в обществе все происходящее якобы определяется сознательными целями и намерениями людей; в этой области якобы нет такого порядка и повторяемости, которые позволили бы открыть объективные законы, регулирующие ход событий.

Однако марксизм обращает внимание в первую очередь на условия, определяющие *результат* намеренных действий людей. Люди могут желать чего угодно, однако то, что в действительности получается в результате их действий, может оказаться чем-то иным, а не тем, чего они желали.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, стр. 371.

Например, устанавливая в настоящее время запрет на торговлю со странами социалистического лагеря, правящие круги США хотят задушить социалистические страны. Однако на деле эти действия ведут к противоположным результатам. Социалистические страны продолжают преуспевать, несмотря на этот запрет, и главным результатом таких действий является рост экономических трудностей в капиталистических странах, а также рост противоречий между США и их капиталистическими партнерами.

Следовательно, то, что определяет результат сознательных действий людей, есть область действия объективных законов, не зависящих от воли людей.

Марксизм обращает внимание на обстоятельства, вызывающие формирование целей и намерений в сознании людей. Когда люди формулируют намерения и ставят перед собой разнообразные цели, они делают это, отзываясь на разнообразные обстоятельства, в которых они себя находят. Разные люди имеют разные цели, и разные цели формулируются в разное время. Это говорит не о том, что психология отдельных людей различна, а о том, что люди находятся в разных обстоятельствах, имеют разные интересы, порождаемые этими обстоятельствами. Именно эти различия в обстоятельствах в конечном счете порождают их разные цели.

Например, если в настоящее время некоторые люди поставили перед собой цель разжечь войну, а другие стремятся сохранить мир, то это происходит главным образом не потому, что у одних людей воинственный склад ума, в то время как другие настроены более дружелюбно и миролюбиво, а потому, что в настоящих условиях имеются люди, которые заинтересованы в усилении международной напряженности, в то время как интересы других состоят в том, чтобы эту международную напряженность устранить.

Если мы, следовательно, исходим из того, что обстоятельства, на основе которых люди формулируют свои различные цели и интересы, выражающиеся в этих целях, развиваются, то мы снова исходим из того, что существуют объективные законы, не зависящие от воли людей.

Рассматривая этот вопрос, Энгельс указывал, 1) что, хотя ничто не происходит без желаемой цели, результаты, получившиеся в действительности, в конечном итоге редко бывают такими, к которым стремятся. «Желаемое совершается лишь в редких случаях; по большей же части цели, поставленные людьми перед собой, приходят во взаимные столкновения и противоречия или оказываются недостижимыми частью по самому своему существу, частью по недостатку средств для их осуществления. Столкновения бесчисленных отдельных стремлений и отдельных

действий приводят в области истории к состоянию, совершенно аналогичному тому, которое господствует в бессознательно действующей природе. Действия имеют известную желательную цель; но результаты, на деле вытекающие из этих действий, вовсе нежелательны. А если вначале они, по-видимому, и соответствуют желаемой цели, то в конце концов они несут с собой далеко не то, что было желательно»[1].

Другими словами, хотя история творится благодаря сознательной деятельности людей, однако в стремлениях и желаниях людей, принимающих участие в событиях, мы не можем найти объяснения тому, что вытекает из этой деятельности людей. Ибо «...действующие в истории многочисленные отдельные стремления в большинстве случаев влекут за собой не те последствия, которые были желательны, а совсем другие, часто прямо-таки противоположные тому, что имелось в виду...»[2].

Так что, заключает Энгельс, 2) «...эти побуждения, следовательно, имеют по отношению к конечному результату лишь подчиненное значение... возникает новый вопрос: какие движущие силы скрываются, в свою очередь, за этими побуждениями, каковы те исторические причины, которые в головах действующих людей принимают форму данных побуждений?»[3].

Ища, следовательно, обстоятельства, которые формируют цели и стремления в сознании людей и определяют конечный результат их общественной деятельности, марксизм находит эти обстоятельства в развитии материальной жизни общества — в области экономического развития, в развитии производства и условий производства и обмена.

Например, капиталистическая система в ее настоящем виде могла развиться только в результате уничтожения старых феодальных общественных отношений и феодальных учреждений.

Эту революцию сделали люди, сплотившиеся вокруг таких лозунгов, как «свобода, равенство и братство». Положение, занимаемое крестьянами, городскими рабочими и подымающейся буржуазией в экономическом строе феодального общества, мешало всем им проводить свои материальные интересы, и, следовательно, все они испытывали гнет при феодальном режиме. Это заставило их подняться на борьбу за свободу, и именно это выражалось в их требовании свободы. В результате их действий феодальные оковы были разбиты. Однако то, что получилось, было нечто такое, к чему большинство людей, участвовавших в революции, не стремилось. Ибо как только феодальные оковы были разбиты, открылся простор для развития экономической деятельности буржуазии,

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, стр. 371.

[2] Там же, стр. 372.

[3] Там же.

и, таким образом, законы экономического развития независимо от чьих-либо стремлений привели к развитию капитализма. Таким образом, капитализм развился в соответствии с общественными законами, о которых большинство людей, чьи действия способствовали этому развитию, не имело ни малейшего представления.

Марксизм, следовательно, считает, что хотя общество состоит из отдельных личностей, которые совместно делают свою собственную историю благодаря своей собственной сознательной деятельности, однако для того, чтобы отыскать законы исторического развития, нужно видеть за сознательными целями, стремлениями и побуждениями людей экономическое развитие общества и классовую борьбу. Именно здесь мы находим законы, регулирующие изменения в обстоятельствах, которые обусловливают действия людей, преобразование материальных интересов в сознательные побуждения в головах людей и конечный результат их деятельности.

Законы экономического развития

Материалистический взгляд, согласно которому изменение и развитие в обществе, как и в природе, регулируется объективными законами, приводит, следовательно, к выводу, что основные законы, регулирующие изменение и развитие в обществе, являются законами экономическими по своему характеру. Иначе говоря, основные законы общества — это законы, управляющие развитием производства, регулирующие условия производства и обмена, определяющие возникновение классов, классовые взаимоотношения и классовую борьбу.

Направляя развитие условий материальной жизни общества, эти основные законы общественного развития действуют за спиной людей, иными словами, независимо от того, знают ли о них люди, или нет. Действие этих законов приводит к возникновению определенных обстоятельств, которые обусловливают затем сознательные взгляды людей, их побуждения к действиям и определяют независимо от их стремлений действительный результат их деятельности.

Однако что произойдет, если люди откроют эти законы, познают и поймут их?

Раз люди поймут, что действительные возможности общественной деятельности обусловлены материальными условиями и материальными интересами, раз они поймут, какими законами определяется результат их общественной деятельности, то, следовательно, они смогут тогда сознательно и обдуманно определять свои действия в соответствии с действительными возможностями данной обстановки и смогут приспособить свои объединенные

действия к действительным материальным условиям и законам своего общественного существования.

Следовательно, подобно всем великим научным открытиям, открытие законов развития общества представляет собой великий освобождающий факт, порождающий новые силы и возможности общественного действия. Ибо это открытие указывает путь к будущему использованию этих законов в целях удовлетворения основных потребностей людей в обществе. Если мы поймем законы исторического развития, то мы сможем начать делать историю по-новому. То есть мы сможем делать историю, сознательно основывая нашу политику на признании исторической необходимости, строя нашу политику в соответствии с действительными потребностями большинства общества и, таким образом, ставя перед собой осуществимые цели, соответствующие действительным общественным нуждам, и находя пути для их осуществления.

Такова польза, которую рабочее движение может и должно извлечь из открытий марксизма. Как мы видели, именно нужды борьбы поднимающегося рабочего класса за социализм создали условия для открытия Марксом законов развития общества. Вооруженное научным знанием законов развития общества рабочее движение может довести свою борьбу против капитализма до установления диктатуры пролетариата, а затем пойти по пути построения социалистического общества, где уничтожена эксплуатация человека человеком и все общественное развитие служит целям удовлетворения небывало возросших материальных и культурных потребностей всего общества.

Является ли марксизм фаталистической теорией?

Материалистический взгляд, согласно которому общество развивается по объективным законам, часто понимается как якобы взгляд, заключающий в себе некую разновидность фатализма: все, что произойдет, всегда, мол, «предопределено», и все, что мы можем сделать, не имеет-де никакого значения для результата. Однако в свете сказанного выше теперь должно быть ясно, что марксизм не имеет ничего общего с «фатализмом».

Фаталистические теории общества существовали и существуют. Но это идеалистические теории. Марксизм противоположен этим теориям, а они противоположны марксизму.

Таковы, например, теории, усматривающие в истории действие и проявление некоего божественного промысла; такой теорией является гегелевская философия истории, рассматривающая все историческое развитие общества как проявление ступень за ступенью так называемой абсолютной идеи.

Таковы также различные теории, рассматривающие историю как бы движущуюся по «кругам», когда каждая цивилизация про-

ходит с некоей неизбежной необходимостью периоды восхождения, расцвета сил и упадка, — как это имеет место у Шпенглера в «Закате Европы» или у Тойнби в «Исследованиях истории».

Идеализм таких теорий заключается в том, что они рассматривают законы развития общества как «судьбу», навязанную обществу извне, так что все люди оказываются просто орудиями судьбы, орудиями внешней необходимости. Если принять такие теории, то тогда мы действительно будем фаталистами. Если все происходящее — дело рук бога, декретируется судьбой или следует с некоей железной необходимостью, — что практически означает одно и то же, — то, следовательно, мы действительно мало что можем сделать для того, чтобы самостоятельно определять свою собственную судьбу.

Напротив, марксизм считает, что люди сами делают свою собственную историю. Материализм не может признать ни божественного промысла, ни судьбы, ни внешней необходимости, определяющей исторические события. События определяются целиком и полностью собственными действиями людей в тех исторических условиях, в которых люди себя находят.

«Люди сами делают свою историю, — говорит Маркс, — но они ее делают не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого»[1].

Таково объективное условие и таковы рамки исторической деятельности людей. Однако эти обстоятельства, которые «даны им и перешли от прошлого», сами были созданы людьми. Раз, следовательно, мы можем понять экономические и классовые силы, которые создают сами люди в ходе своей исторической деятельности, и законы их действия, то мы можем понять и то, чего можно достичь и что надо сделать для достижения этого. Поэтому, будучи далеким от фаталистического бездействия, материалистическое понимание истории дает программу действия.

Конечно, реакционный класс не может иметь такой программы действия, которая основывается на научном знании законов общественного развития. Более того, именно такие реакционные классы имеют склонность к фабрикации фаталистических теорий истории. Эти классы способны действовать и очень энергично, однако при этом они исходят из своих узкоклассовых интересов и из своего большого опыта в деле защиты и осуществления этих интересов, а не из какого-либо научного понимания основных законов общественного развития. Узкоклассовые интересы заставляют их оказывать сопротивление действию этих законов, а поэтому мешают их объективной возможности понять эти законы. Понять эти законы может лишь прогрессивный класс, который

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. I, стр. 212.

в конечном счете способен использовать законы общественного развития для низвержения старого строя общества и установления нового общественного строя.

Что касается современного рабочего класса, то исторический материализм учит его, что своими и только своими собственными усилиями он может завоевать власть и найти путь к счастью и изобилию, «...освобождение рабочего класса должно быть завоевано самим рабочим классом...»[1].

Личность и класс

Марксизм в равной мере противоположен как «фаталистическим» теориям истории, так и теориям, ставящим общественное развитие в зависимость от ряда случайностей. Подобные теории отрицают закономерный характер общественного развития. Они считают, что события, происходящие в обществе, определяются обстоятельствами, которые не подчиняются объективным законам и которые поэтому нельзя предвидеть. Тот, кто придерживается такой точки зрения, обычно приписывает решающую роль в истории выдающимся личностям, чье влияние или сила воли является якобы причиной, которая определяет и направляет развитие событий.

Как же, в таком случае, марксизм смотрит на ту роль, которую играют выдающиеся личности в истории? Если марксизм отрицает, что конечная причина развития общества может быть сведена к случайным чертам характера отдельных лиц, то отрицает ли марксизм, что известные личности играют исключительно важную роль в формировании хода событий?

Марксизм не отрицает той роли, которую играют в истории выдающиеся личности. Он не отрицает влияния, которое такие личности оказывают на развитие событий. Тем не менее он считает, что историческое развитие определяется не выдающимися личностями, а движением классов; выдающиеся же личности играют свою роль только в качестве представителей или вождей классов. Если только личность не основывает свое влияние и авторитет на поддержке определенного класса, чьи интересы и стремления она представляет, то она бессильна и не может оказать серьезного влияния. С другой стороны, движение нуждается в вождях. И если классы пришли в движение, то им надо найти и они действительно находят такие личности, которые могут действовать в качестве их представителей и вождей. Эти личности могут быть хорошими или плохими, гениальными или посредственными вождями. В первом случае движение ускоряется, во втором — замедляется. Однако, в любом случае, в конечном счете

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. I, стр. 344.

определяется не случайными чертами характера руководящих личностей, а движением классов, движением масс народа.

«Когда... речь заходит об исследовании движущих сил, стоящих за побуждениями исторических деятелей, — пишет Энгельс, — ...то надо иметь в виду не столько побуждения отдельных лиц, хотя бы и самых выдающихся, сколько те побуждения, которые приводят в движение большие массы людей, целые народы, а в каждом данном народе, в свою очередь, целые классы... Исследовать движущие причины, которые... отражаются в виде сознательных побуждений в головах действующей массы и ее вождей, так называемых великих людей, — значит вступить на единственный путь, ведущий к познанию законов, господствующих в истории вообще и в ее отдельных периодах или в отдельных странах»[1].

Следовательно, в настоящее время рабочий класс должен полагаться в борьбе за свое освобождение на свою собственную деятельность. Он не должен выбирать вождей, судя о них по их собственным словам, он должен судить о них по их делам и контролировать их деятельность через свои массовые организации. Ибо вожди движения приносят пользу только постольку, поскольку они преданно служат классу, остаются близкими народу и, основываясь на научном знании, указывают путь вперед.

Марксизм, следовательно, научно указывает путь к завоеванию социализма. Он научно доказывает, что победа рабочего класса и гибель капитализма одинаково неизбежны. Однако к этому приведет не некое роковое предопределение или воля немногих личностей, а сознательная деятельность миллионов мужчин и женщин, объединенных в рабочем движении и ведомых партией и вождями, которые основывают свое руководство на научном понимании, на коллективном обсуждении и критике и на преданности интересам народа.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, стр. 373.

Глава III

РОЛЬ ИДЕЙ В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Второй руководящий принцип исторического материализма состоит в том, что общественные идеи возникают из условий материальной жизни общества.

Однако идеи, возникающие из условий материальной жизни общества, затем играют активную роль в развитии материальной жизни. Таков третий руководящий принцип.

Идеи либо способствуют, либо препятствуют общественному развитию. Старые идеи, соответствующие условиям, которые уже устарели, всегда имеют тенденцию продолжить свое существование даже после того, как условия, их породившие, исчезли. Такие идеи защищаются реакционными классами. Однако новым, подымающимся общественным силам необходимо вооружить себя новыми идеями, соответствующими тому, что является новым и возникающим в развитии материальной жизни общества. Такие новые идеи играют громадную организующую и мобилизующую роль в борьбе за преобразование общества.

Исторический материализм учит, что в настоящее время рабочему классу необходимо, во-первых, основывать свою практическую политику на объективных законах общественного развития, во-вторых, основывать свою программу на действительных потребностях материального развития общества и, в-третьих, вооружить себя революционными идеями, революционной теорией.

Материальная жизнь общества определяет его взгляды и учреждения

Второй руководящий принцип исторического материализма состоит в том, что взгляды, существующие в обществе, вместе с общественными учреждениями всегда в конечном счете определяются условиями материальной жизни.

Иначе говоря, распространение материализма на общество ведет к выводу, что материальная жизнь общества определяет его духовную жизнь.

Для материализма материя, или материальный мир, — первичное, а дух, или сознание, — вторичное, или производное. Существование и взаимосвязь материальных вещей не зависят от наших представлений о них, а, наоборот, наше сознание и представления в нашей голове зависят от первичного существования и взаимосвязи материальных вещей.

По отношению к обществу это означает, что причины возникновения всех взглядов, имеющих хождение в обществе, можно

найти в условиях материальной жизни общества, а не в чем-либо другом.

«Не сознание людей определяет их бытие, – писал Маркс, – а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание»[1].

Это коренным образом отличается от того, чему обычно учат другие теории. И это вместе с тем означает, что конечные причины исторических событий можно найти не в изменении мыслей людей, а в изменении условий материальной жизни общества.

«В основе всех прежних воззрений на историю лежало представление, что причину всех исторических перемен следует искать в конечном счете в изменяющихся идеях людей... – писал Энгельс. – Но откуда появляются у людей идеи... об этом не задумывались... идеи каждого данного исторического периода объясняются в высшей степени просто экономическими условиями жизни и обусловленными ими общественными и политическими отношениями этого периода»[2].

Следовательно, «конечных причин всех общественных перемен и политических переворотов надо искать не в головах людей, не в их возрастающем понимании вечной истины и справедливости, а в изменениях способа производства и обмена... Пробуждающееся сознание того, что существующие общественные установления неразумны и несправедливы, что “разумное стало бессмысленным, благо стало мучением”[3], – является лишь симптомом того, что в способах производства и в формах обмена произошли незаметно такие перемены, к которым уже не подходит общественный строй, скроенный по старым экономическим условиям»[4].

Например, часто полагают, что наши прадеды уничтожили старые феодальные отношения подчинения потому, что в их сознании родилась идея о том, что люди равны и должны пользоваться равными правами. Но почему эта идея вдруг получила столь большое влияние? Почему феодальные отношения подчинения, которые в течение столетий считались справедливыми и разумными, вдруг начали казаться несправедливыми и неразумными? Эти вопросы ведут нас из области идей в область условий материальной жизни. Именно потому, что изменялись материальные, экономические условия, люди стали думать по-новому. Существовавшие феодальные отношения больше не соответствовали развившимся экономическим условиям. Именно развитие экономической деятельности и экономических отношений создало силы,

---

1 К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. I, стр. 322.
2 Там же, т. II, стр. 152, 153.
3 Слова Мефистофеля из «Фауста» Гете. – *Ред.*
4 К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, стр. 127.

уничтожившие феодализм и положившие начало капитализму. Так что возникновение и распространение идеи равноправия, в качестве противоположности феодальному неравенству, последовали вслед за изменениями в материальных условиях жизни и отражали эти изменения.

Или почему, когда капитализм еще продолжает развиваться, идея социализма, идея общественной собственности на средства производства, вдруг получает влияние? В течение столетий частная собственность считалась справедливой и разумной и даже необходимой основой цивилизованного общества. Но в настоящее время, напротив, она начала представляться несправедливой, неразумной, тягостной. Опять-таки этот новый образ мышления и сильное влияние, которое начали оказывать социалистические идеи, возникли из новых экономических условий. При капитализме производство перестает носить частный характер и приобретает общественный характер, а частная собственность и частное присвоение, основанное на частной собственности, которая сохраняется при капитализме, больше не соответствуют новому характеру производства.

Вообще возникновение новых идей нельзя никогда принимать за достаточное объяснение общественных изменений, так как всегда надо объяснить само происхождение идей и причину их влияния на общество. А это объяснение в конечном счете можно найти в условиях материальной жизни общества.

Следовательно, мы найдем, что в зависимости от различных условий материальной жизни общества в разное время получают распространение совершенно разные идеи и что различия во взглядах различных классов в разное время всегда в конечном счете можно объяснить с точки зрения различий в условиях материальной жизни.

«Нужно ли особое глубокомыслие, — спрашивали Маркс и Энгельс, — чтобы понять, что вместе с условиями жизни людей, с их общественными отношениями, с их общественным бытием изменяются также и их представления, взгляды и понятия, одним словом, их сознание?»[1].

Законы общественного развития, на экономическую сторону которых мы уже указывали, имеют, следовательно, еще ту сторону, что они включают законы, посредством которых на основе данных материальных или экономических условий общества возникает целая надстройка общественных взглядов и соответствующих им учреждений.

Экономическая структура общества всегда есть тот базис, на котором возникают взгляды и учреждения общества и которому

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, стр. 445.

они соответствуют. Возникновение новых взглядов и новых учреждений всегда отражает изменения в экономических условиях.

Активная роль идей в общественном развитии

Материализм учит, что идеи, которые образуются в сознании людей, зависят от первичного существования материальных вещей и материальных отношений. Однако это не означает, что, возникнув на основе материальных условии, идеи не играют никакой роли в общественной деятельности, посредством которой изменяются материальные условия. Напротив, возникнув на основе материальных условий, идеи становятся активной силой, оказывающей обратное воздействие на материальные условия.

Поэтому надо различать вопрос о *происхождении* идей от вопроса о *значении* и *общественной роли* идей.

Третий руководящий принцип исторического материализма говорит о той роли, которую идеи играют в общественном развитии. Он гласит, что идеи, возникшие на основе условий материальной жизни общества, сами играют активную роль в развитии материальной жизни общества.

Некоторые школы механистического материализма только подчеркивают, что идеи вызываются внешними материальными условиями. Однако, заявив это, механицисты не обращают внимания на дальнейшие активные взаимоотношения, возникающие между идеями и материальными условиями, вызвавшими их. В противоположность этому диалектический материализм, изучающий вещи в их сложных взаимных отношениях и в их действительном движении, должен учитывать также те способы, какими идеи оказывают обратное влияние на материальные условия, и ту роль, которую играют идеи во всем сложном движении общества.

Для выяснения этого вопроса возьмем, например, квалифицированного рабочего, занятого в производстве. Он – не автомат. Он обладает знаниями, так сказать идеями, относительно материалов его специальности. Эти идеи не появились в его голове невесть откуда. У плотника есть идеи относительно свойств дерева, у слесаря-инструментальщика – относительно свойств металла. Эти идеи являются отражением в сознании человека свойств внешних материальных объектов: дерева или металла, – которые он познал в ходе своего практического использования этих материалов. Эти идеи появились в сознании человека как отражение внешних материальных вещей и в результате его производственной деятельности. Однако, возникнув в голове человека, эти идеи становятся затем фактором, причем необходимым фактором, в определении его производственной деятельности, благодаря которой он придает определенную форму дереву или

металлу и изменяет их в соответствии со своими идеями об этих материалах и о том, что можно сделать с ними. Люди не трудятся, не имея идей. Действительно, когда первобытный человек изготовлял свои первые каменные орудия, он тем самым уже показал ту роль, которую играют идеи в деятельности человека, направленной на изменение условий его материальной жизни.

То, что верно для процесса труда, верно и для общественной деятельности вообще. Люди не осуществляют свою общественную деятельность, не имея идей. Идеи, возникающие в головах людей, по своему происхождению определяются материальной деятельностью людей и порождаются условиями материальной жизни общества. Обладая этими идеями, люди предпринимают действия, оказывающие обратное влияние на условия материальной жизни и изменяющие эти условия.

Таким образом, идеи, получающие распространение в обществе, образуются в сознании людей как следствие и как отражение их материальной деятельности и условий материальной жизни. Общественная деятельность людей происходит на основе данных условий материальной жизни. Эти условия отражаются в виде идей в человеческих головах. И, обладая этими идеями, люди ведут затем общественную деятельность, которая оказывает обратное влияние на условия материальной жизни.

«Все, что приводит людей в движение, неизбежно должно пройти через их голову, — писал Энгельс, — но какой оно вид принимает в этой голове, в очень большой мере зависит от обстоятельств»[1].

Мы уже отмечали, что некоторые механистические материалисты видят лишь, что идеи возникают в голове человека в результате влияния внешних материальных условий. Однако они не видят активной роли, которую играют идеи в человеческой деятельности по изменению внешней действительности.

С другой стороны, идеалисты — «односторонни» в противоположном смысле. Они видят только идеи, пренебрегая материальными условиями, откуда эти идеи берут свое происхождение, и затем подчеркивают активную роль, которую идеи играют в человеческой жизни. Они отделяют идеи даже от мозга, в котором они образуются, рассматривают их как самостоятельно существующие и как первую причину всех человеческих поступков. В противоположность идеализму, диалектический материализм считает, что идеи возникают в голове человека только как отражение данных материальных условий. Однако диалектический материализм, тем не менее, видит также ту роль, которую играют идеи в человеческой деятельности, направленной на изменение материальных условий.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, стр. 373.

Новые и старые идеи

В общественном развитии идеи играют двоякую роль: они или ускоряют, или замедляют развитие общества, они являются или прогрессивными, или реакционными.

Для общественных идей характерно, что, возникнув на основе развития данных условий материальной жизни, они стремятся сохранить свое существование даже после того, как условия, породившие их, исчезли или находятся в процессе исчезновения. Иначе говоря, существует тенденция отставания идей.

Идеи, возникшие из старых условий существования, но продолжающие оказывать влияние в то время, когда эти старые условия уже уничтожены или созрели для их уничтожения, начинают действовать как реакционная, консервативная сила, мешающая новому, прогрессивному развитию общества.

Например, борьба за организацию рабочих на фабрике может повлечь за собой борьбу за вытеснение в сознании некоторых рабочих старых, мелкобуржуазных идей, мешающих им объединиться против хозяев, новыми, пролетарскими идеями.

То же самое имеет место тогда, когда в результате борьбы против хозяев власть перешла в руки рабочего класса. Даже после ликвидации капиталистической эксплуатации борьба за построение нового, социалистического общества влечет за собой борьбу за ликвидацию пережитков капитализма в сознании людей, ибо идеи, порожденные капиталистическими общественными отношениями, продолжают существовать даже после того, когда эти общественные отношения уже не существуют.

Старые идеи, отражая общественные уже устаревшие условия, служат тем силам, которые стремятся сохранить старые общественные условия, и препятствуют тем силам, которые стремятся создать новые общественные условия. Поэтому именно реакционные классы, защищающие такие идеи, стремятся сохранить эти идеи, придавая им новые формы и приспосабливая их к требованиям происходящей борьбы, и пропагандируют их всяческими способами и всеми возможными средствами. Напротив, прогрессивный класс должен сокрушить такие идеи, уничтожить их влияние и развить свои собственные новые идеи, соответствующие новым общественным задачам.

Следовательно, в классовом обществе идеи отражают точку зрения и стремления различных классов. В классовом обществе идеи служат также средством классовой борьбы. Так, в области идей, отражающих классовую борьбу во всей ее сложности, бывают периоды кажущегося спокойствия и периоды открытых конфликтов — периоды побед и поражений, союзов и расколов, компромиссов, маневрирования и борьбы за обладание руководящими позициями. В битве идей фактически все битвы за изменение

общества доводятся до конца. Идеи всегда являются могучей силой общества.

Стало быть, когда говорится о битве идей, никогда не следует полагать, что это относится только к некоторым задачам меньшинства «интеллигентов», которые ведут полемику в высших идеологических сферах: философии, религии, науки или искусства. В третьем томе будет показано, как возникает такая «высшая идеология» и каково ее значение. Однако, каково бы ни было ее значение, основную роль в битве идей играет всякий, кто привлекает в профсоюз или коммунистическую партию нового члена, кто выступает против современной пропаганды капиталистов и разоблачает ее или кто критикует идеи правых социалистов, представляющих капиталистическое влияние в рабочем движении.

Общественную роль идей можно, следовательно, обобщить, сказав, что, в то время как старые идеи, базирующиеся на материальных условиях прошлого, препятствуют прогрессивному развитию общества и защищаются реакционными классами, новые идеи, базирующиеся на том, что является новым в развитии материальной жизни общества, и на потребностях этого развития, активно помогают прогрессивному развитию общества и защищаются прогрессивными классами.

Новые идеи и теории необходимы для выполнения новых задач, поставленных перед обществом развитием материальной жизни. Люди не могут эффективно действовать, не имея идей.

Когда такие новые идеи, обычно выдвигаемые в первую очередь лишь немногими людьми, действительно становятся достоянием народных масс, — это происходит тогда, когда массы, поскольку идеи соответствуют их материальным потребностям, овладевают этими идеями, — тогда идеи становятся непобедимой силой.

«...теория становится материальной силой, как только она овладевает массами»[1].

Социалистическая теория и массовое движение

Мы попытались суммировать три руководящих принципа исторического материализма, являющихся результатом распространения материалистического мировоззрения на общество. Какие практические выводы отсюда следуют?

1) Отсюда следует, что в настоящее время рабочий класс в борьбе за свое освобождение должен основывать свои практические задачи и политику не на мечтах и идеалах, а на учете действительных общественных условий и объективных законов общественного развития.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 422.

Если мы основываем практические цели и политику просто на мечтах и идеалах, то какими бы благородными и вдохновляющими ни были эти мечты и идеалы, у нас нет гарантии, что мы когда-либо найдем путь для их осуществления или даже вообще на возможность претворения их в жизнь. Законы общественного развития будут действовать вопреки нам, или против нас, срывая наши планы и приводя к событиям, которые будут захватывать нас врасплох, сбивать с толку и делать беспомощными. Если, с другой стороны, мы будем основывать нашу практическую деятельность на научном знании законов развития общества, то тогда мы сможем сознательно использовать эти законы, сможем формулировать практические задачи, соответствующие действительным условиям жизни и потребностям народа, и сможем найти пути, какими можно мобилизовать силы, способные действительно осуществить эти цели.

2) Далее. Отсюда следует, что, стремясь произвести изменения в обществе, мы должны основывать нашу программу на учете действительных условий и потребностей развития материальной жизни общества. Только такая программа может соответствовать действительным потребностям народных масс и, таким образом, эффективно служить делу мобилизации сил, способных произвести изменение в обществе.

Если, напротив, наша программа будет состоять только из идеальных проектов реформ или если мы в этой программе будем исходить из предположения, что мы можем превратить абстрактные понятия разума или справедливости, возникающие в наших головах, в конкретную действительность, не принимая в расчет действительные материальные условия общественной жизни, то тогда, как бы красиво ни звучала эта программа, она будет оторвана от действительной жизни, а тот, кто следует ей, будет заведен в тупик.

Следовательно, наша программа, основывающаяся «не на добрых пожеланиях «великих людей», а на подлинных потребностях развития материальной жизни общества», должна указать практический путь к удовлетворению материальных нужд народа.

3) Следующий вывод состоит в том, что для преобразования общества и построения социализма мы должны иметь социалистические идеи, революционную теорию, отвечающую этой задаче.

Поэтому исторический материализм учит нас всегда подчеркивать необходимость обладать социалистическими идеями, социалистическими теориями.

Если мы будем игнорировать изучение революционной теории и не будем развивать ее или откажемся от необходимости иметь передовые идеи и удовлетворимся тем, что будем полагаться на свое чутье и опираться на стихийное движение масс, то в таком

случае мы никогда не создадим движения, способного изменить общество.

Если мы будем игнорировать борьбу против буржуазных идей, за социалистические идеи и не будем бороться за то, чтобы эти социалистические идеи сделать достоянием массового движения, тогда мы неизбежно останемся в плену буржуазных идей, что в настоящее время может быть подтверждено примером тех «социалистических» вождей, которые отрицают за социалистической теорией какое-либо значение. Нет такой головы, которая представляла бы собой абсолютный вакуум, как близко к этому состоянию ни были бы некоторые головы. И старые идеи продолжают влачить существование в головах людей, если только их сознательно не заменить новыми идеями.

Вывод, следовательно, состоит в том, что знание законов развития общества, условий материальной жизни общества и потребностей их развития становится великой общественной силой, способствующей уничтожению старых общественных условий и созданию новых условий, когда это знание развивается и применяется партией рабочего класса, когда идеи научного социализма соединены с массовым движением рабочего класса.

Таковы, следовательно, руководящие принципы и выводы, вытекающие из распространения материализма на общество. Как мы видим, материалистическое мировоззрение становится теперь практической программой, боевой стратегией для рабочего движения.

В следующих главах мы рассмотрим более подробно выводы, к которым пришел исторический материализм относительно законов общественного развития.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

КАК РАЗВИВАЕТСЯ ОБЩЕСТВО

Глава IV

СПОСОБ ПРОИЗВОДСТВА

Все развитие общества определяется развитием производительных сил и соответственными изменениями в отношениях между людьми в производстве. Производительные силы и производственные отношения данного периода времени, взятые в их единстве, составляют способ производства.

Из разделения труда в производстве возникает частная собственность, и, таким образом, появляется эксплуатация и общество разделяется на антагонистические классы.

В ходе развития общества последовательно возникало пять типов производственных отношений: первобытно-общинные отношения, рабство, феодализм, капитализм и социализм.

Производство средств к жизни

Исторический материализм находит ключ к законам развития общества в том простом факте, что «...люди в первую очередь должны есть, пить, иметь жилище и одеваться, прежде чем быть в состоянии заниматься политикой, наукой, искусством, религией и т. д.»[1].

Прежде чем люди смогут заняться какой-либо деятельностью, они должны добыть средства к жизни: пищу, одежду и жилище. И они получают средства к жизни, но не как свободные дары природы, а путем объединения друг с другом для производства предметов первой необходимости для жизни и обмена производимыми вещами. Только на основе объединения для производства и обмена средств к жизни люди могут развивать любые свои другие общественные интересы и добиваться их осуществления.

Следовательно, «производство непосредственных материальных средств к жизни и тем самым каждая данная ступень экономического развития народа или эпохи образуют основу, из которой развиваются государственные учреждения, правовые воз-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, стр. 157.

зрения, искусство и даже религиозные представления данных людей...»[1].

Отсюда следует также, «...что производство, а вслед за производством обмен его продуктов, составляет основу всякого общественного строя; что в каждом выступающем в истории обществе распределение продуктов, а вместе с ним и разделение общества на классы или сословия, определяется тем, что и как производится, и как эти продукты производства обмениваются»[2].

Таким образом, исторический материализм находит конечную причину всего движения общества в условиях материальной жизни общества и в изменениях условий материальной жизни.

Условия материальной жизни включают, конечно, природную, географическую среду, в которой живет общество. Эта географическая среда оказывает *влияние* на общественную жизнь людей постольку, поскольку она обусловливает то, что они делают, и то, что они могут делать. Однако географическая среда, которая очень мало изменяется, не определяет *изменения* и *развития* общественной жизни. Изменение и развитие общественной жизни определяются изменяющимися способами, которыми люди, населяющие данную территорию, производят свои средства к жизни. Общественное развитие определяется не окружающей природой, а способами, которые применяют люди, чтобы взять у природы то, что необходимо для удовлетворения их материальных потребностей. Условия материальной жизни, от изменения которых зависит все развитие общества, являются условиями, созданными самими людьми путем своей собственной деятельности, направленной на обеспечение своей жизни, на производство средств к жизни.

Это можно проследить на примере истории Англии. Географическая среда Англии в течение двух последних тысячелетий изменилась очень мало. Однако за это время условия материальной жизни людей, живущих в Англии, изменились коренным образом. Англия прошла путь развития от древнего родового общества до современного капиталистического общества и скоро перейдет к социализму. Все это развитие опиралось на тот факт, что за это время люди вырубили леса и кустарники, некогда покрывавшие наиболее плодородные районы страны, развили земледелие, стали добывать уголь и другие полезные ископаемые, построили корабли, чтобы перевозить товары из страны в страну, создали крупную промышленность. И по мере того, как люди все это делали, их общественные отношения претерпевали ряд преобразований, а вместе с этим также претерпевали существенные изменения учреждения и идеи людей.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, стр. 157.

[2] Там же, стр. 126—127.

Способ, которым люди производят и обменивают свои средства к жизни, называется *способом производства*. Каждое общество основывается на способе производства, определяющем в конечном счете характер всей общественной деятельности и характер учреждений.

В ходе истории общества способ производства претерпел большие изменения. Он развился от самой примитивной экономики племен, занимавшихся собирательством и охотой, до социалистической экономики, родившейся в XX веке. Один способ производства сменял другой способ производства. А это экономическое изменение и развитие, это изменение и развитие способа производства материальных средств к жизни образуют основу всего общественного развития.

Материалистическое понимание истории, следовательно, ставит три основных вопроса:

1) Необходимо более точно определить, какие главные факторы образуют способ производства и изменения каких факторов составляют изменения в способе производства.

2) Необходимо исследовать законы, по которым происходят изменения в способе производства, как основные законы развития человеческого общества.

3) Необходимо исследовать, по каким законам на основе изменений в способе производства возникает и изменяется целая надстройка общественных взглядов и учреждений.

Первый вопрос будет рассмотрен в этой главе, второй — в главах V и VI, третий — в главах VII и VIII.

Производство и собственность

Способ производства всегда имеет общественный характер, потому что каждый отдельный индивидуум исключительно своим собственным трудом, независимо от других членов общества, не производит все необходимое для удовлетворения своих материальных нужд. Материальные продукты, необходимые для общества, производятся трудом многих членов общества, осуществляющих, таким образом, «взаимный обмен деятельностью» в процессе производства общественного продукта, распределяемого среди членов общества.

Таким образом, при рассмотрении способа производства необходимо прежде всего различать общественные *силы*, приводимые в действие людьми, для того чтобы производить продукты, — материальные средства, с помощью которых осуществляется производство, и, во-вторых, взаимные *отношения*, в которые вступают люди, участвуя в производстве и обмене продуктов.

Следует различать, во-первых, *производительные силы* и, во-вторых, *производственные отношения*. Производительные силы

и производственные отношения вместе составляют способ производства. Изменения в способе производства вызываются изменениями в производительных силах и изменениями в производственных отношениях.

1) Что же, следовательно, подразумевается под *производительными силами*?

Для того чтобы производить, необходимы орудия производства, то есть инструменты, машины, средства транспорта и т. п. Однако орудия производства сами по себе ничего не производят. Именно люди изготовляют орудия производства и используют их. Без людей, обладающих навыками изготовлять и использовать орудия производства, невозможно производство.

Поэтому производительные силы состоят из а) орудий производства и б) людей, обладающих производственным опытом и навыками к труду и использующих эти орудия производства.

2) Что же подразумевается под *производственными отношениями*?

Люди не изготовляют и не используют орудий производства, равно как не приобретают и не применяют производственный опыт и навыки к труду, не вступая при этом во взаимные отношения. Изготовляя и используя орудия производства, приобретая и применяя производственный опыт и навыки к труду, люди вступают в отношения друг с другом, посредством которых они объединяются и организуются в процессе общественного производства.

Эти отношения частично являются простыми и непосредственными отношениями, в которые люди вступают друг с другом в действительном производственном процессе, — простыми и непосредственными отношениями между людьми, занятыми выполнением общей производственной задачи.

Однако, осуществляя производство, люди с необходимостью должны вступать в общественные отношения не только друг с другом, но и со *средствами производства*, которые они используют.

Под «средствами производства» мы подразумеваем нечто большее, чем орудия производства. Мы обозначаем этим термином все те средства, которые необходимы для производства готового продукта, — включая не только орудия производства (являющиеся частью производительных сил), но и землю, сырье и здания, где осуществляется производство, и т. п.

Для осуществления производства люди, следовательно, должны регулировать общественным путем свои взаимные отношения к средствам производства. Так возникают отношения *собственности*. В общественном производстве средства производства становятся собственностью различных лиц или групп. Эти отношения собственности определяют, кто имеет право распоряжаться

различными средствами производства и продуктом, произведенным в результате использования этих средств производства.

Это регулирование взаимных отношений людей к средствам производства и, следовательно, к их доле в продукте осуществляется не в результате какого-либо сознательного и обдуманного акта — какого-либо общего решения или «общественного договора». Такое регулирование происходит путем бессознательного или стихийного процесса. Свои взаимные отношения к средствам производства и право распоряжаться общественным продуктом люди регулируют способом, соответствующим производительным силам, так как иначе они не смогли бы осуществлять производство. А вступая в эти отношения в процессе производства, они осознают эти отношения как отношения собственности.

В очень примитивном производстве, осуществляемом охотничьими племенами, охотники вступали в простые, непосредственные отношения друг с другом как товарищи по охоте, а земля, на которой они охотились, звери, за которыми они охотились, не считались собственностью какого-либо отдельного лица или группы. Все племя участвовало в организации охоты, и добыча, которую приносили с охоты, являлась общей собственностью и делилась между всеми членами племени.

Однако, когда возникает разделение труда и одни люди специализируются на производстве одного продукта, другие — другого, тогда используемые орудия начинают рассматриваться как собственность отдельных лиц, произведенный же продукт становится собственностью производителя и поступает в его распоряжение. Подобно этому, когда были приручены животные и возросли стада, тогда скот стал собственностью отдельных семей или главы семьи. На более поздней стадии развития общества частной собственностью становится земля.

Таким образом, в результате развития производительных сил — ибо развитие земледелия, ремесла и т. п. именно и является развитием производительных сил — и в результате разделения труда, сопровождавшего это развитие, постепенно возникает собственность на средства производства отдельных лиц или групп. Иначе говоря, возникает частная собственность.

Здесь уже можно видеть, что движущей силой в общественном развитии является развитие производительных сил.

Отношения собственности являются по существу общественными отношениями между людьми, возникающими из производства. На первый взгляд отношения собственности могут выглядеть как простые и непосредственные отношения между отдельными владельцами собственности и собственностью, которой они владеют. Однако это не так. Робинзон Крузо на своем острове не был владельцем собственности; он был просто человеком на острове. Отношения собственности являются отношениями между

людьми в обществе: сложными отношениями между человеком и человеком, а не простыми отношениями между людьми и вещами. В процессе производства, осуществляемого людьми, они устанавливают между собой общественные отношения, или производственные отношения; при этом средства производства, используемые людьми, становятся собственностью той или иной группы, того или иного лица.

Поэтому отношения собственности представляют собой способы регулирования взаимных отношений людей в процессе использования средств производства и при распоряжении продуктом.

Отношения собственности дают просто осознанное, юридическое выражение этим взаимным отношениям, которые, будучи выражены как отношения собственности, представляются в качестве обязательных отношений, навязанных обществу.

Поэтому теперь можно определить производственные отношения как взаимные отношения, в которые вступают люди в процессе производства и которые выражаются как отношения собственности.

Производственные отношения, существующие в обществе на любой определенной ступени его развития, составляют *экономическую структуру* общества на этой его ступени.

Эксплуатация

Продукты производственной деятельности присваиваются разными способами и распределяются среди членов общества также разными способами в соответствии с типом господствующей системы хозяйства.

Что же определяет способы, которыми в различных обществах присваивается продукт?

Вообще именно форма собственности на средства производства, характер отношений собственности, характер производственных отношений определяют форму присвоения и способ распределения средств к жизни.

В самых первобытных обществах средства производства были общественной собственностью, ими сообща владели производители. Это являлось следствием очень примитивного характера орудий производства. Располагая весьма примитивными орудиями и инструментами, при едва развившемся разделении труда, люди вынуждены были работать сообща, чтобы прокормить себя, а общий труд вел к общей собственности на средства производства. Продукты производства соответственно делились между всеми членами общины. Как средства производства не являлись собственностью какого-либо отдельного лица или группы, так и продукт не присваивался каким-либо особым лицом или группой.

В социалистическом обществе средства производства снова становятся общественной собственностью. Однако на этот раз это есть следствие очень высоко развитого характера орудий производства. Обобществление труда, вызванное развитием современной крупной промышленности, приводит к необходимости общественной собственности на средства производства. И, следовательно, продукт вновь присваивается всем обществом и распределяется в соответствии с принципом «каждому по его труду» на первой стадии социалистического общества и «каждому по его потребностям» на стадии полностью развившегося коммунистического общества.

Однако во всех обществах, известных в истории в период между первобытно-общинным строем и социализмом, средства производства не являются общественной собственностью, а принадлежат отдельным лицам или группам, меньшинству общества. В результате те, кому принадлежат средства производства, в силу своего положения собственников имеют возможность присваивать продукт. И таким образом они получают возможность жить за счет труда других, или, другими словами, эксплуатировать. Те, кто не владеет средствами производства, вынуждены работать в интересах тех, кто ими владеет.

Как создается такое положение дел?

Прежде всего развитие разделения труда разрушает первобытный строй общественного производства, осуществляемого всем племенем, и ведет к тому, что собственность на средства производства постепенно переходит в руки отдельных лиц и групп. Вместе с этим возникает частное присвоение продукта, так как продукт присваивается теми, кому принадлежат средства производства. По мере того, как стада переходят из общего владения племени в собственность отдельных глав семей, по мере того, как обрабатываемые земли передаются в пользование отдельных семей, по мере того, как появляется ремесло, соответствующие продукты перестают быть коллективной собственностью и возникает частное присвоение.

Далее, вместе с частной собственностью начинается также превращение продукта в товар — процесс, окончательно завершившийся в капиталистическом обществе, где все продукты фактически принимают форму товара.

Когда одни продукты обмениваются на другие продукты, то мы называем их товарами. Товары являются продуктами, произведенными для обмена на другие продукты. «Появившаяся частная собственность на стада и роскошную утварь, — писал Энгельс, — вела к обмену между отдельными лицами, к превращению продуктов в *товары*»[1]. Ибо если при общинном способе

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, стр. 252.

производства люди делили свои продукты между собой, осуществляя таким образом «взаимный обмен деятельностью», а не обменивали их, то с развитием частной собственности собственник получает продукт не обязательно для своего собственного потребления, напротив, он обменивает этот продукт на другие продукты.

И это имело большие последствия. «Лишь только производители перестали сами непосредственно потреблять свой продукт, а начали отчуждать его путем обмена, они утратили свою власть над ним. Они уже не знали, что с ним станет. Возникла возможность использовать продукт против производителя, для его эксплуатации и угнетения»[1].

По мере роста товарообмена, а вместе с ним и употребления денег, эти факторы действуют как мощная сила, разрушая дальше весь прежний общинный способ производства, концентрируя собственность в руках одних и лишая собственности других. Неизбежным результатом роста частной собственности является разделение общества на «больших» и «маленьких» людей, на тех, у кого есть собственность, и тех, у кого ее нет, на имущих и неимущих.

Далее, разделение труда, из которого следуют эти результаты, связано с ростом производительности труда. Там, где раньше производительный труд целого племени едва мог произвести достаточное количество продуктов для удовлетворения минимальных потребностей всех производителей, теперь труд производит излишек. Тот, кто работал, мог производить достаточное количество продуктов для удовлетворения своих собственных насущных нужд и кое-что сверх того. Следовательно, для тех, кто владеет средствами производства, появляется возможность, не работая, присваивать себе излишек труда остальных. А раз появилась эта возможность, то вскоре ею воспользовались.

Первым результатом было рабство. Раз производитель мог производить своим трудом больше, чем он сам потреблял, то стало выгодным захватывать и содержать рабов. Таким образом появляются рабовладельцы и рабы. Рабовладельцы присваивают себе весь продукт труда рабов и дают рабам ровно столько, сколько необходимо, чтобы они не умирали.

Рабство является первой формой эксплуатации человека человеком[2]. При рабстве рабовладелец является собственником средств производства, а также раба. Вторая форма эксплуатации выступает в виде феодальной формы эксплуатации, эксплуатации крепостных феодальным собственником. Феодал не имеет собст-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, стр. 252.

[2] Относительно развития частной собственности и эксплуатации см. у Ф. Энгельса в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства», гл. IX (К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, стр. 291—310).

венности на крепостного, как рабовладелец на раба, но он владеет землей, а крепостной прикреплен к земле — крепостному разрешают кормиться на земле феодала при условии, что он отдаст феодалу в качестве подати большую часть того, что он производит. Третьей формой эксплуатации является капиталистическая форма эксплуатации, эксплуатация наемных рабочих капиталистами. При капитализме рабочие формально свободны, однако они лишены средств производства и могут существовать, только продавая свою рабочую силу капиталистам. Последние, являясь собственниками средств производства, присваивают продукт.

Однако, какова бы ни была форма эксплуатации, сущность эксплуатации остается той же самой: производители создают некоторый излишек сверх того, что необходимо для удовлетворения их собственных, крайне важных потребностей, излишек, который присваивают эксплуататоры благодаря частной собственности на средства производства в той или иной форме.

«Только та форма, в которой этот прибавочный труд выжимается из непосредственного производителя, из рабочего, отличает экономические формации общества, напр. общество, основанное на рабстве, от общества наемного труда»[1].

Именно развитие производства и развитие собственности порождают эксплуатацию. Эксплуатация означает, что некоторые люди, представляющие собой меньшинство в обществе, благодаря тому, что они являются собственниками, живут не трудясь, за счет труда остальных, за счет труда большинства.

Следовательно, в каждом способе производства, при котором происходит эксплуатация человека человеком, общественный продукт распределяется таким образом, что большинство людей, занятых трудом, вынуждено трудиться только ради того, чтобы удовлетворять самые элементарные потребности жизни. Иногда появляются благоприятные обстоятельства, когда трудящиеся могут получить большее, но значительно чаще они получают едва достаточный минимум, а подчас не получают даже и этого. С другой стороны, меньшинство, владельцы средств производства, обладатели собственности, наслаждаются досугом и роскошью. Общество разделено на богатых и бедных.

Из этого следует, что если мы когда-нибудь и разделаемся с крайностями нищеты и богатства, то этого никогда нельзя будет достичь простым требованием нового способа распределения общественного продукта. Например, капиталистическое общество нельзя реформировать просто путем декретирования более равного распределения продуктов, как представляется это в реформистских лозунгах «справедливого распределения дохода

---

[1] К. Маркс, Капитал, т. 1, Госполитиздат, 1952, стр. 223.

труда», «справедливой доли для всех» или — как гласит позднейший вариант — «равенства жертвоприношений». Ибо распределение средств потребления основывается на собственности на средства производства. Надо вести наступление именно против собственности на средства производства.

«...так называемые отношения распределения соответствуют исторически определенным, специфически общественным формам процесса производства и тем отношениям, в которые вступают между собою люди в процессе воспроизводства своей человеческой жизни, и возникают из этих форм и отношений. Исторический характер этих отношений распределения есть исторический характер производственных отношений, только одну сторону которых они выражают. Капиталистическое распределение отлично от тех форм распределения, которые возникают из других способов производства, и каждая форма распределения исчезает вместе с определенной формой производства, которой она соответствует и из которой проистекает»[1].

Классы и классовая борьба

По мере развития общественного производства, начиная со времени разложения первобытных общин, общество разделяется на группы, которые занимают различное место в общественном производстве в целом, по-разному относятся к средствам производства и, следовательно, различными способами получают свою долю продукта. Такие группы составляют общественные *классы*, а их отношения составляют классовые отношения, или классовую структуру, данного общества.

Существование классов является следствием разделения труда в общественном производстве. Из разделения труда вытекают формы частной собственности, а из этого — разделение общества на классы. «Различные ступени в развитии разделения труда являются вместе с тем и различными формами собственности, т. е. каждая ступень разделения труда определяет также и отношения индивидов друг к другу соответственно их отношению к материалу, орудиям и продуктам труда»[2].

Не различие в доходах, в привычках или складе ума, а прежде всего различие в месте, занимаемом людьми в общественном производстве, и в отношениях, в которых они находятся к средствам производства, — из чего и возникает это различие в доходе, привычках, складе ума и т. п., — составляет и отличает классы.

---

1 К. Маркс, Капитал, т. III, Госполитиздат, 1953, стр. 897.

2 К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 20.

«Основной признак различия между классами, — писал Ленин, — их место в общественном производстве, а следовательно, их отношение к средствам производства»[1].

Соответственно этому Ленин дает следующее определение классам.

«Классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а, следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы, это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства»[2].

Вместе с классами возникают также классовые антагонизмы, классовые столкновения.

Классы являются антагонистическими, когда место, которое они занимают в системе общественного производства, позволяет одному классу присваивать и увеличивать свою долю общественного богатства только за счет другого класса.

Таким образом, отношения между эксплуататорами и эксплуатируемыми являются неизбежно антагонистическими. И таковы же отношения между одним эксплуатирующим классом и другим, когда их методы эксплуатации приходят в конфликт друг с другом. Так, например, отношения между подымающейся буржуазией и феодальными помещиками были антагонистическими, поскольку один из этих классов мог сохранять, а другой развивать свои методы эксплуатации только за счет друг друга.

Общество, основанное на эксплуатации, неизбежно разделено на антагонистические классы, «...эти борющиеся друг с другом общественные классы являются в каждый данный момент продуктом отношений производства и обмена, словом — *экономических* отношений своей эпохи»[3].

Такое общество раздирается классовыми противоречиями — между эксплуататорами и эксплуатируемыми и между соперничающими друг с другом эксплуататорами.

Вследствие этого «история всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов»[4].

Эта классовая борьба коренится в столкновениях материальных интересов различных классов — в противоположных экономических интересах, возникающих в зависимости от места, которое

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 6, стр. 235.
[2] Там же, т. 29, стр. 388.
[3] К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, стр. 125.
[4] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, стр. 424.

занимают различные классы в общественном производстве, в зависимости от их отношения к средствам производства, от их способов получения и увеличения своей доли общественного богатства.

Однако не всякие классовые отношения являются антагонистическими. Отношения между неэксплуататорскими классами не имеют под собой почвы для конфликта.

Например, в социалистическом обществе в СССР, где уничтожена эксплуатация человека человеком, все еще остаются два различных класса, между которыми существуют дружественные, неантагонистические отношения: это советские рабочие и крестьяне. Различие между этими двумя классами, как и всякие классовые различия, коренятся в различии места, занимаемом ими в общественном производстве. Советские рабочие заняты на государственных предприятиях, которыми сообща владеет все общество в лице социалистического государства. Советское колхозное крестьянство, с другой стороны, работает на групповых, кооперативных предприятиях – в колхозах. Следовательно, в то время как продукт общественного труда рабочих принадлежит всему обществу и все общество распоряжается им, продукт общественного труда крестьянства принадлежит кооперативным, колхозным объединениям и распределяется ими. Таким образом, классовое различие между советскими рабочими и крестьянами проистекает из существования различия между общенародной и групповой общественной собственностью. Однако здесь нет эксплуатации одного класса другим, и ни один класс не получает и не увеличивает своей доли общественного богатства за счет другого.

Типы экономических систем

Мы видели, что способ производства в обществе включает в себя два фактора: производительные силы, состоящие из орудий производства и людей с их производственным опытом и навыками к труду, и производственные отношения, или отношения собственности. Последние, взятые в целом, составляют экономическую структуру общества. Соответственно различным формам собственности, преобладающей в обществе, общество разделяется на классы.

Экономическая структура, или экономический строй общества, характеризуется в наиболее общих чертах с точки зрения форм собственности и классовых взаимоотношений. Разные экономические системы отличаются разными формами собственности, разными классами и классовыми взаимоотношениями, разными производственными отношениями.

Типы производственных отношений и, стало быть, типы экономических систем, которые возникали в ходе истории, следующие:

1) *Первобытно-общинный строй*, где средства производства являются общественной собственностью, где не существует классов, а также эксплуатации.

2) *Рабство*, где класс рабовладельцев владеет как средствами производства, так и рабами. Рабство повлекло за собой уничтожение прежней общинной собственности, переход средств производства в руки немногих владельцев и порабощение производителей.

3) *Феодализм*, где крепостной прикреплен к земле, работает на помещика и платит оброк помещику. Возникновение феодального строя повлекло за собой освобождение рабов, падение рабовладельцев, возникновение нового класса феодальных землевладельцев, превращение производителей в крепостных.

4) *Капитализм*, где капиталисты владеют средствами производства, а рабочие, будучи полностью лишены средств производства, вынуждены продавать свою рабочую силу капиталистам за заработную плату. Возникновение капиталистической системы повлекло за собой ликвидацию тех уз, которыми крепостной был привязан к земле, падение феодалов и возникновение класса капиталистов, превращение производителей в пролетариев, лишенных собственности.

5) *Социализм*, где средства производства снова являются общественной собственностью, где ликвидирована эксплуатация человека человеком, а все общественное производство планируется в интересах всего общества. Установление социалистического строя влечет за собой экспроприацию капиталистов.

Эти типы экономических систем образуют известную последовательность в том смысле, что каждая система возникает из предыдущей определенным путем, как мы только что показали, а также в том смысле, что каждый строй возникает на более высокой ступени развития производительных сил. Эта последовательность является восходящей последовательностью именно потому, что она представляет восходящую спираль развития заложенных в производстве возможностей. Если социализм представляет собой более высокую ступень экономического развития, чем капитализм, то это означает просто то, что возможности производства при социализме выше, чем при капитализме. Вследствие этого же капитализм является более высоким строем, чем феодализм, феодализм — более высоким строем, чем рабовладельческий строй, а рабовладельческий строй — более высоким, чем первобытно-общинный. До первобытно-общинного строя не было никакой экономики. Первобытно-общинный строй является наиболее ранней и простейшей формой экономики, которая возникает, когда человек и человеческое общество впервые выходят из животного мира. в этой связи концепция развития от низшего к высшему не предполагает никаких моральных предпосылок,

хотя экономическое развитие в действительности служило основой для морального и духовного развития человечества.

Чтобы предостеречь против неправильного понимания, здесь следует указать еще на два момента.

Во-первых, когда мы различаем первобытно-общинный строй, рабовладельческий строй, феодализм, капитализм и социализм как *типы* производственных отношений, или экономической структуры, то это ни в коем случае не означает, что действительная экономика каждого человеческого общества *точно* соответствует одному из этих типов. Напротив, в своей «чистой» форме эти системы встречаются очень редко или не встречаются вовсе.

Этот факт ни в коем случае не делает фикцией понятие о различных типах производственных отношений. Энгельс указывал, например, что феодализм никогда абсолютно не соответствовал своему понятию[1]. Но в то же время это не означает, что мы не можем рассматривать феодальные производственные отношения как вполне определенный тип отношений, отличающийся, скажем, от рабовладельческих или капиталистических производственных отношений.

Существует ясно очерченная разница между определенными типами производственных отношений. Однако в большинстве исторически возникших обществ совокупность производственных отношений не соответствовала отдельному типу отношений.

Когда мы говорим о рабовладельческом обществе, феодальном обществе или капиталистическом обществе, то это означает не что иное, как то, что рабовладельческий, феодальный или капиталистический тип производственных отношений преобладает в общественной системе хозяйства и имеет господствующее влияние на развитие экономики.

Например, никогда не было рабовладельческого общества, где все трудящееся население было бы превращено в рабов. в рабовладельческом обществе не только всегда было много пережитков первобытно-общинного строя — эти пережитки существовали и при феодализме и даже тогда, когда устанавливались капиталистические отношения, — но там всегда имелось большое число независимых мелких производителей, которые оставались свободными и не были порабощены; вместе с тем в рабовладельческом обществе возникает преуспевающий купеческий класс. Чистый феодализм никогда не существовал, как и чистое рабство. А когда возник капитализм, остатки прошлых способов производства продолжали существовать, и, прежде чем они были ликвидированы в результате роста капиталистических отношений, сам капитализм созрел для того, чтобы его сменил

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные письма, Госполитиздат, 1948, стр. 484.

социализм. Наконец, когда впервые устанавливаются социалистические отношения, то капиталистические отношения еще продолжают существовать в течение определенного времени в некоторых секторах хозяйства. Только тогда, когда, наконец, будет ликвидирована всякая эксплуатация человека человеком во всех ее формах, возникнет, в конце концов, полная, всеохватывающая социалистическая экономика.

Во-вторых, хотя типы экономики сменяют друг друга в восходящей последовательности, отсюда не следует, что каждое отдельное общество в своем развитии, прежде чем оно будет способно перейти к следующей ступени, должно полностью пройти через каждую ступень развития. То, что верно в отношении всего человеческого общества, не обязательно применимо к каждому отдельному обществу. Человеческое общество в целом проходит пять указанных нами ступеней, и только в результате развития предыдущей системы подготовляется переход к новому строю. Однако новая система не обязательно возникает сперва там, где старая система наиболее сильно укреплена и полно развита.

Действительно, в тех обществах, где старая система наиболее сильно укреплена, может оказаться наиболее трудным покончить с ней, так что возникновение новой системы в результате прорыва старой происходит в первую очередь где-то в другом месте. Как мы знаем, именно так обстояло дело при первом возникновении социалистической системы в результате прорыва империализма, осуществленного в России, а не в более развитых капиталистических странах.

Глава V

ОСНОВНЫЕ ЗАКОНЫ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Развитие производительных сил, которое происходит в результате борьбы человека за господство над природой, является коренной причиной всего общественного развития.

Производственные отношения возникают в соответствии с производительными силами. Но так как эти производительные силы развиваются, то производственные отношения, которые соответствовали прежнему характеру производительных сил, больше уже не соответствуют их новому характеру. Из силы, служащей ускорению развития производительных сил, они превращаются в силу, замедляющую это развитие. Тогда наступает период социальной революции, в результате которой устанавливаются новые производственные отношения.

Это развитие осуществляется путем классовой борьбы. На каждой ступени развития определенный класс занимает положение господствующего класса и осуществляет и поддерживает свое господство с помощью государства. Социальная революция влечет за собой замену господства одного класса господством другого класса.

Прежде каждая революция означала приход к власти нового эксплуататорского класса и прогресс осуществлялся лишь путем навязывания новых форм эксплуатации народным массам. В социалистической революции, где власть берет в свои руки рабочий класс, всякая эксплуатация ликвидируется окончательно.

Развитие производительных сил

Мы уже определили способ производства и типы производственных отношений — экономическую и классовую структуру общества, — через посредство которых развивается производство. Это развитие производства является основой всего развития человеческого общества. Теперь нам предстоит рассмотреть причины этого экономического развития, законы, регулирующие его переходы от одной ступени к другой, и силы, осуществляющие этот переход.

Производительные силы изменяются и развиваются. Изменяются и развиваются и производственные отношения. И вместе с этими изменениями возникают и выступают на первый план новые классы. Эти изменения: 1) в производительных силах, 2) в производственных отношениях и 3) в классовой борьбе, связаны друг с другом по определенным законам. Эти законы являются основными законами развития общества, благодаря им

осуществляется историческое развитие от одного способа производства к другому.

Сначала мы рассмотрим развитие производительных сил.

В ходе истории происходило развитие орудий производства от грубых каменных орудий до современной машинной индустрии. Эго развитие осуществлялось благодаря деятельности людей, которые конструировали и использовали орудия производства. Поэтому изменение и развитие орудий производства сопровождались изменением и развитием людей — их производственного опыта и навыков к труду, их способности обращаться с орудиями производства.

Это развитие производительных сил, включая развитие людей, как наиболее важного элемента производительных сил, составляет коренную причину всего общественного развития.

Из чего оно проистекает?

Оно проистекает из того, что люди постоянно стремятся покорить природу. Это проистекает из основной противоположности между человеком и природой, которая возникает с того самого момента, когда люди начинают изготовлять орудия и сотрудничать между собой, используя эти орудия, то есть с момента рождения человечества. «Веществу природы он сам противостоит как сила природы, — писал Маркс о человеке. — Для того чтобы присвоить вещество природы в известной форме, пригодной для его собственной жизни, он приводит в движение принадлежащие его телу естественные силы: руки и ноги, голову и пальцы. Воздействуя посредством этого движения на внешнюю природу и изменяя ее, он в то же время изменяет свою собственную природу. Он развивает дремлющие в последней способности и подчиняет игру этих сил своей собственной власти»[1].

Люди, желая лучше жить, стремятся улучшить свое техническое мастерство, свои орудия и свои навыки к труду — иначе говоря, свои производительные силы. Отсюда «наиболее подвижным и революционным элементом производства» являются производительные силы[2].

Изменение и развитие производства никогда не начинается с изменений в производственных отношениях, оно всегда начинается с развития производительных сил. Только тогда, когда возникают новые производительные силы, люди начинают чувствовать необходимость изменения производственных отношений.

Улучшение производительных сил далеко не является постоянным, непрерывным процессом на всем протяжении истории общества. Далеко не всегда каждое поколение людей улучшает производительные силы, унаследованные от прошлых поколений;

---

1 К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 184—185.

2 См. И. Сталин, Вопросы ленинизма, Госполитиздат, 1952, стр. 591.

часто случается так, что люди, получив определенные производительные силы, используют их в таком виде в течение очень долгого времени. И тогда их производственные отношения также остаются в основном неизменными в течение очень длительного времени.

Так, например, производство оставалось на уровне каменного века в течение тысячелетий, и все поколения людей продолжали жить при первобытно-общинном строе. Или в некоторых обществах способы обработки земли с использованием ирригационных систем оставались неизменными в течение тысячелетий, и в течение всего этого времени производственные отношения людей также оставались фактически неизменными. Однако когда люди приобретают новые производительные силы, тогда начинается процесс, ведущий, в конце концов, к изменениям производственных отношений. Эти новые производительные силы развиваются внутри существующих производственных отношений, однако, на определенной ступени их развитие ведет к изменениям производственных отношений.

Очень быстрое развитие производительных сил является особенностью капиталистического общества: оно происходит в результате стремления капиталистов к прибылям. Однако в современной истории не было случая, чтобы сначала феодальные производственные отношения были заменены капиталистическими производственными отношениями, а после этого начиналось бы развитие производительных сил. Напротив, это развитие начиналось внутри феодального строя, и только после этого феодальные производственные отношения сменялись капиталистическими производственными отношениями. Целый ряд изобретений в течение средних веков (использование гидроэнергии, книгопечатание, новые методы навигации, самопрялка, часы, горное дело, токарный станок, чугун и т. д.) создали условия для развития капитализма.

Отсюда изменение и развитие производства начинается с изменения и развития орудий производства.

Осуществляя производство, люди необходимо вступают в определенные производственные отношения. И, в конечном счете, эти производственные отношения всегда приходят в соответствие с характером производительных сил. «Общественные отношения тесно связаны с производительными силами, – писал Маркс. – Приобретая новые производительные силы, люди изменяют свой способ производства, а с изменением способа производства, способа обеспечения своей жизни, – они изменяют все свои общественные отношения. Ручная мельница дает вам общество с сюзереном во главе, паровая мельница – общество с промышленным капиталистом»[1].

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, стр. 133.

Неплановое, стихийное развитие

Важная черта этого развития производительных сил и соответствующих им производственных отношений состоит в том, что возникновение новых производительных сил и соответствующих им производственных отношений не происходит в результате сознательного плана или намерения.

Улучшая производительные силы, развивая новые орудия и технические приемы, люди всегда ищут некоторой непосредственной выгоды, они не ставят перед собой далеко идущих целей и не стремятся к революционным общественным результатам, которые в действительности следуют из этой их деятельности.

Однако такие улучшения прокладывают путь к новому развитию производительных сил, которое, в свою очередь, делает необходимыми соответствующие изменения в производственных отношениях.

Например, когда впервые возникли фабрики, фабриканты, которые их создавали, не думали о создании новых гигантских производительных сил; они только имели в виду свои ближайшие выгоды. Для того, чтобы привести в движение фабрики, они стали нанимать рабочих, иначе говоря, положили начало капиталистическим производственным отношениям. Они сделали это не потому, что у них были честолюбивые и заранее обдуманные планы построения капитализма; они сделали это потому, что таким способом можно было лучше всего использовать фабрики.

Таким образом, развитие новых производительных сил, именно тех, которые были приведены в действие на фабриках, никогда не планировалось, а произошло стихийно, независимо от воли людей, в результате того, что определенная группа лиц стремилась к своим ближайшим выгодам.

Подобно этому развитие этих производительных сил привело к установлению новых производственных отношений, — опять-таки стихийно, путем экономической необходимости и независимо от воли людей.

«В общественном производстве своей жизни, — писал Маркс, — люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил»[1].

Производственные отношения, в которые вступают люди в процессе своего общественного производства, являются «необходимыми», потому что люди не могут осуществлять производство, не вступая в определенные производственные отношения, эти производственные отношения «не зависят от воли людей» — потому, что люди не решают заранее создать определенные

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. I, стр. 322.

производственные отношения, а вступают в эти отношения совершенно независимо от любого подобного решения.

Следовательно, путем экономической деятельности, развивающейся стихийно, независимо от воли людей, а не путем преднамеренного решения или плана осуществляется сначала развитие производительных сил, а затем изменение производственных отношений. Такова особенность общественного развития вплоть до социалистической революции.

Только с победой социалистической революции производственные отношения изменяются в результате преднамеренного решения и с этого времени развитие производства также регулируется планом.

Изменения производственных отношений

Изменения производственных отношений зависят от развития производительных сил. Таков закон общественного развития. Ибо условием всякого общественного производства является то, что отношения, в которые вступают люди, осуществляя производство, должны соответствовать типу производства, которое люди осуществляют. Следовательно, общий закон экономического развития состоит именно в том, что производственные отношения должны необходимо соответствовать характеру производительных сил.

Почему же, следовательно, развитие производительных сил вызывает необходимость *изменения* производственных отношений?

Производственные отношения — отношения собственности, формы владения средствами производства, — которые с необходимостью возникают из общественного производства, не могут не иметь влияния на развитие производительных сил. Они либо ускоряют, либо замедляют их развитие. Как мы видели, люди стремятся развивать свои производительные силы. Следовательно, существует тенденция прогрессивного развития производительных сил. Последние являются «наиболее подвижным и революционным элементом производства». С другой стороны, что касается производственных отношений, то, раз возникнув, они стремятся остаться неизменными: экономическая структура общества, формы собственности, общественный строй являются консервативным фактором, противящимся изменениям.

По этой причине отношение между производственными отношениями и производительными силами является противоречивым. В то время как производительные силы имеют тенденцию изменяться, производственные отношения имеют тенденцию оставаться неизменными. Следовательно, те же самые производственные отношения, которые некогда способствовали развитию произво-

дительных сил, теперь начинают препятствовать этому развитию и превращаются в его оковы. Когда это происходит, то очевидно, что между производственными отношениями и производительными силами существует не соответствие, а конфликт.

Например, как мы только что видели, развитие фабричного производства требовало применения наемного труда. Только с развитием капиталистических производственных отношений могли бы расцвесть вновь развившиеся производительные силы. Однако существовавшие феодальные отношения, которые привязывали работника к земле и обязывали его служить своему хозяину, были препятствием для развития новых производительных сил. Следовательно, эти отношения, внутри которых некогда процветало производство, теперь начали действовать как тормозящая сила. Возник конфликт между существующими производственными отношениями и новыми производительными силами.

Пока производственные отношения, возникшие в соответствии с производительными силами, продолжали ускорять развитие производительных сил, общественный строй, который основывался на них, продолжал процветать. Однако развитие производительных сил в конце концов достигает точки, когда существующие производственные отношения не ускоряют, а замедляют их дальнейшее развитие. И именно тогда становится необходимым изменение в производственных отношениях.

Прогрессивное развитие производительных сил является законом человеческой истории, действующим несмотря на все зигзаги и попятные движения. Все, что препятствует этому неодолимому развитию, обречено рано или поздно на исчезновение. Таким образом, когда производственные отношения перестают ускорять и начинают замедлять развитие производительных сил, тогда приближается время, когда общественный строй, основанный на этих отношениях, погибает.Так коллективная система первобытно-общинного строя соответствовала очень низкому уровню развития производительных сил. Когда люди начали овладевать использованием металлов, когда появились скотоводство, обработка земли и ремесло, тогда общинная собственность стала тормозом развития производства и появились частная собственность, рабство и эксплуатация. Первобытнообщинный строй уступил место рабовладельческому обществу.

Рабовладельческий строй вначале способствовал развитию производительных сил. Однако затем дальнейшее развитие производительных сил оказалось несовместимым с рабовладельческим строем. Рабство заменилось феодализмом, который был связан с дальнейшим улучшением в плавке и обработке железа, с распространением железного плуга и ткацкого станка, с дальнейшим

развитием сельского хозяйства и появлением мануфактур наряду с ремесленными мастерскими.

Позднее феодализм, в свою очередь, стал мешать развитию производительных сил. Феодальная собственность, феодальные налоги и ограничения препятствовали дальнейшему развитию фабричного производства, которое требовало свободной рабочей силы и ликвидации крепостничества, а также и ликвидации феодальных ограничений торговли. Феодализм уступил место капитализму и капиталистическим производственным отношениям.

Вначале капитализм чрезвычайно ускорял развитие производительных сил. Однако теперь капитализм задерживает и сковывает их дальнейшее развитие.

Основной чертой роста производительных сил, осуществленного при капитализме, является обобществление труда. Мелкое, индивидуальное производство было заменено силой общественного труда, когда люди объединяются и сотрудничают друг с другом на крупных производственных предприятиях, используя машины с механическим приводом. Общественный труд способен привести к замечательным достижениям, к чудесам созидания в интересах благосостояния всего человечества. Однако капиталистические производственные отношения, которые вынуждают производство служить частным выгодам, сковывают его возможности.

Общественное производство находится в противоречии с частным капиталистическим присвоением и непременно должно разбить сковывающие его капиталистические производственные отношения. Когда устанавливаются социалистические производственные отношения, тогда не только устраняются препятствия к техническому прогрессу во всех областях производства, но и освобождаются великие производительные силы общественного труда: народ сам становится хозяином и работает на себя.

Общая картина общественного развития от одной системы производственных отношений к другой следующая. Прежде всего, производственные отношения возникают в соответствии с уровнем развития производительных сил и служат формами развития производительных сил. Однако наступает время, когда дальнейшее развитие производительных сил приходит в конфликт с существующими производственными отношениями. Из форм развития общественных производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Затем наступает период революционного изменения, когда один тип производственных отношений заменяется другим.

Каким образом, с помощью каких средств, с помощью каких сил осуществляются подобные изменения?

Классовая борьба как движущая сила общественных изменений

В своем развитии общество проходит ряд стадий, в каждой из которых господствует определенный тип собственности. Это развитие далеко не является гладким, постепенным процессом эволюции, который протекает путем ряда небольших изменений и преобразований, без конфликтов, без борьбы, без замены старого строя новым. Напротив, общество развивается путем ряда революций. И это развитие осуществляется посредством классовой борьбы.

Новый экономический строй устанавливается благодаря появлению нового класса, который ведет борьбу за господство в обществе, низвергает старый господствующий класс, превращается сам в новый господствующий класс и устанавливает новую систему производственных отношений.

По мере развития производительных сил и установления новых производственных отношений, соответствующих развитию производительных сил, возникают и развиваются классы. При первобытно-общинном строе не было классов. Классы, в частности эксплуататорские классы, начинают впервые формироваться тогда, когда в результате развития новых производительных сил и новых производственных отношений был подорван первобытно-общинный строй. Возникновение новых производственных отношений, то есть новых форм собственности, порождает классовую структуру рабовладельческого общества – рабовладельцев и рабов.

В рабовладельческом обществе для развития сельского хозяйства, обработки железа и т. д. начинают охотнее использовать свободных работников, чем рабов. Рабовладельческие латифундии начинают приходить в упадок, а постоянные восстания рабов, происходящие в этот период, еще больше ослабляют рабовладельцев. Рабство начинает заменяться крепостничеством. Возникают новые классы: феодалы и крепостные. Переход от рабства к феодализму был длительным, постепенным процессом, который осуществлялся через ряд политических изменений и гражданских войн и усложнялся вторжениями извне. Однако в результате этой борьбы, в конце концов, феодальные элементы стали господствующими. Рабство исчезло и уступило место феодализму[1].

Далее, при феодализме начали возникать мануфактуры и вместе с ними новые классы: городская буржуазия и класс наемных

[1] Процесс перехода от рабства к феодализму мало изучен историками-марксистами. Следовательно, в настоящее время можно сделать лишь очень беглый обзор факторов, действовавших в этом процессе. Одно из наиболее интересных исследований по этому вопросу содержится в книге Джека Линдсея «ByzantiumintoEurope» (Лондон, 1953).

рабочих. Происходят столкновения интересов между буржуазией и феодалами, и в то же самое время крестьянские восстания против помещиков ослабляют феодальный строй и подготовляют поражение феодальных собственников другими классами общества, ведомыми буржуазией. Феодализм исчез, и на его месте возник капитализм. Исчезли помещики и крепостные, вместо них появились капиталисты и наемные рабочие.

Затем началась борьба рабочих против капиталистов. Теперь общество разделено на два больших класса: капиталистов и рабочих, эксплуататоров и эксплуатируемых. Эксплуататорам не противостоит никакой соперничающий эксплуататорский класс, угрожающий им, и классовая борьба становится прямой и непосредственной борьбой эксплуатируемых против эксплуататоров. Наконец, рабочие наносят поражение капиталистам и отменяют капиталистическую собственность. Тем самым они ликвидирует последний эксплуататорский класс и закладывают основу для общества, свободного от всякой эксплуатации человека человеком.

Итак, на протяжении всей истории изменения в господствующем типе производственных отношений — изменения в экономической основе общества — происходят в результате классовой борьбы. Эта борьба в каждом отдельном случае возникает на основе существующих производственных отношений и достигает своей высшей точки в победе класса, которая ведет к преобразованию производственных отношений. Так каждый раз производственные отношения приводятся в соответствие с характером развивающихся производительных сил.

Государство и революция

Начиная со времени разложения первобытно-общинного строя вплоть до победы социализма общество всегда было разделено на эксплуататоров и эксплуатируемых. Эксплуататорскому меньшинству удавалось жить, сидя на шее масс. Эксплуататорский класс подавлял сопротивление эксплуатируемых. Он защищал также свой способ эксплуатации от нападок конкурирующих эксплуататорских классов с различными методами эксплуатации.

Однако каким образом меньшинство может сохранять и осуществлять свое господство над большинством?

Это возможно только потому, что в руках меньшинства находится особая организация для принуждения остальной части общества. Эта организация есть государство.

Государство — это не все общество, а особая организация внутри общества, наделенная властью подавлять и принуждать, выполняющая функцию сохранения и защиты данного общественного строя. Какова бы ни была форма государства: самодержа-

вие (автократия), военная диктатура, демократия и т. д., — его наиболее существенные компоненты суть средства осуществления принуждения над большинством общества. Такое принуждение осуществлялось посредством особых отрядов вооруженных людей: солдат, полиции и проч. Оно осуществлялось физическими средствами: благодаря обладанию оружием, тюрьмами, орудиями пытки и казни. Государство имело также всегда административный аппарат, корпус государственных чиновников. Оно создало также судебную систему с судьями, которые толкуют и применяют закон. Государство развивало также средства для осуществления не только физического, но и духовного насилия над людьми путем различного рода идеологических и пропагандистских учреждений.

Такая особая организация становится необходимой только тогда, когда общество разделено на антагонистические классы. Начиная с этого времени государство становится необходимым в качестве особой силы внутри общества, обладающей достаточной властью и силой для предотвращения того, чтобы общество было подорвано и уничтожено вследствие общественных антагонизмов.

«...государство существует не извечно, — писал Энгельс. — Были общества, которые обходились без него, которые понятия не имели о государстве и государственной власти. На определенной ступени экономического развития, которая необходимо связана была с расколом общества на классы, государство стало в силу этого раскола необходимостью»[1].

В другом месте Энгельс писал: «Так как государство возникло из потребности держать в узде противоположность классов; так как оно в то же время возникло в самих столкновениях этих классов, то оно, по общему правилу, является государством самого могущественного, экономически господствующего класса, который при помощи государства становится также политически господствующим классом и приобретает таким образом новые средства для подавления и эксплуатации угнетенного класса»[2]. «Общей связью цивилизованного общества служит государство, которое во все типичные периоды является государством исключительно господствующего класса...»[3].

«...государство, — писал Ленин, — есть орган классового *господства*, орган *угнетения* одного класса другим...»[4].

На каждой ступени общественного развития, как мы видели, определенный тип производственных отношений становится гос-

---

1 К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, стр. 305.
2 Там же, стр. 303—304.
3 Там же, стр. 308.
4 В. И. Ленин, Соч., т. 25, стр. 359.

подствующим в общественной экономике, а соответствующий класс занимает господствующее положение в общественном производстве. Он может занять и сохранить это положение лишь постольку, поскольку он может навязать свои собственные интересы остальной части общества вопреки ее интересам. А он может навязать эти интересы лишь постольку, поскольку он может получить и сохранить контроль над государством. Следовательно, до тех пор, пока общество разделено на антагонистические классы, в каждую эпоху определенный класс имеет в своих руках государственную власть и тем самым учреждает себя в качестве господствующего класса. В рабовладельческом обществе это положение занимают рабовладельцы, в феодальном – помещики, в капиталистическом – капиталисты, а после того, как уничтожен капитализм, господствующим классом становится рабочий класс.

Когда рабочий класс становится господствующим классом, тогда исчезает господство эксплуататорского меньшинства над эксплуатируемым большинством; а господствует большинство над меньшинством.

Целью господства рабочего класса является уничтожение всякой эксплуатации и тем самым всяких классовых антагонизмов. Когда, наконец, всякая эксплуатация человека человеком будет уничтожена во всем мире, тогда принудительная сила государства больше не будет нужна, а само государство, в конце концов, исчезнет.

В истории классовой борьбы каждый господствующий эксплуататорский класс всегда защищал до последней возможности существующие производственные отношения, существующие отношения собственности. Ибо от сохранения их зависело его благосостояние и влияние, больше того, от этого зависело само существование его как класса. И он мог защищать существующие отношения собственности потому, что он обладал государственной властью. Ни один господствующий эксплуататорский класс никогда добровольно не отказывался от власти или, потеряв свою власть, никогда не отказывался от отчаянной борьбы всеми возможными средствами за ее восстановление. Поэтому уничтожение существующих производственных отношений может быть достигнуто только путем уничтожения власти господствующего класса.

Следовательно, все классы, которые находятся в антагонизме с господствующим классом и чьи интересы состоят в ликвидации существующих производственных отношений, в установлении новых производственных отношений и дальнейшем развитии производительных сил, вовлекаются в борьбу против господствующего класса и в конце концов поднимаются против него и свергают его власть.

«...всякая классовая борьба есть борьба политическая», — писали Маркс и Энгельс[1]. Подобно тому, как в конечном счете всякая политическая борьба выражает борьбу классов, так и классовая борьба должна выражаться в борьбе за влияние на государство, то есть за влияние на политическое положение, а в периоды революции — в борьбе за государственную власть.

Решающие революционные изменения в экономической структуре общества становятся необходимыми вследствие экономического развития и подготовляются этим экономическим развитием, происходящим независимо от воли людей, благодаря росту производительных сил и несоответствию производственных отношений новым производительным силам, возникающему вследствие этого роста. Однако в действительности такие изменения осуществляются в результате политической борьбы. Ибо какие бы ни возникали разногласия и какую бы форму ни принимала борьба — все это в конечном счете является способами осознания людьми экономических и классовых конфликтов и борьбы за доведение их до конца.

Следовательно, *социальные* революции представляют собой переход государства или политической власти от одного класса к другому. «...вопрос о власти есть коренной вопрос всякой революции»[2].

Революция означает ниспровержение господствующего класса, который защищает существующие производственные отношения, и захват власти классом, который заинтересован в установлении новых производственных отношений.

Во всякой революции, следовательно, совершается посягательство на существующие отношения собственности и разрушается одна форма собственности ради утверждения другой формы собственности.

«Уничтожение ранее существовавших отношений собственности, — писали Маркс и Энгельс, — не является чем-то присущим исключительно коммунизму.

Все отношения собственности были подвержены постоянной исторической смене, постоянным историческим изменениям.

Например, французская революция отменила феодальную собственность, заменив ее собственностью буржуазной»[3].

Прогресс и эксплуатация

Революционные изменения прошлого ставили своей целью замену одного эксплуататорского класса другим эксплуататорским классом: рабовладельцев — феодалами, последних, в свою очередь, капиталистами — и, таким образом, замену одного эксплуататорского строя другим эксплуататорским строем.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, стр. 433.
[2] В. И. Ленин, Соч., т. 25, стр. 164.
[3] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, стр. 438.

В этом процессе революционная энергия эксплуатируемых масс в их борьбе против эксплуататоров помогала уничтожить один эксплуататорский класс, но лишь для того, чтобы заменить его другим эксплуататорским классом. Борьба эксплуатируемых масс служила делу уничтожения старого строя и замены его новым, высшим строем, однако опять-таки строем классовой эксплуатации.

Так, борьба рабов против рабовладельцев помогла уничтожить рабовладельческий строй, – но лишь для того, чтобы заменить его феодальным строем. А борьба крепостных против феодальных сеньоров помогла уничтожить феодальный строй, но лишь для того, чтобы заменить его капиталистическим строем.

Весь человеческий прогресс основывается на возрастающем господстве человека над природой, на росте общественных производительных сил. Увеличивая свое господство над природой, люди не только добиваются осуществления своих материальных потребностей, но и расширяют свои взгляды, совершенствуют свои знания, развивают свои различные способности.

Однако все же этот прогресс носит противоречивый характер. Господство человека над природой и угнетение и эксплуатация человека человеком идут рука об руку. Плоды прогресса принадлежат одной части общества, тяжелый труд и пот – другой. Каждая новая ступень развития несет лишь новые способы эксплуатации. И с каждым шагом вперед все больше людей становятся эксплуатируемыми.

«Так как основой цивилизации служит эксплуатация одного класса другим, то все ее развитие совершается в постоянном противоречии. Всякий шаг вперед в производстве означает одновременно шаг назад в положении угнетенного класса, т. е. огромного большинства. Всякое благо для одних необходимо является злом для других, всякое новое освобождение одного класса – новым угнетением для другого»[1].

Таким образом, каждый шаг по пути прогресса завоевывался за счет трудящегося народа. Первые крупные успехи имели своим последствием рабство и могли быть завоеваны лишь благодаря рабству. Рождение и рост современной промышленности повлекли за собой массовое разорение мелких производителей, экспроприацию земли у крестьянских масс, ограбление колоний, громадное усиление эксплуатации.

Однако появление современной промышленности увеличило в небывалых размерах возможности производства. Теперь появилась возможность – и она появилась впервые – производить изобилие продуктов для всех, сделав ненужным утомительный ручной труд. В прошлом производительные силы были столь

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, стр. 308.

ограничены, что было невозможно создать условия для чьего-либо досуга, за исключением привилегированного меньшинства общества. Однако такого положения сегодня больше уже не существует.

Ибо именно вследствие развития производительных сил трудящиеся только теперь достигли такого положения, когда они сами могут управлять, когда они могут взять в свои руки общее управление и руководство обществом. Рабы и крепостные в прошлом время от времени восставали против своих господ, однако сами они не были способны руководить производством. Они всегда должны были надеяться, что кто-то другой будет управлять общественными делами. Ибо сам характер производственной системы означал, что они с необходимостью всецело будут поглощены трудом, и, следовательно, они должны были рассчитывать, что некоторое привилегированное и образованное меньшинство будет выполнять работы по управлению.

Мы видели выше, что разделение общества на эксплуататорские и эксплуатируемые классы было результатом разделения труда. Разделение на правителей и управляемых было дальнейшим последствием. С развитием производства, часть функций по охране общих интересов коллектива необходимо стала делом особой группы общества, «...эта все возраставшая самостоятельность общественных функций по отношению к обществу, — писал Энгельс, — могла со временем вырасти в господство над обществом»[1].

Следовательно, большинство народа было всецело обречено на тяжелый труд, а общие функции общественного руководства и управления были присвоены господствующим классом. «Рядом с этим огромным большинством, исключительно занятым подневольным трудом, образуется класс, освобожденный от прямого производительного труда и ведающий такими общими делами общества, как управление трудом, государственные дела, правосудие, науки, искусства и так далее. Следовательно, в основе деления на классы лежит закон разделения труда»[2].

И, следовательно, «пока действительно трудящееся население настолько поглощено своим необходимым трудом, что у него не остается времени для имеющих общее значение общественных дел — для руководства работами, государственными делами, для отправления правосудия, занятия искусствами, наукой и т. д., — до тех пор неизбежно было существование особого класса, свободного от действительного труда. Этот класс заведывал общественными делами, но при этом никогда не упускал случая, чтобы, во имя своих собственных выгод, все более и более взваливать на трудящиеся

---

[1] Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1953, стр. 168.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, стр. 141.

массы бремя труда. Только громадный рост производительных сил, достигнутый крупной промышленностью, позволяет... сократить рабочее время каждого так, чтобы у всех оставалось достаточно свободного времени для участия в делах, касающихся всего общества, как теоретических, так и практических. Следовательно, лишь теперь стал излишним всякий господствующий и эксплуатирующий класс...»[1].

К началу XX столетия капитализм достиг стадии империализма, когда несколько гигантских монополий поделили между собой весь мир. Все народы были подчинены им. Произошла огромная концентрация богатства и могущества в руках немногих. Никогда раньше не было столь разительного контраста между богатством и могуществом меньшинства и нищетой и угнетением большинства, и никогда раньше этого не было в таком общемировом масштабе. Однако вместе с тем настало время и для самого народа взять, наконец, все в свои руки. Эпоха империализма есть эпоха социалистической революции — революции совершенно нового типа, которая ликвидирует эксплуатацию и закладывает основы общества, где нет классовых антагонизмов.

Создав обобществленное производство современной крупной промышленности, капитализм создал условия, когда впервые появилась возможность обеспечить для всех членов общества не только постоянное улучшение материального положения, но и совершенно безграничное развитие всех способностей членов общества. А в лице рабочего класса капитализм создал эксплуатируемый класс, который в силу самого своего положения, являясь продуктом крупной промышленности, вполне способен взять на себя руководство и управление обществом. Сам прогресс промышленности создает условия, при которых рабочий класс растет не только количественно, не только становится все более организованным, но и обучается для того, чтобы взять на себя управление производством.

Итак, «история... классовой борьбы в настоящее время достигла в своем развитии той ступени, когда эксплуатируемый и угнетаемый класс — пролетариат — не может уже освободить себя от ига эксплуатирующего и господствующего класса — буржуазии, — не освобождая вместе с тем раз и навсегда всего общества от всякой эксплуатации, угнетения, классового деления и классовой борьбы»[2].

Социалистическая революция

Основной вывод из материалистической теории законов общественного развития состоит, следовательно, в признании историче-

---

[1] Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 170—171.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Манифест Коммунистической партии, Госполитиздат, 1951, стр. 18.

ской необходимости социалистической революции. Материалистическое понимание истории показывает также, на какие силы должен опираться социализм и как может быть достигнута его победа.

Социалистическая революция принципиально отличается от всех предшествовавших революционных изменений в человеческом обществе.

Во всякой революции преобразуется экономическая структура общества. Все предшествующие преобразования означали возникновение и укрепление новой системы эксплуатации, тогда как социалистическая революция раз и навсегда кончает со всякой эксплуатацией человека человеком.

Во всякой революции к власти в качестве господствующего класса приходил новый класс. Во всех предшествующих революциях власть переходила в руки эксплуататорского класса, незначительного меньшинства общества. Напротив, в социалистической революции власть переходит в руки рабочего класса, стоящего во главе всех трудящихся, то есть в руки подавляющего большинства. И эта власть используется не для поддержания привилегий эксплуататорского класса, а для уничтожения всяких подобных привилегий и для того, чтобы покончить со всякими классовыми антагонизмами.

Каждая революция, начиная со времени существования классового общества, являлась актом освобождения постольку, поскольку ей удавалось освободить общество от какой-нибудь формы классового угнетения. В этом отношении каждая революция имела народный характер. Однако во всех предшествующих революциях одна форма угнетения отбрасывалась только для того, чтобы ее заменила другая форма угнетения. Энергия масс направлялась на уничтожение угнетения старого строя. Что касается нового строя, сменявшего старый строй, то он создавался под руководством новых эксплуататоров, которые неизменно считали своей обязанностью навязать народу новые формы угнетения. Напротив, в социалистической революции народ не только разрушает старый строй, но он сам является творцом нового строя.

Когда побеждает социализм, то ни один класс, ни одна нация, ни один народ не остается в положении эксплуатируемого. Функция принуждения и подавления, которая осуществляется в социалистической революции, направлена против эксплуататорского меньшинства, чтобы предотвратить возможность реставрации со стороны побежденного эксплуататорского класса внутри страны и предотвратить диверсии и нападение капиталистических держав извне. По мере исчезновения внутри страны последних следов классовых антагонизмов принудительная власть социалистического государства направляется прежде всего во вне страны, а не внутрь.

Наконец, когда эксплуатация будет ликвидирована во всех странах и не будет существовать никакой опасности со стороны какой-либо группы эксплуататоров — когда социализм победит во всем мире, — тогда (и только тогда) окончательно исчезнут всякие следы принуждения и подавления. Как говорил Энгельс, государство, как особый орган принуждения, наконец, «отомрет».

Конечно, централизованное планирование и управленческий аппарат останутся в широких размерах. Производство будет планироваться, будут созданы учреждения здравоохранения и образования и другие учреждения. Однако не будет подавления и принуждения. Следовательно, не будет «государства», как особой организации подавления и принуждения внутри общества. «На место управления лицами становится управление вещами и руководство производственными процессами»[1].

Условием перехода от капитализма к социализму должен быть переход власти в руки рабочего класса — другими словами, прекращение господства капиталистического класса и установление диктатуры пролетариата.

Для того чтобы трудящиеся могли построить социализм, для того чтобы можно было отменить капиталистическую собственность, установив собственность социалистическую, надо заменить капиталистическое государство государством социалистическим.

Задачей трудящихся, руководимых рабочим классом и держащих власть в своих руках, является отмена капиталистической собственности на средства производства, подавление сопротивления свергнутого капиталистического класса, организация планового производства в интересах всего общества и, наконец, уничтожение всякой эксплуатации человека человеком.

Подводя итог основным вопросам исторического материализма, Маркс писал:

«Что касается меня, то мне не принадлежит ни та заслуга, что я открыл существование классов в современном обществе, ни та, что я открыл их борьбу между собой. Буржуазные историки задолго до меня изложили историческое развитие этой борьбы классов, а буржуазные экономисты — экономическую анатомию классов. То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего: 1) что *существование классов* связано лишь *с определенными историческими фазами развития производства*, 2) что классовая борьба необходимо ведет к *диктатуре пролетариата*, 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к *уничтожению всяких классов* и к *обществу без классов*»[2].

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, стр. 141.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные письма, стр. 63.

Глава VI

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЗАКОНЫ И ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ

Основные законы развития общества — это экономические законы. Они являются объективными законами, действующими независимо от воли людей. Они подразделяются на специфические законы, свойственные каждой отдельной общественно-экономической формации, и на общие законы, присущие всем формациям.

В обществе используют экономические законы для того, чтобы производить социальные изменения. 1) Это использование экономических законов в классовом обществе всегда определяется классовыми интересами. 2) Прогрессивный класс использует экономические законы при переходе общества на более высокую ступень развития, в то время как реакционные классы оказывают этому сопротивление. 3) В борьбе рабочего класса за социализм экономические законы уже больше не используются исключительно в интересах одного класса, — они используются в интересах большинства общества. 4) В то время как в прошлом использование экономических законов происходило без научного познания этих законов, борьба за социализм направляется научным знанием их. 5) Когда устанавливается социализм, то экономические законы используются с полным пониманием в целях осуществления планомерного регулирования производства в соответствии с потребностями как всего общества, так и каждой личности.

Что такое экономические законы?

Мы видели, что основные законы изменения и развития в обществе — это экономические законы. Прежде чем перейти к другим вопросам, мы рассмотрим в этой главе некоторые вопросы, касающиеся природы экономических законов и возможностей их использования людьми в обществе для различных целей.

Законы экономического развития являются законами, регулирующими развитие форм собственности на средства производства, классов и классовых отношений и форм распределения продуктов.

При рассмотрении экономических законов необходимо учитывать не только законы, действующие внутри данной экономической системы, но и законы, определяющие развитие экономики от одной ступени к другой. Ибо экономические системы изменяются, одна система уступает место другой.

Каждая система экономики, каждая общественно-экономическая формация, возникающая в ходе общественной эволюции, — рабовладельческий строй, феодальный строй, капиталистический строй, социалистический строй — имеют свои собственные специфические законы экономического развития, действующие лишь

в течение времени существования этого экономического строя. Эти законы вытекают из объективно существующих условий материальной жизни общества. Однако они являются не постоянными, а временными, преходящими законами.

Экономические законы регулируют не только действие экономических систем на данной ступени их развития, но также и их развитие на ряде ступеней. Так, капитализм, например, развивается от мануфактуры к машинной индустрии и от свободной конкуренции к монополии. Это есть следствие экономических законов, и само по себе есть закон развития капиталистической экономики. Но экономические законы регулируют также окончательную смену одной системы другой. Таким образом, если проанализировать ход экономического развития в Европе за период двух последних тысячелетий, то мы найдем, что развитие шло через рабовладельческую, феодальную и капиталистическую экономику к социализму и что все это развитие регулировалось экономическими законами.

Существуют самые общие и самые основные экономические законы, действующие на протяжении всего хода развития общества, пробивающие себе путь на протяжении всех ступеней развития и определяющие переход от одной ступени развития общества к другой.

К таким законам относится закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил. Этот закон всегда проявляет себя и приводит к тому, что любой экономический строй, который перестал соответствовать характеру новых производительных сил, устаревает и впадает в кризис и в конце концов заменяется новым строем, соответствующим характеру производительных сил.

Научное понимание общественного развития требует, следовательно, понимания специфических законов данной общественно-экономической формации, например капитализма, которые в конечном счете объясняют особенности общественного развития в течение данного периода, а также понимания общих законов, действующих на всем протяжении экономического развития общества, которые, в конечном счете, не только объясняют всеобщие черты общественного развития в каждый данный период, но также объясняют переход от одной общественно-экономической формации к другой.

Объективный характер экономических законов

«...законы экономического развития, — писал Сталин, — являются объективными законами, отражающими процессы экономического развития, совершающиеся независимо от воли людей»[1]. Экономические законы являются объективными законами, которые

---

[1] И. В. Сталин, Экономические проблемы социализма в СССР, Госполитиздат, 1953, стр. 5.

регулируют взаимные отношения людей в процессе их экономической деятельности с такой же объективной необходимостью, как законы природы регулируют взаимоотношения вещей в природе.

Когда, следовательно, мы говорим о законах экономического развития, действующих в обществе, то должно быть очевидно, что мы имеем в виду нечто совершенно отличное от «законов», издаваемых правительствами и правительственными учреждениями. Первые — не зависимы от воли людей; вторые — являются выражением их воли. Первые пробивают себе дорогу независимо и даже вопреки тому, что могут пожелать или решить сделать правительства и люди; вторые проводят в жизнь, или пытаются провести в жизнь, правительства.

Например, предположим, что правительство капиталистической страны издало бы закон, как это однажды предполагалось, имеющий целью обеспечить всем гражданам «общественный кредит», достаточный для того, чтобы дать им возможность покупать все необходимое для удовлетворения своих потребностей. «Общественный кредит» можно было бы установить, но достигнет ли этот «закон» цели? Он, конечно, не достигнет цели, потому что этот «закон» нарушил бы объективные законы капиталистической экономики, которые продолжали бы пробивать себе дорогу и привели бы к провалу «закона», изданного правительством. В отличие от законов, издаваемых правительствами, такие объективные законы имеют силу независимо от воли людей.

Или предположим, что правительство социалистической страны издает «закон о пятилетнем плане», предусматривающий громадное увеличение производства, но не принимающий в расчет существующие экономические ресурсы, страны, существующие источники сырья и накопления. Будет ли такой «закон» эффективен? Конечно, нет, ибо он нарушил бы объективные законы, регулирующие развитие социалистической экономики. Эти законы будут пробивать себе дорогу и приведут к провалу любого «закона» или любого «плана», который нарушает эти законы.

Эти примеры, говорящие о том, что экономические законы пробивают себе путь с объективной необходимостью, независимо от воли людей, указывают на то, что в действительности очень хорошо знакомо нам по собственному опыту. Если вы в воздухе держите листок бумаги и отпустите его, то он упадет под влиянием закона тяготения. Если правительство напечатает миллионы дополнительных банкнот, то они потеряют свою цену под влиянием экономических законов. И точно так же, как пробивают себе дорогу специфические для данного экономического строя экономические законы, так, в последнем счете, действуют и законы, определяющие исчезновение данной системы и переход к более высокой ступени экономического развития.

Использование экономических законов

Тот факт, что события регулируются законами, действующими независимо от воли людей, не означает, что люди благодаря своим сознательным действиям не могут использовать эти законы для достижения своих собственных целей. Напротив, люди могут сделать это и всегда делают. Мы не можем отменить эти законы или изменить их, однако мы, конечно, можем использовать и используем их.

Всякий, например, знает, что если силы природы действуют по объективным законам, которые мы не можем ни отменить, ни изменить, то это не значит, что мы не можем использовать природные силы и законы природы для человеческих целей. Напротив, мы это можем сделать и всегда делаем.

Подобно этому, люди используют законы своей собственной общественной организации — экономические законы. Они используют эти законы в целях осуществления общественных изменений в соответствии со своими интересами. В самом деле, если существуют такие законы, то тогда очевидно, что изменения в обществе можно осуществлять только путем их использования, — подобно тому, как если существуют законы природы, то тогда мы не можем изменять природу, кроме как путем использования законов природы в этих целях. Тот, кто хочет произвести общественные изменения, должен всегда использовать для этого экономические законы. Экономический закон, на основе которого осуществляются общественные изменения, не есть нечто абстрактное, — именно люди путем своих объединенных действий производят общественные изменения в соответствии с экономическими законами и используя экономические законы.

Использование экономических законов ставит много проблем и зависит от ряда условий.

1) Само использование экономических законов людьми в обществе обусловлено экономическими интересами. В обществе, разделенном на враждебные классы, использование экономических законов всегда происходит в соответствии с интересами различных классов.

Так, когда буржуазия возглавила движение народа, направленное на низвержение феодального господства, и заменила феодальную собственность собственностью капиталистической, а крепостничество — наемным рабством, она всецело опиралась на экономические законы для проведения своих собственных классовых интересов. Она использовала эти законы. В частности, она в полной мере использовала то обстоятельство, что развитие производства требовало капиталистических, а не феодальных форм собственности.

Подобно этому, когда рабочие поднимаются против капитализма, они также всецело опираются на экономические законы

и используют эти законы. Они используют в полной мере то обстоятельство, что теперь дальнейшее развитие производства требует того, чтобы средства производства были обращены в общественную собственность, и что капиталистическая собственность поставила капиталистов перед многочисленными трудностями.

Вообще в классовом обществе экономические законы используются определенным классом для утверждения определенных классовых интересов. Они используются одним классом против другого класса.

Таким образом, отсюда следует также, что возможность использования экономических законов, поскольку речь идет об определенном классе, ограничена объективными условиями экономического развития. Степень и способ использования определенным классом экономических законов в своих собственных интересах зависят от данных экономических условий; тот самый класс, который некогда мог воспользоваться в полной мере действием экономических законов для того, чтобы проводить свои собственные интересы, позднее теряет эту возможность и видит, что это преимущество принадлежит другому классу.

2) В последнем счете, использование людьми экономических законов всегда служит целям материального прогресса общества и продвижения общества на высшую ступень развития. Однако в классовом обществе использование законов никогда не проходит гладко, при общем согласии, оно происходит лишь посредством классовой борьбы, посредством преодоления сопротивления реакционных классов.

В классовом обществе всегда есть прогрессивный класс, который идет по пути использования экономических законов в интересах материального прогресса общества, в то время как другие, реакционные классы всегда сопротивляются этому. Это происходит потому, что материальным классовым интересам одного класса отвечает такое использование экономических законов, в то время как материальные классовые интересы других классов сохраняются в той лишь мере, в какой им удается оказать сопротивление этому использованию.

Например, некогда буржуазия шла по пути использования экономических законов для осуществления материального прогресса общества, в то время как феодальные элементы стремились помешать этому. Феодальные элементы стремились помешать использованию экономических законов против них самих и предотвратить последствия, наносящие вред их собственным интересам. Теперь сама буржуазия сопротивляется использованию экономических законов, поднимающих общество на новую ступень.

Конечно, вполне возможно, чтобы один класс *оказывал сопротивление использованию* экономических законов другим клас-

сом. Но классы не могут *предотвратить действие* экономических законов.

Так, в наши дни капиталистический класс сопротивляется осуществлению перехода от капитализма к социализму. Однако он не может помешать действию закона, согласно которому производственные отношения должны соответствовать характеру производительных сил. До тех пор пока существует капитализм, противоречие между общественным производством и частным, капиталистическим присвоением необходимо будет продолжать вызывать свои неизбежные последствия. И что бы ни делали капиталисты, они не могут предотвратить периодические кризисы капиталистической системы. Все, что они могут сделать, — это попытаться переложить бремя кризисов на плечи трудящихся, но это лишь делает кризисы еще более жестокими. Таким образом, их усилия оказать сопротивление созидательному использованию экономических законов означает лишь то, что эти законы продолжают действовать с разрушительной силой.

Таким образом, мы видим, что экономические законы действуют в интересах одного класса и вопреки интересам другого класса. Поэтому мы можем быть уверены, что, в конечном итоге, рабочий класс победит, так как он является прогрессивным классом в капиталистическом обществе, в интересах которого действуют экономические законы, как иногда говорится: «История на нашей стороне». Однако его победа может задержаться из-за его собственной разобщенности и ошибочной политики, из-за силы сопротивления капиталистов.

3) Хотя использование экономических законов всегда определяется классовыми интересами, их использование рабочим классом в своей борьбе за социализм, тем не менее, придает всему процессу новый характер.

В борьбе рабочего класса за социализм экономические законы уже больше не используются в узко ограниченных интересах класса, стремящегося занять такое положение, чтобы можно было эксплуатировать остальную часть общества, напротив, они теперь используются для ликвидации всякой эксплуатации и для удовлетворения потребностей всего народа. Ибо осуществить интересы рабочего класса путем ликвидации капиталистической эксплуатации — это значит покончить со всякой эксплуатацией, ликвидировать классовые антагонизмы и установить общественный строй, социализм, при котором общественное производство осуществляется в интересах всего общества.

Когда устанавливается социализм, тогда вся экономическая жизнь общества, в конце концов, ставится под сознательный, плановый контроль в целях удовлетворения потребностей народа. Экономические законы продолжают действовать. И если строители социализма не будут считаться с этим фактом и начнут

нарушать экономические законы социализма, то тогда единственным результатом может быть только то, что их планы потерпят неудачу. Однако теперь дело заключается уже не в том, чтобы использовать экономические законы в узкокорыстных интересах, а в том, чтобы использовать эти законы в общих интересах всего общества, так как больше уже не существует антагонистических классов и противоположных интересов.

4) Когда люди используют экономические законы в своих узкокорыстных классовых интересах, то это не означает, что для этого они должны прежде всего обладать точным, научным знанием этих законов. Люди могли использовать огонь и готовить на нем себе пищу, хотя они обладали очень небольшими познаниями относительно законов физики и могли представлять себе такие явления, как огонь, только в фантастическом и мифическом виде. То же самое имеет место и в отношении экономических законов. Когда эксплуататорский класс — например, буржуазия — использовал экономические законы для того, чтобы захватить господство над обществом у конкурирующего эксплуататорского класса, он далеко не обладал точным научным знанием законов экономических процессов, которые он приводил в действие. Эксплуататорский класс понимал эти процессы лишь с точки зрения своих узкоклассовых интересов, что означало, что он представлял себе эти процессы в весьма иллюзорном виде.

Действительно, существует громадная разница между слепым овладением экономическими законами и таким их использованием и между использованием этих законов с полным пониманием. Последнее условие начинает осуществляться лишь в случае использования экономических законов не в узкоклассовых интересах, а в интересах подавляющего большинства общества. Оно начинает осуществляться лишь в настоящее время, в условиях борьбы рабочего класса за социализм.

Подобно этому, существует разница между использованием людьми определенных законов их общественной организации ради классовых интересов и между их подлинным *господством* над своей общественной организацией. Чтобы быть подлинными хозяевами своей общественной организации, люди должны, во-первых, обладать полным знанием ее законов и, во-вторых, установить такой общественный контроль над всеми секторами народного хозяйства, чтобы иметь возможность использовать ее законы в соответствии с общественным планом. Эти условия осуществляются только тогда, когда общество движется к социализму.

5) Когда люди, наконец, становятся подлинными хозяевами своей общественной организации, тогда создается такое положение, при котором действие экономических законов, далеко не лимитируя или не ограничивая общественные действия людей,

не расстраивая их целей и планов и не приводя к нежелаемым последствиям, становится условием для безграничной общественной деятельности в целях удовлетворения материальных и культурных потребностей всего общества. Ибо в этом случае люди способны познать и понять эти законы и планомерно использовать их в интересах каждого и всех.

«Общественные силы, подобно силам природы, действуют слепо, насильственно, разрушительно, пока мы не познали их и не считаемся с ними, — писал Энгельс. — Но раз мы познали их, изучили их действие, направление и влияние, то только от нас самих зависит подчинять их все более и более нашей воле и с помощью их достигать наших целей. Это в особенности относится к современным могучим производительным силам. Пока мы упорно отказываемся понимать их природу и характер, — а этому пониманию противятся капиталистический способ производства и его защитники, — до тех пор производительные силы действуют вопреки нам, против нас, до тех пор они властвуют над нами...

Но раз понята их природа, они могут превратиться в руках ассоциированных производителей из демонических повелителей в покорных слуг... Когда с современными производительными силами станут обращаться сообразно с их познанной, наконец, природой, общественная анархия в производстве заменится общественно-планомерным регулированием производства, рассчитанного на удовлетворение потребностей как целого общества, так и каждого его члена»[1].

Итак, в соответствии со своими экономическими интересами люди могут использовать и действительно используют экономические законы в своих собственных целях. Во все великие периоды общественных изменений существовал прогрессивный класс, который в силу своего экономического положения, стремясь к осуществлению своих собственных материальных интересов, был способен использовать экономические законы, чтобы революционизировать общественную экономику и поднять ее на более высокую ступень. И, наконец, в борьбе рабочего класса за социализм и после победы социализма люди могут познать и понять законы своей собственной общественной организации и использовать их с полным сознанием для удовлетворения потребностей всего общества.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, стр. 139, 140.

Глава VII

ОБЩЕСТВЕННАЯ НАДСТРОЙКА

Взгляды и учреждения играют активную роль в общественном развитии как средства, благодаря которым данный общественно-экономический базис развивается и укрепляется. Они возникают и развиваются не независимо, а как надстройка, устанавливающаяся на основе данных производственных отношений.

Следовательно, в обществе всегда имеется базис и надстройка. Экономическая структура является базисом, в то время как надстройка состоит из взглядов и учреждений общества. Развитие базиса регулируется объективными законами, не зависящими от воли людей, в то время как надстройка, созданная благодаря сознательной деятельности людей, является продуктом базиса и изменяется вместе с изменениями последнего. Каждый базис имеет свою соответствующую надстройку.

Однако марксизм требует, чтобы надстройка не выводилась просто из ее базиса, а чтобы в каждом случае мы подробно изучали развитие данной надстройки, принимая во внимание ее взаимодействие со своим базисом и учитывая ту исторически определенную форму, которую принимают различные элементы надстройки.

Взгляды и учреждения общества

Материалистическое понимание истории, писал Энгельс, «...конечную причину и решающую движущую силу всех важных исторических событий находит в экономическом развитии общества, в изменениях способа производства и обмена, в вытекающем отсюда распадении общества на различные классы и в борьбе этих классов между собой»[1].

Основным законом общественных изменений является закон, регулирующий изменения в способе производства. Согласно этому закону, производственные отношения должны обязательно соответствовать характеру производительных сил. Благодаря действию этого закона рост производительных сил приходит в конфликт с существующими производственными отношениями, что ведет к социальной революции, к падению старой системы производственных отношений и созданию новой системы, к низвержению старого господствующего класса и приходу к власти нового класса.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, стр. 92.

Однако «при рассмотрении таких переворотов, — писал Маркс, — необходимо всегда отличать материальный, с естественно-научной точностью констатируемый переворот в экономических условиях производства от юридических, политических, религиозных, художественных или философских, короче: от идеологических форм, в которых люди сознают этот конфликт и борются с ним. Как об отдельном человеке нельзя судить на основании того, что сам он о себе думает, точно так же нельзя судить о подобной эпохе переворота по ее сознанию. Наоборот, это сознание надо объяснить из противоречий материальной жизни, из существующего конфликта между общественными производительными силами и производственными отношениями»[1].

Например, в последний период средневековья многие люди были готовы умереть ради новой протестантской религии и происходили острые религиозные конфликты и войны. Однако действительно ли люди боролись только за свои идеи? В результате религиозных войн возникли новые государства и, в конечном итоге, установилось и укрепилось буржуазное общество. Крайняя необходимость в новых идеях появилась в результате возникновения новых производственных отношений и новых классов. Люди осознавали конфликты, базировавшиеся на экономических противоречиях, как конфликты между новыми идеями и идеалами и старыми идеями и идеалами.

Так, в Англии молодая буржуазия во время гражданской войны боролась за суверенность парламента против короля. Она боролась за установление парламентарных институтов и парламентарного правительства против роялистских учреждений. Гражданская война велась одновременно как война за парламент против королевской власти и как война пуритан против церковников. Однако действительное содержание войны составляла борьба буржуазии за власть. Буржуазия контролировала парламент, он был ее учреждением, используемым ею в борьбе против королевской власти. А когда она создала парламентарное правительство, то это привело к созданию условий для неограниченного развития фабричного производства и торговли.

Вообще борьба вокруг идей и учреждений общества является борьбой, посредством которой люди осознают свои экономические конфликты и борются с ними, путем которой люди, с одной стороны, защищают данную систему производственных отношений, а с другой стороны, стремятся покончить с ней. Подобные конфликты в конечном счете возникают из противоречий между общественными производительными силами и производственными отношениями, которые (противоречия) обусловливают необходимость развития новых производственных отношений. Однако

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. I, стр. 322.

именно путем борьбы вокруг учреждений и идей разрешаются конфликты и осуществляется экономическое развитие.

Следовательно, при рассмотрении развития общества следует учитывать не только основу развития способа производства и экономические конфликты, определяющие в конечном счете это развитие. При этом следует также учитывать те способы, которыми люди в своей сознательной общественной деятельности «осознают этот конфликт и борются с ним». Короче говоря, следует учитывать развитие *взглядов* и *учреждений* общества. Ибо именно путем развития общественных идей и взглядов, а также и учреждений, соответствующих этим взглядам, люди осуществляют свою общественную жизнь и борются с конфликтами, порождаемыми ею.

При рассмотрении взглядов и учреждений общества следует руководствоваться двумя важными фактами.

1) Взгляды и учреждения играют активную роль в общественном развитии. Часто они представляются тем, кто разделяет эти взгляды и руководит учреждениями, так, как будто бы они являлись самоцелью, как будто бы общественной целью развития различных взглядов было просто преподать людям истину, а общественная цель развития различных учреждений состояла просто в том, чтобы побудить людей вести хорошую и нравственную жизнь. Однако, что бы ни могли люди думать о своих взглядах и учреждениях, следует обращать внимание на то, чему на деле служат эти взгляды и учреждения, какую общественную роль действительно они выполняют. Тогда мы обнаружим, что взгляды и учреждения играют активную роль в обществе как средство, при помощи которого развивается и укрепляется данная общественно-экономическая формация или, напротив, она уничтожается и заменяется другой, как средство, при помощи которого определенный класс выражает и осуществляет свои общественные цели и путем которого доводится до конца классовая борьба.

Следовательно, взгляды и учреждения всегда развиваются в соответствии с той активной общественной ролью, которую они должны выполнять в различные периоды. Новые взгляды и учреждения возникают в противоположность старым взглядам и учреждениям в соответствии с развитием классовой борьбы.

2) Поэтому взгляды и учреждения не появляются и не развиваются независимо от экономической жизни общества. Они не создаются благодаря произвольным действиям «великих людей», хотя индивидуальные особенности великих людей могут оказывать на них влияние. Взгляды и учреждения нельзя объяснить как выражение «национального характера», хотя национальный характер сможет изменять их. Они не являются продуктом чисто духовного процесса, совершающегося в человеческих головах. Напротив, основа взглядов и учреждений — правительственных

законов и форм правления, всей идеологической и духовной деятельности людей — коренится в условиях материальной жизни общества, в области экономических отношений, в сфере классовых интересов и классовой борьбы.

Следовательно, развитие взглядов и учреждений определяется в конечном счете развитием способа производства. В свою очередь, взгляды и учреждения играют активную роль в деле оформления и укрепления экономического базиса общества, а также в борьбе за уничтожение старых экономических условий и за создание новых экономических условий.

Общественное бытие и общественное сознание

Мы видели, что люди вступают в производственные отношения, не зависящие от их воли. Различные экономические формации общества принимают определенную форму в соответствии с законами, постоянно действующими с объективной необходимостью, независимо от воли человека. Подобно этому, в рамках данного экономического строя взаимный обмен деятельностью регулируется объективными законами, действующими независимо от воли человека.

Поэтому весь основной процесс экономического развития общества можно констатировать, как говорит Маркс, «с естественно-научной точностью».

Согласно идеалистическому пониманию истории, в противоположность материалистическому пониманию, первичный, определяющий фактор общественного развития следует искать во взглядах и учреждениях общества. Идеалисты считают, что сначала люди якобы вырабатывают определенные взгляды, а затем они создают учреждения, соответствующие этим взглядам, и что на этой основе люди строят свою экономическую жизнь. Таким образом, идеалисты все переворачивают именно вверх дном. Они ставят все на голову. Ибо у них получается, что не взгляды и учреждения общества развиваются на основе материальной жизни, а материальная жизнь общества развивается на основе взглядов и учреждений.

До тех пор пока «идеологические формы» рассматриваются как определяющий элемент развития общества, невозможно получить какую-либо научную картину общественного развития, то есть картину развития, происходящего в соответствии с постоянно действующими законами. Ибо если изменяющиеся идеи и побуждения, действующие в общественной жизни, рассматриваются сами по себе, как независимая область, тогда невозможно открыть постоянно действующие законы, управляющие их развитием. В этом случае, как заметил один известный английский историк, «может быть только одно надежное правило для историка:

он должен признать в развитии человеческих судеб игру случайностей и непредвиденного»[1]. Иначе говоря, сама возможность научного исследования общественных явлений, сама возможность науки об обществе исключается. И только тогда, когда мы обратимся к экономическому базису, мы вступим в область действия регулярных законов, не зависящих от воли человека. А сделав это открытие, мы можем тогда открыть также скрытые законы, действующие в якобы неупорядоченном развитии надстройки.

«Маркс, – писал Ленин, – ...впервые поставил социологию на научную почву, установив понятие общественно-экономической формации, как совокупности данных производственных отношений, установив, что развитие таких формаций есть естественно-исторический процесс»[2].

Тем не менее люди всегда действуют сознательно и у них имеются определенные идеи. Взгляды и учреждения общества, в противоположность основным, производственным отношениям, не формируются и не могут формироваться независимо от воли людей. Напротив, они являются именно продуктом человеческой мысли и воли, одним словом, продуктом сознания. Здесь, следовательно, мы больше не имеем дела с законами, действующими независимо от воли человека, а вступаем как раз в область действия воли человека.

Так, Ленин указывал, что существуют идеологические общественные отношения, «которые, прежде чем им сложиться, проходят через сознание людей», а также материальные общественные отношения, «которые складываются, не проходя через сознание людей»[3].

Иначе говоря, следует всегда различать, с одной стороны, производственные отношения, которые составляют основу человеческой ассоциации и складываются независимо от сознания людей, и, с другой стороны, само общественное сознание, взгляды, которые складываются в головах людей, и учреждения, которые устанавливаются в соответствии с этими взглядами.

Все взгляды, которые формулируют люди, и все учреждения, которые они устанавливают в соответствии со своими взглядами, формулируются и устанавливаются ими на основе данной экономической структуры общества, а также на основе противоположных интересов, возникающих внутри этой экономической структуры.

«Люди, – писали Маркс и Энгельс, – являются производителями своих представлений, идей и т. д., – но речь идёт о действи-

---

1 H. A. L. Fisher, History of Europe, Preface.
2 В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 124–125.
3 Там же, стр. 122.

тельных, действующих людях, обусловленных определённым развитием их производительных сил и — соответствующим этому развитию — общением, вплоть до его отдалённейших форм. Сознание [das Bewußtsein] никогда не может быть чем-либо иным, как осознанным бытием [das bewußte Sein]...»[1].

Сознание всегда есть сознание определенных людей, чем способ жизни определяется — поскольку они родились в определенном обществе — характером производительных сил и соответствующих им производственных отношений и экономических конфликтов. И, таким образом, взгляды, которые люди формулируют в своих общественных отношениях, и учреждения, которые они устанавливают, зависят и, вообще говоря, соответствуют материальным экономическим условиям общества, в котором они живут. «Способ производства материальной жизни обусловливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще»[2]. Отношения людей друг к другу и их отношение к средствам производства, отношения, в которые они вступают в процессе общественного производства, определяют в конечном счете их образ мышления и всю их общественную организацию.

«Капитал» Маркса как доказательство истинности исторического материализма

Ленин указывал, что в «Капитале» Маркс не только тщательным образом проанализировал экономическую структуру капитализма и законы его развития, но и показал, как в соответствии с его развитием возникают определенные способы сознания.

Придя в 40-х годах XIX в. к общей концепции исторического материализма, Маркс продолжал применять, развивать и подтверждать ее.

«Он берет одну из общественно-экономических формаций — систему товарного хозяйства — и на основании гигантской массы данных... дает подробнейший анализ законов функционирования этой формации и развития ее. Этот анализ ограничен одними производственными отношениями между членами общества: не прибегая ни разу для объяснения дела к каким-нибудь моментам, стоящим вне этих производственных отношений, Маркс дает возможность видеть, как развивается товарная организация общественного хозяйства, как превращается она в капиталистическую...

Таков *скелет* "Капитала". Все дело, однако, в том, что Маркс этим скелетом не удовлетворился... что — *объясняя* строение и развитие данной общественной формации *исключительно* производственными отношениями — он тем не менее везде и постоянно

---

1 К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 24—25.
2 К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. I, стр. 322.

прослеживал соответствующие этим производственным отношениям надстройки, облекал скелет плотью и кровью. ...эта книга... показала читателю всю капиталистическую общественную формацию как живую — с ее бытовыми сторонами, с фактическим социальным проявлением присущего производственным отношениям антагонизма классов, с буржуазной политической надстройкой, охраняющей господство класса капиталистов, с буржуазными идеями свободы, равенства и т. п., с буржуазными семейными отношениями»[1].

В «Капитале» показано путем тщательного, научного изучения отдельной общественной формации, как развиваются производственные отношения, как на основе производственных отношений развивается целая надстройка взглядов и учреждений.

Ленин поэтому делает вывод, что «...со времени появления “Капитала” — материалистическое понимание истории уже не гипотеза, а научно доказанное положение»[2].

Надстройка как продукт экономического базиса

Таким образом, исторический материализм, установив общие законы, направляющие развитие способа производства, устанавливает далее законы, которые регулируют образование, изменение и развитие взглядов и учреждений общества.

В обществе всегда имеется базис и надстройка.

«Базис есть экономический строй общества на данном этапе его развития. Надстройка — это политические, правовые, религиозные, художественные, философские взгляды общества и соответствующие им политические, правовые и другие учреждения»[3].

В соответствии с развитием данной общественно-экономической формации, данной системы производственных отношений данного базиса необходимо возникает система взглядов и учреждений, *принадлежащая исключительно этому базису*. Эти взгляды и учреждения являются *господствующими* взглядами и учреждениями в обществе до тех пор, пока сохраняется данный базис. Это и есть надстройка.

Надстройка *соответствует* базису, является *продуктом* базиса, *служит* его укреплению и развитию. Она состоит из тех взглядов и учреждений, которые являются господствующими взглядами и учреждениями общества, пока существует данный базис, и которые обязаны своим господством именно существованию данного базиса.

---

1 В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 123, 124.

2 Там же, стр. 125.

3 И. В. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1953, стр. 5.

Иначе говоря, на данном базисе создается целая система идей, общественных организаций и учреждений, которые служат сохранению, укреплению и развитию этого базиса. Естественно, что в конечном счете на основе того нового, которое развивается в общественной экономике, возникают другие идеи и другие организации, а именно, возникают революционные идеи и организации классов, враждебно относящихся к существующей экономической структуре общества. Такие идеи и организации служат не сохранению, укреплению и развитию базиса, а, напротив, подрывают его и, в конце концов, служат замене данного базиса другим экономическим строем. Они в конечном счете способствуют созданию новой надстройки, как только ликвидируется старый базис.

Например, в капиталистическом обществе существуют государство и другие учреждения и господствующие идеи, служащие сохранению капиталистического строя. Класс капиталистов действительно создал целую надстройку взглядов и учреждений, служащих капиталистическому строю. Такая надстройка является могущественной, активной силой в обществе. В противовес ей возникают социалистические идеи и организации, которые служат борьбе за уничтожение капитализма, борьбе за замену его социализмом.

Следовательно, понятие базиса и надстройки связано с характерной особенностью развития идей и учреждений, заключающейся в том, что в соответствии с различными базисами формируются различные надстройки господствующих взглядов и учреждений.

Надстройка является чрезвычайно сложным общественным образованием. На ее действительное развитие, на ее меняющиеся в каждый период формы влияет множество факторов. Существует непрерывное взаимодействие между различными элементами надстройки, а также между надстройкой и базисом.

Однако, тем не менее, остается фактом, что создание надстройки на данной экономической основе является всеобщим законом общественного развития.

«Что же доказывает история идей, как не то, что духовное производство преобразуется вместе с материальным?» — писали Маркс и Энгельс[1].

Надстройка есть продукт своего базиса. А этот базис есть экономическая структура общества, совокупность производственных отношений. Здесь следует подчеркнуть, что именно производственные отношения, а не производительные силы являются тем базисом, на котором возникает надстройка.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, стр. 445.

Изменения в производстве, в технике, конечно, влияют на умственную жизнь общества и на форму его учреждений. Они оказывают на них влияние многими способами, включая и то сильное влияние, которое оказывают научные открытия на общественные идеи. Однако характер господствующих взглядов и учреждений общества всегда зависит от типа экономической структуры. Те способы, какими изменения в производственной технике и научных открытиях получают выражение во взглядах и учреждениях общества, зависят от типа производственных отношений.

При капитализме, например, получили распространение машины с механическим приводом. Однако основа типических взглядов и учреждений капиталистического общества лежит в капиталистических производственных отношениях. Когда капиталистические производственные отношения уничтожаются и устанавливаются социалистические производственные отношения, то машины с механическим приводом остаются, а взгляды и учреждения, которые основаны на капиталистических производственных отношениях, уничтожаются и уступают место другим взглядам и учреждениям, основанным на социалистических отношениях производства.

Если, например, в настоящее время некоторые известные ученые говорят, что прогресс есть иллюзия и что развитие технологии лишь создает новые проблемы и трудности для человечества, то эти взгляды, конечно, не основываются на технологическом развитии, с которым они имеют дело. Этот взгляд основан на том, что капитализм не может найти мирного и творческого применения этим достижениям. Следовательно, подобные воззрения есть типичные для капитализма воззрения, порождаемые не производством, а базисом, одряхлевшими капиталистическими производственными отношениями. Совершенно отличные взгляды на значение технологического развития появляются тогда, когда капиталистические производственные отношения уничтожены и установлен социализм. Тогда получает распространение тот взгляд, что человечество может продолжать использование технологических достижений для удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества.

Это, между прочим, показывает, насколько неверно говорить о современном обществе как об обществе «промышленного века» или «века науки», как будто бы типичные особенности общественной жизни, взглядов и учреждений современного общества основываются на росте промышленной техники или науки. Напротив, в капиталистических странах рост техники и науки получает выражение во взглядах и учреждениях лишь через посредство капиталистических производственных отношений, а в социалистическом обществе — через посредство социалистических производственных

отношений. Следовательно, так называемый «век науки» порождает самые различные взгляды, совершенно различные учреждения и весьма отличающиеся друг от друга общественные воззрения, в зависимости от того, подчинена ли наука капиталистическим целям или целям социалистическим.

Так как надстройка есть продукт экономического базиса, то, следовательно, она изменяется также вместе с базисом. Характер взглядов и учреждений, находимых в любом обществе, всегда соответствует характеру экономического строя этого общества. Таким образом, надстройка, будучи продуктом базиса, отражает этот базис.

Надстройка поэтому не может быть более долговечной, чем ее базис. Взгляды и учреждения, типичные для данной эпохи, всегда оказываются недолговечными, так как они не переживают экономическую систему, продуктом которой они являются и которую они отражают.

Вот почему мы можем отличить, например, капиталистические взгляды и учреждения от феодальных взглядов и учреждений, социалистические взгляды и учреждения от буржуазных взглядов и учреждений. Согласно феодальным взглядам, считалось преступлением, когда крепостной покидал поместье своего господина, и феодальные законы были сформулированы соответственно таким взглядам. Однако, согласно буржуазным взглядам, такая феодальная зависимость являлась большим ограничением свободы личности. Согласно буржуазным взглядам, капиталист имеет полное право на прибыль, которую он получает путем эксплуатации рабочих, и капиталистические учреждения предназначены для того, чтобы дать ему возможность продолжать пользоваться этим правом. Однако, согласно социалистическим взглядам, ни один человек не должен жить путем эксплуатации труда других: «Кто не работает, тот не должен есть».

Противоречия в надстройке

Так как в каждый период идеи и учреждения общества являются продуктом экономического строя общества в этот период, то, следовательно, в сфере идей и учреждений всегда возникают противоречия, поскольку противоречия всегда возникают в экономической жизни. Следовательно, надстройка, возникающая на данном базисе, никогда не является единым, самонепротиворечивым целым. Надстройка всегда содержит противоречия, и в ее сфере всегда происходит борьба.

Противоречия и борьба, которые возникают в сфере идей и учреждений, в сфере надстройки, являются в конечном счете отражением противоречий и борьбы в области экономической жизни, в базисе.

Данному экономическому базису в сфере надстройки соответствуют типическая борьба и противоречия, благодаря которым развивается надстройка и осуществляется политическая и идеологическая жизнь общества. С возникновением нового базиса на место старых противоречий приходят новые противоречия. Так, например, великие споры, которые в средние века велись вокруг идей и учреждений, теперь, в капиталистическом обществе, вышли из моды. Для нас они по большей части решены, и мы имеем другие противоречия. Когда победит социализм, то типичные для капиталистического общества противоречия также исчезнут и возникнут новые противоречия.

Когда базис таков, что общество разделено на антагонистические классы, тогда основные противоречия в сфере надстройки отражают классовую борьбу, которая развивается на данном базисе. Конечно, сами господствующие и имущие классы постоянно вовлекаются в противоречия и трудности, которые получают выражение в идеологических разногласиях. Однако основные споры проистекают из новых взглядов и требований установления новых учреждений в противоположность идеям и учреждениям, поддерживаемым господствующими и имущими классами. В то же время ведется также борьба с пережитками старых взглядов и старых учреждений, унаследованных от прошлого.

Типичным развитием надстройки на основе базиса является, следовательно, развитие путем борьбы и столкновений, что отражает противоречивые общественные цели и интересы, возникающие на данном базисе. Идеи и учреждения создаются и развиваются путем такой борьбы и столкновений.

Можем ли мы поэтому сказать, что надстройка, соответствующая данному экономическому базису, включает также взгляды, которые не соответствуют этому базису, — именно, умирающие взгляды, которые соответствовали прежнему базису, и возникающие взгляды, которые отражают борьбу за новый базис? Можем ли мы сказать, например, что устаревшие феодальные взгляды или, с другой стороны, социалистические взгляды являются частью капиталистической надстройки, потому, что первые медленно отмирают, а последние возникают в капиталистическом обществе?

Нет, ибо сказав это, мы бы только поставили себя в затруднительное положение. Надстройка, возникающая на данном экономическом базисе, состоит из типичных взглядов и учреждений, соответствующих этому базису, — например, типичные феодальные, буржуазные или социалистические взгляды и учреждения соответствуют феодальным, капиталистическим или социалистическим производственным отношениям. Взгляды, которые медленно отмирают после уничтожения старого базиса, или

взгляды, которые подготавливают борьбу за новый базис, соответственно являются или пережитками старой надстройки, или возникающими, созидательными элементами новой надстройки. При данном базисе остатки старой надстройки отмирают и возникают созидательные элементы новой надстройки, потому что при данном базисе — вследствие присущих ему противоречий — продолжается борьба за ликвидацию старого базиса, а также начинается борьба за переход к новому базису. Следовательно, типичная надстройка идей и учреждений, соответствующая данному экономическому базису, развивается путем таких противоречий.

Далее, упразднение старой надстройки вместе с уничтожением ее базиса нельзя представлять так, что якобы *все* во взглядах и учреждениях общества, все в политике, праве, религии, искусстве или философии периодически уничтожается и что все затем создается заново. Как мы знаем, этого не происходит. Уничтожение старой надстройки и создание новой означает скорее то, что во всех сферах надстройки возникают новые взгляды, а старые взгляды дискредитируются и исчезают, в то время как все положительное, достигнутое в период существования старых взглядов и учреждений, сохраняется, используется и развивается дальше под углом зрения новых взглядов и учреждений.

Так, например, в Европе было сохранено и использовано для развития буржуазного права многое из старого римского права: возникновение нового экономического базиса и падение старого базиса не привело в сфере права к ликвидации сразу всего старого права и к созданию заново совершенно нового права. Почему имеет место такое явление? Потому, что римское право содержало много такого, что годится для регулирования отношений людей не только в рабовладельческом обществе, но и в любом обществе товаропроизводителей, основанном на частной собственности.

Подобно этому, хотя определенные взгляды, выраженные, скажем, в греческом искусстве, принадлежали рабовладельческому обществу и теперь исчезли, произведения этого искусства не исчезли и не могут, по-видимому, исчезнуть, а все еще высоко ценятся, используются и составляют вечное наследие искусства и оказывают влияние на его развитие. Это происходит потому, что греческое искусство выразило не только специфические стороны жизни и человеческих отношений в рабовладельческом обществе, но и всеобщие стороны жизни и человеческих отношений в любом обществе. Это происходит также потому, что греческое искусство сделало вечный вклад в художественное мастерство. По этим причинам, между прочим, греческое искусство, по-видимому, будет жить дольше, чем римское право, ибо в то время как римское пра-

во в коммунистическом обществе будет представлять лишь чисто исторический интерес, греческое искусство все еще будет вызывать к себе живой интерес.

Исторический материализм против «вульгарного марксизма»

Из сказанного выше должно быть очевидно, что в действительной истории любого данного народа, любой отдельной эпохи способ возникновения надстройки на своем базисе и объяснение развития различных элементов надстройки ни в коем случае не являются простым делом.

Нельзя механистически понимать закон, что господствующие взгляды и учреждения общества соответствуют данному типу экономического строя общества. Сложная надстройка взглядов и учреждений не возникает автоматически, напротив, она есть результат сознательной деятельности и борьбы людей. Дело в том, что эта сознательная деятельность осуществляется на основе данных производственных отношений, в которые вступают люди. На основе данной формы экономической ассоциации, данной классовой структуры общества и классовых отношений создаются взгляды и устанавливаются учреждения, как результат чрезвычайно сложных процессов, которые являются итогом сознательной деятельности индивидуумов.

Общество, как и все явления, надо изучать конкретно, в его действительном сложном развитии. «Абстрактной истины нет, истина всегда конкретна». Поэтому пытаться выводить из особенностей известных экономических условий формы надстройки, возникающей на данном базисе, или пытаться подробно дедуцировать все характерные особенности надстройки из некоторых соответствующих черт базиса — значит, безусловно, отказываться от марксизма и от науки. Напротив, мы должны изучать, каким образом надстройка действительно развивается в каждом обществе и в каждую эпоху, исследуя факты этой эпохи и этого общества.

Довольно многие вульгаризаторы марксизма: одни, называющие себя «марксистами», другие, выдумывающие абсурдную пародию на марксизм в целях его «опровержения», — изображают дело так, что марксизм якобы утверждает, что каждая идея и каждое учреждение в обществе являются прямым продуктом некоей непосредственной экономической потребности и обслуживает эту потребность. О таких вульгаризаторах, вспоминает Энгельс, сам Маркс имел обыкновение говорить: «Я знаю только одно, что я не марксист»[1].

В своих письмах, которые были написаны после смерти Маркса, Энгельс подчеркивал, что «... наше понимание истории есть

1 К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные письма, стр. 420.

главным образом руководство к изучению, а не рычаг для конструирования... Всю историю надо начать изучать заново. Надо исследовать в деталях условия существования различных общественных формаций, прежде чем пытаться вывести из них соответствующие им политические, частно-правовые, эстетические, философские, религиозные и т. п. воззрения»[1].

Энгельс неоднократно подчеркивал необходимость в каждом случае конкретно исследовать пути возникновения и создания отдельных взглядов и учреждений на основе данного экономического развития, конкретно исследовать то влияние, которое эти взгляды и учреждения, в свою очередь, оказывают на дальнейшее развитие общества и, в конечном счете, на развитие экономики.

Он специально предупреждал против кривотолков, вызываемых той формой, в которой ему и Марксу приходилось временами излагать свою теорию.

«Маркс и я виноваты отчасти в том, что молодежь иногда придает больше значения экономической стороне, чем это следует. Нам приходилось, возражая нашим противникам, подчеркивать главный принцип, который они отрицали, и не всегда находилось достаточно времени, места и поводов отдавать должное и остальным моментам, участвующим во взаимодействии. Но как только дело доходило до изображения какого-либо исторического периода, т. е. до практического применения, дело менялось, и тут уже не могло быть никакой ошибки»[2].

В другом письме Энгельс пишет: «...главный упор мы делали сначала на *выведении* политических, правовых и прочих идеологических представлений и обусловленных ими действий из экономических фактов, лежащих в их основе, — и так мы *должны были делать*. При этом из-за содержания мы тогда пренебрегали вопросом о форме: какими путями идет образование этих представлений и т. п. Это дало нашим противникам желанный повод для кривотолков...»[3].

Взаимодействие надстройки и базиса

Здесь большое значение имеют два момента.

Во-первых, Энгельс указывает на распространенное неправильное понимание исторического материализма, на «...нелепое представление идеологов: так как мы за различными идеологическими областями, играющими роль в истории, не желаем признать самостоятельного исторического развития, то, значит, мы

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные письма, стр. 421.
[2] Там же, стр. 424.
[3] Там же, стр. 462.

отрицаем за ними и всякое *воздействие на историю*... Эти господа часто намеренно забывают о том, что, как только историческое явление вызвано к жизни другими, в конечном итоге экономическими причинами, так оно тоже воздействует на окружающую среду и даже может оказывать обратное действие на породившие его причины»[1].

Например, политические учреждения и законы страны являются продуктами существующих экономических условий, и невозможно понять их происхождение и развитие вне связи с экономическим базисом. Однако совершенно очевидно, что политические учреждения и законы, возникшие на основе экономических отношений, имеют весьма резко выраженное влияние на действительный ход исторических событий, на всю жизнь страны, включая ее экономическую жизнь. Так, современные английские парламентарные учреждения являются, несомненно, продуктом капиталистического строя Англии. Однако это не значит, что парламент и его дела не имеют никакого значения. Напротив мы знаем, что законы парламента имеют очень большую силу не только в области политики, но и в области экономики. Обратное предположение действительно было бы «нелепым представлением».

«Согласно материалистическому пониманию истории, — писал Энгельс, — в историческом процессе определяющим моментом в *конечном счете* является производство и воспроизводство действительной жизни. Ни я, ни Маркс большего никогда не утверждали. Если кто-нибудь это положение извращает в том смысле, что будто экономический момент является *единственно* определяющим моментом, то он тем самым превращает это утверждение в ничего не говорящую, абстрактную, бессмысленную фразу. Экономическое положение, это — базис, но на ход исторической борьбы оказывают также влияние и во многих случаях определяют преимущественно *форму* ее различные моменты надстройки...»[2].

«Мы считаем, что экономические условия в конечном счете обусловливают историческое развитие... Политическое, правовое, философское, религиозное, литературное, художественное и т. д. Развитие основано на экономическом развитии. Но все они также оказывают влияние друг на друга и на экономическую основу. Дело обстоит совсем не так, что только экономическое положение является *единственной активной причиной*, а остальное является лишь пассивным следствием. Нет, тут взаимодействие на основе экономической необходимости, *в конечном счете* всегда прокладывающей себе путь»[3].

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные письма, стр. 463—464.
[2] Там же, стр. 422.
[3] Там же, стр. 470.

Историческая обусловленность формы взглядов и учреждений

Во-вторых, Энгельс подчеркивает, что, хотя, в общем, взгляды и учреждения являются продуктом экономических условий, однако ту исключительную форму, которую они принимают в определенной стране в данный период времени, нельзя полностью объяснить из экономических условий этой страны в этот период. Напротив, хотя влияние экономического развития всегда в конечном счете пробивает себе путь, форма же, которую взгляды и учреждения принимают в известный период времени, всегда зависит от разнообразия специфических факторов в жизни страны, включая характер и традиции народа этой страны, личные особенности руководителей и главным образом ее прошлую историю.

Рассматривая, например, развитие правовых идей, Энгельс указывает, что, несмотря на то, что правовые идеи всегда санкционируют существующие экономические условия, «форма, в которой дается эта санкция, может быть очень различна. Можно, например, сохранять значительную часть форм старого феодального права, вкладывая в них буржуазное содержание, и даже прямо подсовывать буржуазный смысл под феодальное наименование, как это случилось в Англии сообразно со всем ходом ее национального развития. Но можно поступать и так, как это произошло в континентальной Западной Европе, а именно взять за основу первое всемирное право общества товаропроизводителей, т. е. римское право... Можно, наконец, после великой буржуазной революции создать, на основе все того же римского права, такой классический свод законов буржуазного общества, как французский Гражданский кодекс»[1].

Таким образом, в этих случаях правовые понятия и кодексы законов возникли не как прямой продукт экономических условий, а в процессе переработки и принятия *уже существовавших* правовых понятий и кодексов, которые принадлежали к прошлой эпохе, в формах, пригодных для новой эпохи.

То же самое, указывает Энгельс, случилось и с философией:

«Преобладание экономического развития в конечном счете... для меня неоспоримо, но оно имеет место в рамках условий, которые предписываются самой данной областью: в философии, например, воздействием экономических влияний (которые опять-таки оказывают действие по большей части только в своем политическом и т. п. одеянии) на имеющийся налицо философский материал, доставленный предшественниками»[2].

Действительно, существующие взгляды и учреждения страны нельзя, следовательно, выводить непосредственно из экономи-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, стр. 376.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные письма, стр. 430.

ческих условий этой страны в определенный период. «Экономика здесь ничего не создает заново, — говорил Энгельс, — но она определяет вид изменения и дальнейшего развития имеющегося налицо мыслительного материала»[1].

Следовательно, при рассмотрении развития взглядов и учреждений особую важность представляет просто то обстоятельство, что они не имеют самостоятельного развития, а возникают и развиваются на основе экономического развития общества. Вопрос всегда сводится к тому, чтобы определить специфические особенности развития взглядов и учреждений в каждой отдельной стране и ту роль, которую они играют в каждый отдельный период ее истории. Этот вопрос никогда нельзя разрешить только путем общих формул, его можно разрешить лишь в свете самих фактов.

Короче говоря, когда дело идет не об абстрактном провозглашении общих принципов, а о применении этих принципов к объяснению отдельных исторических процессов, тогда нельзя игнорировать детальное изучение действительного способа происхождения взглядов и учреждений на основе экономических условий и той активной роли, которую они играют в развитии событий. Сам Маркс дал классический образец этого применения в своих исторически исследованиях.

Например, в своей работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» Маркс подробно показывает, как отдельные взгляды и учреждения, политические партии, политические конфликты и тенденции развития идей возникли на основе определенных экономических и классовых отношений французского общества в середине XIX в. и как последующая борьба в областях политики и идеологии влияла на судьбу французской экономики и на судьбу различных классов.

Такое всестороннее понимание политических и идеологических факторов, их основы и влияния, конечно, чрезвычайно важно при исследовании существующего положения вещей в целях выработки практической политики. Например, мы не можем выработать политику рабочего движения в данных условиях, просто исходя из анализа экономического положения, хотя бы и точного. Для того чтобы выработать практическую политику, необходимо учитывать все существующие политические факторы, во всем их многообразии, а также различные тенденции развития идей, и необходимо также определять, как эти факторы не только отражают, но и оказывают влияние на экономическое положение. Ибо в данных экономических условиях политические действия, а также идеологическая борьба вообще имеют решающее значение в определении дальнейшего хода экономического развития, судьбы различных классов и всей экономики.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные письма, стр. 430.

Глава VIII

КЛАССОВЫЕ ИДЕИ И КЛАССОВОЕ ГОСПОДСТВО

Надстройка служит своему базису, активно помогая ему оформиться и укрепиться. В обществе, основанном на эксплуатации, надстройка всегда отражает и обслуживает интересы господствующего класса, так что господствующими взглядами являются взгляды господствующего класса, вырабатываемые и поддерживаемые интеллигенцией, представляющей этот класс.

В революционные периоды формулируются новые революционные взгляды и создаются новые учреждения революционным классом, который использует их в своей борьбе против сил старого общества. Марксизм учит нас всегда видеть за всеми общественными принципами, учреждениями и политикой классовые интересы, рассматривать классовые интересы как определяющий фактор по отношению ко всем элементам надстройки и признавать ту великую роль, которую играют новые революционные идеи и учреждения в преобразовании общества.

Надстройка обслуживает базис

С установлением данного экономического строя в качестве базиса общества всегда развиваются типичные взгляды и учреждения, соответствующие этому базису. Какую функцию выполняют такие взгляды и учреждения? Какова функция надстройки по отношению к ее базису?

Подобно тому как люди не могут осуществлять производства, не вступая в определенные производственные отношения, так и эти производственные отношения не могут быть поддержаны и укреплены без соответствующих взглядов и учреждений.

Следовательно, с установлением данного экономического базиса всегда создается надстройка взглядов и учреждений, которые приспособлены для того, чтобы способствовать развитию и укреплению этого базиса. Эта надстройка создается в столкновениях и борьбе классом, интерес которого требует установления и укрепления определенного экономического строя. Надстройка, таким образом, устанавливается для того, чтобы обслуживать базис, активно помогая ему оформиться и укрепиться.

Таким образом, для того чтобы осуществлять общественное производство и сохранять, укреплять и развивать соответствующие производственные отношения, необходимо, в первую очередь, иметь надстройку *политических* и *правовых* взглядов и учреждений.

Государство и право служат защите собственности и регулируют ее использование и наследование. Политические и правовые взгляды и учреждения помогают оформлению и укреплению общественного строя.

Например, римляне для того, чтобы укрепить свою рабовладельческую империю, развили сначала республиканские учреждения, чтобы вытеснить мелких царей более раннего периода, а когда обнаружилось, что эти республиканские учреждения уже неспособны более сдерживать общественные антагонизмы, они создали централизованную военную диктатуру.

С упадком рабства и возникновением феодализма изменились формы правления. Королевства, княжества, герцогства и прочее, созданные по всей Европе, развились именно как формы феодального правления, как феодальные государства, служившие защите, сохранению и укреплению феодальных отношений.

Подымающаяся буржуазия пришла в столкновение с феодальным строем и с феодальными формами правления, и как продукт ее борьбы возникли национальные республики, парламентарные государства, конституционные монархии, которые давали простор для развития капитализма, защищали интересы буржуазии и, таким образом, служили оформлению и укреплению капиталистического базиса общества.

Наконец, рабочий класс в своей борьбе за социализм должен установить демократическое социалистическое государство, которое будет иметь своей задачей уничтожение остатков капитализма, защиту социалистической собственности и руководство делом социалистического строительства.

Без таких средств рабовладельческая экономика, например, никогда не смогла бы укрепиться. То же самое надо сказать в отношении феодальной экономики, капиталистической экономики и социалистической экономики. Только с помощью государства, политических и правовых взглядов и учреждений новый экономический строй оформляется, укрепляется и ликвидирует старую экономику. Форма и характер государства, – пусть это будет монархия, как, например, в Англии, или республика, как в США, – форма и характер политических и правовых взглядов и учреждений, а также различные изменения, которые эти взгляды и учреждения претерпевают, зависят от разнообразия условий национальной жизни и традиций каждой страны. Такие черты определяются исторически специфическими обстоятельствами, возникающими в каждой стране. Однако общим признаком этих взглядов и учреждений всегда является то, что они служат определенному экономическому базису, помогают ему оформиться и укрепиться и помогают ликвидировать старый базис.

Так же обстоит дело с *этикой*, *философией*, *литературой* и *искусством*. Общество не может существовать и развиваться без

них так же, как и без политики и права. И обратно, мораль, философия, литература и искусство не более независимы от экономического базиса, чем политика и право. Эти части надстройки также обслуживают развитие базиса, помогая ему оформиться и укрепиться и ликвидировать старый базис.

Например, в истории философии можно наблюдать, как философские взгляды время от времени выдвигались на первый план в соответствии с потребностями развития и укрепления данного общественного строя. Тут, как отмечал Энгельс, экономика оказывает действие по большей части только в своем политическом одеянии. Так, в период раннего развития феодализма Августин учил, что государство должно быть полностью подчинено церкви и что мирские дела должны быть целиком подчинены делам духовным. Такое учение, конечно, помогло покончить с пережитками военной диктатуры рабовладельцев. Августин не учил покорности светской власти. Напротив, он учил, что сама светская власть должна подчиняться другой власти и что если светская власть не делает этого, то она незаконна. Столетия спустя другой феодальный философ Фома Аквинский выступил с «реалистической» философией, в которой материальная жизнь занимала гораздо более видное место и которая предоставляла государству независимую область действия. Это соответствовало условиям, когда феодализм полностью укрепился, и помогало этому укреплению.

С возникновением буржуазии появляются новые виды философии. Философы провозгласили суверенитет науки и разума и с этой точки зрения подвергли сокрушающей критике старые феодальные идеи. Они заново исследовали основы познания и старались показать, каким образом можно расширить знание и направить человечество по пути прогресса. Этим они действенно служили капиталистическому классу, помогая ему избавиться от феодализма и укрепить капитализм.

Теперь, когда капитализм пришел в упадок и вот-вот сменится социализмом, буржуазные философы поют совсем другую песню. Они говорят, что разум бессилен, что знания иллюзорны, что материальный прогресс — это ошибка и что средства, с помощью которых люди надеялись достичь этой цели, вели их к трудностям и несчастьям. Эти доктрины, в свою очередь, помогают защищать умирающую систему и отсрочить наступление социализма.

Таким же образом можно проследить, как средневековые песни, рассказы и религиозное искусство помогали, например, оформиться и укрепиться феодальному строю и как современные романы, пьесы и т. п. помогли делу ликвидации феодализма вместе с феодальными взглядами и оформлению и укреплению капиталистического строя.

Естественно, что научное изучение развития надстроек, обслуживающих свой базис, является огромной задачей. Осуществить ее – дело науки в областях истории, философии, религии, искусства и литературы. Здесь мы только стараемся показать, что имеется в виду под надстройкой, обслуживающей базис. Однако эти соображения проливают некоторый свет на анатомию самой надстройки.

Надстройка, развившаяся для того, чтобы обслуживать свой базис, проявляется во множестве взаимосвязанных образований, каждое из которых выполняет необходимую общественную функцию. Первостепенное значение имеет здесь развитие государственных и политических взглядов, государственных и политических учреждений и наряду с этим развитие правовых взглядов, судебных и правовых учреждений, семьи и т. п. С ними тесно связано также развитие моральных взглядов. Далее, мы должны рассмотреть религиозные взгляды и учреждения и, наконец, развитие философских взглядов, искусства и литературы и разнообразные учреждения, связанные с умственной и культурной жизнью общества.

Все это составляет различные взаимосвязанные и взаимодействующие части надстройки. Каждая из этих частей надстройки имеет по видимости самостоятельное развитие, однако все они возникают и развиваются как родственные между собой образования надстройки на данном экономическом базисе.

Господствующий класс и господствующие идеи

Со времени разложения первобытно-общинного строя общество разделяется на антагонистические классы, на эксплуататоров и эксплуатируемых, а сами эти классы являются продуктом экономического развития. И в соответствии с экономическим строем общества на данной ступени развития, в соответствии с данной системой производственных отношений тот или иной класс занимает господствующее положение в экономике и берет на себя руководство обществом в качестве господствующего класса.

Следовательно, взгляды и учреждения, отражающие данный экономический строй общества, выражают интересы класса, чье господство зависит от этого экономического строя, то есть интересы господствующего класса.

Так, Маркс и Энгельс писали: «Господствующими идеями любого времени были всегда лишь идеи господствующего класса»[1].

1 К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, стр. 445.

Надстройка взглядов и учреждений, возникающая как продукт экономического базиса и отражающая этот экономический базис, всегда является, следовательно, продуктом господства определенного класса.

«Господствующие мысли, – писали Маркс и Энгельс, – суть не что иное, как идеальное выражение господствующих материальных отношений, как выраженные в виде мыслей господствующие материальные отношения; следовательно, это – выражение тех отношений, которые и делают один этот класс господствующим, это, следовательно, мысли его господства»[1].

Обслуживать базис – это то же самое, что обслуживать господствующий класс. Идеи и учреждения, играющие активную роль в деле оформления и укрепления экономического строя, при котором господствует определенный класс и с судьбой которого связана судьба этого класса, служат тем самым этому классу в качестве оружия и инструмента сохранения и укрепления своего господства.

Определенный класс всегда играет ведущую роль в установлении, а затем в оформлении и укреплении данного экономического строя, при котором этот класс господствует, при котором он является правящим классом. Аналогично именно этот класс всегда несет основную ответственность за развитие соответствующих взглядов – господствующих мыслей – и соответствующих учреждений. Эти взгляды и учреждения развиваются на основе форм собственности и общественных отношений, с которыми связаны интересы и деятельность этого класса.

Это не означает, что господствующий класс развивает свои собственные взгляды, не принимая во внимание те взгляды, которые уже существуют. Напротив, взгляды, развиваемые определенным господствующим классом в любое время, а также и соответствующие им учреждения всегда принимают в качестве своей отправной точки взгляды и учреждения, которые развивались ранее. Специфическая *форма*, которая им придается, вообще наследуется от прежде существовавших форм, а их *содержание* возникает из условий существования определенного класса в данное время и отражает эти условия. (Таким путем в развитии надстроек происходит постоянный процесс проникновения нового содержания в старые формы, а затем изменения старых форм с тем, чтобы удовлетворить потребности нового содержания.)

«Над различными формами собственности, над социальными условиями существования поднимается целая надстройка различных и своеобразных чувств, иллюзий, образов мысли и мировоззрений, – писал Маркс. – Весь класс творит и формирует

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 46.

все это на почве своих материальных условий и соответственных общественных отношений»[1].

Таким образом, дело всегда обстоит так, что «тот класс, который представляет собой господствующую *материальную* силу общества, есть в то же время и его господствующая *духовная* сила. Класс, имеющий в своём распоряжении средства материального производства, располагает вместе с тем и средствами духовного производства, и в силу этого мысли тех, у кого нет средств для духовного производства, оказываются в общем подчинёнными господствующему классу»[2].

Это идеологическое господство является действительно существенным элементом в классовом господстве. Для того чтобы поддержать свое материальное господство, правящий класс должен всегда поддерживать свое господство над умами людей. Он должен контролировать умственные силы общества и обеспечивать распространение таких мыслей, которые, выражая его господство, противостояли бы любой опасности, угрожающей этому господству.

Роль интеллигенции

Когда мы говорим о том, что идеи господствующего класса суть господствующие идеи, то это не означает, конечно, что все члены господствующего класса участвуют в формировании и распространении этих идей. Укрепление экономического строя и системы классового господства всегда влечет за собой то обстоятельство, что отдельные лица берут на себя различные, например административные и исполнительные, функции. И подобно этому известные лица всегда специализируются в области интеллектуальных функций.

Как сами администраторы и чиновники не образуют класса, так не образует его и интеллигенция. Правда, такие специализированные группы время от времени выдвигают свои собственные интересы. Они становятся ярыми приверженцами своего собственного обогащения и стремятся обеспечить себе особые преимущества. Такое разделение интересов внутри господствующего класса, при случае, как отмечали Маркс и Энгельс, «может разрастись даже до некоторой противоположности и вражды» между идеологами класса и основной частью господствующего класса. Однако эта вражда всегда «сама собой отпадает при всякой практической коллизии, когда опасность угрожает самому

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. I, стр. 235—236.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 45—46.

классу»[1]. Интеллигенция не составляет класса с особыми классовыми интересами, а выступает в качестве интеллектуальных представителей тех или иных классов, составляющих общество.

Каждый класс, играющий активную, а не просто пассивную роль в общественных преобразованиях, всегда находит своих собственных интеллектуальных представителей. И господствующий класс всегда имеет свои кадры интеллигенции, представляющей собой господствующую духовную силу общества в данный период, которые вырабатывают чувства, иллюзии, образ мысли и мировоззрение этого класса.

Непонимание интеллигенцией того факта, что она выполняет указанную функцию, не противоречит тому, что это есть та функции, которую она выполняет.

«Идеология — это процесс, — писал Энгельс, — который совершает так называемый мыслитель, хотя и с сознанием, но с сознанием ложным. Истинные побудительные силы, которые приводят его в движение, остаются ему неизвестными... Он имеет дело исключительно с материалом мыслительным; без дальнейших околичностей он считает, что этот материал порожден мышлением, и не занимается исследованием никакого другого, более отдаленного и от мышления независимого источника»[2].

В настоящее время мы находим разительные примеры такого процесса. Мыслители с наиболее резко отличными взглядами: буржуазный атеист и ортодоксальный христианин, социал-реформист и консерватор — все стремятся выразить один и тот же взгляд, именно: что человеку неведома его судьба, что он зависит от милости таинственной силы, понять которую он не в состоянии. Что это такое, как не точка зрения господствующего класса, переживающего агонию своего последнего кризиса? Эти мыслители могут быть выходцами из самых различных слоев общества, но все они распространяют одинаковые взгляды в интересах господствующего класса, отравляя умы своих слушателей и читателей одинаковыми идеями.

Отношение между интеллигенцией и классом, который она представляет, определено Марксом в его описании литературных и политических представителей мелкой буржуазии во Франции периода 1848 года.

Не следует думать, писал Маркс, что идеологи лавочников сами «лавочники или поклонники лавочников. По своему образованию и индивидуальному положению они могут быть далеки от них, как небо от земли. Представителями мелкого буржуа делает их то обстоятельство, что их мысль не в состоянии преступить тех границ, которых не преступает жизнь мелких буржуа,

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 46.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные письма, стр. 462.

и потому теоретически они приходят к тем же самым задачам и решениям, к которым мелкого буржуа приводят практически его материальные интересы и его общественное положение. Таково и вообще отношение между *политическими и литературными представителями* какого-нибудь класса и тем классом, который они представляют»[1].

Таким образом, интеллигенты господствующего класса не обязательно являются членами этого класса в том смысле, что они являются выходцами из этого класса или обладают всеми привилегиями этого класса. Иногда, действительно, они не только не пользуются подобными привилегиями, но с ними обращаются просто как с лакеями. Например, многие из ведущих интеллигентов феодальной знати были выходцами из крестьянства, а многие ведущие интеллигенты класса капиталистов вышли из среды мелкой буржуазии или даже рабочего класса. Действительно, как указывал Маркс, «чем более способен господствующий класс принимать в свою среду самых выдающихся людей из угнетенных классов, тем прочнее и опаснее его господство»[2].

Этот процесс действует также и в обратном направлении. Когда господствующий класс клонится к упадку и поднимается другой класс, угрожающий ему, тогда отдельные лица из рядов господствующего класса, включая в основном некоторых наиболее способных и умственно одаренных, переходят на службу революционному классу.

Как мы отметили, каждый класс, действующий на арене истории, находит своих собственных интеллектуальных представителей, которые выражают его общественные стремления, его настроения и взгляды. Отсюда очевидно, что во время крутых общественных ломок, когда все классы приходят в движение, всегда происходит великое творческое брожение идей. Духовная жизнь в такие периоды выражает не только деятельность одного класса, но и возбуждение деятельности всех классов.

Задачей класса, играющего руководящую роль в формировании общественного строя, является не только формулировать и систематизировать свои собственные идеи, но и обеспечить принятие его идей всем обществом. Здесь революционная интеллигенция, революционная мысль и пропаганда должны сыграть важную роль. Когда старый общественный строй приходит в упадок, тогда идеи господствующего класса начинают терять свою жизнеспособность, становиться неспособными к дальнейшему развитию и начинают все более отвергаться широкими слоями народа. Так было в свое время с хозяевами феодального мира, это происходит сегодня с хозяевами капиталистического мира. Тем энергичнее

---

1 К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. I, стр. 238.

2 К. Маркс, Капитал, т. III, стр. 615.

борются они за сохранение своего господства и используют все имеющиеся в их распоряжении средства для дискредитации и преследования «опасных» мыслей. Напротив, новый подымающийся революционный класс, беря на себя руководство всем движением, направленным против старого строя, должен сделать свои собственные мысли объединяющей, мобилизующей силой всего движения.

Преобразование надстройки

В те революционные периоды, когда материальные производительные силы приходят в конфликт с существующими производственными отношениями, вся надстройка, развившаяся на основе существующих форм собственности и обслуживающая данный базис, начинает колебаться. В такие периоды отношения собственности, служащие формами развития материальных производительных сил, превращаются в их оковы. В сфере общественного сознания, в сфере надстройки, этот факт выражается как осознание того, что господствующие взгляды и учреждения общества превратились в оковы, иначе говоря, устарели, стали тягостными, несправедливыми, ложными. Возникают новые, революционные идеи.

«Говорят об идеях, революционизирующих все общество, — писали Маркс и Энгельс, — этим выражают лишь тот факт, что внутри старого общества образовались элементы нового, что рука об руку с разложением старых условий жизни идет и разложение старых идей»[1].

«Существование революционных мыслей в определённую эпоху уже предполагает существование революционного класса...»[2].

Классовая борьба, путем которой осуществляются общественные преобразования, основывается на столкновении экономических интересов между классами, занимающими разное место в системе производственных отношений. Причем в этой борьбе каждый класс отстаивает свои собственные интересы. Эта борьба является в основе экономической. Однако она ведется и завершается в сфере политики и права, религии и философии, литературы и искусства. Она ведется и завершается не только путем экономического давления одного класса на другой, не только путем насилия одного класса над другим, но и путем борьбы идей, в которой выражаются стремления всех классов общества.

«...всякая историческая борьба, — писал Энгельс, — совершается ли она в политической, религиозной, философской или в какой-либо иной идеологической области — в действительности

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, стр. 445.
[2] Там же, стр. 46—47.

является только более или менее ясным выражением борьбы общественных классов, а существование этих классов и вместе с тем и их столкновения между собой в свою очередь обусловливаются степенью развития их экономического положения...»[1].

Следовательно, точно так же, как существует различие между производственными отношениями и соответственными формами сознания, так существует и различие между материальными экономическими интересами конкурирующих классов, за которые они борются, и осознанием ими своих целей и разногласий. Однако когда наступает решающий момент действия, коренные экономические интересы и цели всегда открыто обнажаются.

«...подобно тому как в обыденной жизни проводят различие между тем, что человек думает и говорит о себе, и тем, что он есть и делает на самом деле, так в исторических битвах еще более следует проводить различие между фразами и иллюзиями партий и их действительной организацией, их действительными интересами, между их представлением о себе и их реальной природой... Так, английские тори долго воображали, что они влюблены в королевскую власть, в церковь и в прелести староанглийской конституции, пока не наступила критическая минута, вырвавшая у них признание, что они влюблены в одну только *земельную ренту*»[2].

Когда в результате классовой борьбы старый господствующий класс свергается, тогда «с изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке»[3].

Переворот в области экономики, в коренных общественных отношениях, вызывает необходимость переворота также во всей области соответствующих идей и учреждений общества, во всей сфере общественного сознания.

Преодоление старого новым столь же необходимо в надстройке взглядов и учреждений, как необходимо это и в общественной основе производственных отношений. Для того чтобы искоренить старые учреждения и оформить и укрепить новые, необходимо соответственно преобразовать взгляды и учреждения. Лишь путем этого процесса отрицания старого можно укрепить и поднять на высшую ступень тот прогресс, который достигнут в производственном процессе, лишь на этом пути можно отстоять и поднять на новую ступень прогрессивное развитие общества.

«Люди никогда не отказываются от того, что они приобрели, — писал Маркс, — но это не значит, что они не откажутся от той общественной формы, в которой они приобрели определенные

---

1 К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. I, стр. 211.
2 Там же, стр. 236.
3 Там же, стр. 322.

производительные силы. Наоборот. Для того чтобы не лишиться достигнутого результата, для того чтобы не потерять плодов цивилизации, люди вынуждены изменять все унаследованные общественные формы в тот момент, когда способ их сношений (commerce) более уже не соответствует приобретенным производительным силам»[1].

Когда происходят эти преобразования, то все «плоды цивилизации», которые были завоеваны в прошлом, сохраняются. Они сохраняются новыми общественными формами, тогда как в процессе упадка и разложения старых общественных форм они разрушались и уничтожались. Таким образом, не только приобретенные производительные силы, но все завоевания культуры сохраняются и развиваются по-новому.

Мы можем наблюдать это и в настоящее время. В период разложения капитализма все наследие культуры, приобретенной в течение капиталистического периода, поставлено под угрозу. Это наследие сохраняется и развивается в борьбе за социализм.

Учреждения, идеи и классы

Какие же можно сделать главные выводы из марксистского учения о базисе и надстройке?

Первый вывод состоит в том, что если господствующие взгляды и учреждения общества являются продуктами определенного экономического строя, то такие взгляды и учреждения нельзя рассматривать как священные и неизменные, точно так же, как это нельзя делать в отношении определенного общественного строя, которому они соответствуют. Они не являются выражением ни вечных истин, ни необходимых и неприкосновенных форм человеческой ассоциации. Они просто выражают мировоззрение и интересы, соответствующие данной экономической структуре общества. А в обществе, разделенном на классы, это мировоззрение и эти интересы не могут быть не чем иным, как мировоззрением и интересами господствующего, эксплуататорского класса.

Например, древние греки учили, что их законы установлены законодателями по божественному вдохновению. Таким образом: эти законы рассматривались как священные, ибо они представлялись как творения «великих людей», просветленных божеством. Однако марксизм показывает, что на деле эти законы были законами *рабовладельческого* общества, законами, определяющими привилегии, права и обязанности граждан этого общества и защищающими собственность имущих классов. Они были выражением определенных, исторически установленных экономических и классовых интересов.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные письма, стр. 24.

Подобно этому ныне нам говорят, что государственные учреждения Англии и США возникли как претворение в жизнь христианских идеалов, «западных ценностей», концепции свободы личности и т. п. Таким образом, эти учреждения и идеи, с которыми они связаны, представляются как священные, подобно тому как в прошлом совершенно отличные от них учреждения и идеи также представлялись как священные. Однако марксизм показывает, что на деле эти учреждения являются учреждениями *капиталистического* общества, учреждениями, основанными на капиталистическом экономическом строе, что они выражают интересы господствующего класса капиталистов. Христианские идеалы, «западные ценности», концепция свободы личности являются в действительности капиталистическими идеалами, капиталистическими ценностями, капиталистическим понятием свободы личности.

Марксизм, обращая внимание на экономическую, классовую основу установленных учреждений и идей, учит, следовательно, что никакие учреждения и никакие идеи нельзя рассматривать как «священные».

«Люди всегда были и всегда будут глупенькими жертвами обмана и самообмана в политике, — писал Ленин, — пока они не научатся за любыми нравственными, религиозными, политическими, социальными фразами, заявлениями, обещаниями разыскивать *интересы* тех или иных классов. Сторонники реформы и улучшений всегда будут одурачиваемы защитниками старого, пока не поймут, что всякое старое учреждение, как бы дико и гнило оно ни казалось, держится силами тех или иных господствующих классов. А чтобы сломить сопротивление этих классов, есть *только одно* средство: найти в самом окружающем нас обществе, просветить и организовать для борьбы такие силы, которые могут — и по своему общественному положению *должны* — составить силу, способную смести старое и создать новое»[1].

Когда классы, недовольные существующим общественным строем, начинают вести борьбу против него, то они сразу же обнаруживают, что им противостоит целая система учреждений, законов, обычаев, принципов и взглядов, служащих защите существующего строя и подавляющих оппозицию ему.

Так, например, с того самого момента, когда английские рабочие начали объединяться, требуя более высокой заработной платы и более короткого рабочего дня, они увидели, что им противостоят деспотические законы, изданные деспотическими учреждениями, которые препятствуют исполнению их требований. Они увидели, что им противостоит парламент, куда им был закрыт доступ, законы, которые защищали эксплуататоров, взгляды,

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 19, стр. 7—8.

которые оправдывали погоню богачей за прибылями, осуждая в то же время любое объединение бедняков.

Подобно этому на более ранней ступени своей истории английская буржуазия пришла в столкновение с монархическим режимом короля Карла I. Королевские монополии и налоги препятствовали ее экономической экспансии, а когда она захотела их устранить, то тотчас пришла в конфликт как с правительством, так и с законами и была осуждена священниками и учеными за то, что осмелилась нарушить «священное право монархов».

Вообще класс, который, преследуя свои материальные, экономические интересы, приходит в столкновение с господствующим классом, тем самым всегда приходит в столкновение с установленными учреждениями и укоренившимися идеями. Вся история классовой борьбы доказывает, что господствующие, укоренившиеся идеи и установленные учреждения в любом обществе выполняют роль защиты и поддержания экономического строя этого общества и, следовательно, интересы господствующего класса.

Марксизм, следовательно, учит всегда видеть за всякими заявлениями и принципами, за всякими учреждениями и за всякой политикой классовые, материальные, экономические интересы и обусловливающую роль классовых интересов по отношению ко всем элементам надстройки.

Он учит не уважению, а борьбе со взглядами и учреждениями, служащими классу капиталистов в его борьбе против рабочего класса, учит бороться за новые идеи и за преобразование учреждений, которые помогут организовать и вдохновить широкий союз всех трудящихся, ведомых рабочим классом, на борьбу за то, чтобы сломить силу капиталистов, преодолеть их сопротивление и построить социалистическое общество.

Таким образом, второй вывод из марксистского учения о базисе и надстройке гласит о великой и решающей роли, которую играют в преобразовании общества новые, революционные идеи и новые учреждения.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

БУДУЩЕЕ – СОЦИАЛИЗМ И КОММУНИЗМ

Глава IX

СОЦИАЛИЗМ И КОММУНИЗМ

Основой социалистического общества является общественная собственность на средства производства. Трудящиеся управляют сами, эксплуатации не существует, и цель производства состоит в удовлетворении потребностей человека.

Социализм есть лишь первая фаза коммунистического общества. Переход от социализма к коммунизму влечет за собой переход 1) от распределения по труду – к распределению по потребностям, 2) от все еще существующей необходимости в побудительные стимулах к труду – к такому состоянию, когда труд станет первой потребностью жизни, 3) от такого состояния, когда подчинение человека разделению труда все еще препятствует развитию всех его способностей, – к такому состоянию, когда каждый сможет полностью развить все свои способности, 4) от существования наряду с общенародной собственностью собственности кооперативной, когда, следовательно, еще существуют классовые различия, – к такому положению, когда будет существовать единая ассоциация всего народа, которая будет распоряжаться всеми средствами производства и всеми продуктами, и когда продукты больше уже не будут распределяться в качестве товаров.

Для осуществления этого перехода необходимо: 1) обеспечить рост общественного производства, 2) заменить товарное обращение контролем единого общественно-экономического центра над всей продукцией, 3) путем сокращения рабочего дня, введения всеобщего политехнического обучения и подъема жизненного уровня добиться такого культурного подъема, который обеспечит всестороннее развитие всех способностей всех членов общества.

Общественное производство и общественная собственность

Социализм означает установление новых производственных отношений, нового экономического базиса, именно: общенародной собственности на основные средства производства.

При такой организации производства окончательно уничтожается всякая эксплуатация человека человеком. Этого можно добиться только в результате борьбы рабочего класса вместе со всеми трудящимися за завоевание политической власти, а затем

за использование этой власти для того, чтобы постепенно ликвидировать всякие отношения эксплуатации.

С установлением социализма отменяются капиталистические формы собственности на заводы, фабрики, шахты, транспорт и другие средства производства, вся финансовая система и торговля из рук капиталистов переходит в руки трудящихся, отменяется помещичья собственность на землю. В результате этого ни один рабочий больше уже не работает, как раб, ради прибыли капиталиста, ни один мелкий производитель не обирается помещиком, банкиром или комиссионером. Покончено с наступлением на жизненный уровень рабочего класса, с разорением и обнищанием большинства населения, проистекавшими из стремления могущественных монополий к максимальным прибылям. Покончено с угнетением и эксплуатацией других народов и завоеванием рынков ради максимальных прибылей. Нет больше недогрузки производственного оборудования, существовавшей из-за того, что капиталистам было невыгодно использовать его полностью. Нет больше безработицы, существовавшей из-за того, что капиталистам было невыгодно покупать рабочую силу. Плодородные земли не превращаются уже в пустыню вследствие алчной эксплуатации. Нет больше пренебрежения к производству продовольствия, запасы продовольствия больше не накапливаются на складах и не уничтожаются, в то время как миллионы людей недоедают. Нет больше экономических кризисов, ибо ликвидирована их основная причина: существование наряду с обобществленным производством капиталистического присвоения продукта, что вело к тому, что массы народа не могли выкупить произведенные ими товары. Теперь, с установлением общенародной собственности на основные средства производства, устанавливаются производственные отношения, которые больше не являются оковами производства, а способствуют постоянному развитию общественного производства в целях удовлетворения постоянно растущих потребностей всего общества.

При социализме производство ведется уже не ради прибыли, а ради производства того, в чем нуждаются люди, в интересах всего общества, ради блага всех и каждого. Основной целью социалистического производства является не прибыль, получаемая меньшинством, а подъем жизненного уровня большинства общества.

Социализм есть организация изобилия. Средства для создания изобилия для всех уже существуют благодаря развитию при капитализме общественных производительных сил. Единственное, что остается, — это, ликвидировав капиталистическую собственность и капиталистическое присвоение, развить и использовать эти производительные силы в целях производства изобилия для каждого.

В социалистическом производстве, где не существует эксплуататоров, присваивающих продукты труда других, весь общественный продукт находится в распоряжении производителей и используется для: а) возмещения потребленных средств производства, создания резервов и дальнейшего расширения производства, б) осуществления и расширения общественного управления, в) содержания государства и вооруженных сил, пока социалистическая страна окружена враждебным капиталистическим миром, и г) удовлетворения потребностей отдельных членов общества.

Именно своей способностью увеличить совокупное общественное богатство социализм доказывает свое превосходство над капитализмом.

«Во всякой социалистической революции, – писал Ленин, – ...выдвигается необходимо на первый план коренная задача создания высшего, чем капитализм, общественного уклада, именно: повышение производительности труда...»[1].

Следовательно, для достижения своих целей социалистическое общество должно прежде всего обеспечить себя машинами, тяжелой и машиностроительной индустрией. Эти орудия производства уже созданы при капитализме. Но великая сила социализма, которая делает социализм более высоким, чем капитализм, общественным укладом, состоит в силе общественного труда, освобожденного от оков, вынуждавших его служить частным прибылям.

Высшая техника и высшая производительность труда при социализме не являются и не могут быть самодовлеющей целью. Они необходимы для подъема жизненного уровня народа, владеющего техникой, для зажиточной и культурной жизни всех членов общества. Следовательно, точно так же, как необходимо осуществлять социалистическую индустриализацию, правильно учитывая имеющиеся в распоряжении действительные средства и ресурсы для того, чтобы планомерно и постоянно увеличивать их и не допустить их истощения, так же необходимо обеспечивать повышение жизненного уровня производителей.

Социалистическое производство регулируется законом соотношения между двумя большими подразделениями производства: производством средств производства и производством средств потребления. Невозможно расширить второе подразделение производства, не расширяя первого подразделения, так как если нет необходимых средств производства, то нельзя расширить производство средств потребления. В то же самое время социалистическое производство не может успешно развиваться, если в результате его не будут удовлетворяться постоянно растущие потребности народа.

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 27, стр. 227.

Итак, в социалистическом обществе основные средства производства являются общенародной собственностью, а руководство обществом и управление производством находятся в руках трудящихся, не существует эксплуатации человека человеком и производство непрерывно расширяется на основе высшей техники в целях обеспечения максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества.

Переход от капитализма к коммунизму: социализм как первая фаза коммунистического общества

Как продолжает развиваться общество после того, как установлен социализм?

Социализмом не завершается всякое развитие в обществе. Некоторые из врагов социализма любят говорить, что мы рассматриваем социализм, как состояние «совершенства», в котором все настолько хорошо, что не может быть никакой необходимости в дальнейших изменениях. Но это абсурд. Социализм означает конец целой фазы в развитии общества, однако он вместе с тем кладет начало новой фазы в развитии общества. Социалистическая революция является мостом, так сказать, между двумя мирами — ведущим из мира эксплуатации, классового антагонизма и войн в мир мира и сотрудничества; от слепой человеческой деятельности — к сознательной деятельности.

Борьба за социализм является последней борьбой против эксплуататорского угнетающего класса. Современные монополисты — капиталисты — самый последний и сильнейший класс из всех эксплуататорских классов, которые управляли миром. Но трудящиеся массы становятся еще сильнее. Раз капитализму на стадии империализма приходит конец и социализм устанавливается, следовательно, не остается никаких эксплуататорских классов и эксплуатация исчезает раз и навсегда. Люди, следовательно, объединяются общим интересом и могут действовать совместно, чтобы удовлетворять свои нужды и поднимать свой жизненный и культурный уровень. Именно поэтому социализм означает не конечную ступень, а дальнейший поворотный пункт в мировой истории. Превращение капитализма в социализм совершается посредством классовой борьбы и завоевания власти рабочим классом. Дальнейшее превращение социализма в коммунизм требует своих особых методов.

Маркс показал, что, после того как производство будет вестись на социалистической основе и исчезнет всякая эксплуатация человека человеком, начнется следующая ступень перехода — переход к коммунистическому обществу.

Следовательно, Маркс рассматривал социалистическое общество не как неизменный общественный строй, а как фазу пе-

рехода к более высокому общественному строю — к коммунизму. Он рассматривал социалистическое общество лишь как «первую фазу коммунистического общества», как фазу перехода от общества, основанного на эксплуатации одним классом другого, к бесклассовому обществу.

«Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе»[1]. И в этот период, в период социализма, мы имеем дело «не с таким коммунистическим обществом, которое *развилось* на своей собственной основе, а с таким, которое, наоборот, только что *выходит* как раз из капиталистического общества и которое поэтому во всех отношениях, в экономическом, нравственном и умственном, сохраняет еще родимые пятна старого общества, из недр которого оно вышло»[2].

«То, что обычно называют социализмом, — писал Ленин, — Маркс назвал "первой" или низшей фазой коммунистического общества. Поскольку *общей* собственностью становятся средства производства, постольку слово "коммунизм" и тут применимо, если не забывать, что это *не* полный коммунизм. Великое значение разъяснений Маркса состоит в том, что он последовательно применяет и здесь материалистическую диалектику, учение о развитии, рассматривая коммунизм как нечто развивающееся *из* капитализма... Маркс дает анализ того, что можно бы назвать ступенями экономической зрелости коммунизма»[3].

В каком отношений социалистическое общество, когда оно выходит из капиталистического общества, все еще сохраняет «родимые пятна старого общества, из недр которого оно вышло?» В чем проявляется его переходный характер? И каким образом можно преодолеть эти недостатки?

От вознаграждения за труд к удовлетворению потребностей

1) Во-первых, социализм обнаруживает свой переходный характер прежде всего в самом производстве и способе распределения общественного продукта.

Социализм устанавливает производственные отношения, соответствующие характеру производительных сил, развившихся при капитализме, и обеспечивает дальнейшее развитие производительных сил. Однако развитие производительных сил начинается с того уровня, которого они достигли при капитализме.

Следовательно, несмотря на то, что целью производства является максимальное удовлетворение всех постоянно растущих материальных и культурных потребностей общества, в течение

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, стр. 23.
[2] Там же, стр. 13.
[3] В. И. Ленин, Соч., т. 25, стр. 442.

длительного времени невозможно удовлетворить полностью и в равной мере все постоянно растущие потребности каждой личности. Производительные силы недостаточны для того, чтобы можно было сделать это.

Безусловно, *цель* социализма в конечном счете заключает в себе удовлетворение любой потребности каждого отдельного лица в равной степени, тем не менее этого нельзя достичь в течение длительного времени, до тех пор, пока не будет достигнут огромный прогресс производства, которое должно оставить далеко позади себя капиталистическое производство.

Тем временем, пока не будет достигнут огромный прогресс производства, трудящиеся получают свою долю общественного продукта не по потребностям каждого, а в соответствии с количеством и качеством затраченного *труда*. Таким образом, каждый получает не по своим потребностям, а в зависимости от того, что он дал обществу.

Это означает, конечно, что все члены общества в неравной степени удовлетворяют свои потребности. Тот, кто больше работает или чей труд высшего качества, — тот получает больше. С другой стороны, лица, выполняющие одинаковую работу, получают одинаково, однако их потребности могут быть различными: например, один женат, другой — нет; один должен обеспечить больше детей, чем другой, и т. п. Следовательно, их потребности не удовлетворяются в равной степени.

На фазе социализма, первой фазе коммунизма, производство, стало быть, все еще ограничено и распределение осуществляется по труду. Однако на высшей фазе коммунизма производство настолько возрастет, что там будет действовать совершенно другой принцип: «от каждого по его способности, каждому по его потребностям».

Маркс рассматривал принцип равной оплаты за равный труд — принцип социализма — как все еще пережиток «буржуазного права». Это «буржуазное право» окончательно отменяется лишь в полном коммунистическом обществе. Там каждый будет иметь равное право на удовлетворение всех потребностей.

Конечно, принцип равного удовлетворения потребностей всех членов общества заключает в себе неравенство того, что каждый получает, так как потребности не являются одинаковыми. Поэтому та идея, что общественный продукт должен быть в равной мере разделен между всеми, не имеет ничего общего ни с социализмом, ни с коммунизмом. Общественный продукт всегда делится на неравные части, сперва в соответствии с неравным трудом, затем в соответствии с неравными потребностями. Равенство, которое несет с собой коммунизм, есть равная возможность для каждого развить все свои способности в качестве всесторонне развитой личности.

От труда, как бремени, к труду, как первой потребности жизни

2) Во-вторых, социализм обнаруживает свой переходный характер в том положении, которое занимает труд в обществе, и в отношении людей к труду.

При капитализме рабочие продают свою рабочую силу капиталисту. Труд поэтому есть труд на другого и является бременем. Он, как говорится в библии, есть «проклятие Адама».

При социализме рабочая сила больше не покупается и не продается. Производитель, получающий по своему труду, получает не цену проданной им рабочей силы. Он получает свою долю общественного продукта в соответствии с тем вкладом, который он сам внес в общественное производство. И, таким образом, чем больше он содействует производству, тем больше он получает.

Однако при социализме все еще требуются «побудительные стимулы» к труду. Эти побудительные стимулы к труду как раз обеспечиваются в социалистическом обществе принципом: «каждому по его труду». Каждый знает, что чем лучше он работает, тем больше он получит. В то же время растет значение *общественных* побудительных стимулов: рабочий есть герой, он овеян славой. Он знает, что он работает на свой класс, на общество. И эти общественные побудительные стимулы получают все большую значимость по мере того, как изглаживаются воспоминания о капитализме, по мере того, как возрастает награда за труд.

Но при полном коммунизме, когда каждый будет получать все, в чем он нуждается, должно возникнуть новое отношение к труду. Тогда «труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой потребностью жизни»[1]. Люди будут трудиться «по способности» не вследствие необходимости получить средства к жизни, а потому, что участие в общественном производстве есть «первая потребность жизни». Это предполагает также, что тяжелый и скучный труд будет ликвидирован или, по крайней мере, сведен к минимуму и что труд не будет никому в тягость.

«...производительный труд, — писал Энгельс, — вместо того чтобы быть средством порабощения людей, стал бы средством их освобождения, предоставляя каждому возможность развивать во всех направлениях и действенно проявлять все свои способности, как физические, так и духовные, следовательно... производительный труд из тяжелого бремени превратится в наслаждение»[2].

---

1 К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, стр. 15.
2 Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 278.

Только при таком положении труда в обществе и отношении к нему может существовать коммунистическое общество. Когда каждый получает уже не по своему труду, а по своим потребностям, тогда очевидно, что труд осуществляется не в результате какого-либо принуждения, а потому, что люди получают от него наслаждение, потому, что труд является необходимой стороной жизни.

В условиях капитализма трудящиеся, погоняемые бичом экономического принуждения, жертвуют третью часть своей жизни или еще больше, работая на других. Жизнь человека собственно начинается только тогда, когда он прекращает работу. Его рабочее время потеряно для него. Оно не принадлежит ему. Это время у него украли. Только для немногих избранных сохраняется наслаждение творческой работой. Только у немногих избранных существует сознание того, что в течение своей работы они живут своей собственной жизнью, живут так, как им хочется, что жизнь у них не украдена.

Положение масс народа часто таково, как описал его Роберт Трессел:

«Когда рабочие приходили утром на работу, они хотели, чтобы было время завтрака. Когда, позавтракав, они приступали к работе, им хотелось, чтобы было время обеда. Пообедав, они мечтали, чтобы часы показывали 1 час времени субботы. Так продолжалось день за днем, год за годом. Они хотели, чтобы их время кончилось, и не чувствовали, что они фактически желают быть мертвыми»[1].

При коммунизме все рабочее время людей, вся их жизнь принадлежат им самим.

На этот контраст указывает Уильям Моррис в своем фантастическом рассказе о будущем коммунистическом обществе. На вопрос: «Как у вас работают люди, если нет вознаграждения за труд?» — следует ответ:

«Вознаграждением за труд является жизнь. Разве этого недостаточно? Самая большая награда, это — награда творчества. Это награда бога, как могли бы сказать люди в прошлом... Счастье без ежедневного труда невозможно».

На вопрос: «Как вы добились такой счастливой жизни?» — следует такой ответ:

«Коротко говоря, благодаря отсутствию искусственного принуждения, благодаря свободе каждого человека делать то, что он может делать лучше всего, связанной со знанием того, какая продукция труда нам действительно нужна»[2].

---

[1] R. Tressell, The Ragged-Trousered Philantropists.

[2] W. Morris, News from Nowhere, ch. 15.

От ограничения развития человеческих способностей к всестороннему развитию всех человеческих способностей

3) В-третьих, социализм обнаруживает свой переходный характер в сохранении в этот период подчинения личности разделению труда.

Разделение труда является, как мы уже видели, основной чертой прогрессивного развития производства. Разделение труда доведено до очень высокой степени в современной промышленности, где весь процесс производства зависит от разделения труда на очень большое количество разнообразных трудовых процессов, как физических, так и умственных, а также от их координации.

Однако в обществах, основанных на эксплуатации, и в особенности в капиталистическом обществе, «вместе с разделением труда делится на части и сам человек. Развитию одной какой-нибудь деятельности приносятся в жертву все прочие физические и духовные способности». Это представляет собой, как отмечает Энгельс, порабощение «производителей средствами производства». Ибо «не производители господствуют над средствами производства, а средства производства господствуют над производителями»[1].

При социализме, который устанавливает общественную собственность на средства производства, рабочий не превращается в раба машины, как это было при капитализме; напротив, рабочий становится господином машины. Ассоциированные производители теперь действительно контролируют свои средства производства. Следовательно, открывается путь к преодолению ограничения развития способностей человека, вызываемого при капитализме разделением труда. Однако это длительный процесс. Он влечет за собой радикальную переподготовку рабочих: воспитание и подготовку всесторонне развитых людей, которые, являясь господами всего своего производственного процесса, не привязаны лично к какой-нибудь одной отдельной части этого процесса.

Маркс указывал, что хотя результатом капитализма является превращение рабочего в частичного рабочего, тем не менее развитие промышленного производства требует совершенно противоположного: оно требует хорошо образованных, всесторонне развитых рабочих, которые смогли бы выполнять новые функции, отвечающие развитию новой техники. Современная промышленность «постоянно производит перевороты в техническом базисе производства, а вместе с тем и в функциях рабочих и в общественных сочетаниях процесса труда... Поэтому природа крупной

[1] Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 275–276.

промышленности обусловливает перемену труда, движение функций, всестороннюю подвижность рабочего». Крупная промышленность «как вопрос жизни и смерти, ставит задачу... частичного рабочего, простого носителя известной частичной общественной функции, заменить всесторонне развитым индивидуумом, для которого различные общественные функции представляют сменяющие друг друга способы жизнедеятельности»[1].

Свободное развитие промышленности требует таких всесторонне развитых людей, но капиталистическая эксплуатация подавляет способности человека. Ибо такие люди могут расцвести, лишь будучи господами промышленности, а не наемными рабами.

При социализме начинается процесс ликвидации подчинения личности разделению труда и создание всесторонне развитых индивидуумов. Такие и только такие люди являются творцами великих новых производительных сил коммунизма. В этом отношении социализм опять-таки есть первая фаза коммунизма: в процессе социалистического производства создается новый человек — человек коммунистического общества.

Ликвидация существенного различия между городом и деревней и между умственным и физическим трудом

Старейшим, так же как и наиболее чреватым последствиями, результатом разделения труда является отделение города от деревни и умственного труда от физического.

В капиталистическом обществе это разделение труда доходит до полной противоположности. Деревня разоряется и нищает вследствие развития промышленности, торговли и кредитной системы. Умственный и физический труд противоположны друг другу: умственный труд является функцией главным образом избранных представителей эксплуататорского класса, которые содействуют сохранению угнетения и эксплуатации трудящихся, занимающихся физическим трудом. Деревня работает на город, работники физического труда — на лиц, занимающихся умственным трудом. Эта противоположность основывается на том обстоятельстве, что город эксплуатирует деревню, работники умственного труда — работников физического труда. Поэтому она выражается как антагонизм интересов.

При социализме преодолена *противоположность* между городом и деревней и между умственным и физическим трудом. Ибо, когда все производство основывается на социалистическом базисе, тогда больше не существует антагонизма между интересами

[1] К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 492, 493.

города и интересами деревни, между умственным и физическим трудом. Напротив, промышленность помогает развитию сельского хозяйства, город и деревня сотрудничают между собой. Точно так же интеллигенция не является больше в основном представительницей эксплуататорского класса, она вышла из среды трудящихся и служит всему народу.

Тем не менее результаты отделения города от деревни и умственного труда от физического остаются и должны оставаться в течение длительного времени. Они останутся, но не как противоположности, а как *существенное различие*. Ибо деревня все еще отстает и необходимо будет в течение длительного времени отставать в экономическом и культурном отношении от города. Это остается справедливым и по отношению к интеллигенции, так как, несмотря на то, что она вышла из среды трудящихся и, как никогда, тесно связана с трудящимися, она все еще остается группой, отличающейся от работников физического труда: то, что делает интеллигенция, последние не могут делать, и наоборот.

С развитием социалистического производства эти существенные различия постепенно исчезают. Конечно, это не означает, что исчезнет всякое *различие* между городом и деревней, между умственным и физическим трудом. Естественно, город отличается от деревни, умственная работа от физической работы, как отличаются, например, лес от поля, работа шофера от работы токаря. Однако *существенные* различия исчезнут, ибо условия жизни в деревне будут подняты на тот же уровень, что и в городе (и так как в то же самое время будет покончено с грязью и скученностью в городах), ибо сельское хозяйство будет столь же высоко оснащено техникой, как и промышленность. Подобно этому уровень рабочих поднимется до уровня инженеров, техников и ученых, так что не останется какой-либо особой группы специально обученной интеллигенции.

Весь этот процесс в социалистическом обществе, на первой фазе коммунизма, осуществляется постепенно. Высшая фаза коммунизма предполагает завершение этого процесса, то есть полное уничтожение всякого подчинения людей разделению труда, полное уничтожение всех существенных различий между городом и деревней, между умственным и физическим трудом.

Это означает, что в коммунистическом обществе, где каждый будет получать по потребностям, где труд станет первой потребностью жизни и где будет покончено с подчинением людей разделению труда, будут созданы условия для наиболее полного, беспрепятственного развития способностей каждой личности.

Общество больше не ставит ограничений развитию личности, не вынуждает ее к какому-либо определенному занятию для того, чтобы она служила обществу. Напротив, общественное развитие требует полного индивидуального развития каждой личности

и содействует такому развитию. Короче говоря, как отмечали Маркс и Энгельс, «...приходит ассоциация, в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех»[1].

От различных форм собственности и классовых различий к единой ассоциации всех людей

4) Наконец, в-четвертых, социализм обнаруживает свой переходный характер в сохранении различных форм собственности и различных классов.

Социализм, отменив всякую эксплуатацию человека человеком, ликвидирует всякие эксплуататорские классы и вместе с ними всякие классовые антагонизмы. Однако это не есть ликвидация классов вообще. В социалистическом обществе остаются два различных класса: рабочие и крестьяне. Это существование классовых различий — еще одно следствие того, что социалистическое общество «сохраняет еще родимые пятна старого общества, из недр которого оно вышло».

Вся тенденция развития капитализма состоит в экспроприации всех индивидуальных производителей, в лишении их собственности на средства производства и в превращении их в наемных рабочих, в то время как капитал все более концентрируется в руках небольшого количества громадных концернов. Первым актом рабочего класса, завоевавшего власть и ставшего на путь социализма, является экспроприация крупных капиталистических концернов, превращение собственности этих концернов в общенародную собственность, в собственность всего народа.

В Англии экспроприация индивидуальных производителей осуществлена капитализмом как в сельском хозяйстве, так и в промышленности. Здесь наряду с капиталистической промышленностью существует капиталистическое сельское хозяйство. Однако во многих других странах, в которых развился капитализм или в которые он проник, несмотря на громадные различия в развитии капитализма в сельском хозяйстве, сельское хозяйство остается в основном крестьянским хозяйством, где большая часть сельскохозяйственного производства осуществляется не наемным трудом, а мелкими крестьянскими собственниками.

Можно ли при таких условиях предлагать не только экспроприацию капиталистов, превращая их собственность в общенародную собственность, не только экспроприацию помещиков, но и экспроприацию крестьян?

На этот вопрос давным-давно ответил Энгельс, отмечавший необходимость для рабочего класса создания союза с массами

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. I, стр. 28.

трудящегося крестьянства в борьбе против капиталистов и помещиков.

«...когда мы овладеем государственной властью, — писал он, — нам нельзя будет и думать о том, чтобы насильственно экспроприировать мелких крестьян... Наша задача по отношению к мелким крестьянам состоит прежде всего в том, чтобы их частное производство и частное владение перевести в товарищеское, но не насильственным путем, а посредством примера и предложения общественной помощи для этой цели»[1].

Следовательно, там, где существует класс крестьян и крестьянское производство, задача построения социализма в деревне включает в себя: а) экспроприацию помещиков, б) ликвидацию капиталистических форм ведения сельского хозяйства и эксплуатации наемного труда (то есть «ликвидация кулачества») и в) превращение мелкого индивидуального крестьянского производства в крупное кооперативное производство и индивидуальной крестьянской собственности в собственность кооперативную, а не превращение мелкой крестьянской собственности в общенародную собственность.

Следовательно, при социализме возникают:

а) Две формы социалистической собственности. «Социалистическая собственность... имеет либо форму государственной собственности (всенародное достояние), либо форму кооперативно-колхозной собственности (собственность отдельных колхозов, собственность кооперативных объединений)»[2].

Эти формы собственности являются *социалистическими* формами собственности, ибо благодаря этим формам ассоциированные производители сообща владеют своими средствами производства, сообща распоряжаются продуктом, работают на самих себя, а не на эксплуататоров и получают по своему труду.

Существенное различие между этими формами собственности сводится к различию между государственными, или общенародными, предприятиями, являющимися общенародным достоянием, и кооперативными предприятиями, принадлежащими отдельным группам людей.

б) Соответственно этим двум формам собственности существуют два класса: рабочие, занятые на общенародных предприятиях, являющихся собственностью всего народа, и крестьяне, являющиеся совладельцами кооперативных предприятий.

Эти классы являются *новыми* классами, классами социалистического общества. Социалистический рабочий класс есть новый рабочий класс. Это не эксплуатируемый пролетариат, лишенный

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, стр. 414–415.

[2] Конституция (основной закон) Союза Советских Социалистических Республик, Госюриздат, М., 1954, ст. 5.

средств производства и продающий свою рабочую силу капиталистам, а такой рабочий класс, который владеет совместно со всем народом средствами производства. Социалистическое крестьянство есть также новое крестьянство, освободившееся от эксплуатации помещиков и посредников, такое крестьянство, которое базирует свою работу и свое достояние не на единоличном труде и отсталой технике, а на коллективном труде и современной технике. И в основе хозяйства этого крестьянства лежит не частная собственность, а коллективная собственность.

Таким образом, те же самые лица или их дети, которые принадлежали к старому рабочему классу и крестьянству, составляют теперь новый рабочий класс и новое крестьянство, они являются новыми классами, возникшими на основе социалистических производственных отношений и занявшими место старых классов, которые исчезли вместе с исчезновением старых производственных отношений.

Эти классы являются дружественными, неантагонистическими классами. Ни один класс не эксплуатирует другой. Они участвуют в обмене экономической деятельностью в равной степени в интересах каждого класса.

В то же самое время рабочий класс является руководящим классом. Он играет решающую, руководящую роль в строительстве социализма. Это потому, что рабочие в силу своего классового положения были руководящей силой в борьбе против капитализма, и потому, что они связаны, как мы увидим ниже, с *более высокой* формой социалистической собственности, именно с общенародной собственностью.

Хотя существование кооперативной собственности наряду с общенародной и, следовательно, существование двух классов способствует развитию социалистического производства, переход к высшей стадии коммунизма влечет за собой необходимость установления единой формы собственности, именно общенародной собственности и, следовательно, необходимость ликвидации всяких классовых различий.

Принцип коммунизма: «каждому по его потребностям», — предполагает, как отмечали Маркс и Энгельс, что «все производство сосредоточится в руках ассоциации индивидов»[1], которая будет планировать производство во всех отраслях хозяйства в соответствии с потребностями людей. Подобно этому весь общественный продукт можно будет распределять в соответствии с потребностями людей, поскольку весь этот общественный продукт будет находиться в распоряжении той же «ассоциации». Однако это влечет за собой объединение в единое целое государственного производства и производства кооперативного. Коммунистическое

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, стр. 447.

общество есть бесклассовое общество, где все в соответствии со своими способностями в равной степени участвуют в единой организации общественного производства и в равной степени получают в зависимости от потребностей.

Противоречие между производительными силами и производственными отношениями при переходе к коммунизму. Конец товарного производства

Следовательно, переход от первой фазы коммунизма к высшей фазе коммунизма влечет за собой изменения в производственных отношениях, т. е. в формах собственности. Ибо этот переход включает в себя переход от двух форм социалистической собственности к единой форме собственности.

Такое преобразование необходимо именно потому, что необходимо привести производственные отношения в соответствие с производительными силами. Ибо, по мере того как растут производительные силы социалистического общества, их дальнейшему росту препятствует наличие двух форм социалистической собственности, что в конечном счете превращается в препятствие для развития производства.

Сосуществование групповой и общенародной собственности, кооперативного, или колхозного, сельского хозяйства и промышленности, представляющей собой общенародное достояние, означает, в сущности, то, что в социалистическом обществе сосуществуют два производственных сектора. В общенародном секторе государство, представляющее все общество, управляет производством и распоряжается продуктами. В групповом секторе, напротив, управляют производством и распоряжаются продуктами отдельные группы.

Вначале социализм развивается на этой основе. Рабочий класс убеждает крестьян коллективизировать свои хозяйства и создать социалистическое, колхозное сельское хозяйство. Это – необходимая основа для развития социалистического производства в странах, где существует многочисленный класс крестьян. В течение длительного времени, пока не выявлены все производственные потенции группового, или кооперативного, производства, необходимо продолжать развитие социалистического производства на этой основе.

Однако, тем не менее, наступает время, когда сосуществование двух производственных секторов, общенародного и кооперативного производства, становится помехой для дальнейшего развития производства. Почему? Существует две стороны этого вопроса.

1) Во-первых, сосуществование двух производственных секторов связано с производством продуктов в качестве товаров, так сказать, с производством их для продажи на рынке любому покупателю. При социализме рабочая сила перестала быть товаром. Перестали быть товарами также и средства производства, за исключением тех средств производства, которые произведены для внешней торговли. Однако предметы личного потребления могут и продолжают производиться в качестве товаров, пока продолжают существовать условия, создающие рынок для таких товаров.

Такие условия создаются сосуществованием групповых, или кооперативных, предприятий в сельском хозяйстве наряду с общенародными предприятиями в промышленности. Так как продукция групповых предприятий принадлежит отдельным группам, а не всему обществу и эти группы, а не все общество распоряжаются этой продукцией, то, следовательно, группы не могут не распоряжаться этой продукцией, продавая ее в качестве товаров и, в свою очередь, покупая другие продукты, как товары.

Отсюда следует, что предметы личного потребления, необходимые для восстановления рабочей силы, затраченной в процессе производства, продолжают производиться и продаваться в качестве товаров.

Этот способ распределения предметов личного потребления в социалистическом обществе будет продолжать действовать до тех пор, пока принципом распределения будет социалистический принцип: «каждому по его труду». Однако, когда производство начнет приближаться к такому уровню, когда продукты можно будет распределять по потребности, тогда форма распределения, соответствующая производству продуктов в качестве товаров, больше не будет соответствовать потребностям производства. Она становится помехой. Поэтому, чтобы люди не покупали на рынке предметы личного потребления для восстановления рабочей силы, затраченной в процессе производства, все продукты должны находиться в распоряжении общества для распределения по потребностям.

Следовательно, на этой ступени тот строй, где групповые, кооперативные предприятия сосуществуют с общенародными предприятиями, распоряжаясь своей собственной продукцией и продавая ее в качестве товаров, должен быть заменен строем, где все продукты находятся в распоряжении единой ассоциации всего народа.

2) Во-вторых, сосуществование групповых, или кооперативных, предприятий в сельском хозяйстве наряду с общенародными предприятиями в промышленности означает, что все производство еще не может управляться единым общественноэкономическим центром, который непосредственно планировал бы все производство.

Напротив, планирование производства должно происходить косвенными способами, путем поощрения определенного объема и направления кооперативного, крестьянского производства путем предоставления крестьянам подходящих экономических стимулов в форме цен.

Поэтому опять-таки по мере того, как производство приближается к уровню производства изобилия, система двух форм социалистической собственности и двух производственных секторов, которая вначале помогает росту социалистического производства, становится затем препятствием.

То, что в конечном счете необходимо, — это единая ассоциация всего народа, управляющая всеми отраслями производства, как единой производственной системой, в целях удовлетворения всех потребностей.

Поэтому было бы неправильным считать, что с установлением социалистического экономического базиса больше не существует никаких противоречий между производительными силами и производственными отношениями. Напротив, такие противоречия существуют, и они должны быть разрешены путем дальнейших преобразований производственных отношений, путем превращения всей собственности в собственность всего общества. Однако этот коренной переход в противоположность коренным переходам прошлого осуществляется постепенно, путем общественного соглашения, поскольку больше не существует антагонистических классов и поскольку в осуществлении этого перехода одинаково заинтересованы все члены общества.

Следовательно, если в социалистическом обществе, на первой фазе коммунизма, предметы потребления могут и действительно должны все еще производиться как товары, то на высшей фазе коммунизма они должны перестать производиться как товары. Подобно этому, если в социалистическом обществе могут существовать групповая, или кооперативная, собственность наряду с собственностью общенародной; колхозный сектор производства наряду с промышленностью, где существует общенародная собственность на средства производства, и, следовательно, два класса: рабочие и крестьяне, — то в коммунистическом обществе существует лишь общенародная собственность, единая форма собственности, охватывающая собой как область промышленности, так и сельского хозяйства, и не существует классов.

Всегда ли необходимо существование двух форм собственности, двух классов на первой ступени социализма? Должен ли переход от социализма к коммунизму неизбежно и всегда повлечь за собой изменение в отношениях собственности?

Нет. В странах, «где капитализм и концентрация производства достаточно развиты не только в промышленности, но и в сельском

хозяйстве для того, чтобы экспроприировать *все* средства производства страны и передать их в общенародную собственность»[1], не будут существовать две формы социалистической собственности и поэтому не потребуется дальнейшего коренного изменения в отношениях собственности. Иначе говоря, этого не будет в тех странах, где вслед за ликвидацией капиталистической эксплуатации не будет необходимости устанавливать групповую собственность наряду с собственностью общенародной.

Такой страной могла бы быть Англия. Англия могла бы миновать эту стадию при переходе к коммунизму на основании опыта других стран.

Условия для перехода от социализма к коммунизму

Чтобы подготовить переход к коммунизму, необходимо сделать следующее:

1) поднять производство до такого уровня, когда можно будет удовлетворить полностью потребности всех,

2) сосредоточить все производство и весь продукт в руках ассоциации всего народа и

3) создать необходимые условия для того, чтобы превратить труд в первую потребность жизни и ликвидировать всякое подчинение людей разделению труда.

Задачей общества на стадии социализма является обеспечение постепенного создания условий, необходимых для продвижения к коммунизму. При коммунизме впервые возникнет возможность удовлетворения потребностей всех и впервые создастся возможность для всех в полной мере развивать все свои способности.

1) Первым условием является непрерывный рост всех отраслей общественного производства для того, чтобы все, наконец, производить не только в достаточном количестве, но и в изобилии. Для этого необходим преимущественный рост производства средств производства, чтобы обеспечить народное хозяйство необходимым техническим оборудованием.

2) Второе условие состоит в том, чтобы товарное обращение путем постепенных переходов заменить системой продуктообмена.

Там, где существует не только общенародная, но и колхозная (кооперативная, или групповая) собственность, это означает, что необходимо поднять колхозную собственность до уровня общенародной собственности. Таким путем, без конфискации или подобных крутых мер, в конце концов будет достигнуто такое положение, когда работники сельского хозяйства и промышленные рабочие будут одинаково участвовать в единой организации общественного производства.

[1] И. Сталин, Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 11.

3) Третье условие состоит в том, что необходимо добиться такого культурного роста общества, который бы обеспечил всем членам общества всестороннее развитие их физических и умственных способностей.

Маркс указывал, что люди всегда должны тратить время на производство, чтобы удовлетворять свои потребности. После того как ликвидирована эксплуатация человека человеком, люди, пишет Маркс, совершают свой обмен веществ с природой «с наименьшей затратой силы и при условиях, наиболее достойных их человеческой природы и адекватных ей. Но тем не менее это все же остается царством необходимости. По ту сторону его начинается развитие человеческой силы, которое является самоцелью, истинное царство свободы, которое, однако, может расцвесть лишь на этом царстве необходимости, как на своем базисе. Сокращение рабочего дня – основное условие»[1].

Следовательно, сокращение рабочего дня при социалистическом производстве есть основное мероприятие и условие, без которого невозможно добиться всестороннего развития физических и умственных способностей людей. Это всестороннее развитие, как подчеркивает Маркс, является самоцелью. Целью всестороннего развития людей не является развитие производства. Напротив, технический прогресс производства, включая возможность сокращения рабочего дня, служит делу обеспечения этого всестороннего развития людей. Люди производят не для производства, а для удовлетворения своих потребностей. Тогда и только тогда труд будет превращен в глазах членов общества из обузы в первую жизненную потребность.

Нужно, далее, ввести общеобязательное политехническое обучение. Это означает, что основное образование, которое будут получать все члены общества, будет включать в себя как существенную часть приобретение знаний относительно принципов, лежащих в основе производственной техники общества. Это будет делаться с той целью, чтобы все имели возможность свободно выбирать профессию и не быть прикованными на всю жизнь к одной какой-либо профессии и, более того, являлись бы не просто исполнителями заученной наизусть задачи, а хозяевами производственного процесса, что является условием для подлинно творческого труда и для получения наслаждения от труда.

Нужно, дальше, коренным образом улучшить жилищные условия и поднять реальную зарплату рабочих и служащих.

Это необходимо для того, чтобы все жили и работали, как говорил Маркс, «при условиях, наиболее достойных их человеческой природы и адекватных ей».

---

[1] К. Маркс, Капитал, т. III, стр. 833.

После того как будут выполнены все эти условия, тогда:

«На высшей фазе коммунистического общества, после того как исчезнет порабощающее человека подчинение его разделению труда; когда исчезнет вместе с этим противоположность умственного и физического труда; когда труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой потребностью жизни; когда вместе с всесторонним развитием индивидов вырастут и производительные силы и все источники общественного богатства польются полным потоком, лишь тогда можно будет совершенно преодолеть узкий горизонт буржуазного права, и общество сможет написать на своем знамени: Каждый по способностям, каждому по потребностям!»[1].

Итак, цель социалистического общества есть построение коммунизма. Это означает, что общественное производство возрастает в такой мере, что производится изобилие продуктов для удовлетворения всех потребностей всех членов общества; что покончено с подчинением личности разделению труда и каждая личность свободна развить полностью все свои физические и умственные способности; что труд перестал быть лишь необходимым средством обеспечения жизни, а сам стал первой жизненной потребностью; что общенародная собственность стала основой общества; что все средства жизни и наслаждения предоставляются обществом всем человеческим существам.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, стр. 15.

Глава X

ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ РАЗВИТИЯ ОТ СОЦИАЛИЗМА К КОММУНИЗМУ

При построении социализма продолжает существовать классовая борьба. Вначале рабочие и крестьяне ведут борьбу за полную ликвидацию низвергнутых эксплуататорских классов, а затем борьбу за ликвидацию всех последствий и пережитков прошлой эксплуатации.

В этой борьбе взгляды и учреждения социалистической надстройки играют очень важную роль. Социалистическая надстройка отличается от надстроек ранее существовавших обществ тем, что социалистические взгляды и учреждения развиваются:

1) с сознательной целью построения и укрепления социалис

тического базиса, 2) при небывало широком участии трудящихся, 3) с помощью критики и самокритики, основывающихся на

общих интересах, и 4) в целях облегчения перехода к высшему строю общества, к коммунизму.

Государство, в качестве органа власти трудящихся, и партия, как передовой отряд трудящихся, играют в строительстве социализма и при переходе к коммунизму ведущую роль.

Всеобщий закон развития общества

Маркс сформулировал всеобщий закон развития общества следующим образом:

«В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения – производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обусловливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание. На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или – что является только юридическим выражением этого – с отношениями собственности, внутри которых они до сих

пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке... Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые, высшие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в лоне самого старого общества. Поэтому человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может разрешить, так как при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что сама задача возникает лишь тогда, когда материальные условия ее решения уже существуют или, по крайней мере, находятся в процессе становления... Буржуазные производственные отношения, это — последняя антагонистическая форма общественного процесса производства, антагонистическая не в смысле индивидуального антагонизма, а в смысле антагонизма, вырастающего из общественных условий жизни индивидов; но развивающиеся в недрах буржуазного общества производительные силы создают вместе с тем материальные условия для разрешения этого антагонизма. Этой общественной формацией завершается поэтому предыстория человеческого общества»[1].

В этих положениях Маркса сформулированы в наиболее общем виде, но со строгой научной точностью основные законы, регулирующие развитие человеческого общества. Поэтому эти положения являются ключом к пониманию развития общества и в настоящее время. Они также являются ключом к пониманию того, как будет развиваться общество в будущем, ключом к пониманию того, как будет продолжаться общественный прогресс.

В этих положениях Маркс показал, как со времени разложения первобытно-общинного строя производство приняло антагонистические формы и развивалось через ряд революций, каждая из которых становилась необходимой, когда развивающиеся производительные силы приходили в противоречие с существовавшими производственными отношениями. Движущей силой всего этого развития была классовая борьба, которая, пройдя через ряд стадий, достигает высшей точки при победе рабочего класса в социалистической революции. Отменяя капиталистическую собственность и устанавливая общенародную собственность на средства производства, социалистическая революция расчищает путь для перехода к бесклассовому обществу, свободному от социальных антагонизмов.

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. I, стр. 322, 323.

Таким образом, Маркс доказал, что разделение на классы и классовая борьба относятся лишь к определенному историческому периоду — к продолжительному периоду родовых мук, — который он называет «предысторией человеческого общества». Эта предыстория оканчивается с победой социализма. С этого времени все общественное производство все в большей степени переходит под сознательный общественный контроль.

Однако это не значит, что законы общественного развития перестали действовать.

Остается верным, что люди, осуществляя производство, вступают в определенные производственные отношения, которые должны соответствовать характеру производительных сил.

Остается верным, что сознание людей определяется их общественным бытием.

Остается верным, что вместе с развитием производства должны возникать новые общественные задачи.

Однако, вместо того чтобы пробивать себе путь через классовые столкновения, кризисы и катастрофы, через крушение человеческих надежд, законы общественного развития теперь используются ассоциированным человечеством все с большей степенью сознания в интересах всего общества, чтобы претворить в жизнь надежды людей.

Объединенные на основе общих интересов, люди полностью контролируют ход общественного развития. Они управляют им с помощью знаний своих потребностей и подлинных условий своего общественного существования.

В этой и следующей главе мы рассмотрим законы развития в социалистическом и коммунистическом обществе. Сперва мы рассмотрим движущие силы, или основные факторы, на основе которых происходит развитие, а затем мы рассмотрим планомерный характер развития. Мы увидим, что построение социализма и переход к коммунизму осуществляют рабочий класс и класс крестьян, руководимый рабочим классом. Мы увидим, что все общественное производство все в большей степени развивается по согласованному обществом плану.

Законы классовой борьбы при переходе от капитализма к коммунизму

При переходе от капитализма к коммунизму окончательно уничтожаются сначала классовые антагонизмы, а затем и все классы. Всякая эксплуатация человека человеком ликвидируется без остатка.

Мы видели, что первым шагом и важнейшим условием победы социализма является завоевание власти рабочим классом, который во главе большинства трудящегося народа свергает господство

последнего эксплуататорского класса, господство класса капиталистов.

После этого задачей рабочего класса и его союзников является постепенная ликвидация капиталистической и других форм эксплуатации и перевод всего производства на социалистическую основу. После завоевания рабочим классом власти капитализм и даже докапиталистические формы экономики, конечно, существуют и даже в довольно большом размере. Ибо даже после национализации крупных капиталистических предприятий почти во всех странах останется большое количество мелких капиталистических предприятий и мелкотоварное производство, которые нельзя сразу и подобным образом национализировать.

Поэтому отсюда следует необходимость периода борьбы за установление социализма, во время которого должны быть выполнены три основные экономические задачи:

1) расширить социалистическую государственную промышленность,

2) подчинить остающиеся капиталистические предприятия строгому государственному контролю, сначала направляя их в общественно полезные каналы, а затем постепенно преодолевая их и заменяя государственными или кооперативными предприятиями,

3) обеспечить мелких производителей усовершенствованными орудиями производства, постепенно склоняя их вступать в формы кооперативного производства с тем, чтобы поднять производительность труда и жизненный уровень.

Когда эти задачи будут выполнены, тогда будет осуществлено создание социалистического экономического строя. Тогда будет установлена социалистическая собственность на все основные средства производства и будет ликвидирована всякая эксплуатация человека человеком.

По своему характеру подобный процесс является процессом продолжающейся классовой борьбы, которую ведут рабочим класс и его союзники.

«Классовая борьба не исчезает при диктатуре пролетариата, — писал Ленин, — а лишь принимает иные формы»[1].

Лишенные собственности крупные капиталисты борются всеми доступными для них средствами, чтобы возвратить свои утраченные позиции, используя любые экономические трудности и разногласия. В частности, они опираются на продолжающий еще существовать многочисленный класс мелких эксплуататоров в секторе мелкотоварного капитализма и на неизбежные колебания и на неуверенность мелких производителей. В этих условиях, до

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 30, стр. 94.

тех пер пока не будет преодолено сопротивление капиталистов, происходит острая классовая борьба.

Однако дело обстоит не так, будто бы при любых обстоятельствах и на всех ступенях борьба за построение социализма представляет собой процесс острой классовой борьбы. Напротив, в том случае если активное с применением насилия сопротивление, инспирированное крупными капиталистами, преодолено или в том случае, если такого сопротивления не было возможности организовать, политика рабочего класса состоит в том, чтобы найти такие компромиссы и соглашения, которые облегчат и ускорят процесс построения социализма, а не в том, чтобы вести фронтальную атаку против других классов. Так, например, в настоящее время в Китае народное правительство не обостряет борьбы против оставшихся национальных капиталистических элементов внутри страны, а ищет формы сотрудничества с ними – и оно делает это не ради сохранения капитализма, а ради ускорения перехода к социализму.

Следовательно, законы классовой борьбы в переходный период являются сложными и изменчивыми, и просто теория обострения классовой борьбы при всех условиях, до тех пор пока не будут окончательно сломлены всякие следы сопротивления, является ложной теорией.

Только с окончательной победой социализма кладется конец всяким проявлениям классовых антагонизмов внутри данной страны. Но даже в этот период, пока социализм победил лишь в некоторых странах (как это имеет место в настоящее время), силы капитализма, действуя извне, продолжают использовать какие угодно средства, чтобы помешать строительству социализма. Однако эти силы потеряли уже поддержку со стороны какого-нибудь класса внутри социалистической страны, хотя они могут временно получить поддержку некоторых отдельных лиц. В этих условиях, принимая все необходимые меры для безопасности и обороны, социалистические страны проводят гибкую политику борьбы за мирное сосуществование с капиталистическими державами и политику мирного соревнования между социализмом и капитализмом.

Однако конец эксплуататорских классов и, таким образом, борьбы против них еще не означает, что уже покончено со всеми пережитками эксплуататорской системы. Когда что-либо ликвидируется, то некоторые последствия этого остаются, так как следствия переживают причины. Следовательно, борьба за ликвидацию этих существующих еще последствий должна продолжаться.

В основном эти пережитки заключаются в: а) продолжающемся подчинении людей разделению труда со всеми его сторонами и последствиями, о которых мы говорили в предыдущей главе,

б) идеологических пережитках, то есть в сознании людей продолжают существовать буржуазные взгляды и привычки.

Борьба за ликвидацию этих пережитков ведется тремя возможными путями: а) экономически — путем усиления дела социалистического строительства, б) политически — путем проведения небывало широкой демократизации всей правительственной и административной работы сверху донизу, в) идеологически — путем проведения социалистического воспитания всего общества.

Какого рода эта борьба? Является ли она все еще классовой борьбой?

Да, это классовая борьба, поскольку она ведется определенными классами — именно рабочим классом и крестьянством, под руководством рабочего класса. Однако это не есть борьба *между* классами, так как она не направлена против какого-либо другого класса. Эксплуататорские классы уже полностью уничтожены, и эта борьба направлена на уничтожение оставшихся последствий прошлой эксплуатации. Это есть борьба рабочего класса и крестьянства под руководством рабочего класса за то, чтобы все общество привести к коммунизму.

В бесклассовом, коммунистическом обществе люди будут с полным сознанием контролировать весь ход общественного развития. Они будут полностью хозяевами своей собственной общественной организации. Однако на всей фазе перехода от капитализма к коммунизму все это может быть осуществлено лишь частично: дело идет к этому, но этого еще нет. Ибо когда продолжается борьба, чтобы покончить со всеми формами эксплуатации и ликвидировать пережитки прошлой эксплуатации, нельзя сказать, что люди уже целиком являются господами своей собственной общественной организации. Напротив, они все еще лишь частично являются ее господами. Ибо развитие социалистического общества все еще является развитием, которое происходит благодаря деятельности и борьбе определенных классов, и в этом смысле развитие социалистического общества все еще происходит посредством классовой борьбы.

Роль надстройки в развитии социалистического общества

Согласно учению марксизма, именно «способ производства материальной жизни» всегда «обусловливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще», так что на основе данной экономической структуры общества возникает соответственная надстройка взглядов и учреждений. Надстройка, являющаяся всегда продуктом базиса, существует для того, чтобы обслуживать базис, помогать ему оформиться и укрепиться, ликвидировать остатки старых производственных отношений.

Это остается верным и в период перехода от капитализма к коммунизму, в социалистическом обществе.

Вообще социализм не может появиться на свет без развития социалистических взглядов, которые поднимают и мобилизуют массы на борьбу против капитализма и указывают путь к победе, и без соответственных массовых организаций. При завоевании власти рабочий класс и его союзники преобразуют учреждения общества, создают учреждения, которые соответствуют потребностям строительства социализма, а социалистические взгляды становятся господствующими, преобладающими взглядами общества. Таким образом, борьба против капитализма за социализм имеет своим результатом то, что если, как говорил Маркс, наконец, уничтожается старый базис, тогда сравнительно быстро происходит переворот во всей надстройке. Надстройка социалистических взглядов и учреждений вступает в действие. И функция этих взглядов и учреждений состоит именно в том, чтобы служить делу строительства и укрепления социалистической экономики и ликвидации остатков капитализма.

Марксизм всегда подчеркивал положительную, активную роль надстройки в общественном развитии. Социалистические учреждения и взгляды играют в деле построения социализма наиболее активную роль, направляя, организуя и мобилизуя людей на выполнение общественных задач.

Капиталистические учреждения и взгляды существуют для того, чтобы поддерживать и укреплять капиталистические отношения собственности. Они служат сохранению эксплуатации, делу подавления и обмана большинства общества. Социалистические учреждения и взгляды существуют для того, чтобы ликвидировать эксплуатацию, существуют для подавления меньшинства (когда, однако, будет ликвидирована всякая эксплуатация, то необходимость в принуждении начнет исчезать), для просвещения народа.

Следовательно, социалистическая надстройка имеет особые, новые отличительные черты, благодаря которым она становится новым типом надстройки, отличающейся от надстроек в обществах, основанных на классовой эксплуатации.

В обществах, основанных на классовой эксплуатации, надстройка служила делу эксплуатации большинства общества со стороны господствующего эксплуататорского класса. Напротив, в социалистическом обществе надстройка служит борьбе за уничтожение эксплуатации и за укрепление и развитие экономики без эксплуатации, экономики, основанной на общественной собственности на средства производства и имеющей своей целью все более полное удовлетворение материальных и культурных потребностей всего общества. Это составляет сущность социалистической надстройки и определяет ее роль в развитии социалистического общества.

Каковы наиболее яркие, новые отличительные черты социалистической надстройки?

1) Социалистические взгляды и учреждения развиваются с сознательной целью помочь народу удовлетворять свои потребности

Трудящиеся, отобрав власть у эксплуататоров, приступают к созданию базиса социалистического общества. Они делают это обдуманно, с полным сознанием своей цели, — именно сознательно стремясь заменить капиталистическую экономику экономикой социалистической.

В этом отношении весь процесс создания и укрепления социалистического базиса совершенно не похож на процесс создания любого предшествующего базиса, — совершенно не похож, например, на процесс рождения и укрепления капитализма.

Каким образом возник в качестве экономической системы капитализм? Он возник не путем завоевания власти классом капиталистов и затем обдуманного и сознательного создания капиталистической экономики. Напротив, капиталистическое производство и вместе с ним класс капиталистов стихийно развились внутри феодального общества. После известного периода времени класс капиталистов, став сильным и испытывая давление феодального господства, восстал против феодальных господ и сам взял на себя руководство обществом. И тогда, конечно, экономические силы капиталистического развития, больше уже не сдерживаемые феодальными путами, гораздо быстрее устремились вперед.

Никогда ни один вождь класса капиталистов не говорил: «Мы теперь приступим к строительству капитализма». Не говорили ничего подобного ни Оливер Кромвель в 1649 г., ни Вильгельм Оранский в 1688 г., ни лорд Грей в 1832 г. Но Ленин в ноябре 1917 г. заявил: «Наша задача состоит в том, чтобы идти к социализму».

Стало быть, социалистический базис в отличие от базиса капиталистического создается обдуманно, с полным сознанием цели.

Это различие обусловливает также большие различия в характере и в развитии социалистических и буржуазных идей. Буржуазные идеи развивались в результате стихийного процесса, без какой-либо осознанной цели найти пути и средства для установления и построения капитализма. Напротив, социалистические идеи развиваются в ходе борьбы рабочего класса против капитализма, в процессе научного исследования строя общества и законов его развития, главным образом для того, чтобы полученные в результате этого исследования научные выводы могли служить борьбе за уничтожение капитализма и борьбе за установление и построение социализма.

Эти научные социалистические идеи становятся затем руководящими, господствующими идеями социалистической надстройки. А государство и другие учреждения социалистического общества развиваются затем в соответствии с этими идеями – в соответствии с осознанием действительных нужд развития социалистического общества. Таким образом, политические, философские, юридические, литературные и художественные взгляды – вся социалистическая надстройка – развиваются в сознательных целях служения развитию социализма и проверяются тем, выполняют они или не выполняют эту цель.

Конечно, старые буржуазные взгляды продолжают все еще существовать. Между рождающимися элементами новой социалистической надстройки и умирающими элементами старой капиталистической надстройки происходит длительная борьба. Сознательная цель этой борьбы состоит в обеспечении того, чтобы надстройка служила укреплению нового базиса и ликвидации старого.

2) Социалистические взгляды и учреждения развиваются при небывало широком участии трудящихся

В обществе, основанном на эксплуатации человека человеком, господствующие взгляды тем или иным способом служат оправданию эксплуатации, служат тому, чтобы заставить людей примириться с эксплуатацией. Подобно этому учреждения общества служат сохранению господства эксплуататорского меньшинства над эксплуатируемым большинством. Следовательно, в основном взгляды эксплуататорского общества являются пристрастными и вводящими в заблуждение взглядами меньшинства, взглядами, которые *навязываются* большинству, а учреждения эксплуататорского общества являются учреждениями обмана и принуждения.

Совершенно иначе обстоит дело в социалистическом обществе. Тут господствующие взгляды служат освобождению народа от эксплуатации, указывают ему, как надо объединиться в свободной ассоциации для того, чтобы обеспечить все более полное удовлетворение всех материальных и культурных потребностей народа. Той же цели служат и учреждения общества.

Следовательно, взгляды и учреждения социалистического общества не навязаны народу, а, напротив, являются его собственными взглядами и учреждениями и соответствуют его самым глубоким стремлениям и интересам.

Следовательно, целью социалистического общества является привлечение все более широких масс народа к управлению общественными учреждениями с тем, чтобы эти учреждения были на деле собственными учреждениями народа, а не такими учрежде-

ниями общества, которые управляются привилегированным меньшинством (как это наблюдается в капиталистическом обществе даже при условии, если все члены этого общества имеют право голоса). Цель социалистического общества состоит также в том, чтобы организовывать все более широкие общенародные обсуждения и дискуссии по различным вопросам с тем, чтобы взгляды этого общества были на деле собственными взглядами людей, а не такими взглядами общества, которые вырабатываются избранными интеллигентами (стремящимися опутать своими идеями массы, которые, как предполагается, прислушиваются к ним с уважением, как, например, в «народных» дискуссиях, проводимых Британской радиовещательной корпорацией).

Естественно, что взгляды и учреждения социалистического общества в результате небывало широкого участия народа в их формировании обогащаются во много раз.

3) Социалистические взгляды и учреждения развиваются путем критики и самокритики

В капиталистическом и других обществах, основанных на эксплуатации человека человеком, взгляды и учреждения общества не проверяются в своем развитии тем, способствуют ли они тому, чтобы человечество поняло действительные условия жизни, и дают ли они возможность людям осуществлять свои общие интересы, удовлетворять свои материальные и культурные потребности. Напротив, они проверяются тем, служат ли они интересам господствующего класса. Таким образом, развитие взглядов и учреждений осуществляется в конечном счете путем столкновений и конфликтов противоположных интересов в обществе и путем столкновений различных устремлений, проистекающих из противоречий, в которые постоянно вовлекается господствующий класс. И чем больше старый базис превращается в оковы общественного развития, тем более тягостными становятся общественные учреждения и тем более обскурантистскими и лживыми становятся взгляды.

Напротив, социалистический базис представляет собой основу для совместного сотрудничества людей в целях удовлетворения своих постоянно растущих материальных и культурных потребностей. Живя в таком обществе, люди ничего не могут получить от взглядов, которые каким-либо образом искажают, извращают или фальсифицируют вещи. Напротив, чем истиннее, отчетливее и полнее их понимание природы и общества, тем лучше их взгляды служат их общественным целям. И подобно этому целью развития учреждений социалистического общества является развитие таких учреждений, которые наилучшим образом дали бы людям возможность совместно сотрудничать для обеспечения

все более полного удовлетворения всех их материальных и культурных потребностей.

Следовательно, взгляды и учреждения социалистического общества проверяются в своем развитии именно тем, способствуют ли они пониманию человечеством действительных условий жизни и дают ли они людям возможность осуществить свои общие интересы, удовлетворить свои культурные и материальные потребности.

Несомненно, что не все взгляды, которые в действительности выдвигаются, являются во всех отношениях правильными взглядами. И не все установленные в действительности учреждения являются хорошими во всех отношениях учреждениями. К тому же по мере развития социализма должна возникать потребность в дальнейшем развитии взглядов и учреждений общества, соответствующих дальнейшим потребностям общественного развития и служащих этим потребностям.

Как, следовательно, осуществляется в социалистическом обществе необходимое развитие надстройки? Не так, как в обществах, основанных на эксплуатации, – не путем конфликтов, основанных на противоречивых, противоположных интересах, а путем критики и самокритики, основывающихся на общности интересов.

Вообще, только применяя критику и самокритику, люди могут добиваться лучших результатов при проведении любого совместного мероприятия, ибо только отсюда может прийти умение выполнять работу все лучше и лучше. Итак, только с помощью критики и самокритики может развиваться надстройка взглядов и учреждений, достойных социалистического общества и адекватных ему.

Основным принципом развития взглядов, а также учреждений социалистического общества является, следовательно, принцип критики и самокритики.

4) Социалистические взгляды и учреждения облегчают переход к коммунизму

Функция надстройки всех предшествующих обществ состояла в сохранении существующего общественного строя. Поэтому, когда развитие производства приходит в конфликт с существующими производственными отношениями, надстройка становится все более реакционной, препятствуя необходимым общественным преобразованиям.

Развитие социалистического производства, как мы видели, вызывает необходимость целого ряда глубоких общественных преобразований, ведущих, в конце концов, к появлению высшей стадии – коммунизма. Так, весь процесс производства и распределения должен управляться единой «ассоциацией индивидуумов», должно исчезнуть всякое подчинение личности разделению

труда, должно исчезнуть товарное производство, а право каждого на получение по труду, отданному обществу, должно быть заменено правом каждого получать все, что ему нужно.

Не может быть сомнения, что надстройка социалистического общества, когда оно вначале выходит из капиталистического общества, не соответствует этим высшим потребностям коммунизма. Например, при социализме взгляды, равно как и учреждения, по своей сути обязаны охранять право получать строго по затраченному труду, что противоречит праву получать по потребности.

Что же произойдет тогда, когда начнут созревать материальные условия для перехода к коммунизму? Начнут ли тогда эти взгляды и учреждения общества играть реакционную роль? Начнут ли они тогда препятствовать, вместо того чтобы способствовать, дальнейшему прогрессу общественной жизни?

Нет. Ибо социалистическая надстройка создается с сознательной целью, чтобы помогать людям удовлетворять свои общественные потребности. Она создается всем народом и контролируется в своем развитии с помощью критики и самокритики. Так что, когда опыт покажет, что необходимо произвести преобразования, тогда можно будет обсудить и решить, какой характер должны будут иметь эти преобразования, а те взгляды и учреждения, которые больше не служат этой цели, можно будет изменить.

Следовательно, когда известные взгляды и учреждения больше уже не соответствуют изменившимся потребностям общественного развития, их можно будет в нужный момент изменить без конфликтов, путем критики и самокритики. И, кроме того, основные взгляды социалистического общества суть взгляды, предусматривающие переход к коммунизму.

Короче говоря, служа оформлению и укреплению социалистического базиса и упразднению остатков капиталистического базиса, надстройка в социалистическом обществе также способствует переходу от социализма к коммунизму.

Государство и партия, как наиболее могущественные орудия построения социализма и обеспечения перехода к коммунизму

Наиболее важную роль в социалистической надстройке и, таким образом, во всем управлении и во всей организации жизни в социалистическом обществе играют государство и партия. Они действительно являются наиболее могучими орудиями построения социализма и обеспечения перехода к коммунизму. Не будь государства и партии, нельзя было бы построить социализм и обеспечить переход к коммунизму, несмотря на то, что, когда партия и государство выполнят свое назначение, они исчезнут со сцены.

Мы видели, что развитие социалистического общества осуществляется все еще на основе деятельности классов. Вот почему роль социалистического государства и партии имеет такое великое и всеохватывающее значение. Для победы рабочего класса и его союзников требуется государство, чтобы проводить в жизнь и осуществлять их цели, и партия, чтобы возглавлять борьбу и руководить ею.

Каковы среди всех разнообразных форм, возможных для социалистического государства, его основные отличительные особенности?

1) Социалистическое государство есть орган власти рабочего класса и его союзников.

Эта власть осуществляется для того, чтобы: а) ликвидировать сопротивление эксплуататоров, б) руководить строительством социализма, в) защищать социалистическую собственность и личную собственность граждан от посягательств со стороны отдельных лиц или групп внутри страны или от враждебных иностранных сил.

2) Социалистическое государство есть орган всего трудящегося народа, а не угнетательского меньшинства. Следовательно, это есть государство совершенно нового типа, государство, которое является не орудием господствующей группы, а орудием господства трудящихся масс.

Социалистическое государство учреждается народом. При этом народ разрушает прежнюю «бюрократически-военную государственную машину»[1], с помощью которой осуществлялось господство капиталистов и помещиков, и завоевывает демократию.

«Целью нашей, – писал Ленин в 1917 г., – является *поголовное* привлечение *бедноты* к практическому участию в управлении... выполнение государственных обязанностей *каждым* трудящимся... Чем решительнее мы должны стоять теперь за беспощадно твердую власть... тем разнообразнее должны быть формы и способы контроля снизу... чтобы вырывать повторно и неустанно сорную траву бюрократизма»[2].

«К управлению государством *в таком* духе, – говорил Ленин, – мы можем *сразу привлечь государственный* аппарат, миллионов в десять, если не в двадцать человек, аппарат, не виданный ни в одном капиталистическом государстве»[3].

Следовательно, отличительной чертой социалистического государства является небывало возросшее участие всего трудового народа не только в выборах государственных органов, но и в работе государства и небывало тесные связи между государством

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 25, стр. 387.
[2] Там же, т. 27, стр. 243, 244–245.
[3] Там же, т. 26, стр. 89.

и массовыми организациями трудящихся, как, например, профсоюзами.

3) Социалистическое государство есть орудие, посредством которого трудящиеся осуществляют управление общественным производством в интересах всего общества. Общенародные предприятия являются государственными предприятиями. Государство в качестве представителя всего народа владеет и управляет ими.

В функции социалистического государства входит распоряжаться и управлять всем сектором социалистического производства, являющегося общенародным достоянием. Так, оно обладает функцией непосредственного контроля и руководства всем этим сектором экономики. Однако вследствие этого оно также обладает невиданно возросшим влиянием на экономическое развитие во всей его полноте, так как все секторы экономики зависят от государственного сектора и подвержены его влиянию.

Таким образом, социалистическое государство либо прямо, либо косвенно выполняет функцию руководства всем развитием социалистической экономики. Вследствие этого государство есть чрезвычайно могучее орудие укрепления и оформления социалистического базиса и развития социалистического общества в направлении к коммунизму.

Государство по существу есть орган власти. Такой орган власти требуется для того, чтобы управлять социалистическим развитием до тех пор, пока остаются противоборствующие силы, сопротивление и враждебность которых надо преодолеть.

Рассматривая вопрос о социалистическом государстве, Маркс и Энгельс показали, что после ликвидации сопротивления лишенных собственности классов и перевода всей экономики на вполне социалистическую основу все более и более будет уменьшаться необходимость для особого органа общественной власти проводить в жизнь общие интересы общества. Функции государства как органа общественной власти будут постепенно атрофироваться, поскольку осуществление этих функций перестанет быть необходимым. Следовательно, государственный аппарат, как особый орган власти, обладающий силой для проведения в жизнь своих решений, в конечном счете постепенно отомрет, а то, что останется, будет просто организацией для ведения экономической и культурной жизни общества.

«Вмешательство государственной власти в общественные отношения, — писал Энгельс, — станет мало-помалу излишним и прекратится само собою. На место управления лицами становится управление вещами и руководство производственными процессами. Государство не “отменяется”, оно *отмирает*»[1].

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, стр. 141.

«Общество, которое по-новому организует производство на основе свободной и равной ассоциации производителей, отправит всю государственную машину туда, где ей будет тогда настоящее место: в музей древностей, рядом с прялкой и с бронзовым топором»[1].

Однако в условиях действительного развития социализма возникает такое положение, что даже тогда, когда в социалистической стране — в Советском Союзе — ликвидированы антагонистические классы, остается враждебное капиталистическое окружение. Следовательно, в социалистическом обществе остается и будет оставаться надобность в органе общественной власти до тех пор, пока существует капиталистическое окружение, даже если тем временем осуществится переход к высшей фазе — коммунизму. Социалистическое государство все еще требуется для того, чтобы защищать достижения социализма.

Однако при таких обстоятельствах для государства надобность выполнять какие-либо принудительные функции внутри социалистической страны становится все меньше и меньше. Для него больше не существует надобности подавлять сопротивление эксплуататоров, но оно продолжает направлять строительство социализма и защищать социалистическую собственность от ее врагов. Благодаря этому члены общества все больше и больше сплачиваются вокруг социалистического государства, которое они рассматривают как защитника своих завоеваний и свобод и своего будущего благосостояния. Следовательно, происходит не отмирание государства, а развитие нового типа подлинно народного государства несравненной мощи.

Таким образом, в течение всего периода возникновения социализма и перехода к коммунизму, пока капитализм не ликвидирован народами всего мира, социалистическое государство играет основную роль в деле защиты завоеваний трудящихся и в претворении и осуществлении их целей. Однако, когда будут ликвидированы повсюду эксплуататорские классы и их влияние, социалистическое государство, в конце концов, отомрет и политическое управление людьми будет заменено распоряжением вещами и руководством процессами производства. Тогда будут существовать экономические и культурные органы общества, но не будет государственных органов.

Кроме государства как общественной силы социалистического общества для претворения и осуществления воли народа, также необходима и партия. Ибо для того, чтобы направлять не только экономическое строительство, но и формирование взглядов и учреждений, необходима руководящая сила.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, стр. 305.

Социалистическое государство появляется на свет как следствие завоевания власти трудящимися под руководством рабочего класса. Партия рабочего класса, без руководства которой рабочий класс не может завоевать власть, является в таком случае руководящей силой, направляющей государство и народ в деле строительства социализма. Развитие и деятельность государства в строгом соответствии с интересами и потребностями народа обеспечиваются коллективным руководством и авангардной ролью партии во всех областях государственной деятельности.

Партия необходима, пока продолжается борьба за ликвидацию эксплуататорских классов, а затем за ликвидацию всех последствий эксплуатации, ибо такая борьба невозможна без руководящего отряда, а этот руководящий отряд состоит именно из наиболее передовой части рабочего класса и его союзников.

Пока продолжается классовая борьба в любой форме, до тех пор существует различие между авангардом класса и массами. Необходимым признаком существования классов является обусловленность материальной и духовной деятельности этих классов местом, занимаемым ими в общественном производстве. В силу этого неизменно возникает сознательное меньшинство класса, которое активно осознает коренные классовые интересы и цели и руководит всем классом. С другой стороны, большинство класса ведет свою жизнь в соответствии с существующими условиями, осознает свои коренные общественные цели и вступает в борьбу за них лишь под руководством меньшинства. Так будет до тех пор, пока не исчезнут классовые различия, а вместе с ними и обусловленность деятельности людей местом, занимаемым ими в общественном производстве, так будет до тех пор, пока все индивидуумы не будут жить и развивать свои способности как члены общества, находящиеся в равном положении и имеющие равные возможности.

Итак, «...наиболее активные и сознательные граждане из рядов рабочего класса, трудящихся крестьян и трудовой интеллигенции добровольно объединяются в Коммунистическую партию Советского Союза, являющуюся передовым отрядом трудящихся в их борьбе за построение коммунистического общества и представляющую руководящее ядро всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных»[1].

Партия не есть «диктаторская» организация. Она не есть орган власти. Как отмечали супруги Веббы, партия в социалистическом обществе существует для того, чтобы осуществлять «профессию руководства»[2]. Ибо без выполнения такой профессии наиболее передовым отрядом рабочего класса невозможно

---

[1] Конституция (основной закон) Союза Советских Социалистических Республик, стр. 26—27.

[2] S. and B. Webb, Soviet Communism, ch. 5.

сплотить миллионы людей, невозможно осуществить экономическое строительство, развить и усовершенствовать взгляды и учреждения общества, невозможно построить социализм, осуществить переход к коммунизму и, в конце концов, поднять все общество до уровня коммунизма.

Когда задача партии будет выполнена, когда все общество поднимется до уровня коммунизма и когда исчезнет всякая угроза со стороны враждебных сил и влияний, тогда можно будет ожидать, что партия перестанет существовать. Ибо она тогда больше будет не нужна. Ибо тогда общественная жизнь будет протекать без классовой борьбы и не будет никакого различия между относительно передовым авангардом класса и массами. Таким образом, больше не будет никакой нужды в передовой организации для того, чтобы прокладывать путь общественному прогрессу.

Глава XI

ПЛАНОВОЕ ПРОИЗВОДСТВО

На основе социализма возникает всеохватывающее планирование производства. Основной закон социализма действует при помощи социалистического планирования производства.

Однако при социализме контроль людей над использованием средств производства является все еще частичным постольку, поскольку люди все еще подчинены разделению труда, а общественное планирование все еще является косвенным постольку, поскольку наличие товарного производства влечет за собой такие косвенные методы контроля, как установление платы за труд, установление цен и т. д.

При коммунизме сознательный общественный контроль над использованием средств производства и распоряжение общественным продуктом становятся, наконец, полными. Планирование происходит путем учета потребностей общества, наличия средств производства и производительных сил и времени, необходимого для различных операций. Благодаря этому люди могут беспредельно развивать свое господство над природой. Человек является полным господином своей собственной общественной организации и все более становится повелителем природы.

Социализм и коммунизм вначале развиваются на национальной основе, однако это приведет к всемирному коммунизму. Будущее человечества будет определяться собственными решениями людей, основывающимися на знании развивающихся потребностей человеческой жизни.

Социалистическая собственность как основа для социалистического планирования

Отличительной чертой социалистических производственных отношений является то, что они впервые дают возможность для планирования производства в целом. Так как средства производства являются общественной собственностью, то, следовательно, их использование зависит от решения общества. Производство планируется в интересах всего общества. При господстве частной собственности планирование производства *невозможно*. Производство планируется в пределах отдельных предприятий, а не в обществе в целом. Часто говорят о планировании при капитализме, однако то обстоятельство, что целью капиталистического производства является прибыль, делает планирование при капитализме невозможным. Отдельные капиталистические концерны или объединения

планируют свое производство, но в таком случае они в своем стремлении к прибылям приходят в столкновение с конкурирующими капиталистами и объединениями капиталистов. Капиталисты расширяют производство в поисках прибыли. Но их прибыль зависит от возможности постоянно находить новые рынки, а противоречие между общественным производством и частным капиталистическим присвоением препятствует созданию постоянно растущего рынка. Производство ведет к соперничеству из-за рынков и сфер вложений капиталов, к кризисам, к провалу любых планов, принятых капиталистами и их апологетами.

Лишь тогда, когда общество возьмет в свои руки все руководство производством на основе общественной собственности и приспособит производство к систематическому улучшению положения народных масс, станет возможным планирование производства в целом.

И тогда производство не только *можно*, а *нужно* будет планировать, чтобы оно успешно развивалось. Планирование есть экономическая необходимость социалистического производства, следствие экономических законов.

Социалистическое производство, как и всякое производство, регулируется своими собственными экономическими законами. Эти законы не создаются планированием, а первичны по отношению к нему, независимы от такой сознательной деятельности и являются ее предпосылкой. Социалистическое планирование происходит на основе объективных законов социалистического производства таким образом, чтобы составленный план соответствовал этим законам и мог бы быть осуществлен путем использования этих законов. Но что произошло бы без такого плана? Все пришло бы в беспорядок, и те же самые экономические законы, которые при социалистическом планировании используются для расширения производства, привели бы к нарушению производства. Иначе говоря, производство нельзя вести без плана. Таковы законы социалистического производства, которые вызывают необходимость планирования производства, раз, следовательно, установлена общественная собственность.

Планирование на основе общественной собственности означает, что все развитие общества во все большем размере ставится под сознательный контроль. Ибо все развитие общества обусловлено развитием производства.

Следовательно, раз установлен социализм и осуществляется плановое руководство социалистическим производством, то теперь больше нельзя сказать, как говорил Энгельс о всем предшествующем развитии, что «желаемое совершается лишь в редких случаях... Действия имеют желательную цель; но результаты, на деле вытекающие из этих действий, вовсе нежелательны». Ход общественного развития во все возрастающей степени

направляется человеческим разумным осознанием потребностей общественного развития.

Материальным базисом этого направляющего общественного сознания, действующего через посредство социалистического планирования, является установление общественной собственности на основные средства производства. Как всегда, общественное бытие людей определяет их сознание. Развитие сознания общего социального интереса является именно отражением существующего социального интереса. Развитие сознания о состоянии общественного производства и присущих ему законах является именно отражением существующего состояния производства и его законов. И, таким образом, в качестве отличительного признака социалистической экономики возникает плановое руководство экономикой и общественным развитием вообще ради осуществления общего интереса общества.

Основной закон социализма

Социалистическая система хозяйства имеет целью все более полное удовлетворение постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества, а средством для достижения этой цели является непрерывный рост социалистического производства на базе высшей техники.

Это есть «основной» закон социализма, ибо он является единственным всеохватывающим законом, регулирующим *весь* процесс социалистического производства.

Основной закон экономического строя всегда выражает цель, которой подчиняется производство в рамках этого строя, так как вообще производство всегда регулируется в соответствии с некоторой целью или намерением общества, которым служит производство, а эта цель, которой служит производство, изменяется в зависимости от характера производственных отношений.

Там, где существует эксплуатация, производство подчинено цели гарантирования прибавочного труда, присваиваемого эксплуататорами. Удовлетворение человеческих потребностей большинства общества здесь не является целью. Эти потребности не идут в расчет, кроме тех, которые людям самим удается удовлетворить. Нужно, чтобы люди не умерли, с тем чтобы их можно было эксплуатировать, но не более того. Напротив, в социалистическом обществе, где средства производства являются общественной собственностью, где сами трудящиеся управляют производством и где нет эксплуатации, целью производства не может быть ничего, кроме удовлетворения человеческих потребностей. Зачем же еще, кроме как не для производства средств удовлетворения своих собственных потребностей, стали бы сотрудничать люди в процессе труда? В целом

целью социализма является обеспечение всех средствами для полной и счастливой жизни.

Так, Маркс писал: «...определяющей целью капиталистического процесса производства является... возможно большее производство прибавочной стоимости и, следовательно, возможно большая эксплуатация рабочей силы капиталистом»[1].

Капиталистическая собственность означает, что производство осуществляется ради капиталистической прибыли. Социалистическая собственность означает, что производство осуществляется ради удовлетворения материальных и культурных потребностей всего общества. При капитализме, как и при предыдущих системах эксплуатации, цель производства отвечает интересам лишь ничтожного господствующего меньшинства общества. Напротив, при социализме цель производства отвечает интересам всего общества.

Отсюда следует, что при капитализме основной закон не может действовать через посредство какого-либо общественного соглашения относительно основной цели. Напротив, он действует через ряд общественных конфликтов и благодаря тому, что господствующий класс капиталистов слепо прибегает к таким мерам, которые, как ему кажется, обеспечивают ему наибольшую прибыль. При этом они эксплуатируют, разоряют и превращают в нищих народные массы и вовлекают общество во всевозможные непредвиденные катастрофы.

Напротив, при социализме основной закон действует через посредство сознательного общественного соглашения относительно основной цели и через посредство планирования, осуществляемого для достижения этой цели. Ибо так как цель соответствует интересам всего общества, то, следовательно, она может быть принята и действительно сознательно принимается по общему согласию. А так как средства производства принадлежат обществу, то, следовательно, общество может коллективно решать и планировать и действительно коллективно решает и планирует, каким способом достичь этой цели.

Цель, которую общество благодаря производственным отношениям ставит перед общественным производством, теперь становится сознательной целью ассоциированных членов общества, и общество сознательно и планомерно использует наилучшие средства для достижения этой цели.

Следует добавить, что это не означает, что основной закон действует с одинаковыми результатами на протяжении всего времени существования общественной системы и не может встретиться с препятствиями. В любом обществе могут появиться препятствия, мешающие действию основного закона. Например,

[1] К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 337.

даже при капитализме действию основного закона капитализма можно помешать путем общенародного сопротивления, особенно если антикапиталистическим силам удастся добиться в какой-нибудь степени влияния в государстве. Конечно, такие препятствия ослабляют капиталистическую систему и в конечном счете могут привести к ее гибели. В социалистическом обществе также могут появляться препятствия, мешающие действию основного закона социализма. Например, военное нападение на социалистическую страну должно отвлечь в целях обороны социалистическое производство, а угроза военного нападения в известной степени постоянно имеет такие отвлекающие последствия. Или если по незнанию или вследствие преступных намерений будут допущены серьезные ошибки в планировании производства, то это может также помешать действию основного закона социализма. Поэтому очевидно, что для социалистического государства очень важно во внешней политике сохранить мир, а во внутренней — обеспечить правильное планирование работы социалистического строительства.

Всякий закон имеет свой собственный, присущий только ему способ действия.

Основной закон капитализма, покоящийся на эксплуатации большинства общества меньшинством, действует без общего согласия, без общественного планирования и контроля над производством, действует слепо в интересах меньшинства против интересов большинства.

Основной закон социализма, покоящийся на общественной собственности и на отсутствии эксплуатации человека человеком, действует благодаря общему согласию, посредством общественного планирования и контроля над производством, путем сознательного стремления удовлетворить интересы всего общества.

Препятствия для планирования при социализме и способы их преодоления при переходе к коммунизму

В социалистическом обществе, то есть на первой, или низшей, фазе коммунизма, все еще имеются серьезные препятствия для осуществления полного планирования производства, — или, иначе говоря, — для осуществления полного сознательного общественного контроля над экономическим развитием в целом.

Полный сознательный общественный контроль над экономическим развитием в целом означает, что люди в обществе обладают абсолютным контролем над использованием своих средств производства и всецело распоряжаются своим общественным продуктом.

До сих пор нет еще такого положения дел и до сих пор люди, осуществляя свою экономическую деятельность, контролируются:

1) своими собственными средствами производства и 2) своим собственным продуктом.

Такое подчинение людей их собственным средствам производства и их собственному продукту существует с тех пор, как возникло первое разделение труда при первобытно-общинном строе. Ибо, как мы уже отмечали, общественное разделение труда все более подчиняло себе человека. Люди оказались в зависимости от своих средств производства, которые стали их господами, вместо того чтобы господствовать над ними. А когда в результате разделения труда люди начали производить и обменивать свои продукты в качестве товаров, тогда они потеряли контроль над этими продуктами. Вследствие действия законов товарного производства продукты стали господствовать над людьми, вместо того чтобы люди могли распоряжаться своими продуктами как хозяева своих собственных продуктов.

Само существо того факта, что люди не имеют контроля над развитием общества и не господствуют над своей собственной общественной организацией, заключается в том, что использование средств производства, которые люди сами развили, и обмен продуктов, которые люди сами произвели, несут с собой последствия, определяющие судьбу людей независимо от их собственного решения.

Так, само использование средств производства несет с собой, например, то, что один человек является пастухом, другой – чернорабочим, третий – ремесленником, четвертый – купцом. А обмен продуктов несет с собой сосредоточение всего богатства общества в руках одной группы, в то время как остальная часть общества получает едва достаточные средства для существования. Таким образом, сами средства производства и продукты собственного труда людей определяют то, что произойдет с людьми, определяют их судьбу *за* них самих.

Такое положение дел Маркс в своих ранних произведениях, пользуясь гегелевской терминологией, называл человеческим «отчуждением», или «самоотчуждением», или «отчуждением труда». Люди «отчуждают себя», или «отчуждают свой собственный труд», потому что собственный труд людей и их собственный продукт вышли из-под их контроля и контролируют их, как если бы они контролировались некой независимой и высшей силой[1].

И пока дело обстоит таким образом, осознание людьми своего собственного общественного бытия необходимо является

[1] См. «Экономическо-философские рукописи 1844 года» К. Маркса (К. Маркс и Ф. Энгельс, Из ранних произведений, Госполитиздат, 1956). Позднее и особенно в «Капитале», где был всесторонне исследован весь процесс капиталистического производства, Маркс отбросил эту терминологию, – несомненно потому, что она была темной и неуклюжей.

ложным осознанием. Люди, не контролируя сознательно свое собственное общественное бытие, не могут выработать ничего, кроме ложного сознания, в котором как их собственные побуждения, так и объективные условия их существования, а также объективные силы, управляющие их побуждениями и условиями существования, представляются им в фантастических формах. Наиболее типичным продуктом такого ложного сознания, возникающего из «человеческого отчуждения», является представление о сверхъестественных силах и развитие религиозного сознания.

С установлением социализма, т. е. общественной собственности на основные средства производства, осуществляется решающий шаг в деле ликвидации такого положения вещей. Однако, как мы видели, установление общественной собственности не уничтожает одним ударом последствия всего предшествующего общественного развития. Социалистическое общество «сохраняет еще родимые пятна старого общества, из недр которого оно вышло». И, в частности, еще остается: 1) подчинение людей общественному разделению труда и 2) производство и обмен продуктов (именно предметов личного потребления) в качестве товаров.

Это не может не делать общественный контроль и планирование а) частичным и б) в некотором отношении косвенным.

а) Ассоциированные производители все еще частично контролируют свою собственную общественную организацию потому, что они все еще подчинены, как отдельные лица, разделению труда. Они не являются полностью господами над использованием своих средств производства потому, что использование ими средств производства все еще ограничивает в этом отношении их собственную свободную деятельность и саморазвитие.

б) Планирование людьми своей собственной экономической жизни также остается в некотором отношении косвенным потому, что оно в известной мере осуществляется путем регулирования стихии рынка.

Неверно было бы сказать, что при социализме общество не знает, что станет с его продуктами, и не контролирует их. Тем не менее общество *прямо* не контролирует и не распоряжается *всей* своей продукцией. Напротив, так как предметы потребления все еще продаются как товары, их судьба контролируется лишь косвенно, путем установления платы за труд, установления цен и т. п.

Например, механические станки, производимые для социалистических предприятий в данной стране, *не* производятся как товары. Они не идут на рынок в качестве товаров, а просто передаются из одной отрасли производства в другую — в соответствии с выработанным планом.

Напротив, предметы личного потребления все еще *производятся* как товары. Они не производятся для того, чтобы удовлетворить точно учтенные потребности, а идут на рынок в качестве товаров для продажи. Снабжение предметами потребления тех, кто в них нуждается, происходит не путем прямого учета потребностей и снабжения в соответствии с этими потребностями предметами потребления, а путем регулирования оплаты труда и цен на товары таким образом, чтобы потребители могли купить товары. В социалистическом обществе растущее удовлетворение потребностей осуществляется, таким образом, в основном путем систематического снижения цен на предметы личного потребления.

При дальнейшем развитии социалистического планового производства эти ограничения можно будет преодолеть. Благодаря развитию высшей техники производства люди смогут получить тот досуг и ту культуру, которые дадут им возможность отбросить любую форму подчинения общественному разделению труда. А благодаря производству абсолютного изобилия они смогут, наконец, изменить свою общественную организацию, перейдя от распределения по труду и товарообмена продуктов к распределению по потребностям и ликвидации товарообмена.

Следовательно, в коммунистическом обществе сознательный общественный контроль ассоциированных производителей над использованием средств производства и над распоряжением общественным продуктом становится, наконец, абсолютным, безоговорочным, неограниченным. Каждая личность свободна от всяких стеснений, которые до сих пор ставились ее всестороннему развитию общественным разделением труда. Она свободна от всяких ограничений в деле удовлетворения всех своих потребностей.

Эти ограничения до сих пор вызывались необходимостью платить за средства удовлетворения потребностей. В коммунистическом обществе люди, объединенные в ассоциацию, действуя через экономические планирующие органы общества, смогут полностью и прямо планировать производство — путем простого подсчета своих производительных сил и своих потребностей, а затем путем использования производительных сил таким образом, чтобы произвести необходимое для удовлетворения потребностей. Конечно, это требует тщательной разработки политической экономии социализма, как точной науки, и создания очень высоко развитой организации экономического планирования; но в принципе то, что должна будет делать эта организация, весьма несложно.

Общество, писал Энгельс, «должно будет сообразовать свой производственный план со средствами производства, к которым в особенности принадлежат также и рабочие силы. Полезные

действия различных предметов потребления, сопоставленные друг с другом и с необходимыми для их изготовления количествами труда, определяют окончательно этот план. Люди сделают тогда все это очень просто...»[1].

Или, как представлял это себе Уильям Моррис:

«Продукты, которые мы производим, производятся потому, что они нужны. Люди производят для своих соседей так, как бы они производили для себя, а не для отдаленного рынка, о котором они ничего не знают и над которым у них нет контроля. Мы теперь знаем, какие вещи нам нужны, и у нас есть время и возможности, достаточные для того, чтобы, изготовляя эти вещи, получать удовольствие»[2].

Господство человека над природой

Экономическое развитие коммунистического общества, происходящее на основе полного господства человека над его собственной общественной организацией, представляет собой также гигантское развитие господства человека над природой.

Противоречие между человеком и природой, которое, как мы видели, рождается вместе с рождением человеческого общества, всегда содержало в себе элементы антагонизма и борьбы в том смысле, что неконтролируемые силы природы угрожали человеческому существованию и препятствовали осуществлению человеческих намерений. Так, при первобытно-общинном строе силы природы принимали размеры угрожающей опасности, с которой надо было бороться, которую надо было избегать или обманывать. Землетрясения, наводнения, бури, засухи и т. п. периодически разрушали то, что создавал человек. Поскольку силы природы не поняты и не контролируются, постольку они враждебны человеку, и даже тогда, когда их действие благотворно для человека, в них всегда содержится элемент угрозы и опасности.

В ходе развития производства люди все больше подчиняли себе силы природы. Возрастающее господство человека над природой является действительно существенным содержанием материального прогресса. Покоряя силы природы, люди узнают законы действия природных сил и, таким образом, используют эти законы в своих целях. Человек господствует над природными силами, никоим образом не ослабляя или не разрушая их, не навязывая им своей воли путем изменения каким-либо способом их свойств и законов для того, чтобы они служили его собственным желаниям, а познавая их и, таким образом, используя их, объединяясь с ними, превращая их из своих врагов в своих слуг.

---

[1] Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 293–294.

[2] W. Morris, News from Nowhere, ch. 15.

Но господство людей над природными силами парализовалось собственным подчинением людей средствам производства, которые люди создали, покоряя силы природы, и своему собственному продукту. Однако в коммунистическом обществе устранены всякие препятствия для дальнейшего развития господства людей над природой, возникающие из их собственной общественной организации.

В коммунистическом обществе люди идут вперед, не зная ограничений в познании сил природы и контроля над ними, в использовании природных сил как своих слуг, в преобразовании природы; люди сотрудничают с природой для того, чтобы превратить весь мир в человеческий мир, ибо человечество есть высший продукт природы.

Следовательно, великие достижения прошлого и настоящего будут казаться незначительными по сравнению с преобразованиями природы, которые будут произведены коммунистическим обществом. Первые начинания этих преобразований уже ясно видны в величественных созидательных планах первой фазы коммунизма.

Орудием господства человека является наука. До сих пор наука была разделена на две составные части: науку о природе и науку об обществе, на исследование природы и исследование человека. При коммунистическом производстве наука, служащая прогрессу человечества, – едина: ее областью является единая область средств, используемых человеком для жизни, и принципов относительно этого использования.

Она есть орудие безграничного развития человеческих способностей, человеческой жизни.

Роль сознания в коммунистическом обществе

При коммунизме исчезают последние следы господства над человеком его собственных средств производства и его собственного продукта. Отныне человек является целиком господином своей собственной общественной организации и все в большей степени повелителем природы. С установлением коммунизма, как говорил Маркс, кончается предыстория человечества и начинается человеческая история.

Действительно, именно осознание человеком своих собственных целей и сознательное использование им законов объективного мира при осуществлении этих целей глубоко отличает человека от животного. До сих пор в процессе производства люди господствовали над силами природы, но они не были господами своей собственной общественной организации. Они производили, но они не были хозяевами своих собственных средств производства и своего собственного продукта. Производя, они создали общественные силы и привели в действие экономические законы, которые стали управлять человеческими судьбами как чуждая

им сила. С наступлением коммунизма всему этому приходит конец. Начинается человеческая история.

В коммунистическом обществе человеческое сознание играет новую и возросшую роль. Ибо развитие общества направляется и контролируется благодаря тому, что люди знают свои собственные потребности. Производство поставлено целиком под сознательный общественный контроль. Развитие общества уже не определяется больше конфликтами, коренящимися в экономических антагонизмах, а происходит по согласованному плану, в соответствии с сознательными намерениями людей, развивающихся путем критики и самокритики. Эта новая и возросшая роль сознания в общественной жизни возникает при социализме и совершенствуется по мере перехода к коммунизму.

Однако эту новую и возросшую роль сознания не следует понимать, как иногда понимается, что якобы сознание становится первичным, определяющим фактором в общественной жизни.

Это положение неверно и никогда не может быть верным. Всегда будет правильным, что сознание определяется общественным бытием, что бытие есть первичное, а сознание есть вторичное, что сознание есть отражение бытия. При коммунизме осознание людьми своего собственного общественного бытия и проистекающих отсюда потребностей является фактором, благодаря действию которого происходит общественное развитие. Однако это активное общественное сознание является именно отражением и следствием общественного бытия, и только им, а его влияние не есть нечто, выведенное из самого себя, напротив, оно есть лишь то, необходимость чего возникла из действительных материальных условий жизни.

То, что достигается при коммунизме, Энгельс суммировал следующим образом:

«Раз общество возьмет во владение средства производства, то будет устранено товарное производство, а вместе с тем и господство продуктов над производителями. Анархия внутри общественного производства заменяется плановой, сознательной организацией. Прекращается борьба за отдельное существование. Тем самым человек теперь — в известном смысле окончательно — выделяется из царства животных и из звериных условий существования переходит в условия действительно человеческие. Условия жизни, окружающие людей и до сих пор над ними господствовавшие, теперь подпадают под власть и контроль людей, которые впервые становятся действительными и сознательными повелителями природы, потому что они становятся господами своей обобществленной жизни. Законы их собственных общественных действий, противостоявшие людям до сих пор как чуждые, господствующие над ними законы природы, будут применяться людьми с полным знанием дела, следовательно, будут

подчинены их господству. Общественное бытие людей, противостоявшее им до сих пор, как навязанное свыше природой и историей, становится теперь их собственным свободным делом. Объективные, чуждые силы, господствовавшие до сих пор над историей, поступают под контроль самого человека. И только с этого момента люди начнут вполне сознательно сами творить свою историю, только тогда приводимые ими в движение общественные причины будут иметь в значительной и все возрастающей степени и те следствия, которых они желают. Это есть скачок человечества из царства необходимости в царство свободы»[1].

Будущее коммунистического общества

То, что мы можем знать о коммунистическом обществе, вытекает исключительно из того, что мы уже знаем о капиталистическом и социалистическом обществе. Так, мы знаем, что известные черты капиталистического и социалистического общества, которые мы анализировали, должны исчезнуть, и мы можем в общих чертах представить, каким образом они исчезнут и что за общество будет существовать после этого. Но у нас нет возможности предсказать то, что последует за этим.

Переход от капитализма к социализму есть, как мы теперь знаем (хотя Маркс и Энгельс не знали этого), длительный и неравномерный процесс: в то время как одни нации уже достигли социализма, другие все еще остаются капиталистическими. Отсюда следует, что во всемирном масштабе переход от социализма к коммунизму будет также длительным и неравномерным процессом, так как в то время, когда некоторые нации будут успешно продвигаться к коммунизму, другие будут отставать и даже могут все еще оставаться на капиталистической ступени развития.

Следовательно, вполне возможно, что коммунизм впервые возникнет на национальной основе. И, таким образом, в то время как обмен продуктов в качестве товаров внутри коммунистического национального хозяйства будет уничтожен, все еще останется обмен продуктов в качестве товаров между различными национальными хозяйствами.

Когда все нации станут социалистическими, тогда эта последняя черта товарного производства станет, в конце концов, препятствием для их совместного развития. Тогда можно ожидать, что национальные границы и внешняя торговля будут постепенно отменены и постепенно разовьется всемирная коммунистическая система хозяйства, что в конечном счете приведет к стиранию

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, стр. 143.

национальных различий и развитию всемирного языка и всемирной культуры.

Если будет существовать мир, столь совершенно отличный от нашего сегодняшнего мира, то как можем мы сказать, что решат делать люди, которые будут жить в этом мире? Конечно, мы не можем этого сказать. А если бы мы и сказали, то они не обратили бы на нас внимания, ибо они будут руководствоваться в своих делах не нашими, а своими собственными потребностями.

Самое большее, на что мы можем осмелиться, это высказать два следующих предположения:

1) В коммунистическом обществе собственность достигает своей высшей ступени развития. Частная собственность перестает существовать. Дело в том, что люди, объединенные в ассоциацию, используют все ресурсы природы, включая свои собственные человеческие ресурсы, для удовлетворения всех своих потребностей. Эти ресурсы не будут принадлежать никому в отдельности: продукты совместного труда будут достоянием всего общества, а средства потребления будут распределяться среди членов общества по их потребностям, как их личная собственность, в целях личного использования. Собственность, как мы ее теперь вообще понимаем, то есть как достояние отдельных лиц, групп и организаций на средства производства и на продукты и контроль этих лиц, групп и организаций над средствами производства и продуктами, — перестает на деле иметь какое-либо значение для производства. Вот что имеется в виду под высшей ступенью развития собственности.

Если, следовательно, собственность действительно достигнет своего высшего развития, то люди никогда не будут испытывать необходимости преобразовать отношения собственности и установить какую-то высшую форму собственности.

2) В то же время общество не будет стоять на месте. Время от времени будет происходить новое развитие производительных сил, — какое именно, мы не знаем, — а старые формы общественной организации, старые привычки, образ жизни, взгляды и учреждения будут рассматриваться как помеха для этого развития и, следовательно, должны будут изменяться.

Следовательно, противоречие между старым и новым, между старыми формами ассоциации, в которую вступают люди для того, чтобы осуществлять производство, и новыми производительными силами, — противоречие, до сих пор выражавшееся как противоречие между существующими производственными отношениями и новыми производительными силами, противоречие, которое всегда было главным двигателем человеческого прогресса, будет продолжать существовать, но в новых формах. Оно не примет форму конфликта между существующими формами собственности и новыми потребностями общественного

развития, но оно примет другие формы. Изменения также будут осуществляться не путем конфликтов, а путем согласованных решений, основывающихся на критике и самокритике.

На этом наши рассуждения необходимо прекратить и вернуться назад к современной действительности. Когда все человечество освободится от эксплуатации, люди будут жить, не зная нужды, в безопасности и счастливо, и вполне смогут позаботиться о будущем. Нам нужно заботиться не столько об этих будущих проблемах, сколько о наших собственных. Ибо будущее человечества зависит от того, как мы разрешим существующие противоречия общества.

Мы можем напомнить слова Уильяма Морриса, произнесенные им после того, как он пробудился от своих грез, в которых он жил в коммунистическом будущем.

«Несмотря на то, что эти друзья были столь искренни ко мне, я все время чувствовал так, словно у меня среди них не было дела, словно приближалась та минута, когда они, отвергнув меня, скажут: “Нет, так не годится. Ты не можешь жить с нами. Возвращайся назад. Теперь ты видел нашу жизнь и узнал, насколько это позволил твой поверхностный взгляд, что вопреки всем непогрешимым принципам твоего времени все же придет тот день, когда весь мир сможет отдохнуть, но не раньше, чем господство сменится товариществом. Итак, возвращайся назад, и в течение всей своей жизни ты будешь видеть, что повсюду вокруг тебя люди заняты тем, что строят жизнь для других, в то время как сами они ничего не делают для своей собственной действительной жизни, — ты увидишь людей, ненавидящих жизнь, хотя и боящихся смерти. Ступай назад и будь счастлив, что видел, как мы живем, что к твоей борьбе прибавилась еще одна надежда. Продолжай, живи, пока можешь, стремись мало-помалу построить новую жизнь товарищества, отдыха и счастья, какой бы для этого ни потребовался труд и какие бы страдания это тебе ни причинило”.

Да, конечно! И если бы другие могли увидеть то, что видел я, тогда все это можно было бы назвать скорее видением, чем мечтой»[1].

---

[1] W. Morris, News from Nowhere, ch. 32.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Какие выводы можно извлечь из материалистического понимания человека и его общественного развития?

1) Эпоха, в которую мы живем, есть эпоха, когда человечество, наконец, совершает решающий шаг на пути к достижению подлинно человеческих условий существования. Исторический материализм озаряет светом чудесные перспективы, раскрывшиеся перед современным поколением.

До сих пор, начиная с первой фазы первобытно-общинного строя, общество основывалось на эксплуатации трудящихся масс. Богатство немногих противостояло нищете большинства. Великие успехи материального производства, в результате которых было создано это богатство, были достигнуты только за счет усилившейся эксплуатации производителей. За подавляющим большинством отрицалось право на пользование культурой, создание которой стало возможным благодаря его труду. Велись постоянные войны класса против класса, народа против народа.

Из таких условий общественного существования выходит человечество, создающее новый общественный строй, где уничтожена эксплуатация человека человеком, где общественное производство подчинено цели максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всех членов общества и где развитие общества больше не происходит путем конфликтов и переворотов, а сознательно регулируется в соответствии с рациональным планом.

Все это стало необходимым потому, что новые силы общественного производства оказались несовместимыми с частной собственностью на средства производства и с частным присвоением продукта. Их можно полностью использовать и развить только на основе общественной собственности и общественного присвоения.

Современная наука и техника впервые за всю человеческую историю сделали возможным, чтобы высокий и растущий уровень жизни стал достоянием каждого, чтобы каждый пользовался досугом, образованием и культурой. Чтобы претворить в жизнь эту возможность, общество должно взять на себя руководство всем производством и планировать производство для удовлетворения потребностей всего общества.

Это означает, что каждый, несомненно, сможет пользоваться основными материальными предметами первой необходимости: хорошим жилищем, пищей и медицинским обслуживанием. Высокая техника ликвидирует однообразный и тяжелый труд, и все смогут работать творчески. Труд перестанет быть бременем и станет одной из жизненных потребностей, делом гордости и наслаждением. Все будут пользоваться отдыхом и досугом, образованием и культурной жизнью. Все смогут повышать свою квалификацию и развивать свои разнообразные способности. Таковы подлинно человеческие условия существования, создание которых является целью социализма.

2) Социализм может быть установлен только путем деятельности революционного класса современного общества — рабочего класса — в его борьбе против класса капиталистов.

Социализм не может быть установлен путем постепенного перехода, на основе классового сотрудничества, так как в силу самих условий своего существования класс капиталистов вынужден сопротивляться до конца установлению социализма, который лишит его власти и прибылей. Напротив, социализм может быть установлен только путем борьбы рабочего класса за свое освобождение от капиталистической эксплуатации. Освобождая себя от капиталистической эксплуатации, рабочий класс тем самым освобождает все общество от всякой эксплуатации.

Для того чтобы установить социализм, рабочий класс должен сплотить свои ряды и повести весь трудовой народ на борьбу, чтобы покончить с господством капиталистов и установить новое демократическое государство, основывающееся на господстве рабочего класса в союзе со всеми трудящимися. Задачей народного государства является, следовательно, подавление сопротивления бывших угнетателей и постепенное построение социализма.

3) Для того чтобы низвергнуть капитализм и построить социализм, рабочий класс должен иметь свою собственную политическую партию, коммунистическую партию, вооруженную научной социалистической теорией и способную применять эту теорию.

«Без революционной теории не может быть и революционного движения... *роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией*»[1].

В борьбе рабочего класса против капитализма большую роль все еще играет стихийное движение, возникающее как результат экономического гнета и политических событий. Однако этим стихийным движением масс надо руководить, его надо организовать и направить, — иначе говоря, его надо превратить в сознательное движение, которое знает свои ближайшие требования и цели и революционную цель социализма. Иначе оно неизбежно будет

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 5, стр. 341, 342.

раздавлено, или умрет, или ему будет дано направление, приемлемое для капиталистов. Следовательно, партия никогда не может полагаться на стихийное движение, а, напротив, должна работать, чтобы поднять и организовать массовое движение и внести в него социалистическую теорию.

Благодаря опыту массовой борьбы рабочие начинают понимать антагонизм своих интересов с интересами предпринимателей, понимать необходимость в объединении и организации. Однако это сознание может стать социалистическим сознанием лишь с помощью теории, науки. Только с помощью социалистической теории рабочий класс может понять необходимость борьбы не только за лучшую заработную плату, но и за то, чтобы покончить с системой наемного труда; только с помощью социалистической теории он может понять, как довести эту борьбу до победы. Таким образом, для того чтобы вести борьбу за социализм, необходимо прежде всего, как учили Маркс и Энгельс, соединить научный социализм с массовым рабочим движением.

4) Сегодня научная социалистическая теория марксизма-ленинизма подвергается испытанию и проверке и доказывает свою истинность на практике. Руководимые и вдохновляемые теорией марксизма-ленинизма народы Советского Союза построили социализм, и уже очерчиваются контуры будущего коммунистического общества. Полным ходом идет великая, мирная, созидательная работа, человек переделывает природу, и новые люди социалистического общества трудятся с большим удовольствием и более свободно, чем кто-либо ранее ступавший по земле. В Европе и Азии новые миллионы людей установили народно-демократическую власть и идут по пути к социализму. Появился новый мир, чей рост совершенно бессильны задержать силы старого мира.

Полную противоположность представляет мир умирающего капитализма, раздираемый неразрешимыми кризисами и противоречиями. Здесь господствующие монополии стремятся разрешить свои трудности и увеличить свои прибыли путем снижения жизненного уровня народа, путем обмана народа и наступления на его свободы, путем гонки вооружений, путем подготовки и ведения агрессивных, захватнических войн. Они связали свои надежды на будущее с водородной бомбой, с напалмом и бактериологическим оружием. Их последним достижением являются средства массового уничтожения.

Наш последний вывод ясен. Во всем мире простые люди могут и должны объединиться для того, чтобы сохранить мир. Мы должны стремиться к сотрудничеству со странами, уже строящими социализм, и охранять их завоевания. Мы должны работать, чтобы покончить с капитализмом и установить социализм в нашей собственной стране.

ТОМ III

ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПРИРОДА И ВОЗНИКНОВЕНИЕ ДУХА

Глава I

ДУХ И ТЕЛО

Дух неотделим от тела. Функции психические суть функции мозга, который является органом самых сложных взаимоотношений животного с внешним миром. Первая форма осознанного познания вещей — ощущение — возникает в результате развития условных рефлексов.

Ощущения животного — система сигналов о его взаимоотношениях с внешним миром. У человека выработалась вторая сигнальная система — речь, которая осуществляет абстрагирующую и обобщающую функцию и с которой связана вся высшая психическая жизнь, свойственная лишь человеку.

Материя и дух

Материалистическое понимание духа противоположно идеалистическому.

Идеализм исходит из того, что, как бы тесно дух ни был связан с телом, в котором он обитает, он, тем не менее, существует раздельно от тела и отделим от него. С точки зрения идеализма дух «одушевляет» тело и использует органы тела как для того, чтобы получать впечатления от внешнего мира, так и для того, чтобы воздействовать на внешний мир; однако он существует независимо от существования тела. Более того, идеализм считает, что, хотя при некоторых формах своей деятельности дух использует тело, есть и такие формы его деятельности, в которых он тела не использует. Например, дух пользуется телом в своей чувственной деятельности, но не пользуется им в «чисто» интеллектуальной или духовной деятельности.

По существу это очень древняя концепция. Так, некоторые первобытные народы считают, что душа — тончайший пар (именно такое значение и имело первоначально слово «дух»), который обитает в теле, но может покидать его и вести независимое существование. Например, душа покидает тело во время сна, уходя через рот. Кроме того, душа может попасть не в то тело, из которого

она вышла, — как у «одержимых». Лунатизм и эпилепсию объясняют тем, что в тело больного вселился злой дух. И как момент этого первобытного понимания души вырастает представление о том, что душа существует после смерти человека, а также до его рождения.

Идеалистические философские теории относительно духа представляют собой в конечном итоге те же суеверия, только в более утонченной и рационализированной форме.

Среди таких утонченных и рационализированных суеверий существует учение о том, что дух и тело — две различные субстанции: субстанция духовная и субстанция материальная. Материальная субстанция — или тело — имеет протяженность, вес, передвигается в пространстве. Духовная субстанция — или дух — мыслит, познает, чувствует, желает. Такая точка зрения все еще очень распространена. Полагают, что такие свойства, как способность мыслить, чувствовать и т. д., настолько абсолютно отличны от свойств материи, что, как бы тесно наше мышление и чувства ни были связаны с состоянием нашего тела, они относятся к нематериальной субстанции, духу, абсолютно отличному от тела.

Идеализм, который исходит из того, что дух отделим от тела, считает также, что мысли, чувства и т. д. отнюдь не являются продуктом какого бы то ни было материального процесса. Например, если мы мыслим и чувствуем, если мы действуем разумно, то это объясняется не условиями нашего материального существования, а независимой деятельностью нашего духа. Допускается, правда, что дух использует органы тела, однако разумное поведение — результат того, что тело одушевляется, проникается и контролируется нематериальным началом или духовным существом, то есть духом.

Однако таким идеалистическим теориям, как ни широко они распространены, издавна противопоставлялись материалистические взгляды. С точки зрения материализма дух не только неотделим от тела, но все психические функции зависят от соответствующих органов тела и не могут без них осуществляться. Анализируя любые сознательные и разумные действия людей, можно выявить материальные причины, которыми они были вызваны; стало быть, не только эти действия не являются исключительно продуктом духа, но и самый дух есть продукт — высший продукт — материи.

Современный материализм, вооруженный результатами научных исследований в области различных форм органической жизни и эволюционным учением, в состоянии решительно опровергнуть идеалистическое представление о духе. Дух — продукт эволюционного развития жизни. У живых организмов, достигших известной ступени развития нервной системы, например у животных, могут развиться и развиваются определенные формы

сознания; в ходе эволюции сознание в конечном итоге достигает стадии мышления, являющегося деятельностью человеческого мозга. Психические функции — от высших до низших — суть функции организма, функции материи. Дух — продукт материи на высшей ступени ее организации.

Признание этого факта кладет конец представлению о том, что дух или душа отделимы от тела, могут покидать его и существовать после него. Дух без тела — просто абсурд. Дух не существует отдельно от тела.

Говорить, что дух не существует отдельно от тела, не значит, однако, отрицать наличие психических процессов или утверждать, что человеческий дух — миф. Конечно, дух, сознание, мысль, воля, чувство, ощущение и т. д. — *реальны*. Материализм не отрицает реальности духа. Он отрицает лишь, что фактор, который называют «духом», существует отдельно от тела. Дух не представляет собой фактора или субстанции, существующих отдельно от тела.

Это положение можно проиллюстрировать обычным употреблением слова «дух» (mind). Философы и богословы воображали, будто дух существует сам по себе, будто ему присущи особые качества и деятельность, не связанные с телом. Но когда мы в практической жизни употребляем слово «дух» (mind), то вовсе не вкладываем в него такого смысла.

Предположим, например, что вас спросили: «Что у вас на уме (mind)?» Это просто означает: «О чем вы думаете?» Иными словами, это вариант вопроса: «Что вы делаете?» Это вовсе не означает, что существует вещь, называемая духом, не зависимая от тела.

И точно так же, если вам скажут: «Вы имеете первоклассный ум», или «У вас непросвещенный ум», или «Вы должны развить свой ум», — все это воспринимается как замечания, относящиеся к некоторым вашим обычным действиям. Если вы умерли, или, скажем, получили ушиб головы, или же деятельность вашего мозга нарушена по каким-нибудь другим причинам, то подобные высказывания о вашем духе теряют смысл, поскольку деятельность духа, о которой в них говорится, больше невозможна в связи с тем, что средства ее осуществления уничтожены.

Таким образом, человек наделен духом постольку, поскольку он мыслит, чувствует, желает и т. д. Однако вся эта деятельность — деятельность и функции человека, материального существа, организованного тела, зависящие от соответствующих органов тела. При наличии соответствующим образом организованного тела и соответствующих условий жизни эта деятельность возникает и развивается. Если уничтожить тело или его органы, то вместе с ними будет уничтожена и эта деятельность. Всякие психические функции и всякая психическая деятельность, которые

будто бы представляют собой продукт духа, существующего отдельно от материи, в действительности являются продуктом материи. Дух есть продукт материи.

Сознание и нервная система

Мыслить и чувствовать способны не все тела, а лишь органические живые тела. И не всякое живое тело проявляет эти формы деятельности, связанные с развитием духа. Фактически появление духа связано с эволюцией центральной нервной системы у животных.

Когда у живых тел развилась нервная система и когда развитие центральной нервной системы привело к появлению мозга, возникли элементарные функции духа, сосредоточенные вокруг ощущения. С дальнейшим развитием головного мозга — коры и ее высших центров, которые имеются у человека, — возникают высшие функции духа — функции мышления. Мозг — орган мысли. Мышление — функция мозга.

В наше время мало кто станет оспаривать эти твердо установленные факты. Тем не менее широко распространены верования, противоречащие им. Такова, например, вера в личное бессмертие. Люди, верящие в загробную жизнь, обычно полагают, что в нашем будущем сознательном существовании, после смерти, многое станет нам яснее, чем сейчас. Другими словами, они верят, что наш дух может достигнуть полного развития лишь после смерти. Они считают, что, поскольку мозг вовсе не является органом мысли, наше мышление достигнет совершенства лишь тогда, когда у нас больше не будет мозга, чтобы посредством его мыслить.

В. И. Ленин считал, что для «анализа и объяснения» психических процессов, для понимания их характера и происхождения необходимо прямо взяться «за изучение материального субстрата психических явлений — нервных процессов»[1]. Основы их изучения заложили труды великого физиолога Ивана Петровича Павлова[2]. Каковы же основные выводы Павлова, имеющие отношение к данной проблеме?

Организм и окружающая среда

До Павлова принято было считать, что нервная система выполняет прежде всего функцию координирования действий различных частей организма; Чарльз Шеррингтон называл это «объединяю-

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 127.

[2] См. «Материалы научной сессии АН СССР и АМН СССР, посвященной проблемам физиологического учения И. П. Павлова», М., 1951.

щим действием центральной нервной системы». Павлов, однако, подчеркивал необходимость изучения «второй чрезвычайно важной стороны физиологии нервной системы», ибо он считал, что нервная система «устанавливает связь, прежде всего, не между отдельными частями организма, которой мы, главным образом, занимались до сих пор, а между организмом и окружающей средой».

Первейшая функция центральной нервной системы заключается не просто в том, чтобы регулировать деятельность различных частей организма в их взаимоотношении друг с другом, а в том, чтобы регулировать функционирование организма в целом в его взаимоотношении с окружающей средой.

В результате функционирования нервной системы животный организм в ходе своей жизнедеятельности устанавливает сложные взаимоотношения с окружающей средой, благодаря чему он способен существовать в этой среде, удовлетворять свои потребности и определенным образом реагировать на определенные условия. Таким образом, взаимоотношения животного с окружающей средой заключаются в том, что оно активно познает окружающую среду, соответствующим образом реагирует на происходящее и в свою очередь предпринимает ответные действия. Для осуществления всего этого животное использует органы чувств и различные части организма, а органом, контролирующим весь процесс, является мозг.

Самый простой вид рефлекса, при котором раздражитель, действуя на органы чувств, вызывает ответное действие мускулатуры, представляет собой взаимоотношение или связь между животным и окружающей средой. Тот или иной раздражитель вызывает то или иное ответное действие — это и есть активное взаимоотношение животного с внешней средой. Павлов показал, что активное взаимоотношение животного с окружающей средой начинается с некоторых устойчивых и постоянных связей между животным и внешним миром, которые он назвал *безусловными рефлексами*, и развивается далее путем образования временных и меняющихся связей, которые он назвал *условными рефлексами*.

Чтобы изучить развитие рефлексов, Павлов использовал тот широко известным факт, что животные, готовясь принять пищу, выделяют слюну слюнными железами. Так, если собаке дается пища, у нее выделяется некоторое количество слюны. Это простой безусловный рефлекс. Животному дается пища, и во рту его появляется слюна. Затем Павлов установил, что если кормление собаки каждый раз сопровождать звоном колокольчика, то через некоторое время у нее станет выделяться слюна всякий раз, как она услышит звук колокольчика — даже в том случае, если пищу ей еще не дали. Этот рефлекс он назвал условным, поскольку в результате определенных условий, например постоянного

сопровождения звука колокольчика кормлением, собака приучается реагировать на звук колокольчика, в то время как реагировать на пищу ее приучать не приходится. Другими словами, собака научилась ассоциировать звук колокольчика с кормлением, и, услышав колокольчик, она ждет еду и уже готова к принятию пищи даже до того, как ей фактически дали есть.

В то время как безусловные рефлексы принадлежат к числу наследственных признаков животного, развившихся в ходе эволюции видов, условные рефлексы вырабатываются в течение жизни данного индивидуума и, возникнув, могут быть также изменены или уничтожены. Так, если через некоторое время звук колокольчика больше не будет сопровождаться кормлением, собака перестанет на него реагировать; можно также приучить ее реагировать не на всякий звон колокольчика, а лишь на звон определенного тона и т. д.

Механизм рефлексов обнаруживается в мозге у животных в связях между его чувствительными и двигательными центрами. Чувствительные центры отличаются от двигательных. Функция первых заключается в том, чтобы воспринимать сигналы, а вторых — в том, чтобы посылать их. Они связаны между собой таким образом, что, когда сигнал поступает от органов чувств в чувствительные центры, он переходит далее в двигательные центры, которые затем передают его мышцам, железам и т. д., так что данное раздражение вызывает соответствующее ответное действие.

Таким образом, безусловный рефлекс основан на устойчивой и постоянной связи между чувствительными и двигательными центрами мозга. Условные же рефлексы основаны на временных, изменчивых и обусловленных связях, образующихся между чувствительными и двигательными центрами на протяжении жизни животного.

Эти связи между воспринимающими и двигательными центрами в мозге животного осуществляют связи между животным и внешним миром: функция связей, существующих в мозге животного, состоит в том, чтобы связывать животное с внешним миром, то есть с окружающей средой.

Так, безусловная связь между едой и отделением слюны, существующая в мозге собаки, связывает собаку с окружающей средой таким образом, что, когда собака получает пищу, она уже готова принимать и переваривать ее. Условная же связь между звуком колокольчика и отделением слюны, возникшая в мозге собаки, связывает ее с окружающей средой таким образом, что, когда звонит колокольчик (который собака приучилась ассоциировать с кормлением), она опять-таки готова к приему пищи.

Животное может существовать лишь благодаря связям с окружающей средой, то есть внешним связям, которые устанавливаются через посредство внутренних связей в его мозге. Павлов показал, что эти связи животного с внешней средой создаются путем развития условных связей из безусловных, то есть путем развития условных рефлексов из безусловных.

Резюмируем. Безусловная связь есть относительно постоянная, унаследованная связь между животным и окружающей средой. Например, если перед глазами животного что-нибудь неожиданно промелькнет, веки его быстро сомкнутся: это безусловная связь, которая обеспечивает защиту глаз. Животное совершенно независимо от меняющихся условий, в которые оно попадает, вступает во взаимоотношения с окружающим миром благодаря таким рефлексам. Оно уже рождается с этими рефлексами, выработавшимися в ходе эволюции вида.

Условная же связь есть временная, весьма изменчивая связь между животным и окружающей средой, которая возникает в течение жизни данного индивидуума и может исчезнуть так же, как и появилась. Например, собака может бегать за получением пищи в определенное место. Эта связь устанавливается в ходе ее жизни: она привыкла искать пищу в определенном месте, ее к этому приучили. Если же условия меняются, соответственно можно изменить и условные связи: собака может научиться искать пищу в другом месте.

Павлов показал, что функция нервной системы высших животных заключается в приобретении и установлении между животным и внешней средой временных и меняющихся связей, посредством чего животное приспосабливает свои реакции к меняющимся условиям окружающей среды, а также, действуя на окружающую среду, приспосабливает ее к своим потребностям.

Эта функция осуществляется в мозге, и поэтому Павлов назвал мозг «органом сложнейших отношений животных к внешнему миру».

Деятельность и сознание. Ощущение

Павлов утверждал, что психическая деятельность — не что иное, как высшая нервная деятельность, и что различные стороны психической жизни должны быть объяснены данными, полученными в результате исследований высшей нервной деятельности. И. П. Павлов говорил, что мы еще слишком глубоко заражены дуалистическим представлением о том, что душа и тело — это совершенно разные вещи. Ученый не должен проводить такое разграничение.

Психическая деятельность есть деятельность мозга, а если мозг — орган самых сложных отношений животного к внешнему

миру, то мы должны считать психическую деятельность частью той деятельности, посредством которой животное вступает в отношение к внешнему миру. Основой ее является создание условных рефлексов.

Психическая жизнь животного начинается тогда, когда вещи принимают для него какое-то значение, а это в свою очередь происходит именно тогда, когда животное в результате образования условных рефлексов начинает учиться устанавливать связь одного фактора с другим. Тот или иной фактор приобретает для животного значение лишь тогда, когда оно приучается связывать его наличие с другими факторами. Например, собака приучается связывать определенного вида раздражение, испытываемое органами обоняния, с наличием определенной пищи, или с присутствием другой собаки, или же с присутствием хозяина и т. д. Животное постоянно подвергается бесчисленным раздражениям, действующим на его внешние и внутренние органы чувств, и научается связывать разнообразные раздражители с разнообразными факторами. Таким образом, различные раздражители становятся для животного не просто раздражителями, автоматически вызывающими неизменную реакцию, а системой сигналов о внешнем мире и о его отношениях к внешнему миру, причем эти сигналы вызывают у животного самые разнообразные ответные действия.

Так животное начинает активно познавать окружающее, а это есть, по существу, активное состояние, а не пассивное. Познавать окружающее – значит не только подвергаться его воздействию, но и отвечать на него определенным образом.

Познание означает прежде всего, что животное с помощью органов чувств выделяет некоторые особенности окружающих его предметов из внешней среды в целом и отвечает на них определенными действиями. Например, оно выбирает себе пищу с помощью обоняния, осязания и зрения, а затем съедает ее.

Далее, если животное узнает окружающее, это значит, что оно придает значение различным чертам окружающих предметов, то есть связывает их с другими предметами. Например, определенные факторы становятся для животного сигналами о наличии пищи или о приближении опасности и т. д., и животное отвечает на это соответствующими действиями.

Таким образом, активное познание животным окружающего, возможное благодаря образованию условных рефлексов, означает, что животное научается связывать раздражения, которые оно фактически получает, с другими факторами, не оказывающими на него в данный момент непосредственного воздействия. Таким образом, у животных появляется способность ожидать и учиться на опыте.

Следовательно, образование условных рефлексов кладет начало различию между субъективным и объективным. Это различие, которое вызывало у философов столько умозрительных предположений и было так мистифицировано, объясняется естественным путем. Дело в том, что различие между субъективным и объективным появляется в тот момент, когда животное начинает познавать предметы. Это просто различие между всей суммой фактически существующих материальных условий и отдельными их сторонами, которые животное познает, с одной стороны, и тем значением, которое оно им придает, — с другой.

Значит, противопоставление субъективного объективному, психического — физическому, познания — тому, что познается, возникает в результате развития высшей нервной деятельности животного путем установления через посредство условных рефлексов еще более сложных отношений животного к внешнему миру.

Субъективное отличается от объективного, ибо: а) животное познает лишь отдельные части или отдельные стороны окружающей среды, а не всю окружающую среду в целом; б) значение, которое оно придает предметам, может быть неправильным — это значит, что субъективно между предметами могут быть установлены не те связи, которые существуют между ними объективно, в действительности.

Объективное первично по отношению к субъективному, ибо: а) существование вещей есть условие познания их, тогда как познание вещей не есть условие их существования; б) вещи существовали задолго до того, как у животных организмов возникло или могло возникнуть их познание.

Поэтому источником *сознания* является деятельность нервной системы, выражающаяся в создании сложных и изменчивых связей с внешним миром. Когда благодаря образованию условных рефлексов раздражения, которые получает животное, начинают играть для него роль сигналов, когда оно научается распознавать эти сигналы и регулировать в соответствии с ними свое поведение, в нервной деятельности животного возникает новое качество, а именно — сознание.

Сознание не есть мистическое «нечто», возникающее параллельно с процессом материальной жизни мозга, наряду с ним. Оно представляет собой новое качество, которое отличает этот жизненный процесс. Деятельность мозга становится сознательным процессом в результате того, что мозг функционирует как орган «сложнейших отношений животных к внешнему миру». Сознание есть качественно новое отношение животного к внешнему миру, осуществляемое в процессе жизнедеятельности мозга. Это отношение приобретает такой характер, при котором животное познает окружающее в результате возбуждения различных

мозговых центров и установления в мозге различных связей. Поскольку животное живет, имея такие отношения с внешним миром, оно — сознательно, и его существование есть существование сознательное.

Простейшей формой сознания животных является сознание чувственное, или ощущение. Оно возникает на той ступени, когда в результате образования условных рефлексов различные раздражения, которые воздействуют на органы чувств животного, приобретают для него значение и начинают играть роль сигналов. Внешнему наблюдателю эти раздражения представляются просто изменениями в органах чувств, на которые животное отвечает определенными действиями. Но существование животного, между тем, приобретает характер чувственно-сознательного существования. Процесс, совершающийся в мозге животного, или, вернее, часть этого процесса становится процессом сознательным, в котором раздражения, воздействующие на органы чувств, становятся ощущениями.

Когда в процессе жизни для животного возникает различие между объективным и субъективным, его ощущения становятся фактическим содержанием субъективной стороны его существования, другими словами — содержанием его сознания. Все ощущения животного играют для него роль сигналов о различных факторах и связях с этими факторами.

Поэтому Павлов называл ощущения *субъективными сигналами* «объективных отношений организма к внешнему миру». Он указывал, что ощущения составляют «сигнальную систему» животного, то есть систему таких субъективных сигналов.

Приобретая такую сигнальную систему, животное тем самым приобретает опыт и способность усваивать этот опыт. Эта важная новая сторона его существования появляется вместе с чувственным сознанием и развивается в процессе постепенной эволюции животных организмов от низших форм к высшим.

В ходе развития чувственного сознания у высших животных *ощущение* переходит в *восприятие*.

Термином «ощущение» мы обозначаем определенные сигналы о связях между животным и внешней средой, возникающих из различных раздражений различных органов чувств. Таким образом, ощущения света или цвета суть результат раздражения глаза, звук — уха, запах — носа и т. д. Многие психологи и философы рассматривали ощущения как просто пассивное получение раздражений органами чувств; по этой причине они часто называют ощущения «впечатлениями», подразумевая под этим, что ощущение — просто след внешнего объекта, «запечатляемый» в органе чувств. Однако, напротив, ощущение является по существу деятельностью мозга, активной ответной реакцией воспринимающих частей мозга на раздражения органов чувств. Раздражения,

получаемые органом чувств, только тогда становятся ощущениями, когда они включаются в область деятельности мозга и становятся сигналом определенных связей с внешним миром.

Ощущение развивается в восприятие, когда в этой воспринимающей деятельности мозга имеет место объединение в одно целое ответных реакций на многие чувственные раздражения.

Непрерывно реагируя на сигналы, получаемые от ощущений, и узнавая их, животное учится связывать ощущения воедино, так что в единстве они дают комплексное представление о сложных объектах в сложных отношениях, именно то, что мы называем «восприятием», как отличное от «ощущений». Под «восприятием» мы подразумеваем познание сложных объектов в сложных отношениях, которые у высших животных являются продуктом их ощущений. Таким образом, восприятие представляет собой дальнейшую ступень в использовании сигнальной системы ощущения.

Развитие высшей психической деятельности человека

Павлов заложил основы исследования высшей психической деятельности человека — речи и мышления.

Для высших животных, включая человека, ощущения служат сигнальной системой, системой сигналов об объективных отношениях между организмом и внешним миром; из этой системы проистекают и восприятия животных. Павлов указывал далее, что, кроме этой сигнальной системы, общей для человека и животных, человек обладает также второй сигнальной системой, присущей только ему: «В развивающемся животном мире на фазе человека произошла чрезвычайная прибавка к механизмам нервной деятельности»[1]. Для животного окружающая среда и его взаимоотношения с ней сигнализируются раздражениями, получаемыми органами чувств, через посредство активного ответа на эти раздражения в воспринимающих участках мозга. Другими словами, животное познает внешнюю среду с помощью ощущений, и этот вид познания переходит в восприятие. Это относится также и к человеку, ибо мы чувственно познаем внешние предметы через посредство наших ощущений и восприятий. «Это — первая сигнальная система действительности, общая у нас с животными, — писал Павлов. — Но слово составило вторую, специально нашу, сигнальную систему действительности, будучи сигналом первых сигналов»[2].

Итак, Павлов считает человеческую речь «второй сигнальной системой», развившейся в результате деятельности человеческого

---

[1] И. П. Павлов, Полное собрание сочинений, т. III, кн. 2, стр. 335.
[2] Там же, стр. 335–336.

мозга, в дополнение к первой сигнальной системе — ощущениям. Он видит в развитии второй сигнальной системы основу развития всей высшей психической деятельности человека.

Павлов рассматривал ощущения — первые сигналы о действительности, общие у человека с животными, — как «конкретные сигналы». Это сигналы о тех или иных конкретных предметах и непосредственных связях с этими конкретными предметами.

Предположим, например, что я что-нибудь ищу, ну, скажем, запонку, упавшую на пол. Определенное зрительное ощущение служит для меня сигналом о том, что я нашел то, что искал. Это определенное ощущение служит для меня сигналом о том, где находится в настоящий момент определенный конкретный предмет.

Слова же действуют как сигналы по-другому. Слова, говорил Павлов, действуют не как первая сигнальная система или ощущения, являющиеся сигналом о тех или иных конкретных предметах, а скорее как «сигналы первых сигналов».

Например, если я скажу какому-нибудь человеку: «Помогите мне, пожалуйста, найти запонку», то слово «запонка» будет для него и для меня сигналом о характере ощущения, ассоциирующегося с той вещью, которую мы ищем. Конечно, человек, к которому я обратился, не понял бы меня, и слова не смогли бы в данном случае сыграть роль сигналов, если бы они не являлись «сигналами первых сигналов», то есть если бы они не ассоциировались с определенными ощущениями, с определенным опытом.

Раз речь возникает как система «сигналов первых сигналов», то, значит, то, что мы говорим, зависит от наших намерений. Получаемые нами ощущения зависят от того, какими внешними предметами или внутренними процессами организма они вызваны. Наши ощущения зависят от того, что фактически наличествует именно в данном месте и именно в данный момент. Но возможность употребления слов не ограничивается такими пределами.

Отсюда следует, что вторые сигналы, какими является речь, «представляют собой отвлечение от действительности и допускают обобщение, что и составляет наше лишнее, *специально человеческое, высшее мышление*»[1].

Поскольку слова действуют как «сигналы первых сигналов», а не как «конкретные сигналы», они обозначают не только данные конкретные предметы, которые непосредственно дают знать о своем присутствии через ощущения, а предметы вообще, вызывающие ощущения определенного рода. Говорящий обозначает словами не только данные конкретные предметы и связи, а роды предметов и связей с предметами, о которых сигнализируют

---

[1] И. П. Павлов, Полное собрание сочинений, т. III, кн. 2, стр. 232—233.

ощущения. Стало быть, слова выполняют абстрагирующую и обобщающую функцию, ибо ими можно обозначать предметы вообще и общие связи между предметами. Из этой абстрагирующей и обобщающей функции второй сигнальной системы — речи — вытекает вся высшая психическая деятельность, присущая лишь человеку — формирование понятий, мышление.

Вторая сигнальная система — речь — возникает и функционирует лишь в неразрывной связи с первой, из которой она развилась и от которой она ни при каких обстоятельствах не может быть отделена. Две сигнальные системы в человеческом мозге находятся в постоянном взаимодействии. Поэтому было бы совершенно неправильно считать, что вторая сигнальная система может развиваться отдельно от первой, что мышление человека развивается независимо от его ощущений, от конкретных условий его материальной жизни. Без ощущения не может быть ни речи, ни мысли, ибо вторые сигналы развиваются лишь как сигналы первых сигналов. В то же время развитие первой сигнальной системы у человека в свою очередь обусловлено развитием второй. Развитие у человека восприятия предметов обусловливается и направляется его идеями о них. Это можно проиллюстрировать, например, тем фактом, что у детей называние предметов является необходимым моментом развития органов чувств.

Чтобы понять связь между второй сигнальной системой и первой, а также функцию абстрагирования и обобщения, выполняемую второй сигнальной системой, мы должны вспомнить, что уже животное путем создания условных связей с предметами через посредство ощущений приучается реагировать на них и различать то общее, что присуще различным предметам, то есть это уже есть распознавание универсального или общего в частном.

Например, у собаки различные запахи ассоциируются с различными предметами, а это означает, что она узнает один и тот же определенный запах в различных случаях. Другими словами, она распознает общее в частном. Ясно, что от двух фонарных столбов пахнет по-разному, однако собака может узнать в их запахах один, уловить в их запахах нечто общее. То общее, что будет в двух аналогичных ощущениях, которые возникнут у собаки при обнюхивании двух столбов, послужит для нее сигналом о том, что у обоих столбов побывала другая собака.

Когда человек пользуется словами как второй сигнальной системой, он использует различные слова, чтобы выделить, абстрагировать и обобщить то, что есть одинакового в различных ощущениях. Все слова выполняют эту функцию — абстрагирования общего от частного. Человек не только распознает общее в частном, как это свойственно животным, но и абстрагирует общее от частного, находя для него определенное слово.

Сначала должны быть ощущения и познание всеобщего в частном с помощью ощущений. Лишь затем может следовать абстрагирование всеобщего от частного через посредство слов.

Развитие у человека второй сигнальной системы из первой определяется особыми условиями. Оно объясняется тем, что человек вступает во взаимоотношения с окружающей средой не только так, как другие животные, а в человеческом обществе, иными и совершенно новыми способами. Нечто качественно новое появляется в поведении человека, и тем самым нечто новое появляется и в деятельности человеческого мозга. Создавая с помощью рук орудия производства, люди построили человеческое общество и совершенно изменили свой образ жизни: от образа жизни, свойственного животным, они перешли к образу жизни, свойственному человеку. В ходе этого процесса — в общественной жизни и в качестве ответа на ее потребности — и возникла речь.

Вторая сигнальная система — речь — создана человеческим мозгом в результате производственной деятельности и социального общения людей.

Глава II

ДУХ КАК ПРОДУКТ И ОТРАЖЕНИЕ МАТЕРИИ

Существенная черта психических процессов состоит в том, что в их ходе и через их посредство организм беспрестанно устанавливает сложные и меняющиеся связи с окружающей средой. Поэтому процессы сознания суть процессы отражения внешней, материальной действительности. Сознание есть отражение материального мира в процессе жизнедеятельности мозга.

Психические процессы суть процессы деятельности мозга, путем которых устанавливаются взаимоотношения между организмом и окружающей средой

Исследования Павлова подтверждают, расширяют и развивают взгляды о взаимоотношениях между материей и духом, которых придерживались основоположники марксизма. В этой главе мы кратко изложим суть этих взглядов и противопоставим их точке зрения идеализма.

1) Идеализм считает, что психические функции суть функции духа, который может существовать отдельно от тела.

Марксизм, однако, считает психические функции функциями высшего продукта развития материи, а именно – мозга. Психические процессы – процессы мозга, процессы вещественного, телесного органа.

Существенная черта психических процессов заключается в том, что в их ходе и через их посредство животное непрерывно устанавливает самые сложные и изменчивые связи с окружающим миром. Воспринимая предметы, мы вступаем во взаимоотношения с внешними объектами благодаря перцептивной деятельности мозга. Думая же о тех или иных предметах, мы вступаем во взаимоотношения с внешними объектами благодаря мыслительной деятельности мозга.

Считая сознание функцией духа, существующего отдельно от материи, идеализм выдвигает интроспективный метод как средство ознакомления с явлениями нашего сознания. Это является, так сказать, методом внутреннего наблюдения за собственным сознанием и попыток анализировать то, что в нем обнаруживается.

Характерным примером применения интроспективного метода в современной психологии может служить психоанализ.

Психоанализ развился как специальный прием контролируемого самонаблюдения, осуществляемого пациентом совместно с психоаналитиком. Психоаналитик утверждает, что, побуждая пациента говорить все, что тому приходит в голову, рассказывать свои сны и т. д., он тем самым выявляет под сознанием целое царство бессознательного. Была разработана весьма сложная теория о различных сторонах духа, об их взаимоотношениях и функциях — о сознательном и подсознательном, об ego, id и super-ego. Это не что иное, как дальнейшее распространение метода, к которому прибегают все стоящие на позициях идеализма философы и психологи, когда они пытаются анализировать составные части человеческого сознания, классифицируя их, устанавливая между ними связь и прослеживая их развитие, всегда рассматривая при этом сознание как самостоятельный мир, оторванный от мира материального.

Применяя подобный метод, многие философы-идеалисты пришли к выводу, что восприятия и идеи, составляющие содержание сознания, представляют собой особые объекты, обладающие психическим существованием, не связанным с материальным существованием объектов, находящихся за пределами нашего сознания.

По мнению таких философов-идеалистов, все окружающие предметы, которые мы познаем в нашей сознательной жизни, вовсе не являются материальными, и нам известны лишь наши представления о вещах, но не «вещи в себе». Так, английский философ Джон Локк, делая явные уступки идеализму, писал: «...у души во всех ее мыслях и рассуждениях нет непосредственного объекта, кроме ее собственных идей, которые одни она созерцает и может созерцать»[1].

Отсюда идеалисты заключают, что свойства «вещей в себе» известны только богу, ибо, по их мнению, наши ощущения и идеи представляют собой нечто вроде стены в нашем сознании, отделяющей его от внешнего мира. Некоторые идут еще дальше и утверждают, что вообще нет никаких оснований верить в существование внешних, материальных предметов: существует только наш дух, его ощущения и идеи. «Если существуют внешние тела, — писал Джордж Беркли, — то мы никоим образом не можем приобрести знание о том, а если их нет, то мы имеем такие же основания, как и теперь, допускать их существование»[2].

Однако есть иной метод изучения нашего сознания, а именно: научный метод, изучающий живые организмы, которым присуще сознание, в их активных взаимоотношениях с окружающей средой. Этот метод был принят Марксом и Энгельсом, а впоследствии Павловым. Этот метод не рассматривает сознание как

[1] Локк, Опыт о человеческом разуме, М., 1898, стр. 524.

[2] Беркли, Трактат о началах человеческого знания, СПБ, 1905, стр. 74.

особый объект интроспективного наблюдения. Напротив, он, выражаясь словами Маркса и Энгельса, исходит из того, что «Сознание [das Bewußtsein] никогда не может быть чем-либо иным, как осознанным бытием [das bewußte Sein]»[1]. Итак, он не изучает сознание так, словно оно существует абстрагированно от жизнедеятельности живых организмов, которым присуще сознание; напротив, он изучает их сознательную деятельность.

Как мы уже говорили, суть сознательной деятельности состоит в установлении сложных и меняющихся активных взаимоотношений между организмом, которому присуще сознание, и окружающей средой, а эту функцию выполняет мозг. Следовательно, процессы сознания есть те процессы, через посредство которых мы устанавливаем взаимоотношения с внешним миром. Наши ощущения и представления вовсе не препятствуют познанию нами внешних предметов; напротив, они являются средствами их познания. «Ощущение есть... непосредственная связь сознания с внешним миром... — писал Ленин. — Софизм идеалистической философии состоит в том, что ощущение принимается не за связь сознания с внешним миром, а за перегородку, стену, отделяющую сознание от внешнего мира...»[2].

Придерживаясь научного подхода к природе сознания, марксизм отрицает идеалистическую теорию, которая считает, что, когда мы воспринимаем, чувствуем или мыслим, происходят *два независимых процесса* — материальная деятельность мозга и психическая деятельность сознания. Марксизм же считает, что происходит *только один* процесс, а именно материальная деятельность мозга. Психическая деятельность — всего-навсего одна из сторон деятельности мозга как органа самых сложных взаимоотношений с внешним миром.

Маркс писал, что мышление есть «процесс жизнедеятельности человеческого мозга» (the life-process of human brain)[3].

Сознание есть продукт развития материи

2) Идеализм считает, что такие явления, как восприятия, чувствования и мышление, не могут быть результатом деятельности какой-либо материальной системы. По мнению идеалистов, особое качество сознания, которое отличает психические процессы, не есть результат какого бы то ни было возможного сочетания материальных условий, а есть качество, абсолютно не совместимое со всеми

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 25.

[2] В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 39, 40.

[3] См. K. Marx, Capital, Vol. I, Foreign Languages Publishing House, Moscow, 1954, p. 19.

качествами материальных систем. Идеализм приходит к выводу, что такое качество может быть присуще лишь чему-то нематериальному, а именно — духу.

Марксизм, однако, считает, что сознание есть продукт развития материи, а именно: живых организмов с центральной нервной системой, и что ощущения, чувствования и мышление являются, по сути дела, высшим продуктом материи.

«Но если... поставить вопрос, что же такое мышление и сознание, откуда они берутся, — писал Энгельс, — то мы увидим, что они — продукты человеческого мозга и что сам человек — продукт природы, развившийся в известной природной обстановке и вместе с ней»[1].

«...тот вещественный, чувственно воспринимаемый мир, к которому принадлежим мы сами, есть единственный действительный мир и... — писал далее Энгельс, — наше сознание и мышление, каким бы сверхчувственным оно ни казалось, является продуктом вещественного, телесного органа, мозга. Материя не есть продукт духа, а дух сам есть лишь высший продукт материи»[2].

Когда по мере развития нервной системы животное вступает в активные взаимоотношения с окружающей средой благодаря образованию условных связей, процесс нервной деятельности становится процессом сознательной деятельности, процессом ощущения, а у человека — процессом мышления. Следовательно, ощущения и мышление суть особые продукты процесса нервной деятельности.

Ощущение, писал В. И. Ленин, является «одним из свойств движущейся материи»[3].

«Материя, действуя на наши органы чувств, производит ощущение. Ощущение зависит от мозга, нервов, сетчатки и т. д., т. е. от определенным образом организованной материи... Ощущение, мысль, сознание есть высший продукт особым образом организованной материи»[4].

Сознание есть отражение материального мира

Идеализм, который исходит из того, что дух существует независимо от тела и что восприятия и мысли не могут являться продуктом какого-либо материального процесса, считает, что восприятия и мысли представляют собой порождение духа, что они заполняют наше сознание независимо от существования внешних материальных объектов.

---

1 Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1953, стр. 34.
2 К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, стр. 353.
3 В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 35.
4 Там же, стр. 43.

Однако марксизм считает, что восприятия и мысли представляют собой не что иное, как отражения материальных объектов. Процессы сознания суть процессы отражения внешней, материальной действительности, и все порождения сознания представляют собой не что иное, как отражение материального мира.

Маркс писал: «...идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней»[1].

Он считал, что в процессе мышления, да и сознания вообще, происходит отражение различных сторон материального мира в ходе особого материального процесса, а именно: в процессе жизнедеятельности мозга. В нашем сознании различные стороны материального мира преобразуются в формы сознания — восприятия и мысли. Они воспроизводятся в процессе жизнедеятельности мозга в формах, свойственных его жизнедеятельности.

Так, например, свойства различных тел, поглощающих свет или отражающих его, воспроизводятся, в ходе воспринимающей деятельности мозга, в форме ощущений цвета. Далее, взаимоотношения между предметами и их общие черты воспроизводятся, в ходе мыслительной деятельности мозга, в форме понятий.

Что именно мы понимаем под *отражением*, когда говорим, что сознание есть отражение материальной действительности? Мы должны обратить особое внимание на следующие четыре черты этого процесса.

Материальная действительность — первична, а ее отражение в психике — вторично или производно

а) Процесс отражения включает в себя такую взаимосвязь между двумя особыми материальными процессами, при которой особенности первого процесса воспроизводятся в соответствующих особенностях второго. Первый процесс — первичен, а его отражение во втором — вторично или производно, ибо первый процесс развивается совершенно независимо от второго, тогда как воспроизведение особенностей первого процесса путем отражения его во втором не могло бы иметь места, не будь прежде всего этих особенностей, которые могут быть воспроизведены или отражены.

Эту основную черту любого процесса отражения можно проиллюстрировать на примере отражения в зеркале, хотя, как мы увидим, активное отражение внешней действительности в сознании существенно отличается от пассивного отражения, которое дает зеркало.

Так, когда те или иные объекты отражаются в зеркале, то ни самое существование объектов, поставленных перед зеркалом, ни

[1] К. Маркс, Капитал, т. I, Госполитиздат, 1952, стр. 19.

характерные их особенности не зависят от того, отражает ли их зеркало; с другой стороны, отражение в зеркале зависит от того, что перед ним поставлено, и в зеркале не отражается ничего такого, что не воспроизводило бы так или иначе характерных особенностей предметов, поставленных перед зеркалом. Стало быть, предмет первичен, а его отражение — вторично или производно.

Точно так же существование материальных предметов не зависит от того, сознаем ли мы, что они есть; с другой стороны, в нашем сознании нет ничего такого, что не воспроизводило бы так или иначе нечто существующее в материальном мире.

Есть много характерных особенностей предметов, не воспроизводимых в наших ощущениях; однако нет ни одного нашего ощущения, которое не соответствовало бы так или иначе какой-то определенной характерной особенности предметов. Есть много связей между предметами и общих черт этих предметов, которые не воспроизводятся в наших понятиях; однако в нашем уме не может сложиться никакое понятие, которое не воспроизводило бы так или иначе — пусть даже в фантастической форме (как в кривом зеркале) — каких-нибудь особенностей предметов или взаимоотношений между предметами.

Конечно, в отношении многих понятий создается впечатление, что они не имеют основы в отражении материальной действительности; это объясняется просто-напросто тем, что понятия, коль скоро они возникли, можно беспрепятственно сочетать самым фантастическим образом. Например, всем известно, что в понятии «русалка» не отражено какое-то реальное, живое существо, но что это понятие образовалось путем сочетания идей о реальных, живых существах, а именно: женщинах и рыбах. Материалисты могут с полным основанием доказывать, что никакой реальный объект не соответствует понятию «бог» как троице лиц, обладающих беспредельным могуществом и беспредельным знанием, но что несколько представлений — о личности, могуществе, знании и бесконечности — сложились как отражения материальной действительности.

Поэтому, когда мы говорим, что материальная действительность отражается в сознании, мы подразумеваем, что черты материальной действительности воспроизводятся в сознании, что материальная действительность — первична, а ее воспроизведение в сознании — вторично или производно.

«...наше сознание есть лишь *образ* внешнего мира, — писал В. И. Ленин, — и понятно само собою, что отображение не может существовать без отображаемого, но отображаемое существует независимо от отображающего»[1].

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 57.

Материальная действительность отражается в сознании в формах, определяемых деятельностью мозга

б) То, что существует в первичном процессе в одной форме, воспроизводится во вторичном процессе, в процессе отражения, в другой форме. То, что существует независимо в одной форме, так сказать, преобразуется в другую форму в процессе отражения. Следовательно, процесс отражения есть процесс преобразования или превращения из одной формы в другую, причем форма отражения, конечно, зависит от природы процесса отражения.

Итак, когда мы говорим, что материальная действительность отражается в сознании, мы подразумеваем при этом, что черты материальных процессов воспроизводятся в другом материальном процессе, а именно: в процессе жизнедеятельности мозга — в особых формах, а именно: в формах восприятий и мыслей.

Эти формы создаются в ходе процессов, совершающихся в мозге, а именно: в ходе действия первой и второй сигнальных систем мозга.

Таким образом, материальная действительность воспроизводится или отражается в сознании в формах, которые вызваны практическими потребностями живых, сознательных существ и приспособлены к этим потребностям.

Например, наши ощущения суть отражения в процессе сознания, происходящем в мозге, особенностей материальных предметов. Однако эти особенности сами по себе не есть ощущения, а отражаются в ощущениях, и наши ощущения — та форма, в которой мы их чувственно сознаем и тем самым можем на них реагировать.

Например, воспринимая различные цвета, мы видим не предметы, существующие якобы лишь в нашем сознании, как это утверждали некоторые философы, а предметы, которые существуют вне нашего сознания и независимо от него и свойства которых отражаются в нашем ощущении цвета. Свойства, присущие действительным объектам, например, свойства поглощения и отражения света, отражаются в нашем чувственном сознании в форме ощущений цвета.

В. И. Ленин писал: «Если цвет является ощущением лишь в зависимости от сетчатки (как вас заставляет признать естествознание), то, значит, лучи света, падая на сетчатку, производят ощущение цвета. Значит, вне нас, независимо от нас и от нашего сознания существует движение материи, скажем, волны эфира определенной длины и определенной быстроты, которые, действуя на сетчатку, производят в человеке ощущение того или иного цвета. Так именно естествознание и смотрит. Различные ощущения того или иного цвета оно объясняет различной длиной световых волн,

существующих вне человеческой сетчатки, вне человека и независимо от него»[1].

Мышление опять-таки более абстрактно, более обще отражает действительность, чем восприятие. В какой форме действительность отражается в нашем мышлении? Она отражается в форме предложений. Мышление выражается в предложениях, в которых, например, подлежащее согласуется со сказуемым, образуя нечто целое. Материальный мир существует не в форме согласования подлежащих и сказуемых. Это согласование есть продукт второй сигнальной системы, мыслительной деятельности мозга, и через его посредство действительность отражается в мышлении. Вот каким образом материальный мир преобразуется в формы мысли. Возьмем любой предмет, ну, скажем, красный карандаш. Думая об этом предмете, мы выражаем свои умозаключения о нем в предложениях, например: «Этот карандаш красный». Это предложение состоит из подлежащего и сказуемого, которые в нем согласуются. Однако в реальной действительности предмет не делится на такие составные части. Красный карандаш не делится на разные части — карандаш (подлежащее) и красный (сказуемое). Тем не менее ясно, что если мы говорим: «Этот карандаш красный», то предложение отражает объективную реальность — карандаш, — которая, таким образом, правильно преобразована в формы мысли.

Отражение материальной действительности в сознании происходит через посредство активного взаимоотношения между живым организмом и окружающей средой

в) Отражение всегда представляет собой продукт взаимоотношения и взаимодействия того процесса, в котором происходит отражение, и первичного процесса, который отражается. Источником его является первичный процесс.

Таким образом, процесс жизнедеятельности мозга воспроизводит или отражает в своих продуктах — восприятиях и мыслях — окружающую материальную действительность, которая является источником всех восприятий и мыслей, причем отражение происходит в ходе и в результате взаимодействия сознающего организма с окружающей средой. Это взаимодействие регулируется мозгом как органом самых сложных взаимоотношений живого организма с окружающей средой. Мозг непрерывно действует в процессе отражения, непрерывно отражая внешние предметы в сознании.

Следовательно, тот способ, которым материальный мир отражается в сознании, определяется активным взаимоотношением между живым, сознательным организмом и окружающей средой,

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 43.

условиями жизни живого существа, как внутренним его состоянием, так и взаимоотношениями с внешним миром.

Если учесть это, становится очевидным, что в процессе отражения внешней действительности в нашем сознании отражаемые предметы могут оказаться сильно измененными в их отражении. Отражение (в сознании) вовсе не похоже на отражение предмета в зеркале: оно является продуктом сложного процесса взаимодействия, в ходе которого беспрерывно действует мозг.

Этим объясняется тот хорошо известный факт, что наши восприятия предметов очень часто вводят нас в заблуждение: они могут создавать ложные представления о предметах или даже (как при некоторых иллюзиях и галлюцинациях) заставляют нас предполагать присутствие таких предметов, которые в действительности вовсе не присутствуют.

Многие философы выступали против материалистической точки зрения, согласно которой сознание отражает внешнюю действительность.

Один из доводов, выдвигаемых ими в противовес материалистической точке зрения, основан просто на характере наших восприятий.

«Возьмем пенни, — говорят они. — Вы считаете, что этот материальный предмет имеет определенную форму и размер и что, когда вы смотрите на этот материальный предмет, он отражается в ваших восприятиях. Прекрасно. Если смотреть на пенни издалека, он кажется маленьким, а если поднести его близко к глазам, он кажется большим; если смотреть на него так, он кажется круглым, если смотреть на него иначе, он кажется эллиптическим. На самом деле ваши восприятия этого пенни отличаются друг от друга самым различным образом, тогда как материальный предмет, образами которого в вашем сознании якобы являются ваши восприятия, не меняется совсем. Как же можно говорить, что восприятия отражают внешнюю действительность, если они меняются, когда последняя остается неизменной?»

На этот вопрос, который выдвигают с такой самоуверенностью, считая его неопровержимым доводом против теории отражения, очень легко ответить. Философы, рассуждающие таким образом, попросту забыли, что отражение есть активный процесс, обусловленный фактическими взаимоотношениями между организмом и окружающей средой.

Таким образом, если мы смотрим на один и тот же предмет с различных расстояний или под разными углами, он, конечно, будет по-разному отражаться в наших восприятиях — его размер и форма будут меняться. Далее, если мы смотрим на предмет через различные среды, он, конечно, будет выглядеть по-разному, например: прямая палка, погруженная в воду, кажется согнутой. Далее, отражение неизбежно меняется в зависимости от фактического

состояния наших органов чувств: нажмите на угол глаза, и все предметы, которые вы видите, начнут двоиться; нагрейте одну руку и охладите другую, а затем опустите обе в миску с водой — одна рука будет ощущать воду как более холодную, а другая как более горячую. Наконец, поскольку восприятие есть процесс деятельности мозга, не удивительно, что, если объекты были раз отражены в ходе этой деятельности, мозг при определенных обстоятельствах может воспроизводить отражения этих объектов, даже если они в данный момент отсутствуют, — мы имеем в виду сны, иллюзии и галлюцинации различного рода.

В процессе мышления мы можем еще больше заблуждаться относительно свойств предметов, приписывать им свойства, которыми они не обладают, и думать о предметах, которых вовсе не существует. Посредством мышления мы зачастую устраняем иллюзии, создавшиеся в результате восприятия, но нередко также создаем новые, еще более обманчивые иллюзии.

Отражение действительности в сознании есть активный фактор в управлении практической деятельностью по изменению действительности

г) Тот факт, что отражение в сознании есть продукт жизнедеятельности, деятельности организма во взаимоотношении с окружающей средой, означает, что сознание человека, как его восприятия, так и мысли, постоянно обусловлено его опытом и общественной деятельностью. То, что люди воспринимают, и то, что они думают, возникает не как непосредственное воспроизведение внешней действительности в восприятии и мысли, а обусловлено их опытом, образом жизни и общественными отношениями.

Так, хорошо известно, что разница в опыте и образе жизни людей определяет разницу в восприятии ими предметов. Например, восприятия квалифицированного инженера, осматривающего сложную машину, отличаются от восприятий человека, не знакомого с такой машиной, хотя их органы чувств могут быть возбуждены тем же самым способом. Один и тот же сельский пейзаж по-разному воспринимается фермером и горожанином, а художник воспринимает этот же пейзаж и вовсе по-другому.

Еще больше разнятся понятия и мысли о тех или иных предметах в зависимости от классовых различий, различий в опыте и воспитании.

Более того, у людей идеи о вещах в свою очередь оказывают обратное влияние на восприятие. Тот факт, что мы не просто воспринимаем вещи, а составляем себе идеи о них, влияет на восприятие, другими словами — у человека деятельность второй сигнальной системы, которая первоначально возникает из деятельности первой сигнальной системы, оказывает обратное воздействие

на первую сигнальную систему. Это разъяснялось на примерах, приведенных выше. Если у квалифицированного инженера восприятия машины более полные, чем у других людей, то это объясняется тем, что у него больше идей об этой машине, чем у них. Далее, если у художников восприятие предметов может быть более полным, чем у людей, далеких от искусства, то различные художники в свою очередь воспринимают вещи по-разному, в зависимости от своих идей о них. Например, это видно из того, что у художников, придерживающихся различных воззрений, совершенно разная манера писать портреты: одни отображают силу и благородство людей, а другие не воспринимают этих качеств в людях, с которых они пишут портреты.

Отражение в нашем сознании окружающей среды и наших связей с окружающей средой является весьма активным фактором в определении нашей деятельности, направленной на изменение окружающей среды. Тот факт, что сознание есть отражение, не означает, что сознание не является активным фактором в жизни. Сознание прежде всего продукт жизнедеятельности, а затем уже продукт, играющий важную роль в управлении той самой деятельностью, продуктом которой оно является. Сознание есть созданное жизнью средство для направления жизни к определенным целям. В самом деле, мы можем сказать, что именно поэтому сознание неизбежно должно было возникнуть в ходе эволюции живых организмов.

Сознательное существование есть жизнедеятельность, управляемая отражением внешних условий в мозге. Это отражение прежде всего является продуктом активных взаимоотношений организма, обладающего сознанием, с окружающей средой; в свою очередь оно активно влияет на дальнейшее развитие этих взаимоотношений через посредство практики людей, меняющих окружающую среду. Сознание человека есть продукт его практики, направляющий эту практику.

Наконец, анализируя активную роль сознания, мы должны помнить, что отражение материального мира в сознании принимает не только форму восприятия и мыслей. В своем активном сознательном существовании человек испытывает также эмоции.

По мнению многих идеалистов, источником эмоций является внутреннее духовное бытие человека. Однако для материалистов эмоции также представляют собой форму отражения материальной действительности в сознании человека. Они отражают активные взаимоотношения человека с окружающей средой. Проявляя активность, подвергаясь в ходе своей деятельности воздействию предметов и занимая определенную позицию по отношению к предметам и возможным их изменениям, человек испытывает эмоции в отношении предметов, причем эти эмоции служат стимулом для его деятельности. В своем сознательном существовании человек

не только познает предметы путем восприятия и мышления, но также эмоционально воспринимает активные взаимоотношения с вещами. Таким образом, эмоциональное сознание есть необходимая сторона жизни. Человек вступает в связь с окружающей действительностью, воспринимая ее и составляя представления о ней, однако эти взаимоотношения должны дополняться эмоциями, которые она у него возбуждает. В свою очередь эмоции должны определяться и направляться восприятиями и представлениями.

Материя и ее отражение

Подведем итоги. Не существует сознания в отрыве от живого мозга. Источник всякого сознания, всего того, что поступает в сознание, есть материальный мир. В сознании происходит отражение материального мира в процессе жизнедеятельности мозга; именно это отражение и составляет содержание сознания.

Поэтому нет двух раздельных и особых сфер существования — материальной и духовной. Нет двух миров — материального и духовного. Существует только материальный мир, только материальные процессы.

В ходе материального развития возникает отражение материальных процессов в одном особом материальном процессе — в процессе жизнедеятельности мозга. Когда же мы проводим различие между материальным и духовным, материей и духом, мы проводим различие просто между материальным бытием, его движением в пространстве и во времени, с одной стороны, и его отражением в процессе жизнедеятельности мозга — с другой.

Оба процесса — и тот, который порождает отражение, и тот, в ходе которого отражение происходит, — являются материальными. Однако отражение носит не материальный характер, а психический, то есть оно не материальный фактор, а отражение материи.

«Материалистическое устранение "дуализма духа и тела"... — писал Ленин, — состоит в том, что дух не существует независимо от тела, что дух есть вторичное, функция мозга, отражение внешнего мира»[1].

«...противоположность материи и сознания, — писал Ленин далее, — имеет абсолютное значение только в пределах очень ограниченной области... исключительно в пределах основного гносеологического вопроса о том, что признать первичным и что вторичным. За этими пределами относительность данного противоположения несомненна»[2].

---

1 В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 78.
2 Там же, стр. 134—135.

Глава III

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ТРУД И ОБЩЕСТВЕННОЕ МЫШЛЕНИЕ

Развитие психических функций человека происходит из его общественной деятельности, эволюционируя от восприятия к мышлению. Способность думать и говорить берет начало в процессе общественного труда, который представляет собой основу общественной деятельности человека.

Человеческий мозг и что мы делаем с его помощью

Человеческий мозг, который один способен образовывать общие представления, который один обладает понятийным сознанием, мышлением, представляет собой продукт длительной эволюции форм жизни. Человеческий мозг есть кульминационный пункт эволюции мозга в отношении размеров и структуры. В частности, кора полушарий мозга у человека намного больше, чем у других животных, и значительная часть коры в ходе развития приобрела специальную функцию — управления руками и органами речи.

Правда, наука только начинает познавать деятельность мозга. Однако известно уже достаточно, чтобы с уверенностью утверждать, что мозг является органом мысли, что мышление осуществляется мозгом и что мозг в ходе эволюции обязательно должен был достичь определенных размеров и структуры, чтобы он мог стать органом мысли.

Биологическое развитие мозга в орган, способный мыслить, произошло на стадии эволюции, предшествовавшей появлению человека, — на той стадии, на которой эволюционным путем происходило очеловечение высокоразвитых обезьян. Решающим шагом в эволюции человека явился, пожалуй, тот момент, когда эти животные усвоили прямую походку. В результате высвободилась рука, с помощью которой совершалась вся производственная деятельность человека. Вместе с использованием руки шло ее физическое развитие — превращение в человеческую руку, а вместе с этим и развитие мозга, направляющего деятельность руки, в человеческий мозг.

Уже у первых людей был такой же мозг, как у нас, подобно тому, как у них были такие же руки, ноги, глаза, носы, зубы,

желудки и т. д. Наши органы, включая мозг, не отличаются от их органов, хотя за истекший период мы научились многому, чего они не умели делать.

Таким образом, как только в результате биологической эволюции появились человеческий мозг и руки, человек начал новую, особенную эволюцию — свою собственную эволюцию. Эволюция человека — это не биологическая эволюция. Человек развивает свою общественную организацию, технику, культуру и знание, сознательное господство над самим собой и внешней природой.

Что касается мозга, то после появления человека развивался не его мозг, а использование человеком своего мозга — шло развитие возможностей, заложенных в мозге. Человек развивал свою материальную деятельность, восприятия и мысли; тем самым он непрерывно коренным образом преобразовывал жизненные условия и умножал свои возможности и силы.

От восприятий к идеям

Мышление возникает только из чувственного восприятия, которое должно ему предшествовать. Для того чтобы думать о мире, мы должны сначала его воспринимать. Мы не можем составить себе никакого понятия, которое не было бы основано на восприятии, не было бы побуждаемо им. В общем и целом идеи не могут возникать без восприятий, являющихся необходимым материалом, на котором строится деятельность мышления.

Например, если бы какой-нибудь человек с детства жил в уединенном месте, то у него мог бы быть такой же полноценный мозг, как и у любого другого, но ему почти не о чем было бы думать, и его идеи и круг этих идей были бы очень ограничены. Точно так же круг идей первобытных народов ограничен по сравнению с кругом идей цивилизованных людей, хотя мозг их ничем не уступает мозгу последних.

Наши идеи развиваются по мере того, как обогащается наше восприятие в результате расширения деятельности и общественных связей.

Таким образом, мышление развивается из восприятия. Это развитие происходит только в процессе и через посредство активного взаимоотношения с внешним миром, которое люди устанавливают в ходе своей практической общественной деятельности. Само восприятие — не просто пассивное получение впечатлений от внешних предметов. Развитие ощущения в восприятие есть продукт развития активных взаимоотношений с внешним миром. Чем разнообразнее и сложнее активное взаимоотношение организма с окружающей средой, тем разнообразнее и сложнее будет содержание восприятия им этой окружающей среды.

«...действительное духовное богатство индивида всецело зависит от богатства его действительных отношений», — писали Маркс и Энгельс[1].

Человеческое восприятие намного шире по масштабам, чем восприятие любого другого животного. Это объясняется тем, что деятельность и интересы человека шире и что, развивая эту деятельность и интересы, он соответствующим образом развил свои чувства. Благодаря тому, что человек развивал свою деятельность и восприятия, он смог мыслить и развивать идеи, а это в свою очередь вызвало дальнейшее развитие его деятельности и восприятий.

«Орел видит значительно дальше, чем человек, но человеческий глаз замечает в вещах значительно больше, чем глаз орла, — писал Энгельс. — Собака обладает значительно более тонким обонянием, чем человек, но она не различает и сотой доли тех запахов, которые для человека являются определенными признаками различных вещей. А чувство осязания, которым обезьяна едва-едва обладает в самой грубой, зачаточной форме, выработалось только вместе с развитием самой человеческой руки, благодаря труду»[2].

Основа усовершенствования и расширения круга восприятий человека была заложена нашими отдаленными предками, когда они начали приобретать прямую походку, осматриваться вокруг и применять руки не для того, чтобы раскачиваться на ветках деревьев и хватать пищу, а для того, чтобы изготовлять орудия и приспособления.

По мере того как развивалась деятельность человека, расширялись богатства его связей с окружающим миром, у человека усилилась способность к восприятию и шире стал круг его восприятий, а затем появилась вторая сигнальная система — речь, которая знаменует переход от конкретных чувственных восприятий к абстрактным общим идеям. Взаимодействие второй сигнальной системы человека с первой в ходе его деятельности привело к еще большему развитию восприятий, а тем самым и к дальнейшему развитию идей.

Способность человеческого мозга к восприятию, а затем и к мышлению реализовалась и развилась в процессе человеческой деятельности.

Труд

Человек живет в обществе и действует сообща с другими людьми. Поэтому, подобно тому, как в ходе общественной деятельности он обогащает свои восприятия, он также в ходе общест-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 36.

[2] Ф. Энгельс, Диалектика природы, Госполитиздат, 1953, стр. 135—136.

венной деятельности, исходя из восприятий, начинает формировать идеи, мыслить и развивать идеи.

Основой общественной деятельности человека является труд. Именно в процессе труда и через его посредство человек прежде всего расширяет круг своих восприятий и начинает использовать свой мозг для мышления — формирования идей и их сообщения, развития мысли и языка.

Таким образом, в труде следует видеть источник и происхождение мышления и языка. «Труд... первое основное условие всей человеческой жизни, — писал Энгельс, — и притом в такой степени, что мы в известном смысле должны сказать: труд создал самого человека»[1].

В ходе эволюции человека, указывал Энгельс, первый решительный шаг был сделан, когда была усвоена прямая походка. Это высвободило руку. Когда же человек начал с помощью руки создавать орудия и приспособления, чтобы использовать их для изменения внешних предметов и производить себе средства к существованию, то это и было подлинным появлением человека и человеческого общества.

«Первая предпосылка всякой человеческой истории — это, конечно, существование живых человеческих индивидов, — писали Маркс и Энгельс. — Поэтому первый конкретный факт, который подлежит констатированию, — телесная организация этих индивидов и обусловленное ею отношение их к остальной природе». Но, установив этот факт, необходимо установить, что же они делают — какова их деятельность, каков их образ жизни? Люди «начинают отличать себя от животных, как только начинают *производить* необходимые им средства к жизни, — шаг, который обусловлен их телесной организацией. Производя необходимые им средства к жизни, люди косвенным образом производят и самоё свою материальную жизнь»[2].

Производя средства к существованию и тем самым косвенно производя свою фактическую материальную жизнь, люди, в силу своей физической организации, начинают действовать именно как люди, развивать общественную организацию и «творить свою историю», а тем самым формировать идеи, мыслить и говорить.

Отличительные особенности человеческого труда

Каковы же отличительные особенности человеческого труда по сравнению с теми способами, которыми другие животные обеспечивают себе средства к существованию?

---

[1] Ф. Энгельс, Диалектика природы, стр. 132.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 19.

1. Первая отличительная особенность заключается в том, что люди изготовляют орудия производства, изменяя предметы природы с тем, чтобы использовать их свойства для достижения желаемой цели.

«Средство труда, — писал Маркс, — есть вещь или комплекс вещей, которые рабочий помещает между собою и предметом труда и которые служат для него в качестве проводника его воздействий на этот предмет. Он пользуется механическими, физическими, химическими свойствами вещей для того, чтобы в соответствии со своей целью заставить их действовать в качестве орудия его власти»[1].

Животное же собирает и перегруппировывает предметы, находящиеся в непосредственной близости от него, но не преобразует их и не использует их свойства и заложенные в них естественные силы для производства средств к существованию и широкого преобразования окружающей среды в соответствии со своими нуждами.

«...орудие означает специфически человеческую деятельность, преобразующее обратное воздействие человека на природу — производство, — писал Энгельс. — И животные в более узком смысле слова имеют орудия, но лишь в виде членов своего тела: муравей, пчела, бобр; и животные производят, но их производственное воздействие на окружающую природу является по отношению к этой последней равным нулю. Лишь человеку удалось наложить свою печать на природу: он не только переместил различные виды растений и животных, но изменил также внешний вид и климат своего местожительства, изменил даже самые растения и животных до такой степени, что результаты его деятельности могут исчезнуть лишь вместе с общим омертвением земного шара»[2].

«Животные... тоже изменяют своей деятельностью внешнюю природу, хотя и не в такой степени, как человек... — писал Энгельс. — Но когда животные оказывают длительное воздействие на окружающую их природу, то это происходит без всякого намерения с их стороны и является по отношению к самим этим животным чем-то случайным. Чем более, однако, люди отдаляются от животных, тем более их воздействие на природу принимает характер преднамеренных, планомерных действий, направленных на достижение определенных, заранее намеченных целей...

Коротко говоря, животное только *пользуется* внешней природой и производит в ней изменения просто в силу своего присутствия; человек же вносимыми им изменениями заставляет ее служить своим целям, *господствует* над ней»[3].

[1] К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 186.
[2] Ф. Энгельс, Диалектика природы, стр. 14.
[3] Там же, стр. 139, 140.

Таким образом, благодаря труду человек господствует над природой, производя орудия и используя их так, чтобы заставить природу служить своим целям. «...в процессе труда, — писал Маркс, — деятельность человека при помощи средства труда производит заранее намеченное изменение предмета труда»[1]. Так человек, устанавливая господство над природой и меняя ее характер, меняется сам, развивает свои человеческие свойства.

2. Вторая отличительная особенность человеческого труда вытекает из первой и заключается в его сознательном и общественном характере.

Производя орудия и применяя их, заставляя природу и ее силы служить своим целям, человек сознает свои цели, имеет представление о том результате, которого он хочет добиться. Люди работают сообща, согласно сознательному замыслу и плану, чтобы добиться осуществления тех целей, которые они наметили.

Когда, например, такие общественные создания, как пчелы, строят сложные сооружения, то они делают это автоматически, следуя инстинкту. Когда же строят люди, то они действуют согласно сознательному плану.

«Мы предполагаем труд в такой форме, в которой он составляет исключительное достояние человека, — писал Маркс.— Паук совершает операции, напоминающие операции ткача, и пчела постройкой своих восковых ячеек посрамляет некоторых людей-архитекторов. Но и самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что, прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове. В конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении работника, т. е. идеально»[2].

Труд, речь и мышление

Этими отличительными особенностями труда, а именно тем, что труд представляет собой использование орудий и приспособлений для изменения внешних предметов человеческими существами, сотрудничающими с целью добиться результатов, которые они заранее сознательно поставили перед собой, — объясняется, почему труд неизбежно приводит к появлению речи и мышления и не может развиваться без помощи речи и мышления.

«Начинавшееся вместе с развитием руки, вместе с трудом господство над природой расширяло с каждым новым шагом вперед кругозор человека. В предметах природы он постоянно открывал новые, до того неизвестные свойства»[3]. Здесь Энгельс указывает,

---

1 К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 187.

2 Там же, стр. 185.

3 Ф. Энгельс, Диалектика природы, стр. 134.

что труд даже в самой примитивной форме, как, например, создание и употребление приспособлений для охоты и рыбной ловли, заставляет человека воспринимать предметы с большим интересом, обогащает его восприятия, расширяет кругозор, заставляет открывать через посредство практической деятельности на основе восприятий все новые свойства предметов природы. И в самом деле, начиная с этих первых шагов, сменявшие друг друга поколения людей именно путем упрочения своего господства над природой стали узнавать все новые и новые свойства предметов природы. Каждый этап их продвижения вперед означал обогащение восприятий, новые открытия, расширение кругозора.

«С другой стороны, — пишет далее Энгельс, — развитие труда, по необходимости способствовало более тесному сплочению членов общества, так как благодаря ему стали более часты случаи взаимной поддержки, совместной деятельности, и стало ясней сознание пользы этой совместной деятельности для каждого отдельного члена. Коротко говоря, формировавшиеся люди пришли к тому, что у них явилась *потребность что-то сказать* друг другу»[1].

Это «что-то», что они должны были «сказать друг другу», касалось прежде всего свойств тех предметов, которые человек может использовать, целей, которые должны быть достигнуты, и результатов, к которым люди должны стремиться в своих совместных действиях. А это можно только «сказать», *только* просигнализировать и выразить с помощью *членораздельной речи*, а не с помощью выкриков и жестов, свойственных животным.

«То немногое, что эти последние, даже наиболее развитые из них, имеют сообщить друг другу, может быть сообщено и без помощи членораздельной речи», — указывает Энгельс[2].

Животные сигнализируют друг другу о присутствии определенных предметов; вспомним, например, так называемые танцы пчел, посредством которых они показывают, что в определенном направлении находится источник меда; животные побуждают друг друга к совместным действиям, например вожак подает клич всей стае. Но и только. Если бы образ жизни животных был таков, что им необходимо было бы что-то сообщать друг другу о различных свойствах предметов, о том, как их следует использовать, и о целях, которые они намерены достичь при помощи раз личных форм совместной деятельности, то они уже не обошлись бы только жестами и выкриками, ибо им необходимо было бы сообщить друг другу не нечто частное, а общее. Однако животные не испытывают такой потребности, а у людей она возникает, как только они начинают выполнять самые элементарные формы

[1] Ф. Энгельс, Диалектика природы, стр. 134.
[2] Там же, стр. 135.

общественного труда. Тут у них появляется потребность что-то сказать друг другу, как отметил Энгельс. Тогда они разрабатывают средства, необходимые для того, чтобы это сказать.

«Потребность создала себе свой орган, — пишет далее Энгельс, — неразвитая гортань обезьяны медленно, но неуклонно преобразовывалась путем модуляции для все более развитой модуляции, а органы рта постепенно научались произносить один членораздельный звук за другим.

Что это объяснение возникновения языка из процесса труда и вместе с трудом является единственно правильным, доказывает сравнение с животными»[1].

Людям потребовалось сообщать друг другу о свойствах предметов и о том, как надлежит на практике использовать эти свойства. Энгельс показывает, как шло преобразование гортани и органов рта с тем, чтобы люди могли членораздельно произносить слова и предложения, при помощи которых должно осуществляться их общение. В мозге индивидуумов происходит нечто аналогичное этому процессу, а именно: впервые описанное Павловым развитие второй сигнальной системы, речевых сигналов. Эти последние в отличие от ощущений сигнализируют уже не только о непосредственных связях с внешними предметами, а «представляют собой абстрагирование от действительности и тем самым помогают делать обобщения».

Идеи

Вторая сигнальная система знаменует прогрессивное развитие от мозга животного к мозгу человека, от ощущения и восприятия к идеям.

Идеи не просто воспроизводят находящиеся непосредственно перед нами предметы в том виде, как они непосредственно воспринимаются индивидуумом через посредство органов чувств.

В идеях свойства и взаимоотношения предметов воспроизводятся абстрагированно. Идея о предмете — это не образ какого-то конкретного чувственного предмета, а идея о роде предмета.

Следовательно, если *воспринимаем* мы только то, что непосредственно находится перед нами, в зависимости от впечатления, которое данный предмет производит на наши органы чувств, то *думать* о данных воспринимаемых нами предметах мы можем не только в их данной конкретной связи и с данными конкретными свойствами, но и в других связях и с другими свойствами. Дело в том, что идеи о различных родах предметов и об их свойствах и связях возникают у нас в отвлеченном виде, так что мы можем продумать, что нам делать с различными родами предметов и как изменять их свойства в различных целях.

[1] Ф. Энгельс, Диалектика природы, стр. 134—135.

В этом и заключается могущество мысли. Мы можем думать о том, что следует делать с предметами, о тех изменениях, которые мы намерены в них внести, и о способах осуществления этих изменений. В ходе мышления мы производим эксперименты в голове, продумывая, что следует сделать, что должно произойти, чтобы можно было добиться желательных изменений. Выводы, к которым мы приходим в результате мысленных экспериментов, в дальнейшем проверяются результатами практики. Это и есть самая сущность процесса мышления, возникающего из процесса труда.

Здесь следует отметить, что идеи не тождественны образам. Так, например, идея или понятие о цвете или форме не есть образ цвета или формы, который мы можем создать в своем воображении. Философы-эмпирики прошлого (в особенности Беркли и Юм) обычно смешивали идеи с образами. В действительности же их следует тщательно разграничивать. Образы являются лишь продолжением ощущения, первой сигнальной системы; идеи же знаменуют собой развитие второй сигнальной системы, представляющей собой абстрагирование от действительности и позволяющей делать обобщения.

Без сомнения, у высших животных, так же как у человека, могут возникать в сознании чувственные образы предметов. Например, лиса, без сомнения, может представить себе, как она будет выслеживать, преследовать, загрызать и поедать кролика, а затем претворить этот образ в действительность. Она может проявить и проявляет большую хитрость и предусмотрительность при достижении этой цели. Однако человек, который пользуется хотя бы простейшим орудием производства, применяет такие методы, какие не может применить никакое другое живое существо. Для того чтобы человек мог изготовить и применить хотя бы простейшие орудия производства, он должен не только представить себе предметы, но и создать для себя идеи о свойствах предметов, которые могут быть использованы для достижения поставленных им целей.

Отсюда ясно, почему мысль является более высокой формой сознания, чем чувственное восприятие. Чувственное восприятие воспроизводит предметы в том виде, как они непосредственно предстают перед нами в результате воздействия на наши органы чувств. Когда же у нас складываются идеи, мы можем думать о наиболее характерных признаках предметов, отвлекаясь от их конкретного существования и способа, каким они нам являются; таким образом, мы можем представить себе мысленно, каким преобразованиям предметы подвергаются в различных условиях, как они взаимодействуют друг с другом, каковы их разнообразные потенциальные возможности, взаимные связи, законы изменения и движения.

Отсюда очевидно, каким колоссальным скачком в развитии сознания явилось возникновение идей. Этот скачок в развитии сознания к человеческому сознанию был просто проявлением в духовной области того скачка от образа жизни животных к образу жизни людей, который был сделан, когда человек начал изобретать орудия и применять их.

Подобно тому как человек в отличие от животных уже не просто собирает, меняет местами и использует предметы природы, а господствует над природой, он в своих идеях не просто регистрирует появление тех или иных предметов, как это бывает при восприятии, а улавливает их взаимосвязь и их причины.

Глава IV

МЫШЛЕНИЕ, ЯЗЫК И ЛОГИКА

Развитие идей не отделимо от развития речи и языка, и без языка не может быть мысли. Слова и грамматический строй языка всегда должны удовлетворять общим потребностям того, что должно быть выражено с помощью языка, а это есть объективные потребности, не зависимые от конкретных условностей, присущих конкретным языкам. Эти же самые потребности порождают законы логики, или законы мышления, которые являются всеобщими необходимыми законами отражения объективной реальности в мышлении.

Идеи и язык

Присущая идеям способность изображать предметы не просто в их непосредственном существовании, не в том виде, как они являются для органов чувств, а изображать свойства и взаимоотношения предметов абстрагированно от конкретных предметов — эта способность является продуктом второй сигнальной системы в мозге человека. Поэтому развитие мышления и могущество мысли неотделимы от развития и могущества речи и зависят от них.

Как мы указывали, ощущения являются сигналами о непосредственных связях с данными конкретными предметами. Слова представляют собой «сигналы первых сигналов», и относятся они не только к данным конкретным предметам, о которых сигнализируют ощущения, но вообще к предметам, которые производят ощущения определенного рода.

Например, мы знаем благодаря нашим ощущениям, какой вид имеют конкретные предметы различных родов — скажем, данные деревья. Слово «дерево» относится, таким образом, вообще к деревьям безотносительно к их виду.

Стало быть, с помощью слов мы можем выражать выводы общего характера о предметах, об их свойствах, о том, как их можно использовать. Например, группа людей, собирающихся рубить деревья, может излагать словами методы, которые они намерены применить, и тем самым планировать и координировать свой общественный труд. Обладая сигнальной системой речи, они могут пойти значительно дальше в области обобщения, например

выделить различные свойства деревьев и установить общие условия их роста.

Как мы уже указали выше, применение слов возникает в ходе общественной деятельности человека прежде всего как продукт и орудие общественного труда. С самого начала слово служит средством социального общения людей. Вторая сигнальная система, из которой исходит применение слов, не возникает и не развивается (да и не может возникнуть и развиться) как личное или частное достояние индивидуумов, каждый из которых применяет ее в своих собственных целях, вне связи с другими индивидуумами. Напротив, она возникает потому, что люди с самого начала своей общественной деятельности испытывают потребность сообщать друг другу общие идеи и заключения, и поэтому они создают необходимые для этого средства.

Итак, вторая сигнальная система может возникнуть и развиваться только путем создания *языка*, общего для той или иной социальной группы.

Во-первых, должны иметься слова, постоянное значение которых закрепилось в ходе общего их использования социальной группой. Во-вторых, должен иметься также ряд условностей, закрепленных опять-таки в ходе общего использования, которые определяют способы соединения слов.

Развитие языка и мышления

Именно тогда, когда люди начали применять орудия для общественного производства, они начали также говорить и создавать язык, а тем самым составлять себе представления об окружающем мире. Язык возник из процесса труда и в процессе труда. Этим происхождением и объясняются существенные, исходные особенности языка, как средства общения и обмена мыслями.

Язык, который, следовательно, возникает в ходе производственной деятельности человека и непосредственно служит производственной деятельности, в дальнейшем неизбежно обслуживает все социальное общение людей и всю общественную деятельность, которые развиваются в ходе производства и на его основе.

«Язык, — писал Сталин, — есть средство, орудие, при помощи которого люди общаются друг с другом, обмениваются мыслями и добиваются взаимного понимания»[1].

Таким образом, язык есть всегда общий язык всего народа и развивается он непрерывно на протяжении всей истории народа.

Поэтому, когда некоторые псевдомарксисты стали утверждать, что язык развивается как часть социальной надстройки, Сталин

[1] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1953, стр. 22.

особо подчеркнул, что язык ни в каком смысле не является частью надстройки.

Общественная надстройка по существу является продуктом данной системы производственных отношений: она служит упрочению и развитию своего особого экономического базиса и исчезает тогда, когда исчезает базис. Она отражает экономические отношения в обществе и связана с производством лишь косвенно.

Язык же не является продуктом какой-то определенной системы экономических отношений. Он не обслуживает никакую определенную экономическую систему и не исчезает с исчезновением этой системы. Язык непосредственно связан с развитием производственной деятельности людей.

Язык никогда не является исключительным продуктом или достоянием какого-то определенного класса. Язык возникает прежде всего в ходе производственной деятельности людей; определенный язык обслуживает определенный народ, как средство социального общения, как средство связи между людьми в производственной и всякой другой деятельности. Он служит средством общения между людьми различных классов, на которые разделен данный народ. При какой бы экономической системе люди ни жили, их язык обслуживает в равной мере как тех, чья деятельность направлена на упрочение и защиту этой экономической системы, так и тех, чья деятельность направлена на ее изменение и замену другой экономической системой.

Языки развиваются по мере развития производственной деятельности народов. По мере развития производственной деятельности народов их основной словарный фонд обогащается и медленно изменяется и их грамматика также подвергается медленному изменению. Различные языки развиваются у различных народов и в ходе общения между различными народами. Так, несколько языков представляют собой ответвления от одного общего начала; языки способствуют изменению друг друга путем взаимного влияния, и новые языки образуются путем сближения старых. Когда один народ угнетает другой, то развитие языка угнетенного народа может быть заторможено. Когда же один народ уничтожает другой, он может также уничтожить и его язык.

Поэтому так важно не смешивать язык с культурой, ибо один и тот же язык — основной словарный фонд которого пополняется и изменяется и грамматика которого изменяется еще медленнее — в ходе своего развития обслуживает данный народ на протяжении ряда периодов, в течение которых его культура неоднократно претерпевает коренные изменения. Так, например, мы говорим, что социалистическая культура является «социалистической по содержанию и национальной по форме, т. е. по языку», поскольку один и тот же национальный язык обслуживает как старую, буржуазную культуру, так и новую, социалистическую.

Важно также не смешивать развитие языка с развитием взглядов, которые выражаются с помощью языка. В ходе развития общества различные классы усваивают различные взгляды; господствующие взгляды общества меняются от эпохи к эпохе и соответствуют характеру экономической системы. Естественно, что эти взгляды выражаются с помощью языка. Однако в то время, как взгляды становятся отличными, меняются, язык не меняется. Выражая свою определенную классовую точку зрения, представители данного класса могут, конечно, употреблять определенные слова и обороты, характерные именно для них, и зачастую говорят со свойственным только для них акцентом. Однако они не создают другого языка с другим основным словарным фондом и другой грамматикой. Различные и противоречащие друг другу взгляды выражаются на одном и том же языке, и на взглядах, для выражения которых применяется язык, не отражается его развитие.

В отличие от языка, на котором выражены взгляды общества, эти взгляды являются продуктом определенной эпохи, определенной системы производственных отношений, определенных классов. Язык, на котором они выражены, развивается медленно, на протяжении ряда эпох, изменяя свой словарный состав и грамматику. В своем развитии он не претерпевает внезапных, революционных изменений. Взгляды же, выраженные на языке, претерпевают коренные изменения, когда данный этап развития общества пройден, когда производственные отношения сменяются и на первый план выдвигаются новые классы.

Может ли мысль существовать без языка?

Изучение природы мысли и языка — их материального базиса, функций и законов развития — приводит к выводу, что возникновение идей и обмен идеями невозможны без языка и что идеи облекаются в форму и развиваются лишь через посредство языка.

Идеи складываются и оформляются лишь через посредство слов и соединений слов. Действительность воспроизводится в мыслях через посредство слов и соединений слов в предложениях. Мысли становятся определенными лишь постольку, поскольку они регистрируются и закрепляются в словах и в соединении слов — в предложениях. Идей без языка не существует так же, как не существует духа без тела.

Значит ли это, что думать — то же самое, что произносить слова, и что процесс мышления есть процесс разговора «про себя»? Нет. Ибо, во-первых, можно произносить слова и предложения, не вкладывая в них никакого смысла. Во-вторых, коль скоро человек научился пользоваться языком, многие процессы мысли могут совершаться фактически без произнесения — будь-то вслух или «про себя» — всех слов и предложений, которые пришлось

бы употребить для развернутой формулировки данных мыслей. Например, хорошо известно, что людям, которые неоднократно вместе обсуждали определенную тему, достаточно нескольких слов, чтобы понять какой-нибудь очень сложный аспект этой темы, тогда как для разъяснения его постороннему человеку пришлось бы потратить много слов. Это объясняется тем, что они все выяснили друг с другом раньше и теперь несколько слов вызывают в их памяти все эти разъяснения.

Подобную же картину представляют собой мыслительные процессы в мозге того или иного индивидуума. Можно прийти к определенным заключениям, не прибегая к детальным процессам выражения мысли словами у себя в голове. Однако в то же время человек заблуждается, если он предполагает, что у него имеются идеи о вещах, для описания которых ему не хватает слов, или что у него есть мысли, которые он не в состоянии выразить с помощью языка.

«Говорят, что мысли возникают в голове человека до того, как они будут высказаны в речи, возникают без языкового материала, без языковой оболочки, так сказать, в оголённом виде. Но это совершенно неверно. Какие бы мысли ни возникли в голове человека... они могут возникнуть и существовать лишь на базе языкового материала, на базе языковых терминов и фраз. Оголённых мыслей, свободных от языкового материала... не существует. “Язык есть непосредственная действительность мысли” (Маркс). Реальность мысли проявляется в языке. Только идеалисты могут говорить... о мышлении без языка»[1].

Конечно, это не означает, что нет никакого различия между идеей и определенным словом или фразой. Это означает, что идеи существуют, только будучи облеченными в конкретные слова или фразы, которые применяются для выражения идей. Идеи не существуют отдельно, в оголенном виде, в отрыве от их выражения.

Например, английское слово «red» и французское слово «rouge» выражают одну и ту же идею цвета. Итак, идею нельзя отождествить с каким-нибудь из этих слов. Однако идея о цвете не существует отдельно от слов, в которых она выражается, подобно тому как цвет не существует отдельно от конкретных цветных предметов. Эти два слова выражают одну и ту же идею потому, что они имеют одинаковое значение в соответствующих языках, то есть оба слова играют одну и ту же роль в установлении через посредство языка связей между человеком и внешним миром. Мыслительная деятельность мозга и состоит лишь в таком установлении связей с внешним миром, причем делается это не до языка, не отдельно от языка, а именно через посредство языка, и только через его посредство.

---

[1] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 39.

Условности языка и что они выражают

Характерная особенность языка заключается в том, что он явно носит произвольный или условный характер. Определенный звук применяется в языке для определенной цели, но ведь какой-нибудь другой звук мог бы быть использован для этого с таким же успехом и, пожалуй, используется для той же самой цели в каком-нибудь другом языке.

Установление того факта, что слова, таким образом, представляют собой произвольные или условные знаки, было важным открытием в науке, несмотря на всю свою кажущуюся очевидность. Зачастую полагали (а некоторые полагают и теперь), что определенное слово каким-то таинственным образом является «правильным словом» для обозначения определенного предмета и что слова связаны с предметами какими-то внутренними узами, а не просто условностями языка.

Сложившееся в древности представление о скрытом отношении между словами и предметами было тесно связано с магией и религией. Так, считалось, что каждый человек имеет имя, присущее лишь ему, и что ему не могло бы подойти никакое другое имя. «Настоящее имя» человека часто держали в тайне, ибо существовало поверье, что если его узнают враги, то они могут проклясть его имя и тем самым причинить ему вред. Считалось также, что имена богов являются их важными атрибутами. То же самое представление распространялось и на другие слова, а не только на имена собственные. Так, старая поговорка гласила: «Божественное правильно называют божественным». Смысл ее выражал, что в самом слове «божественное» заключено нечто божественное[1].

Даже в наше время некоторые англичане, совершающие поездку во Францию, считают, что французы не знают правильных названий предметов. Однако условный характер носит не только словарный состав языка, но и его грамматический строй. В различных языках существует различный грамматический строй. Так, китайский язык по своему строю совершенно отличен от любого европейского языка; английский язык отличен по своему строю от латинского или славянских языков, а те языки, которые нам угодно именовать «первобытными», в свою очередь отличны по своему грамматическому строю от всех вышеуказанных языков. Тем не менее одни и те же положения могут быть выражены на всех этих языках и могут быть переведены с каждого из них на любой другой. Это свидетельствует о том,

---

[1] Приведено в книге C. K. Ogden and J. A. Richards, The Meaning of Meaning, London, 1946.

что условный характер носит не только словарный состав языков, но и их грамматика.

Таким образом, определенные звуки, из которых составляются слова в данном языке, и определенный строй его грамматики являются условными. Условность их надо понимать в том смысле, что эти определенные звуки и определенный грамматический строй применяются определенным народом по причинам исторического характера, тогда как те же самые мысли столь же успешно могут быть выражены с помощью других звуков и другого грамматического строя, применяемых в исторически сложившихся языках других народов. Однако они, конечно, не являются условными в том смысле, что они когда-либо были зафиксированы специальным решением в области лингвистики, принятым данным народом. В общем и целом лингвистические условности образуются в ходе бессознательного процесса в жизни народов. Лишь на поздней стадии они фиксируются в словарях и грамматиках, и люди начинают сознательно и преднамеренно записывать и фиксировать условности своего языка.

Однако в то время, как словарный состав и грамматика языка являются условными в вышеуказанном смысле, сами слова как обозначения предметов на данном языке не носят условного характера, а определяются объективными условиями и жизненными потребностями народа, который пользуется этим языком. Например, какие бы звуки ни употреблялись для определенной цели, в языке должны быть слова для обозначения всех предметов, свойств, связей и т. д., имеющих практическое значение в жизни данного народа. Вообще чем выше этап развития производства, тем неизбежно богаче основной словарный фонд.

Отношения и связи между предметами и людьми, выражаемые путем сочетания слов в предложениях в соответствии с грамматическим строем языка, также не являются условными, а определяются тем, что должно быть отражено в предложениях. Например, какова бы ни была грамматика данного языка, она должна иметь условности, выражающие действие одного предмета на другой, связь между предметом и его различными или меняющимися свойствами и т. д.

В различных языках имеются различные грамматические условности для выражения определенных положений, но все эти условности должны удовлетворять одни и те же потребности, возникающие из того, что должно быть выражено, а это является общим для всех языков.

Стало быть, хотя люди фиксируют условности своего языка как в отношении его словарного фонда, так и в отношении грамматики, эти условности выражают объективные потребности, общие для всех языков, и должны всегда удовлетворять одни и те же потребности.

Язык и логика

Каковы бы ни были результаты мышления, которые нужно выразить, и на каком бы языке они ни были выражены, они должны удовлетворять основным требованиям отражения действительности в мышлении. Эти требования вызывают появление законов мышления, принципов логики. Дело в том, что мышление — отражение реального мира, а в процессе отражения, как сказал Маркс, материальный мир преобразуется в формы мысли. Этот процесс отражения и преобразования материального в идеальное имеет свои собственные необходимые законы — законы мышления, принципы логики. В число законов мышления входят прежде всего логические принципы построения предложений, имеющих определенное значение.

Имеются, например, простые предложения и сложные предложения. Построение простых предложений включает такие логические операции, как утверждение, отрицание, отношение и так далее; сложные предложения строятся путем сочетания простых предложений при помощи таких логических операций, которые мы выражаем словами «и», «или», «если... то» и так далее. Итак, «Это — красное», «Это — не красное», «Это становится красным», «Это краснее того» — все это простые предложения. А «Это — красное, а то — зеленое», «Или это красное, или я дальтоник», и «Если это красное, то оно скоро будет зеленым» — это сложные предложения. Построение всех таких предложений делается на основе определенных логических принципов, то есть принципов, указывающих, как термины могут сочетаться в предложениях, имеющих определенное значение.

В законы мышления входят, во-вторых, логические принципы, определяющие, какие предложения логически вытекают из других предложений и какие логически с ними несовместимы. Это — принципы, которые мы употребляем при доказательствах и рассуждениях.

Например: «если А приписывается всем Б, а Б — всем В, то А необходимо приписывается всем В». Это — общий логический принцип, показывающий нам, что третье предложение логически вытекает из первых двух[1].

Такой принцип, конечно, не содержит никаких гарантий относительно истинности предложений: он затрагивает их логические отношения друг к другу, а не их истинность. Таким образом, он говорит нам: если мы нашли, что два первых предложения истинны, нам не нужно заниматься дополнительным исследованием вопроса об истинности третьего — она вытекает из первых

---

[1] Этот конкретный принцип был первоначально сформулирован Аристотелем, назвавшим его «первой фигурой силлогизма». См. Аристотель, Аналитики, Госполитиздат, 1952, кн. 1, гл. 4, стр. 14—15.

двух. Но если первые два предложения не истинны, тогда, хотя третье предложение вытекает из них, оно может быть или истинным или ложным. Логика сама по себе ничего не говорит нам об истинности предложений, которая может быть обнаружена и проверена только путем эмпирического исследования.

Другой пример логического принципа — это принцип невозможности противоречия, который первоначально был сформулирован Аристотелем так: «Невозможно, чтобы одно и то же вместе было и не было, присуще одному и тому же и в одном и том же смысле»[1]. Это — общий логический принцип, говорящий о том, что некоторые предложения логически не совместимы с другими. Противоречивые утверждения не могут последовательно сочетаться друг с другом.

Все такие логические принципы суть именно законы мышления, а не законы действительности: это не законы материальных процессов, а законы отражения материальных процессов. И поскольку законы логики представляют собой требования отражения действительности в мышлении, возникающие на основе самой

[1] Аристотель, Метафизика, кн. IV, гл. 3, Соцэкгиз, М. — Л., 1934, стр. 63. Написав слова «вместе... в одном и том же смысле», он заметил далее: «Пусть будут здесь также присоединены все оговорки, какие только мы могли бы присоединить, во избежание словесных затруднений».

С тех пор выставлялось много «словесных затруднений» против логического закона, не допускающего противоречий. И формулировки, которые дал сам Аристотель в своих «Аналитиках» и которые повторили последующие логики, опустив все оговорки, широко открыты для таких возражений.

Так, этот принцип был выражен следующим образом: «А не может быть и А и не А». Эта формулировка связана с метафизикой, ибо очевидно, что, если вещи существуют только во взаимосвязи и в движении, тогда вещь вполне может проявить какую-то черту только в одних аспектах и отношениях и не проявить в других. И равным образом очевидно, что если какая-то вещь находится в процессе изменения, тогда может оказаться невозможным как отрицать, так и утверждать, что уже есть какие-то твердые характерные черты.

Многие грубые и ошибочные формулировки логических принципов были даны людьми, отличавшимися скорее метафизическим, чем диалектическим подходом к вопросу, хотя следует отметить, что Аристотель в своей «Метафизике» старался их не делать. Диалектика учит нас исправлять эти ошибки. Но вследствие этого диалектика вовсе не выступает против принципов логики и не меняет их. Цель диалектического метода состоит в том, чтобы позволить нам логически и последовательно выражать подлинные взаимосвязи и движение вещей.

Люди с метафизическим подходом стараются выразить меняющиеся вещи в неизменных категориях и стремятся воспроизвести отношения вещей в категориях, пригодных только для рассмотрения вещей в их обособленности. Это часто приводит их к противоречиям. Когда автомобиль плохо идет, мы знаем, что что-то не в порядке с мотором, и точно так же, когда философ противоречит сам себе, мы знаем, что что-то не в порядке с его идеями. Диалектика позволяет нам избавиться от логических противоречий и быть абсолютно последовательными. Поэтому диалектика всегда соблюдает логический принцип непротиворечия, хотя метафизика часто нарушает его.

природы данной формы отражения, развившейся в человеческой практике, они должны соблюдаться при выработке взглядов и их выражении. Если наше мышление нарушает законы логики, оно становится непоследовательным и внутренне противоречивым.

Этим объясняется то, что иногда называют «нормативным» характером законов логики, и их характер «логической» необходимости в противоположность естественной необходимости. Наши мысли не обязательно бывают логичны, но если они не логичны, они не могут удовлетворить требованиям, предъявляемым к отражению действительности: вот почему законы логики представляют «норму» для мышления; вот почему законы логики имеют самоочевидный и аксиоматический характер в отличие от законов природы, которые должны раскрываться путем эмпирического исследования внешней действительности.

Таким образом, какие бы взгляды ни вырабатывались в обществе, они подчинены тем же законам мышления, тем же принципам логики. Точно так же, как один и тот же язык используется для выражения различных взглядов, различные взгляды используют одни и те же законы мышления, одну и ту же логику.

Поэтому новые взгляды не ведут к появлению новой логики, точно так же, как они не ведут к появлению нового языка. Напротив, принципы логики внутренне присущи самому процессу мышления и его выражениям в языке и не меняются с изменением взглядов.

Конечно, некоторые люди игнорируют логику при выработке своих взглядов. Тем хуже для их взглядов. Это не означает, что они создали особую логику, а скорее означает, что они нелогичны.

Ни одна дискуссия, ни один спор или доказательство, никакое вообще развитие мысли не были бы возможны, если бы законы мышления изменялись и были отличны для разных людей. Всякий, кто думает, что законы мысли изменяются, что разные эпохи имеют разную логику, тем самым отрицает самую возможность мышления, как отражения объективной действительности. Логика возникает из всеобщих требований отражения действительности в мысли, а не из отдельных интересов, которые отдельные процессы мысли могут время от времени обслуживать.

Поэтому марксистский материализм отрицает, что логика — надстройка, как отрицает, что язык — надстройка. Язык есть средство выражения и сообщения мысли, а логика — это законы мышления. Поэтому они неразрывно связаны, так как язык — это «непосредственная действительность мысли», и законы мысли с необходимостью выражаются в языке и отражаются на развитии и употреблении языка. Язык и логика безразлично употребляются для выработки и выражения любых взглядов, какова бы ни была основа таких взглядов.

Поэтому, если, например, социалист спорит со сторонником капитализма, они оба ссылаются на логику и стараются обосновать свои аргументы одними и теми же принципами логики, точно так же, как оба они говорят на одном языке. Как «два плюс два равно четырем» для счетовода капиталистического или социалистического предприятия, точно так же «если все А есть В, то некоторые А суть В» для сторонника капитализма или социализма. Подобным же образом всякий, кто читал отчеты о деятельности христианских проповедников среди первобытных народов, может представить себе, что обе стороны в споре ссылаются на одни и те же законы логики, хотя следует признаться, что первобытные люди часто более логичны, нежели проповедники.

Итак, мы заключаем: язык развивается как средство выражения и сообщения мыслей людьми в обществе, возникшее и развившееся на основе их производственной деятельности и всякой их другой общественной деятельности; мысли людей, выраженные в языке, подчинены логике, законам мышления, как отражения материальной действительности. В то же время общественные взгляды, выраженные в языке и вырабатываемые с помощью логики, развиваются на основе экономических отношений людей, деятельности и интересов общественных классов.

То, что здесь сказано о логике, однако, не применимо к философским взглядам людей, писавших книги о логике. Эти философские взгляды, часто называемые «логикой», конечно, представляют собой взгляды конкретных классов и конкретных эпох и составляют часть общественной надстройки.

Диалектико-материалистическая трактовка логики отличается от разнообразных идеалистических и метафизических философий по крайней мере в двух важнейших отношениях.

Во-первых, в противоположность идеализму диалектический материализм считает, что логика связана с отражением в мышлении реального, материального мира. С другой стороны, идеалистические системы логики пытались так или иначе выводить принципы логики из чистой мысли, а не из необходимости отражения чего-то не зависимого от мышления.

Таким образом, диалектический материализм также считает, что наблюдение и познание в логике, постепенно приобретенные в процессе человеческого мышления, — результат опыта, непрерывного повторения мыслительных процессов, тогда как другие философские системы трактуют логику, как нечто врожденное мышлению.

Во-вторых, в противоположность метафизике диалектический материализм считает, что как мышление развивается, в соответствии с необходимостью общественной практики человека, из простых суждений об индивидуальных вещах в суждения относительно движения вещей, их взаимосвязи и причин, так соответственно

этому развиваются логические формы мышления и возникают новые логические принципы, которые управляют конструкцией предложений и осуществлением выводов.

Марксизм не остановился на формальной логике. Диалектическая логика, рассматривая вещи и их умственные отражения во взаимосвязи и развитии, раскрывает развитие форм мышления. Отсюда, как говорит Энгельс:

«Диалектическая логика... выводит эти формы одну из другой, устанавливает между ними отношение субординации, а не координации, она развивает более высокие формы из нижестоящих»[1].

Метафизические системы логики игнорируют такое развитие форм мышления и представляют разнообразные логические формы в виде «координации», ставя их в один ряд.

---

[1] Ф. Энгельс, Диалектика природы, стр. 177. Гегель в своей книге «Наука логики» был первым, кто ввел это представление в логику, показав, как мышление развивается от простых суждений наличного бытия к таким суждениям, которые он назвал «суждениями понятий», и как каждая ступень влечет за собой свое собственное развитие логических принципов.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

РАЗВИТИЕ ИДЕЙ

Глава V

АБСТРАКТНЫЕ ИДЕИ

В процессе мышления мы восходим от элементарных идей, которым соответствуют предметы, непосредственно воспринимаемые нашими чувствами, к абстрактным идеям. Источником последних является развитие общественных отношений, а также производственной и всякой иной деятельности, направленной на внешнюю природу, причем неведение и беспомощность человека вызывают появление мистических и иллюзорных абстрактных идей. С появлением абстрактных идей начинается разделение духовного и материального труда, а затем отрыв теории от практической деятельности, причем появляется тенденция отрыва теории от действительности. Отсюда также берет начало противоположность между идеалистическим и материалистическим направлениями в мышлении.

Образование абстрактных идей

Мысли и идеи, подобно языку, берут начало в труде: люди развивают мышление и идеи в ходе всей своей общественной деятельности.

Касаясь развития идей или человеческого сознания — ибо особенность человеческого сознания состоит в том, что человек осознает предметы не только через посредство восприятий, но также через посредство идей, — Маркс и Энгельс показали, что человеческое сознание возникает и развивается «лишь из потребности, из настоятельной необходимости общения с другими людьми... Сознание, следовательно, с самого начала есть общественный продукт и остаётся им, пока вообще существуют люди»[1].

Идеи не являются продуктом чисто интеллектуального процесса и не являются также автоматическим ответом на раздражения, которые вызывают у нас внешние предметы. Идеи суть продукты человеческого мозга, создаваемые в ходе общественной деятельности человека. Они отражают связи человека с другими

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 29.

людьми и с внешним миром, действительные условия существования людей.

Маркс и Энгельс далее указывают: «Сознание... есть вначале осознание *ближайшей* чувственно воспринимаемой среды и осознание ограниченной связи с другими лицами и вещами... Начало это носит столь же животный характер, как и сама общественная жизнь на этой ступени; это — чисто стадное сознание...»[1].

Первые и самые элементарные идеи суть идеи, прямо проистекающие из непосредственного практического общения человека с другими людьми и окружающими предметами. Они создаются тогда, когда человек дает названия общим чертам предметов, которые можно установить путем восприятия. Как указал Маркс, первоначально «производство идей... непосредственно вплетено в материальную деятельность и в материальное общение людей»[2]. Из этой деятельности и материального общения на самом его элементарном уровне уже образуется комплекс элементарных идей человека относительно внешних предметов, себя самого и других людей — относительно рода и свойства предметов, их разнообразных связей с людьми и возможностей их использования человеком.

В таких идеях более или менее прямо отражаются выделяющиеся черты предметов и человеческой деятельности в том виде, как мы непосредственно познаем их в восприятии. Такие идеи составляют основное элементарное оснащение человеческого мышления и общения между людьми. Они выражаются в словах, обозначающих знакомые предметы, а также свойства и взаимоотношения предметов и повседневные занятия.

Все мы обладаем богатым запасом таких идей, а это уже есть значительное социальное достижение; однако мы принимаем их за нечто само собой разумеющееся, постоянно пользуемся ими, и каждый ребенок приобретает их в раннем возрасте. Таковы наши идеи о таких окружающих нас предметах, с которыми связаны наши повседневные дела, например о мужчинах и женщинах, столах, стульях, автомашинах, деревьях, цветах, собаках, кошках и т. д.; об ощущаемых свойствах предметов, как, например, красное, синее, твердое, мягкое, большое, маленькое и т. д.; о таких действиях и относительных положениях, как бег, ходьба, падение, над, под и т. д. У нас, безусловно, гораздо больший запас элементарных идей, чем у первобытного человека, именно потому, что мы гораздо больше производим вещей и имеем дело с гораздо более широким кругом предметов и связей. Тем не менее сознание, представленное такими элементарными идеями, по-прежнему остается, как указывали Маркс и Энгельс, осознанием *ближайшей*

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 29, 30.
[2] Там же, стр. 24.

чувственной среды и осознанием ограниченной связи с другими лицами и вещами.

Характерной чертой всех таких элементарных идей является то, что они имеют конкретное чувственное содержание, поскольку им соответствуют предметы, непосредственно воспринимаемые нашими чувствами. Однако развитие социального общения приводит к образованию более отвлеченных идей, которым не соответствуют никакие непосредственно воспринимаемые предметы.

Могут ли у нас возникать такие идеи, которым не соответствует никакой непосредственно воспринимаемый предмет? Да, конечно, могут возникать и возникают. Например, люди суть непосредственно воспринимаемые предметы, и такие их свойства, как высокий или низкий рост, худоба или полнота и т. д., также суть непосредственно воспринимаемые свойства. Однако мы также думаем и о других свойствах людей, хотя ничто непосредственно воспринимаемое чувствами не соответствует нашим мыслям о них. Это — идеи абстрактные, которым не соответствует в данном случае никакой непосредственно воспринимаемый предмет. И мы действительно беспрестанно пользуемся колоссальным кругом таких абстрактных идей. Всякого рода общественные и правовые идеи, моральные идеи, религиозные идеи, научные идеи, философские идеи — все они абстрактны в том смысле, который мы сейчас имеем в виду.

Таким образом, наши идеи в ходе своего развития не ограничиваются отражением общих черт внешних предметов, непосредственно действующих на наши чувства. Идеи всегда образуются в соответствии с нуждами социального общения. С развитием производства и последующим развитием производственных отношений, общественных отношений и общественной деятельности в целом развитие идей выходит за ограниченную стадию осознания общих черт предметов, воспринимаемых нашими чувствами. У людей возникают общие понятия и взгляды о мире и об их общественной жизни. Такие более абстрактные идеи появляются в мозге человека как продукт его активных взаимоотношений с внешней природой и другими людьми и способствуют развитию социального общения, основанного на этих взаимоотношениях. Однако им не соответствуют никакие непосредственно воспринимаемые предметы.

Именно к таким идеям мы будем применять термин «абстрактные», противопоставляя степень абстракции, которую они представляют, относительной конкретности других идей.

Ступени абстракции

В конце главы I мы говорили, что слова служат для того, чтобы выделять, абстрагировать и обобщать то общее, что имеют

между собой различные ощущения. Важно отметить, что в этом смысле все без исключения идеи являются абстрактными, поскольку самый процесс образования идей есть процесс абстрагирования. Например, идея стула является абстракцией, возникшей из повторявшихся восприятий индивидуальных стульев, и выражает то, что является общим для многих индивидуальных стульев. Когда термин «абстрактный» употребляется для различения некоторых идей от других, то он употребляется только в относительном смысле, подчеркивая этим, что одна идея более абстрактна, чем другая, или представляет более высокую ступень абстракции. Когда мы абстрагируем от индивидуальных предметов то, что является общим для них, как это имеет место при образовании идеи стула, то в этом случае непосредственные объекты еще прямо соответствуют нашим идеям. Новая ступень абстракции достигается лишь тогда, когда мы создаем идеи, которые не соответствуют воспринимаемому объекту. Так я могу сообщить вам, что я имею под понятием «человек», направляя ваше внимание на индивидуальных людей. Но если я хочу сказать вам, что я понимаю под словом «права человека», то в этом случае необходимо сложное объяснение другого рода.

Итак, существуют две ступени, или стадии, абстракции в развитии идей, и мысль в своем развитии переходит от первой ступени ко второй. Первая ступень возникает, когда мы, исходя из чувственного опыта, составляем себе идеи о различных видах предметов, их свойствах, отношениях и движениях, воспринимаемых нашими чувствами. Вторая ступень возникает тогда, когда мы с помощью нового процесса абстракции составляем себе идеи об этих свойствах, отношениях и движениях вещей, которые не воспринимаются непосредственно нашими чувствами.

Источники абстрактных идей

Источником всех без исключения абстрактных идей является опыт в объективном материальном мире, в практических отношениях человека к предметам и другим людям. Именно определенный опыт, приобретаемый людьми в ходе общения друг с другом и с природой, приводит к возникновению у них абстрактных идеи. Эти идеи служат продолжению и развитию их общения. Они отражают определенные отношения, объективно существующие между предметами, между людьми и между людьми, с одной стороны, и предметами, с другой, — отношения, которые преобразовываются в сознании людей в абстрактные идеи.

Одним из важных источников развития абстрактных идей является развитие общественных отношений между людьми. Так, например, первобытная родовая организация общества с его сложными правилами, регулирующими, кто на ком может жениться,

кто принадлежит к какому роду и вообще кто и что может делать, порождает целый ряд абстрактных идей относительно общественных отношений, которые одновременно являются продуктами этих общественных отношений и их регуляторами. Затем возникают идеи о социальном положении, о вождях и т. д. Позднее, с развитием собственности, возникают абстрактные идеи, связанные с имущественными отношениями.

Например, когда определенные люди завладели землей, возникли идеи земельной собственности, а также идеи соответствующих обязанностей, прав и привилегий. Такие идеи собственности носят абстрактный характер, им не соответствует никакой объект, непосредственно воспринимаемый чувствами человека. Например, идея вспаханного поля есть идея о реальности, которая дается нам в наших ощущениях; однако идея собственности на это поле является абстрактной и ей не соответствует никакой непосредственно воспринимаемый объект. Точно так же плоды этого поля являются конкретно воспринимаемой реальностью, мы можем поедать их; однако право землевладельца завладеть этими плодами не является чем-то чувственно воспринимаемым. Тем не менее эти абстрактные идеи представляют собой отражение в духовной области чего-то реально и объективно существующего — производственных отношений, установившихся на определенном этапе развития общественного производства.

Другие абстрактные идеи образуются как следствие развития производственной и другой деятельности человека, связанной с внешней природой. Именно в этом источник таких абстрактных идей, как причина и действие, а также всех абстрактных идей, связанных со счетом и измерением, подобно идеям числа, пространства и времени.

Одним из факторов, оказывающих весьма важное влияние на развитие абстрактных идей человека, является относительное невежество людей и их неспособность разобраться в своей социальной деятельности. Это порождает всякого рода мистические и иллюзорные абстрактные идеи.

На очень раннем этапе развития общества люди начали задумываться над тем, какими внутренними причинами вызываются различные знакомые им процессы, от которых зависит их существование. Так, например, люди видят, что злаки растут, а животные размножаются, и они сознают, что им самим нужно делать, чтобы способствовать этим процессам. Однако они не видят и не знают внутренних причин, обусловливающих эти процессы, и обладают лишь самыми несовершенными средствами управления ими. Так у них начинают складываться понятия о невидимых силах. У большинства первобытных народов существует представление о тайной силе, обитающей в людях, животных и предметах, причем они считают, что эта сила не может восприниматься

чувствами человека, но тем не менее она проникает во все доступные ощущению предметы и господствует над ними. Некоторые индейские племена называют эту силу «ваканда», а один из их старейшин, пытаясь разъяснить это представление заезжему антропологу, сказал ему: «Ни один человек никогда не видел “ваканда”»[1]. Из абстрактного представления такого типа — представления о невидимых силах — возникают абстрактные идеи религии и теологии.

Разделение духовного и материального труда

Как мы можем видеть по этим нескольким примерам, абстрактные идеи возникают как следствие процесса развития общества. Маркс и Энгельс связывали развитие абстрактных идей с важнейшим общественным процессом — процессом разделения труда.

Образование всех абстрактных идей — к какому бы типу они ни принадлежали и каков бы ни был их индивидуальный источник — предполагает известное развитие производительных сил и общественных отношений в человеческом обществе. Поэтому оно предполагает известное разделение труда. С этого разделения труда начинается выделение из единой производственной группы или «стада» отдельных индивидуумов, отличающихся друг от друга не только как различные представители вида, но и как личности, обладающие своими особыми общественными функциями и положением в обществе, обладающие индивидуальностью. Это порождает деятельность, взаимоотношения и опыт, которые вызывают появление абстрактных идей, а также кладет конец «стадному» сознанию и открывает возможности для развития мысли индивидуума.

С образованием абстрактных идей появляется разделение духовного и материального труда. Оно определенно знаменует появление духовного труда, отличного от труда материального. Вместе с этим появляются различного рода мудрецы, старейшины и вожди, являющиеся специалистами в области идей, толкующие и развивающие их. Эта специализация в области идей развивается в качестве неотъемлемой стороны общественной жизни, ибо без идей ни разделение труда, ни различные вытекающие из него производственные процессы, ни общественные отношения не могут сохраняться и развиваться. Маркс и Энгельс писали: «Разделение труда становится действительным разделением лишь с того момента, когда появляется разделение материального и духовного труда»[2].

---

[1] Приведено в книге A. Robertson, The Origins of Christianity, London, 1953, p. 12.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 30.

В общем и целом образование абстрактных идей соответствует возникновению новых потребностей общества. В то же время развитие идей становится особой формой общественной деятельности, особой сферой разделения труда. Вытекающее же отсюда разделение духовного и материального труда приводит к дальнейшим последствиям.

Коль скоро абстрактная идея сложилась и воплощена в слова, возникает возможность того, что эти слова будут восприняты как относящиеся к особым видам предметов, существующих отдельно 6т предметов материального мира, отражаемых в чувственных восприятиях. Эта возможность может осуществляться тем скорее, чем больше разработка абстрактных идей приобретает характер особой формы общественной деятельности, отделенной от материального труда.

Очевидно, что именно это и происходит с представлениями о невидимых силах, сверхъестественных существах и т. д. Люди, придерживающиеся этих абстрактных идей, считают, что этим идеям соответствуют некие таинственные создания и силы, существование которых отдельно и независимо от существования воспринимаемых материальных предметов. Знахари, попы и богословы, специализирующиеся в области таких идей, разрабатывают самые сложные учения в этом духе.

Но такие же иллюзии могут возникать и в отношении всех абстрактных идей. Ведь абстрактные идеи носят такой характер, что им не соответствует никакой непосредственно воспринимаемый предмет. Но они связаны с воспринимаемыми предметами. Чтобы разъяснить абстрактную идею, объяснить, что означает абстрактное слово, в котором она воплощена, необходимо упомянуть об определенных воспринимаемых предметах, процессах и взаимоотношениях между ними, отражающихся в абстрактной идее. С другой стороны, можно забыть о конкретной действительности, отражаемой в абстрактных идеях, и манипулировать такими идеями так, словно они относятся к какому-то особому царству абстракций, открывающихся интеллекту, но не зависимых от воспринимаемого мира, от опыта и практики.

«Подход ума (человека) к отдельной вещи, снятие слепка (=понятия) с нее *не есть* простой, непосредственный, зеркальномертвый акт, а сложный, раздвоенный, зигзагообразный, *включающий* в себя возможность отлета фантазии от жизни; мало того: возможность *превращения* (и притом незаметного, несознаваемого человеком превращения) абстрактного понятия, идеи в *фантазию* (в последнем счете = бога). Ибо и в самом простом обобщении, в элементарнейшей общей идее (“стол” вообще), *есть* известный кусочек *фантазии*»[1].

[1] В. И. Ленин, Философские тетради, Госполитиздат, 1947, стр. 308.

Возможность такого «отлета» абстрактной идеи от действительности становится тем больше, чем в большей степени духовный труд оторван от материального труда, чем больше теоретическая деятельность оторвана от практической деятельности.

Таким образом, с развитием абстрактных идей мышление больше не связано с особенностями предметов и связей между лицами и между предметами — связей, которые мы непосредственно познаем на практике посредством своих чувств. Именно потому, что мышление становится особой сферой духовного труда, отличной от материального, оно все более отрывается от практики и опыта повседневной трудовой жизни. Оно получает возможность разрабатывать всякого рода общие представления и общие взгляды относительно мира и общества. Наши мысли начинают отличаться от нашего опыта и ощущений.

«С этого момента, — писали Маркс и Энгельс, — сознание *может* действительно вообразить себе, что оно нечто иное, чем осознание существующей практики, что оно может *действительно* представлять себе что-нибудь, не представляя себе чего-нибудь действительного (то есть чего-то непосредственно воспринимаемого чувствами. — *М. К.*), — с этого момента сознание в состоянии эмансипироваться от мира и перейти к образованию "чистой" теории, теологии, философии, морали и т. д.»[1].

Обучение мышлению

Одним из условий развития абстрактных идей является отделение духовного труда от материального, а оно чревато противоречивыми возможностями. С одной стороны, оно позволяет приобретать более глубокие знания о реальных связях предметов и об условиях человеческого существования, чем это возможно с помощью непосредственного сознания, основанного на восприятии. С другой стороны, оно открывает возможность для возникновения всякого рода фантазий и иллюзий.

Вследствие этого всему процессу интеллектуального развития общества присущи противоречивые стороны. С одной стороны, наблюдается несомненное расширение подлинного знания — другими словами, верных идей (соответствие которых действительности было подтверждено) о природе, обществе и отношениях человека с природой. С другой стороны, наблюдается появление все новых иллюзорных идей и их усложнение. По мере того как общество развивалось, в умах людей развивались иллюзии о них самих и о мире, в котором они обитают. Каждая эпоха вносила свой вклад в общую сумму человеческого познания. В то же время каждая эпоха порождала характерные для

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 30.

нее иллюзии, которые ограничивали всю интеллектуальную продукцию данной эпохи, целиком пропитывали ее и придавали ей особую окраску.

Таким образом, именно тут находим мы гносеологические корни противоположения материалистических тенденций идеалистическим и борьбы между ними, проходящей красной нитью через все развитие мысли.

Противоположность материалистических тенденций идеалистическим является основной противоположностью в развитии познания. Она возникает с разделением духовного и материального труда. Когда духовный труд впервые начинает эмансипироваться от мира как теоретическая деятельность и становится чем-то иным, чем сознание существующей практики, немедленно возникают два взаимно исключающих друг друга теоретических направления: одно из них стремится понять предметы в их собственных связях и объяснить все происходящее в материальном мире, исходя из самого материального мира, — это и есть материализм; другое стремится унестись в царство чистой мысли и изображать дело так, словно материальный чувственный мир зависит от мысли и является ее продуктом, — это и есть идеализм. Другими словами, одно из них считает, что бытие предшествует мышлению, а другое, что мышление предшествует бытию.

В этом свете борьба материалистического направления в мышлении против направления идеалистического понимается как борьба, которая ведется на протяжении всей истории человечества — с древнейших времен по сей день, как борьба за то, чтобы научиться мыслить правильно и достоверно, то есть так, чтобы мышление правильно отражало реальные условия человеческого существования и способствовало прогрессу человечества. Это есть борьба за знание и просвещение против невежества и суеверия.

Глава VI

ИДЕОЛОГИЯ

Абстрактные идеи используются для формирования более или менее систематических взглядов на вещи, то есть для образования идеологий, разрабатываемых определенными социальными группами на определенных этапах развития общества. Идеологическое развитие зависит от развития материальной жизни общества; идеология служит классовым интересам. В то же время идеология всегда должна удовлетворять определенным интеллектуальным запросам. В силу этого возникают беспрестанные противоречия в развитии идеологий и критика по их адресу.

Этим и объясняется то, что в идеологиях могут сосуществовать как элементы истины, так и элементы иллюзий.

Образование идеологий

В ходе развития общества абстрактные идеи используются для составления более или менее систематических теорий, учений или взглядов на вещи. Общие взгляды и способы мышления, системы абстрактных идей упрочиваются как характерные системы воззрений всего общества или его части.

Между взглядами, которых придерживаются в различных обществах и на различных этапах общественного развития, существует значительная разница. Каждое общество и каждый этап придерживаются типичных для них социальных взглядов на политику, мораль, право, собственность, религию, философию, и эти взгляды пронизывают мнения общества по всем конкретным вопросам, определяют развитие идей всех индивидуумов и влияют на них.

Например, с развитием частной собственности и государства всегда возникают абстрактные идеи юридических и политических *прав*. Однако на различных этапах развития собственности взгляды в отношении прав — теории о правах, систематические учения о правах — весьма отличаются друг от друга. В рабовладельческом обществе считалось, что рабы не имеют никаких прав. В феодальном обществе считалось, что правами обладают все, но характер прав человека зависел от его фактического положения при феодальном строе, так что крепостной не обладал теми правами, какими обладал землевладелец. С развитием капитализма стала появляться теория «прав человека», согласно

которой каждый человек просто в силу того, что он человеческое существо, обладает определенными «неотъемлемыми человеческими правами», причем эти права одинаковы для всех людей. Было немало споров о том, как точно определить эти права и из чего их можно вывести.

Далее, с самого появления общественного производства у людей сложились абстрактные идеи о причинности в природе. Однако на различных этапах развития общества взгляды на причинность в природе весьма сильно менялись. Самая примитивная теория, согласно которой все предметы являются одушевленными и обладают сознанием, называется «анимизмом». Позднее от анимизма отказались и стали считать, что руководящим началом всего является определенная форма или принцип, который определяет характер предмета, его место в иерархии всего существующего, его особые способы воздействия на другие предметы и реагирования на них. Такой взгляд на причинность был разработан весьма подробно в средние века. Затем стал развиваться механистический взгляд на причинность, который был первоначально свойствен новому естествознанию. Согласно этому взгляду, движение всех тел направляется единой системой естественных законов и все происходящее определяется внешним взаимодействием тел, происходящим в соответствии с этими законами.

Такие более или менее систематические взгляды, исторически разрабатываемые определенными общественными группами на определенных этапах общественного развития и меняющиеся в зависимости от своего социального происхождения, называются *идеологиями*. Развитие же таких взглядов носит название *идеологического развития*.

Материальный базис идеологического развития

Идеология по существу — общественный продукт, а не индивидуальный. При рассмотрении развития идеологии мы имеем дело с развитием идей в обществе. Нас интересует не столько вопрос о том, как идеи возникают и вырабатываются в мозге индивидуума, сколько о том, каким образом создаются общие системы идей в качестве характерной черты целого этапа развития общества.

Конечно, индивидуумы вносят свой вклад в создание идеологии — в зависимости от личных способностей и от обстоятельств. С другой стороны, идеологии, господствующие в обществе или возникающие в нем, всегда составляют подоплеку и условие развития мнений и взглядов каждого индивидуума в обществе. На мнения и взгляды индивидуумов всегда влияют идеологии; индивидуумы выражают их, являются их глашатаями.

В ходе развития общества происходит изменение и развитие идеологии. Одна идеология вытесняет другую. В одном и том же обществе различные и противоречащие друг другу идеологии взаимодействуют и сталкиваются друг с другом. Однако идеология не может развиваться независимо от всего. Не может быть никакой «истории мысли», независимой от развития материальных условий жизни общества.

Идеология всегда есть идеология конкретных людей, которые живут в определенных условиях, существование которых зависит от специфического способа производства, людей, находящихся в конкретных общественных отношениях с другими людьми и делающих определенные вещи в силу определенных желаний и целей. Их идеология не формируется независимо от процесса их материальной жизни.

«Для нас исходной точкой являются действительно деятельные люди, — писали Маркс и Энгельс, — и из их действительного жизненного процесса мы выводим также и развитие идеологических отражений и отзвуков этого жизненного процесса. Даже туманные образования в мозгу людей, и те являются необходимыми продуктами, своего рода испарениями их материального жизненного процесса, который может быть установлен эмпирически и который связан с материальными предпосылками. Таким образом, мораль, религия, метафизика и прочие виды идеологии и соответствующие им формы сознания утрачивают видимость самостоятельности. У них нет истории, у них нет развития; люди, развивающие своё материальное производство и своё материальное общение, изменяют вместе с этой своей действительностью также своё мышление и продукты своего мышления»[1].

Условия возникновения абстрактных идей и потребность общества в идеологическом развитии таких идей порождаются развитием производства, вытекающим из него развитием производственных отношений и развитием социального общения, основывающегося на этих отношениях. Идеологии развиваются не в результате внутренней деятельности человеческого духа, происходящей независимо от материальной жизни общества, а как следствие развития материальной жизни общества, которая обусловливает продукты интеллектуального производства.

Поэтому в обществе, разделенном на классы, идеологии принимают классовый характер. Там развиваются различные взгляды в связи с различным положением различных классов в общественном производстве, их различным отношением к средствам производства, их различной ролью в общественной организации труда, различным способом получения ими их доли общественного

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 25.

богатства, их различными материальными интересами. Таким образом, различные идеологии вырабатываются для обслуживания интересов различных классов.

Отражение действительности в идеологии

Итак, идеологическое развитие направляется материальным развитием общества — развитием производства, производственных отношений, классов и классовой борьбы.

Стало быть, причины, направляющие ход идеологического развития в том или ином направлении, в конечном итоге всегда надо искать не в сфере самого идеологического развития, а в сфере условий материальной жизни. Например, для того чтобы объяснить, почему буржуазная идея о правах человека вытеснила феодальную идею о правах, необходимо проследить, какие изменения произошли в способе производства материальной жизни, ибо эти изменения порождают противоречия между феодальной идеей о правах и общественными отношениями, юридическое признание которых было необходимо для ведения капиталистического способа производства и обусловило изменение представления о правах таким образом, чтобы оно пришло в соответствие с действительностью. Точно так же в сфере идей о природе эти же изменения в способе производства обусловили появление нового направления. В общем и целом феодальная идеология была вытеснена идеологией буржуазной потому, что в материальной жизни общества феодальные общественные отношения были вытеснены буржуазными.

Однако в то же время идеологическое развитие, как развитие абстрактного мышления, имеет свои характерные особенности, свои внутренние законы. Его направление определяется развитием материальной жизни общества, и всякая идеология развивается на основе определенных материальных общественных отношений и деятельности, служа определенным материальным интересам. Тем не менее верно и то, что идеология всегда должна удовлетворять определенным интеллектуальным запросам и что эти запросы постоянно возникают и удовлетворяются в ходе идеологического развития.

Цель развития идеологий — служение определенным классовым интересам. Они представляют собой интеллектуальное орудие, интеллектуальное оружие, создаваемые и выковываемые определенными классами в соответствии с их материальным положением и потребностями. Но именно в силу того, что они являются интеллектуальным орудием и интеллектуальным оружием, идеологии, для того чтобы быть полезными, должны удовлетворять интеллектуальным запросам. Они должны подчиняться правилам обращения с идеями подобно тому, как материальное

орудие и материальное оружие должны, например, подчиняться правилам обработки металла.

Откуда возникают эти внутренние, интеллектуальные потребности идеологического развития? Они возникают из того факта, что идеология есть отражение реального материального мира в форме абстрактных идей. Всякая идеология есть попытка людей понять действительный мир, в котором они живут, и составить представление об этом мире или о некоторых сторонах этого мира и их собственной жизни таким образом, чтобы это могло сослужить им службу в определенных условиях их существования. Поэтому они должны всегда стремиться развивать свою идеологию, как связную систему идей, которая согласуется с фактами постольку, поскольку люди столкнулись с ними на практике и установили их. Это вызывает интеллектуальные запросы, которые должны быть удовлетворены с помощью идеологий, а их удовлетворение — закон, который действует постоянно, влияя на развитие идеологий.

Идеологии должны разрабатываться так, чтобы, во-первых, удовлетворять общим потребностям отражения действительности в идеях, то есть законам логики. Во-вторых, они должны удовлетворять конкретным требованиям отражения той или иной части действительности, то есть они должны согласовываться с фактами постольку, поскольку люди столкнулись с этими фактами на практике и установили их.

Таким образом, идеологии развиваются на основе данной структуры общества, чтобы служить интересам того или иного класса, и в ходе этого идеологического развития постоянно прилагаются усилия к тому, чтобы сделать выработавшиеся взгляды внутренне последовательными и логичными, добиться того, чтобы они давали объяснение и связное представление об основных фактах, выявляющихся в результате практической деятельности общества на данном этапе развития.

Это порождает постоянные противоречия в развитии идеологий. С одной стороны, взгляды, развиваемые представителями различных классов, оказываются логически непоследовательными и несовместимыми с очевидными фактами. С другой стороны, факты и требования логики приводят к заключениям, которые не согласуются с прочно укоренившимися взглядами. Такие противоречия порождают постоянный процесс дальнейшей тщательной разработки идеологий, поскольку идеологи стремятся найти пути и способы разрешения этих противоречий.

Критика идеологий

Какую бы область идей ни взять, их развитие есть выражение стремления всесторонне эти идеи проанализировать, сделать их

последовательными, представить их логично изложенными и приспособить к фактам, установленным в результате практической деятельности. Это стремление играет важную роль в дальнейшей тщательной разработке идеологий. В самом деле, чем более конкретно знакомимся мы с развитием определенных идеологий — то есть чем больше внимания уделяем мы подробностям их развития, а не их наиболее общим чертам, — тем необходимее учитывать интеллектуальную сторону идеологического развития. Стремление привести идеи в соответствие с упрямыми фактами, устранить противоречия и создать последовательный, аргументированный взгляд оказывает очень большое влияние на подлинное развитие идей. В ходе этого развития выражение экономических отношений и классовых интересов в данной сфере идей неизбежно становится менее очевидным, менее непосредственным, более туманным и окольным.

Вот что Энгельс писал, например, о развитии правовой идеологии:

«...право не только должно соответствовать общему экономическому положению, не только быть его выражением, но также быть его выражением *внутренне согласованным*, которое не опровергало бы само себя в силу внутренних противоречий. А для того чтобы этого достичь, нарушают точность отражения экономических отношений все более и более... Таким образом, ход «правового развития» (то есть развития правовой идеологии. — *М. К.*) состоит по большей части только в том, что сначала пытаются устранить противоречия, вытекающие из непосредственного перевода экономических отношений в юридические принципы, и установить гармоническую правовую систему, а затем влияние и принудительная сила дальнейшего экономического развития опять постоянно ломают эту систему и запутывают ее в новые противоречия»[1].

Тот же самый процесс происходит во всех сферах идеологии — в философии, богословии, представлениях о морали, представлениях о природе и т. д.

Идеологии всегда особенно уязвимы и беззащитны перед лицом критики, когда им свойственны внутренние противоречия и когда они не опираются на факты, полученные в результате опыта. Те люди, которые в качестве интеллектуальных представителей данного класса выдвигают общую точку зрения в идеологии, всегда вынуждены по этой причине разрабатывать свою идеологию, что зачастую приводит к созданию очень сложных и далеко идущих идеологических построений. И тогда, как заметил Энгельс, эти построения опять перестают служить данным интересам в новых условиях, и весь процесс начинается снова.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные письма, стр. 428.

В философии, например, это проявляется в создании множества философских *систем*.

Если этот процесс критики происходит в ходе развития идеологии определенного класса, он принимает иную и более острую форму, когда на основе новых факторов в материальной жизни общества начинают складываться новые и противоречащие ей представления, выражающие интересы иных классов. Такие новые представления не возникают до тех пор, пока их не порождает материальная жизнь. Однако, коль скоро эти представления появились, их носители, основываясь на новой точке зрения, начинают критиковать установившиеся взгляды, приводя многочисленные примеры их непоследовательности. Они действуют с помощью логики и взывают к фактам, как к могущественному интеллектуальному оружию, дающим ему возможность дискредитировать и уничтожить старые взгляды.

Историки идей по большей части впадали в ошибку, пытаясь понять идеологическое развитие исключительно в свете возникновения интеллектуальных запросов и удовлетворения их. Как указывали Маркс и Энгельс, этого нельзя делать, поскольку нельзя объяснить, почему те или иные новые взгляды возникли в то или иное определенное время или почему выработались именно такие взгляды, а не иные, если мы не будем искать причин этого в материальной жизни общества. Однако нельзя также проследить развитие идеологий, не учитывая интеллектуальных потребностей. Марксизм никогда и не утверждал, что это возможно.

Это противоположного рода ошибка, в которую впадали некоторые школы социологов, а именно те, кто признавал учение «экономического детерминизма». (Согласно этому учению, экономическая деятельность есть единственный фактор, определяющий все развитие общества во всех его аспектах.) Не признавая, что в идеологии происходит процесс отражения реального мира в идеях человека, они считают идеологию исключительно результатом развития различных идей, выражающих различные материальные, экономические интересы и служащих им. Это приводит последователей такой доктрины к одному из двух следующих заключений. С одной стороны, они считают, что, поскольку все идеи суть лишь практические орудия, служащие различным материальным интересам, никакие идеи, в том числе и их собственные, не могут претендовать на правильное отражение действительности и что, следовательно, всякая идеология, включая их собственную, во всех отношениях столь же иллюзорна, как и все остальное. С другой стороны, они бывают склонны считать себя и свои идеи исключением, изображать из себя людей особых, которые путем какого-то интеллектуального чуда поднялись над всеми классовыми точками зрения и могут взирать на остальное человечество сверху вниз, сидя в башне

из слоновой кости, олицетворяющей их полнейшую и абсолютную «объективность». В обоих случаях они явно впадают в противоречие с самими собой.

Однако основой для критики идеологий всегда были и остаются требования разума и данные опыта, то есть критическое сопоставление идеологий с действительностью. Это сопоставление проводилось постоянно в ходе самого идеологического развития. Оно проводилось не людьми, которые умудрились изолироваться от общественной жизни, ибо таких людей не существует, — оно осуществлялось в ходе длительного развития человеческой практики — производства, науки и классовой борьбы.

Итак, в ходе развития идеологий имеет место развитие достоверного и внутренне согласованного отражения действительного мира в идеях людей. Непрерывный учет фактов и стремление к последовательности (имеющие место вопреки всякого рода интеллектуальному обману, тенденциозности, измышлениям, фантазии, софистике и непоследовательности, которые сопутствуют им на каждом этапе) неуклонно приносят положительные результаты. Эти результаты постоянно проверяются, закрепляются, критикуются и прогрессируют с развитием человеческой практики.

Истина и иллюзия в идеологиях

Все идеи суть отражение объективной материальной действительности, которая, в конечном счете, является их источником. Однако, как мы только что видели, хотя в идеологии развивается верное отражение действительности в идеях, это происходит наряду с развитием всякого рода иллюзий, искаженного, фантастического отражения действительности.

Столкновение и взаимопроникновение истины и иллюзии в ходе идеологического развития выражают тот факт, что отражение действительности в идеях осуществляется различными способами, в результате различных процессов и различными путями.

Одним из путей возникновения у нас идей о вещах и дальнейшего уточнения этих идей является процесс нашего практического взаимодействия с предметами, основой и проверкой которого служит практический опыт; дальнейшее развитие этого процесса осуществляется путем научного изучения действительных процессов, действительных свойств предметов, движений этих предметов и их взаимных связей. Поскольку идеи о предметах создаются подобным образом, идеи и заключения о них, воплощенные в идеологиях, более или менее правильны, то есть они более или менее верно отражают действительность и соответствуют ей.

Однако это не единственный путь образования идей. Они возникают также более косвенным и окольным путем, причем идеи,

возникающие более косвенным и окольным путем, оказывают весьма большое влияние на образование идеологий.

Этот окольный процесс, который вторгается в образование идеологий, включает три основных этапа. На первом этапе абстрактные идеи образуются на основе различных общественных отношений и опыта людей. На втором этапе эти абстрактные идеи обособляются от фактического опыта и отношений, из которых они происходят. На третьем этапе с помощью этих абстрактных идей разрабатываются как частные заключения, так и общие представления о всякого рода предметах.

Например, когда общество распадается на классы и возникает правящий класс, тогда на основе определенных общественных отношений, социального опыта и деятельности возникает абстрактное представление об отношениях между правителем и управляемыми, о власти и прерогативах правителя. Затем это абстрактное представление отделяют от фактического опыта и отношений, из которых оно первоначально возникло, рассматривают его как выражение общей истины относительно вселенной и далее вырабатывают представление о боге, властителе вселенной. Третий и последний этап заключается в том, что начинают рассматривать существующие общественные отношения как повеление бога, а природу — как его творение.

Когда представление о предметах возникает и разрабатывается в этом направлении, это означает, что мы подходим к тем или иным предметам с каким-то более или менее установившимся предвзятым мнением. В самом деле, такие предвзятые мнения зачастую так укоренились в нашем мозге вследствие воспитания и привычки, что нам и в голову не приходит ставить их под сомнение; мы принимаем их за аксиомы, за естественные и очевидные способы мышления. Так и получается, что наши общие представления и частные выводы о предметах возникают прежде всего не как результат критического исследования и проверки выводов на практике, а в отрыве от практики, некритическим путем, без исследования.

Когда представления о предметах создаются таким путем, они вообще перестают быть истинными и становятся в большей или меньшей степени иллюзорными. Они не являются правильным отражением действительности и не соответствуют ей, а, наоборот, дают неправильную, иллюзорную, фантастическую или искаженную картину действительности.

Однако иллюзии всегда имеют своим источником действительную жизнь. Они не просто чистое порождение мозга, а возникают, как мы только что видели, в результате образования представлений из одного источника, а затем обобщения их и использования в качестве предвзятых мнений в самых различных контекстах

вместо критического образования и проверки представлений посредством фактической практики и опыта.

Всякая иллюзия имеет своим источником действительность. Она отражает определенные условия материальной жизни, возникает из определенных общественных отношений, опыта и деятельности. Вот почему многие иллюзии сохраняются так упорно. Это происходит не просто в результате внедрения в умы индивидуумов неких иллюзорных представлений — суть в том, что существующие общественные отношения постоянно порождают определенные иллюзии, причем эти иллюзии служат определенным материальным интересам.

Иллюзии принимают две главные формы.

Во-первых, возникают иллюзии о действительных предметах — неправильные понятия о действительных процессах и отношениях, знакомых нам по опыту и практике. Такова, например, иллюзия, заключающаяся в рассмотрении общественных отношений и учреждений как следствия человеческой натуры или как результата определения их законами разума.

Во-вторых, иллюзии превращаются в чистый вымысел и фантазию, придумывание воображаемых предметов. Так у людей не только создаются неправильные представления о природе и обществе (а природа и общество действительно существуют) — у них возникают идеи о рае и аде, о духовном мире и о других несуществующих вещах; люди начинают выдумывать всякие воображаемые существа — богов, волшебниц, чертей.

В этой связи мы должны отметить, что нельзя просто ставить знак равенства между иллюзией и ошибкой. Конечно, иллюзия тоже ошибка, но ошибка особого рода.

Предположим, например, что кто-нибудь утверждает, что $13^2 = 166$. Это простая ошибка, ошибка в вычислении (ибо правильный ответ 169). С другой стороны, предположим, что этот человек утверждает, что 13 — несчастливое число. Это уже не похоже на ошибку в вычислении, которая может быть допущена людьми, имеющими в общем и целом правильные представления о числах. Это — иллюзия, и именно иллюзия, согласно которой числа бывают счастливые и несчастливые. Такое заблуждение — не просто результат ошибки в действиях с числами, а результат приложения к числам предвзятого представления относительно счастья, которое, хотя оно определенно имеет своим источником опыт и практику, неверно и некритически прилагается к числам.

Точно так же, если говорят, что английская конституция была введена Оливером Кромвелем, то это ошибочное заявление, являющееся результатом недостаточного изучения истории английской конституции. Но, предположим, кто-нибудь заявит, что английская конституция есть выражение неповторимого духа

англо-саксонской расы или что она дарована английскому народу богом. Подобные заявления, хотя они и ошибочны, — не просто ошибка, вытекающая из незнания истории. Они возникают в результате приложения к социальным вопросам предвзятых идей о расовом духе и о боге.

Таким образом, иллюзии есть ошибки особого рода, возникающие из вполне определенного, неправильного понимания предметов в результате приложения к ним предвзятых представлений.

Научная и иллюзорная идеология

Фактически в формировании идеологии присутствуют оба процесса образования абстрактных идей: процесс критического образования более или менее истинных идей посредством практического опыта и взаимодействия с предметами и процесс образования более или менее иллюзорных идей — предвзятых представлений, влияющих на образование взглядов. В то же время тот или иной из этих процессов может преобладать при образовании определенных идеологий, так что они становятся в одном случае по преимуществу научными, а в другом — по преимуществу иллюзорными и антинаучными.

В обществе, разделенном на классы, всякая идеология развивается интеллектуальными представителями определенных классов, соответствует фактическому положению определенных классов в классовой борьбе и удовлетворяет их потребности в связи с этой борьбой. В силу этого мы можем видеть, насколько неизбежно взаимодействие и переплетение двух процессов в ходе образования классовой идеологии.

С одной стороны, поскольку интересы данного класса требуют правильной оценки действительности, основанной на каком-то критическом исследовании, его идеология содержит научный элемент. Например, классовый интерес капиталистического класса безусловно требует, чтобы была проделана значительная работа по открытию действительных законов, управляющих различными процессами природы, и такие открытия играют свою роль в буржуазной идеологии. Те же самые интересы также требуют проведения определенных исследований в социальной области; из этого источника в буржуазную идеологию опять-таки проникает определенный научный элемент.

С другой стороны, в той мере, в какой интересы данного класса и его место в общественном производстве порождают определенные предвзятые представления и иллюзии, служащие этому классу в его борьбе, его идеология иллюзорна. Так, например, поскольку речь идет о буржуазной идеологии, в ней есть много элементов, которые просто-напросто воплощают иллюзии буржуазного класса и взгляды, свойственные только буржуазному обществу.

Действительно, буржуазная идеология образуется в результате развития обоих процессов. Это порождает противоречия в ее развитии, поскольку результаты этих процессов постоянно приходят в противоречие друг с другом и разрешение таких противоречий приходится искать в развитии идеологии. То же самое верно для идеологий других классов, хотя в буржуазной идеологии научный элемент значительно сильнее, так что противоречия приобретают более острый характер.

Так, например, в ходе развития буржуазной философии наблюдается постоянное стремление примирить научные открытия с предвзятыми буржуазными представлениями. Наиболее наглядное проявление этого противоречия в буржуазной философии есть противоречие между материалистической картиной мира, создаваемой в результате научных открытий, и религиозными взглядами, которые составляют существенную часть предвзятых идеологических представлений. Философы постоянно ищут способы и средства разрешения этого противоречия; они то и дело разрешают его к своему удовольствию, но сколько бы они его ни разрешали, оно возникает вновь и вновь.

Далее, в буржуазном обществе в науке открытия всегда истолковываются — с помощью философов — в соответствии с предвзятыми буржуазными представлениями. Сегодня можно это видеть, например, в развитии физики, где открытиям квантовой физики дается следующее истолкование: они, мол, означают, что события нельзя предсказать и что истинная их природа непознаваема. Это просто приложение к области физики предвзятых буржуазных идеологических представлений, порожденных общим кризисом капитализма. С другой стороны, от некоторых предвзятых представлений, по крайней мере в их прежних формах, отказались и заменили их другими, ибо они вступали в противоречие с прогрессом в области познания природы. Так произошло, например, с религиозными учениями, которые весьма часто подвергались изменениям в ходе борьбы, имевшей целью примирить религию с наукой, как это было, например, когда богословы в качестве уступки эволюционному учению в конце концов отказались от Адама и Евы.

Рассматривая подобные примеры, можно видеть, что противопоставление и взаимное проникновение научных и иллюзорных элементов в идеологии не следует понимать упрощенно и считать, что представления об одном предмете научны, а о каком-нибудь другом — иллюзорны. На деле научный и иллюзорный элементы скорее противопоставляются друг другу и взаимно проникают в идеях об одном и том же предмете.

Так, например, буржуазная идеология представляет собой противоречивое сочетание некоторых истинных и иллюзорных элементов, причем последние всегда упорно продолжают существовать.

Можно сказать, что в буржуазной идеологии научный элемент сильнее в представлениях о процессах природы, а иллюзорный элемент сильнее в представлениях о социальных процессах. Однако оба элемента проникают во все области буржуазной идеологии, причем иллюзорный элемент является самой характерной чертой этой идеологии. Особенностью буржуазной идеологии, свойственной только ей одной, является характер ее иллюзий.

То же самое можно сказать и о других идеологиях прошлого. В то же время мы можем с полным основанием утверждать и утверждаем, что социалистическая, или марксистская, идеология есть прежде всего идеология научная и в этом отношении отличается от всех других идеологий без исключения. Это объясняется тем, что борьба за уничтожение капитализма, а вместе с ним и всякой эксплуатации человека человеком — борьба, которой эта идеология служит, — требует прежде всего правильной оценки действительности и выступает против всех иллюзий, питаемых обществами, основанными на эксплуатации.

Глава VII

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИЛЛЮЗИИ

Источником идеологических иллюзий являются определенные производственные отношения общества. Они возникают из этого источника не путем сознательного процесса, а бессознательно или стихийно. Идеологи, не зная подлинного источника своих иллюзорных идей, воображают, будто они создали их в процессе чистого мышления. Таким образом, в идеологии происходит процесс инверсии, в результате которого действительные социальные отношения изображаются как претворение в жизнь абстрактных идей. Наконец, идеологические иллюзии составляют продиктованную классовыми интересами систему обмана людей.

Идеологическое отражение производственных отношений

В этой главе мы рассмотрим развитие предвзятых идеологических представлений или иллюзий, а в следующих двух главах перейдем к рассмотрению развития научных идей.

Существуют пять главных характерных черт развития идеологических иллюзии в классовом обществе, которые можно проследить в каждой идеологии, вплоть до буржуазной и включая ее.

1. Первая черта идеологических иллюзий заключается в том, что они всегда возникают как отражения определенных, исторически сложившихся производственных отношений. Их источник — производственные отношения общества.

Создается впечатление, что в ходе развитий идеологических иллюзий абстрактные идеи, теории общего порядка берутся из человеческой головы — развиваются и контролируются, по всей видимости, просто самим процессом мышления. Но как такие идеи приходят людям в голову? Каков их источник? Если не предполагать, что такие идеи возникают в уме человека стихийно или что человек рождается с готовыми «врожденными идеями», то следует предположить, что источником всех наших идей, в том числе самых абстрактных, иллюзорных, является объективная реальность, находящаяся за пределами ума, — из этого источника они возникают и отражением его являются.

Сознание всегда лишь отражение материального существования. Материя, объективное бытие, — первично, а сознание, отражение материи, — вторично. У разума нет никаких собственных внутренних источников, откуда он мог бы черпать идеи. Всякая

идея, всякий элемент идеологии возникают из некоей объективной реальности, некоего реального аспекта материального мира и отражают их.

Источником иллюзий в идеологии всегда является реальная экономическая структура общества. Как люди живут, так они и думают. В соответствии с отношениями, в которые они вступают, производя средства существования, они создают социальные идеи и социальные теории. Так, например, в феодальных идеях земельной собственности и в феодальной идеологии вообще отражаются действительные отношения землевладельцев и крепостных, установившиеся при феодальном способе производства. Точно так же в капиталистической идеологии отражаются капиталистические отношения. В первобытной идеологии первобытно-общинного строя отражаются значительно более простые отношения между членами племени, солидарность индивидуума с племенем.

Таким образом, по мере развития общества идеи, которые отражают имущественные отношения общества, разрабатываются в форме систем и теорий о политике, общественных правах и обязанностях, законе и т. д. Всякая такая идеология имеет своим источником производственные отношения общества и в конечном итоге представляет собой не что иное, как идеологическое отражение этих отношений.

То же самое относится и к идеям о морали. Если у нас есть идеи об абсолютных критериях хорошего и плохого, верного и неверного, добродетели и порока, то эти идеи суть отражения не какого-либо объективно существующего свойства тех или иных лиц или действий, а социальных отношений, в которые люди вступили и в рамках которых протекает их личная деятельность. Не удивительно поэтому, что суждения о морали меняются по мере того, как происходят коренные сдвиги в социальных отношениях, и что есть только один объективный критерий, позволяющий судить о том, что одна мораль выше другой, а именно, когда она является отражением более высокой социальной системы и отвечает ее потребностям.

То же самое верно и в отношении идеологии сверхъестественного, то есть религиозной идеологии. Мир сверхъестественного, который люди создают в своем представлении, в конечном счете не что иное, как отражение реально существующего общества и общественных отношений между людьми в их земной жизни. Мир сверхъестественного всегда стоит на страже устоев общества. Религия племен стоит на страже племени и охраняет сложившиеся в нем отношения, а идеи христианства в наше время получили такую форму, что создается впечатление, будто небеса стоят на страже буржуазного порядка в обществе. Мир сверхъестественного, охраняющий социальный порядок и оправдывающий его» создается по образу этого социального порядка.

Таковы примеры, показывающие, как различные виды идеологических иллюзий развиваются в форме абстрактных идей, источником которых является развитие социальных отношений, точнее — производственных отношений. Объективная реальность, которая отражается в таких идеях, — не что иное, как существующий комплекс социальных отношений, проистекающих из производства материальных средств жизни.

Стихийный характер идеологических иллюзий

2. Вторая характерная черта идеологических иллюзий заключается втом, что, хотя их источником является комплекс действительных социальных отношений, они не черпаются из этого источника сознательным путем и не выдвигаются в качестве анализа существующих общественных отношений.

Идеи, которых придерживаются люди, могут отражать их социальные отношения, но идеологические иллюзии создаются не путем *сознательного* отражения ими их собственных социальных отношений и разработки научным способом для самих себя точного и систематического представления о структуре общества, в котором они живут.

Например, идеи политической экономии в том виде, как они изложены в «Капитале» Маркса, вырабатывались путем сознательного методического изучения фактически существующих производственных отношений. Именно поэтому они носят не иллюзорный, а научный характер. Идеологическая же иллюзия возникает именно как бессознательное, непреднамеренное отражение существующей общественной структуры, выраженное в общих идеях о мире. Она носит бессознательный, стихийный характер. Вот почему, если мы хотим раскрыть наиболее существенные черты той или иной ошибочной идеологии, мы должны искать их не в тех рациональных формах, в которые люди облекли свои идеи, а скорее в не подкрепленных доводами разума предпосылках, предвзятых суждениях, которые люди принимают за нечто само собою разумеющееся и которые определяют ход их мысли.

Например, по идеологии средневековой католической церкви весь мир, небо и земля рассматривались как иерархия, низшие члены которой непременно подчинены высшим. Создавая эту идеологию, люди не намеревались дать представление о феодальном порядке; сознательное намерение заключалось в том, чтобы дать представление о необходимом порядке всего мира, и оно сознательно разрабатывалось в качестве логической системы. И все-таки идеология фактически была отражением существовавших в феодальном обществе отношений, которые, таким образом, воспроизводились в идеях людей путем стихийного, непреднамеренного, бессознательного процесса. Общие идеи представляли собой

отражение фактических общественных отношений, но они не создавались сознательно в качестве такого отражения, а возникали бессознательно и стихийно в человеческой голове. Затем эти идеи фиксировались в качестве предвзятых суждений, которые применялись для истолкования и разработки теории, освещающей все то, чем люди интересовались, — будь то природа, общество или воображаемое царство небесное.

Стихийный, бессознательный характер идеологического отражения производственных отношений объясняется стихийным, бессознательным характером самих производственных отношений.

Производственные отношения людей необходимы и не зависят от их воли. Это служит ключом к пониманию характера иллюзорного идеологического отражения этих отношений в абстрактных представлениях о мире и обществе. Данные производственные отношения не устанавливаются преднамеренно, но в то же время на данном этапе развития общества они неизбежны. Поскольку люди отнюдь не принимают решения установить их, но и не могут без них обойтись, они не осознают, что это преходящие общественные отношения, установившиеся на определенное время в определенных условиях и отвечающие лишь временным историческим потребностям общества. Они скорее кажутся им составной частью необходимого порядка вещей. Характерные черты социальных отношений людей и их отношений с природой, являющиеся на деле исторически сложившимся результатом определенного способа производства, отражаются в абстрактных идеях в форме предвзятых представлений и иллюзий о природе человека и общества, как идеи о божестве и божественном провидении, о праве и справедливости, о вечных и непременных характерных чертах всего сущего, о конечной природе действительности и т. д.

Иллюзия относительно чистой мысли

3. Третья черта идеологических иллюзий заключается в следующем: именно потому, что их стихийный характер не дает людям возможности познать их подлинный источник, человеку кажется, что они явились результатом свободного мыслительного процесса, чистой и ничем не связанной деятельности разума.

«Идеология[1] — это процесс, который совершает так называемый мыслитель, хотя и с сознанием, но с сознанием ложным, —

[1] Маркс и Энгельс зачастую применяли термин «идеология» исключительно к процессу идеологической иллюзии, то есть употребляли его в ограниченном смысле. Когда этот термин применяется в таком ограниченном смысле, то тем самым научный образ мысли исключается из идеологического процесса и такое выражение, как «научная идеология», становится столь же противоречивым, как, скажем, «квадратура круга».

писал Энгельс. — Истинные побудительные силы, которые приводят его в движение, остаются ему неизвестными, в противном случае это не было бы идеологическим процессом. Он создает себе, следовательно, представления о ложных или кажущихся побудительных силах. Так как речь идет о мыслительном процессе, то он и выводит как содержание, так и форму его из чистого мышления — или из своего собственного, или из мышления своих предшественников. Он имеет дело исключительно с материалом мыслительным; без дальнейших околичностей он считает, что этот материал порожден мышлением, и не занимается исследованием никакого другого, более отдаленного и от мышления независимого источника»[1].

Энгельс писал также, что идеология — разработка идеологических иллюзий — имеет дело «с мыслями как с самостоятельными сущностями, которые обладают независимым развитием и подчиняются только своим собственным законам. Тот факт, что материальные условия жизни людей, в головах которых совершается этот мыслительный процесс, в конечном счете определяют собой его ход, остается неизбежно у этих людей неосознанным, ибо иначе пришел бы конец всей идеологии»[2].

Идеологическая инверсия

4. Четвертая черта идеологических иллюзий заключается в том, что в них имеет место процесс инверсии, в результате которого действительные социальные отношения изображаются как осуществление абстрактных идей.

В процессе идеологической иллюзии порождения абстрактной мысли рассматриваются так, словно они не зависимы от материальных общественных отношений, отражением которых они в действительности являются. Поэтому получается, что в ходе такого процесса действительность ставится с ног на голову. За источник абстрактных идей принимается мозг, а не материальная действительность общественных отношений. Таким образом,

---

С другой стороны, Ленин зачастую применял термин «идеология» в более широком смысле; он говорил, например, о научной социалистической идеологии и определял марксизм именно как такую идеологию.

В данной работе я употреблял этот термин в широком смысле, так что слово «идеология» используется мною для обозначения типичной системы воззрений или теории, характерной для определенного периода или для определенного класса, в которой могут быть как иллюзорные, так и достоверные, или научные, элементы и которая с развитием революционного рабочего движения и социализма становится прежде всего научной и очищается от иллюзорных способов мышления, характерных для предшествовавших идеологий. — *Прим. авт.*

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные письма, стр. 462.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, стр. 378.

конечная причина существования этих отношений воспринимается как абстракция мозга. Согласно этим искаженным воззрениям, люди создают социальные отношения в зависимости от своих абстрактных идей, а не наоборот.

Возьмем, например, абстрактные представления о праве и справедливости, составляющие важную часть всякой идеологии. Дело изображается так, словно абстрактное право и абстрактная справедливость не зависимы от фактически существующих социальных отношений, а сами эти отношения изображаются как отражение и осуществление, — быть может, несовершенное — абстрактного права и абстрактной справедливости. Согласно такой точке зрения, которая ставит все с ног на голову, получается, что абстрактные идеи права и справедливости определяют действительные отношения людей, тогда как на самом деле действительные отношения определяют их идеи права и справедливости. Далее получается, что социальные системы оправданы постольку, поскольку они соответствуют абстрактным идеям права и справедливости, тогда как в действительности идеи права и справедливости оправданы постольку, поскольку они способствуют материальному прогрессу общества.

«С экономическими, политическими и другими отражениями дело обстоит так же, как и с отражениями в человеческом глазу, — писал Энгельс. — Они проходят через призму и поэтому представляются в перевернутом виде — вниз головой. Только отсутствует тот нервный аппарат, который для нашего представления поставил бы их снова на ноги». Это извращение создает «то, что мы называем *идеологическим воззрением*»[1].

Маркс и Энгельс писали:

«Если во всей идеологии люди и их отношения оказываются поставленными на голову, словно в камере-обскуре, то и это явление точно так же проистекает из исторического процесса их жизни, — подобно тому как обратное изображение предметов на сетчатке глаза проистекает из непосредственно физического процесса их жизни»[2].

В результате этой идеологической инверсии получается, что в каждую эпоху люди разделяют иллюзию, согласно которой их институты и общественная деятельность суть выражение их

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные письма, стр. 425, 429.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 25.

Маркс и Энгельс имеют в виду тот факт, что образ, видимый через линзу камеры или получающийся на сетчатке глаза, всегда перевернут. Что касается глаза, то эта инверсия корректируется в зрительных отделах головного мозга, так что мы в конечном итоге зрительно воспринимаем предметы правильно. Подобная же корректировка происходит в процессе фотографии — *Прим. автора*.

абстрактных представлений — религии, философии, политических принципов и т. д. Так, рабовладельцы древнего Рима считали, что они руководствуются республиканскими принципами, а современные капиталисты считают (и все еще пытаются заставить других считать), что они руководствуются демократическими принципами. В средние века войны велись будто бы во имя религиозных принципов, а войны наших дней ведутся будто бы во имя национальных или политических принципов.

Согласно такой точке зрения, писал Маркс, «Каждый принцип имел особый век для своего проявления. Так, например, принципу авторитета соответствовал XI век, принципу индивидуализма — XVIII век... не принцип принадлежал веку, а век принципу. Другими словами, не история создавала принцип, а принцип создавал историю»[1].

Итак, каждая эпоха создает свои характерные иллюзии, которые отражаются в ее господствующей идеологи, — иллюзии относительно действительных причин и побудительных сил ее институтов в деятельности.

«...например, — писали Маркс и Энгельс, — ...какая-нибудь эпоха воображает, что она определяется чисто “политическими” или “религиозными” мотивами, — хотя “религия” и “политика” суть только формы её действительных мотивов... Именно это составляет *“иллюзии этой эпохи”*. В этих иллюзиях “воображение”, “представление” этих определённых людей о своей действительной практике превращается в единственно определяющую и активную силу, которая господствует над практикой этих людей и определяет её»[2].

В идеологической иллюзии порождения мозга изображаются как господствующая непреодолимая сила в людских делах. Получается также, что эти порождения мозга, являющиеся всего-навсего искаженным фантастическим отражением действительных условий существования, представляются человеческому воображению самостоятельными существами, одаренными собственной жизнью. Таким путем создаются, как указывал Маркс, «туманные области религиозного мира. Здесь продукты человеческого мозга представляются самостоятельными существами, одаренными собственной жизнью, стоящими в определенных отношениях с людьми и друг с другом»[3].

Таким образом, люди начинают думать, будто идеология является основой и побудительной силой всей их общественной жизни и институтов; она создает в их воображении фантастический мир сил, стоящих над человеком и природой и не зависимых

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, стр. 137.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 38.
[3] К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 79.

от них, — сил, по отношению к которым люди чувствуют себя подчиненными, от которых, как им кажется, зависит их судьба и помощью которых они стремятся заручиться в своих начинаниях.

«Религиозный мир, — как указывал Маркс, — есть только рефлекс реального мира»[1].

На самых первобытных ступенях организации общества люди сравнительно беспомощны перед лицом сил природы; они держатся сообща, чтобы добыть себе средства к существованию, и без этого элементарного общественного единения и сотрудничества они были бы обречены на гибель. Этот факт отражается в их уме в иллюзиях магии. Людям кажется, что они обладают особой силой и достоинством в качестве членов своего племени или клана, и в их воображении это достоинство принимает форму особой магической силы. Изобретаются всякого рода процедуры для ее применения, а позднее, с разделением труда, магию начинают рассматривать как достояние и дело лишь определенных индивидуумов, а не всех людей. В то же время предполагается, что объекты и силы природы одушевлены; позднее они олицетворяются; таким образом, дело изображается так, будто все общение между людьми и между человеком и природой зависит от действия невидимых, таинственных сил.

Развитие и дифференциация религиозных идей шли параллельно с развитием общественной жизни людей и отражали его.

«Первоначальные религиозные представления, по большей части общие каждой данной родственной группе народов, после разделения таких групп своеобразно развиваются у каждого отдельного народа, смотря по выпавшим на его долю жизненным условиям»[2].

Так же как и всякая идеология, религия не создается заново на каждой новой фазе развития общества; напротив, всякая идеология в своем развитии использует традиционные материалы, которые она берет от предыдущей идеологии, и включает в себя материалы, позаимствованные от других идеологий. Так же обстоит дело и с религией; например, мы до сих пор можем распознать даже в учениях и обрядах протестантизма наших дней те элементы, которые перешли из первобытной магии, хотя они, быть может, изменились под влиянием различных наслоений и приобрели новый смысл, «...раз возникнув, религия всегда сохраняет известный запас представлений, унаследованный от прежних времен, так как во всех вообще областях идеологии традиция является великой консервативной силой, — писал Энгельс. —

---

[1] К. Маркс, Капитал, т. I, Соцэкгиз, 1931, стр. 37. (Эта фраза, взятая автором из английского издания «Капитала», в русском переводе «Капитала» — в полном собрании сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса и во всех последующих изданиях — отсутствует. — *Прим. ред.*).

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, стр. 378.

Но изменения, происходящие в этом запасе представлений, определяются классовыми, т. е. экономическими, отношениями людей, делающих эти изменения»[1].

Эта характерная особенность всякой идеологической иллюзии — а именно тот факт, что, поскольку она имеет дело с мыслями, как независимыми сущностями, она постоянно развивает новые идеи на материале старых — успешно скрывает то обстоятельство, что всякая идеология и всякий элемент идеологии — не что иное, как отражение материального существования общества, и создает впечатление, будто она и в самом деле то, чем хочет казаться, то есть независимая область идей.

Характер идеологий никогда нельзя определить с первого взгляда; он выявляется лишь путем применения глубокого научного открытия Маркса, показавшего, что «способ производства материальной жизни обусловливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще»[2].

До тех пор, пока люди не являются хозяевами своей социальной организации, их действительные социальные отношения отражаются в идеологических инверсиях, которые, отнюдь не делая их действительных социальных отношений понятными, вводят людей в заблуждение и скрывают действительный характер этих отношений, а также действительный характер движущих сил и законов общественной деятельности людей под покровом иллюзий религии, политики, права, искусства и философии.

Идеология и классовый интерес

5. Пятая черта идеологических иллюзий заключается в том, что в обществе, разделенном на классы, они представляют собой продиктованную классовыми интересами систему обмана, способ маскировки действительных социальных отношений в интересах определенного класса.

Иллюзия всегда отражает действительные социальные отношения таким образом, что они предстают в замаскированном виде.

Например, религиозная идеология средних веков с ее концепцией небесной иерархии, отражавшей феодальный порядок, означала, что эксплуатация крепостного феодалом изображалась как подчинение крепостного господам, данным ему богом. Точно так же тот явный факт, что феодал присваивал себе продукцию труда крепостного, прикрывался абстрактными феодальными идеями владения, долга, прав и обязанностей.

Далее, тот явный факт, что капиталист присваивает стоимости, создаваемые неоплаченным трудом рабочих, прикрывается

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, стр. 380.
[2] К. Маркс, К критике политической экономии, Госполитиздат, 1953, стр. 7.

абстрактными капиталистическими идеями владения, договора и равноправия. Эта маскировка довершается капиталистическими формами религии. Вот почему буржуазная идеология, хотя она часто принимает нерелигиозные и антирелигиозные формы, всегда оставляет лазейку для религии и постоянно возвращается к ней, а в периоды кризисов, когда система подвергается серьезной опасности, религиозная идеология снова выдвигается на первый план и переходит в наступление.

«Для общества товаропроизводителей, — писал Маркс, — характерное общественно-производственное отношение которого состоит в том, что продукты труда являются здесь для них товарами, т. е. стоимостями, и что отдельные частные работы относятся друг к другу в этой вещной форме как одинаковый человеческий труд, — для такого общества наиболее подходящей формой религии является христианство с его культом абстрактного человека, в особенности в своих буржуазных разновидностях, каковы протестантизм, деизм и т. д.»[1].

Вся буржуазная идеология — от религии до политической экономии — прикрывает факт капиталистической эксплуатации.

Маскировка и обман, присущие всякой идеологической иллюзии, всегда социально обусловлены. Другими словами, они служат определенным социальным целям, определенным социальным интересам.

В первобытном обществе, до появления классов, они способствуют укреплению и упрочению солидарности между членами племени, от чего зависит их существование. В условиях, когда люди пребывают почти в полном неведении относительно окружающих их сил природы, идеи о магии дают им возможность чувствовать, что они тем не менее могут господствовать над этими силами. Таким образом, движущей силой первобытной идеологии является стремление всего племени к самосохранению, стремление всех людей сохранить свою социальную организацию, чувствовать себя уверенно и прочно в ее рамках.

Когда общество раскалывается на антагонистические классы и когда история вследствие этого становится историей классовой борьбы, классовые интересы становятся главной движущей силой идеологии. Всякая идеология становится идеологией класса, выражая — пусть самым окольным путем — условия существования определенного класса и служа этому классу в его борьбе против других классов. Господствующей идеологией любого периода является идеология правящего класса. Когда эту идеологию начинают оспаривать, то это есть всего-навсего выражение того факта, что существующим классовым отношениям бросается вызов другим классом.

---

[1] К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 85.

Маскировку и обман классовой идеологии, побудительной силой которых являются классовые интересы, не следует, однако, истолковывать как прежде всего преднамеренный, сознательный обман.

Предполагать, что представители данного класса умышленно изобретают идеи, вводящие в заблуждение, с сознательной целью преподнести людям в искаженном виде то, что им известно как действительная сущность социальных отношений, – значит представлять себе, будто эти мыслители на самом деле знают действительный характер общественных отношений. Однако самая суть идеологической иллюзии заключается в том, что она представляет собой неправильное понимание социальных отношений. Вместо правильной научной концепции перед нами вводящая в заблуждение идеологическая концепция этих отношений. Это неправильное понимание возникает, как мы видели, не путем преднамеренного процесса, а скорее путем стихийного, бессознательного процесса. Это не преднамеренное искажение, а иллюзия. Если это обман, то в то же время и самообман.

Те, кто хотел бы истолковывать идеологические иллюзии просто как умышленный обман, тем самым неправильно поняли бы самый характер того, что Маркс и Энгельс называли «ложным сознанием». Тем самым такие люди предположили бы, что класс, интересам которого служит данная идеология, действительно обладает верным сознанием относительно основы своего существования, а именно этого ни один эксплуатирующий класс не понимает и понять не может. Утверждение, что идеологии суть результат хорошо продуманных планов, рассчитанных на то, чтобы обманывать людей в интересах определенного класса, – нелепая вульгаризация марксизма. Идеологии возникают вовсе не так.

Конечно, представители и идеологи правящих классов постоянно занимаются сознательным, умышленным обманом народа. Но за этой системой умышленного обмана всегда кроется и самообман.

В качестве примера можно сослаться на Платона, являвшегося представителем крайней идеологической реакции в древней Греции. Согласно его учению, правители, для того чтобы держать народ в подчинении, должны пропагандировать, как он выражался, «благородную ложь»: прекрасно сознавая, что это неправда, они должны утверждать, что правители и подчиненные – люди двух различных категорий, что правители – люди из «золота», а все остальные – из «меди и железа»[1]. В то же время Платон утверждал, что правление аристократии – наилучшая общественная система и что всякий отход от такой системы означал бы анархию и вырождение. Однако он, несомненно, верил этому.

---

[1] См. Платон, Республика, кн. III.

Это была одна из иллюзий его класса, составлявшая самую основу его воззрений. С точки зрения идеологии аристократов-рабовладельцев, которую Платон выражал и в значительной степени создал, было вполне естественным говорить людям ложь и считать такую ложь благородной.

Так обстояло дело со всеми идеологиями правящих классов. Добросовестное «ложное сознание» переплетается с умышленным обманом так тесно, что по временам их даже невозможно отличить друг от друга. Особенно это имеет место в капиталистическом обществе, где все, в том числе и идеи, продается или покупается. Те, кто имеет идеи, которые можно продать, рассматривают их как товар, который можно обменивать на деньги, а не как истину, которой должно верить. То, что определенные идеологии продиктованы классовыми интересами, признавалось давно. Когда новый класс борется за власть и вследствие этого выдвигает новую идеологию против идеологий старых правящих классов, он тем самым в общем и целом признает, что старая идеология выражает интересы его политических противников. Поэтому он критикует эту идеологию как нагромождение лжи, продиктованной классовыми интересами. Свою же идеологию он выдвигает как систему истин, отвечающих главнейшим нуждам всего общества.

«...всякий новый класс, который ставит себя на место класса, господствовавшего до него, уже для достижения своей цели вынужден представить свой интерес как общий интерес всех членов общества, т. е., выражаясь абстрактно, придать своим мыслям форму всеобщности, изобразить их как единственно разумные, общезначимые. Класс, совершающий революцию, — уже по одному тому, что он противостоит другому *классу*, — с самого начала выступает не как класс, а как представитель всего общества...»[1].

Поэтому вновь сформированная идеология обычно по началу обладает большим стимулом для своего развития как всеобъемлющая система идей, открывающая новые горизонты, отвечающая остро ощущаемым нуждам общества, словно она основывается не на интересах определенного класса, а на чаяниях всего народа. Однако с течением времени, по мере того как новый правящий и эксплуатирующий класс запутывается в свойственных для него противоречиях, его идеология теряет свою революционную силу и становится консервативной; начинается ее загнивание и распад; наконец, ее в свою очередь разоблачают как систему продиктованного классовыми интересами обмана, а ее выразители вырождаются из оригинальных мыслителей в наемных пропагандистов правящего класса.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 47.

Глава VIII

НАУКА

В противовес идеологической иллюзии люди открывают истину в ходе своей практической деятельности. Первоначальным источником такого открытия является общественное производство. Из идей, почерпнутых в ходе производственного процесса, возникают естественные науки, которые принимают форму специфических исследований, отделенных от производства и проводимых определенными классами, которые вносят в науку элементы своей классовой идеологии. В то же время развиваются общественные науки, которые уходят своими корнями в опыт, приобретенный в ходе классовой борьбы, служат целям общего управления общественными делами и контроля над ними. Однако при господстве эксплуататорских классов общественные науки не занимают такого места, какое занимают науки естественные.

Идеи о производственном процессе

Наряду с развитием иллюзорного, превратного отражения производственных отношений в сознании идет развитие правильных идей человека о материальных объектах, которые его окружают и с которыми он имеет дело в процессе производства, о самом процессе производства, его собственной деятельности и общественных отношениях.

Дело в том, что развитие производства и социального общения, возникающего из производства, требует правильных идей и порождает эти идеи — о предметах, их взаимных связях и движениях, о различных видах деятельности людей и отношений между ними. Если люди не составят себе таких верных идей, они не смогут успешно осуществлять производство или вершить свои социальные дела. Чем больше разнообразие и мощь их производительных сил, чем разнообразнее и сложнее их социальная деятельность, тем более необходимо им углублять свои знания о природе и о самих себе, чтобы добиться успешного выполнения своих разнообразных замыслов.

Маркс и Энгельс указывали, что в ходе развития абстрактной идеологии «сознание *может* действительно вообразить себе, что оно нечто иное, чем осознание существующей практики». Однако в то время, как сознание абстрагируется таким образом от существующей практики, сознание существующей практики в свою очередь развивается с развитием этой практики. Самое развитие

производства — разделение труда и развитие производственных отношений, которое ведет к иллюзорным полетам превратной идеологии, — приводит также к расширению верных представлений людей об их действительных жизненных условиях.

Такие верные идеи возникают не сами по себе. Их приходится тщательно создавать, разрабатывать и проверять на практике. Каждая верная идея — это *открытие*, сделанное людьми в ходе их общественной практики.

Первоначальным источником открытий человека является практика общественного производства.

Как мы уже видели, характерная черта процесса общественного производства заключается в том, что у людей есть идея о том, что они хотят произвести. Без осознания того, что нужно произвести, нет и не может быть никакого производства в человеческом обществе, даже самых примитивных форм сбора пищи и охоты. Итак, в ходе производства люди также неизбежно создают себе идеи об объектах, с которыми они приходят в соприкосновение, о материалах, которые они используют, и технических приемах, которые они применяют; они открывают свойства этих объектов и материалов и то, что с ними можно сделать.

«Простые моменты процесса труда следующие: целесообразная деятельность, или самый труд, предмет труда и средства труда», — писал Маркс[1]. Ни один из этих факторов не может быть приведен в действие без соответствующих идей и открытий. С развитием производства и разделением труда формы труда становятся более разнообразными, его предмет расширяется, а орудия совершенствуются. Это означает, что соответственно расширяются идеи людей и что они делают новые открытия.

Например, у первобытных людей, которые выражали свои общественные отношения и отношения с природой в магической идеологии, уже были очень точные и четкие идеи о различных видах животных, на которых они охотились, об их разнообразных повадках и свойствах. Об этом свидетельствуют, помимо всего прочего, пещерные рисунки, в которых они запечатлели свое знание[2]. С развитием сельского хозяйства и ремесел люди совершили новые открытия, и их идеи о предметах природы, их свойствах и законах, с которыми связаны различные производственные процессы, значительно расширились. И теперь, в современном капиталистическом обществе, те самые институты и университеты, которые фабрикуют всякого рода религиозные, политические и философские буржуазные иллюзии, являются хранителями колоссального и все растущего запаса точных и систематических

[1] К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 185.

[2] Я признателен за это наблюдение д-ру Дональду Россу, который работает над историей биологии. — *Прим. автора.*

знаний о природе и о законах, используя которые человек укрепляет свое господство над природой. Все это — плоды тысячелетних усилий людей и в особенности огромных успехов в области производства, достигнутых в капиталистическую эру.

Таким образом, если основным источником иллюзий человека являются производственные отношения, то человек также постоянно совершает открытия, которые возникают, в конечном итоге, из самого производственного процесса. В ходе этих открытий происходит развитие абстрактных идей, которые отражают различные черты и свойства предметов и процессы производства без предвзятых идеологических представлений, инверсии или маскировки.

Такие идеи о процессах природы и технологических процессах составляют, по сути дела, важную сторону самих производительных сил. Производительные силы включают людей с их производственным опытом и навыками. Производственный опыт и навыки людей закрепляются, обобщаются и систематизируются в их идеях; имея эти идеи, они используют орудия производства, а также совершенствуют их. Далее, расширение знаний о процессе производства, о его предметах и орудиях, о принципах технологии и природы в целом есть не только важное условие для продолжения производства на данном уровне; при соответствующих условиях оно способствует дальнейшему прогрессу производства и, таким образом, может стать одним из факторов, делающих в конечном итоге необходимыми революционные изменения в производственных отношениях с целью приведения их в соответствие с новыми производительными силами.

Появление естественных наук

Естественные науки имеют своим источником представления или знание, накопленное в процессе производства.

«...с самого начала, — писал Энгельс, — возникновение и развитие наук обусловлено производством»[1].

Он отмечает, что в древнем мире научное исследование в собственном смысле этого слова ограничивалось астрономией, математикой и механикой. «... *астрономия*... уже из-за времен года абсолютно необходима для пастушеских и земледельческих народов. Астрономия может развиваться только при помощи *математики*. Следовательно, приходилось заниматься и последней. — Далее, на известной ступени развития земледелия и в известных странах (поднимание воды для орошения в Египте), а в особенности вместе с возникновением городов, крупных построек и развитием ремесла развилась и *механика*. Вскоре она становится

[1] Ф. Энгельс, Диалектика природы, стр. 145.

необходимой также для *судоходства* и *военного дела*. — Она тоже нуждается в помощи математики и таким образом способствует ее развитию». Далее, с новым мощным развитием производительных сил, которое привело к установлению капиталистической системы и затем продолжалось в ее рамках, одна за другой возникают новые науки — физика, химия, биология, геология. «Когда ...вдруг вновь возрождаются с неожиданной силой науки, начинающие развиваться с чудесной быстротой, то этим чудом мы опять-таки обязаны производству»[1].

Если развитие наук определяется производством, этим же объясняется и неравномерный ход этого развития, а также тот факт, что развитие это зачастую является односторонним. Это объясняется тем, что характер производства меняется, причем упор делается на различные производственные процессы. Так, например, химия не достигла особого развития до нового времени, а вот механика и некоторые отрасли биологии достигли весьма высокого уровня. Далее, о развитии сельскохозяйственных наук сравнительно мало заботятся при современном монополистическом капитализме, а все науки, связанные с военным производством, усиленно поощряются.

Наука как особая область, отличная от производства

Науки — весьма специализированная область со своими особыми методами и теориями. Возникновение наук происходит тогда, когда в результате разделения труда начинается специальное исследование свойств различных предметов и процессов природы, отличное от самого производства, и когда в соответствии с этим начинается также специальная разработка, обобщение и систематизация идей, связанных с таким исследованием.

Лишь при таких условиях можем мы говорить о науке. Так, мы едва ли стали бы применять термин «наука» к знаниям первобытных племен — пусть даже обширным и точным — относительно различных видов животных и растений, или о свойствах различных материалов, или о смене времен года. Такие знания достигают уровня науки лишь тогда, когда эти объекты становятся предметом специального исследования, отличного от фактического производства — прежде всего от охоты, создания орудий, огородничества и т. д., и когда затем все, что было открыто о них, обобщается и систематизируется в качестве особой области знания.

Мы можем выделить три важнейшие особенности наук, которые все больше отделяют научную теорию от знания об объектах и процессах природы, неотъемлемо присущего процессу производ-

[1] Ф. Энгельс, Диалектика природы, стр. 145.

ства и составляющего осознание самими производителями их труда, его предметов и орудий.

1. Для науки характерны *систематическое описание и классификация* предметов и процессов природы. В качестве примера отметим составление карт небесных тел и их видимых движений, которое предприняли основатели астрономической науки, скажем, древние египтяне; или сошлемся на «естественные истории», составленные первыми исследователями живой природы, например Аристотелем, в работах которого в области зоологии имеется систематическое описание и классификация большинства наиболее известных (и некоторых выдуманных) видов животных, а также предпринимаются попытки сформулировать законы, определяющие соотношение между различными свойствами различных животных.

2. Базируясь на таком описании и классификации предметов природы и их движений, науки переходят через посредство абстракции к формулированию *принципов и законов*, выявляющихся в наблюдаемых свойствах и движениях предметов природы и управляющих этими свойствами и движениями. Например, с помощью такой абстракции были созданы понятия о массе, моменте и другие понятия в механике, или понятия о числе и геометрической форме в математике.

3. Используя такие понятия, науки переходят к формулированию *гипотез*. Такие гипотезы представляют собой попытку *разъяснить* наблюдаемые свойства, взаимные связи и движения исследуемых предметов и таким образом предсказать их прочие свойства, взаимные связи и движения; они представляют собой попытку разработать систематическую теорию явлений, дать людям возможность понять эти явления и использовать их.

Итак, хотя наука уходит корнями в производство и применяется в производстве, она в то же время развивается как специфическая деятельность, отличная от производства.

Отсюда следует, что люди, развивающие науку, зачастую не сознают, что она связана с производством, и могут даже отрицать это. Что касается осознания ими своей деятельности, то они могут вести свои исследования из любознательности, просто из стремления к знанию, из любви к человечеству, из желания просвещать людей, или же потому, что им это нравится, потому, что им за это платят, потому, что они жаждут славы или хотят в пику своим противникам доказать их неправоту. Стимулами для научной работы могут быть самые различные субъективные мотивы, и они, конечно, могут влиять и влияют на характер работы и ее результат.

Далее, коль скоро наука становится на путь определенных открытий, одни открытия зачастую ведут к другим, и процесс выведения заключений, обобщения и систематизации полученных идей

протекает, повинуясь своей внутренней логике, независимо от частных практических проблем, связанных с производством. По этой причине важные научные проблемы зачастую исследуются раньше, чем это вызвано практическими потребностями, и даже задолго до того, как становится возможным какое-либо применение их на практике. Например, научные выводы о существовании электромагнитных волн были получены задолго до какого-либо их применения в радиотехнике. Расщепление атома было открыто за много лет до того, как были предприняты попытки найти высвобожденной атомной энергии какое-то практическое применение. Таким образом, научный прогресс имеет тенденцию приобретать собственную движущую силу независимо от практического применения науки. Более того, даже когда это применение становится технически возможным, оно зачастую задерживается в силу политических и экономических обстоятельств[1].

Таким образом, науки, как теория производства, с самого начала отличны от практики производства как в отношении их организации, так и в отношении личной деятельности и сознания тех людей, которые ими занимаются. В то же время характер наук и их уровень всегда зависят от характера и уровня производства, их проблемы возникают, в конечном итоге, из производства, а их достижения в свою очередь внедряются в производство. Развитие наук всегда зависит от развития производства и в свою очередь поддерживает производство и толкает его вперед. Говоря об отличии науки от производства, надо подчеркнуть, что это не разобщение: между ними существует очень тесная связь, и как только эта внутренняя связь обрывается, в науках всегда начинаются застой и загнивание. В общем и целом наука получает новый стимул в те эпохи, когда развиваются новые методы производства. Люди, прокладывающие новые пути в науке, всегда тесно связаны в своих практических интересах с новыми производственными процессами. Далее следует процесс научной разработки и развития новых идей и открытий. Но этот процесс не может долго продолжаться, если он не находит технического применения и если его ход не стимулируется проблемами, возникающими в результате этого применения.

Наука и классы

Все вышеуказанное свидетельствует о том, что появление наук есть результат разделения труда. Науки развиваются как продукт умственного труда в отличие от физического, как специальная

[1] См. J. D. Bernal, Science and Industry in the Nineteenth Century, London, 1953.

область теоретической деятельности, отделенной от производительного труда. Из этого следует, что развитие наук тесно связано с развитием классов. В различные времена различные классы участвовали в развитии наук и в силу этого влияли на их развитие в духе приспособления их к своим классовым потребностям, а также навязывали наукам некоторые черты своей классовой идеологии.

Из разделения труда возникли частная собственность и эксплуататорские классы, а с ними разделение между массой производителей, полностью занятых производительным трудом, и привилегированным, обладающим досугом меньшинством, которое взяло в свои руки общее руководство обществом. Развитие наук как отрасли умственного труда зависело от наличия такого меньшинства, освобожденного от физического труда и имеющего возможность взяться за выполнение такого умственного труда.

Таким образом, класс, который в тот или иной определенный период берет на себя общее управление обществом, а тем самым государством, религией и т. д., берет в свои руки также науки и оказывает определяющее влияние на их развитие.

Науки развиваются в основном в качестве одного из средств, требующихся как для общего руководства и управления делами общества, так и для частных предприятий. Поэтому науки развиваются как средство или орудие в руках различных классов, служа их потребностям: а) в осуществлении и расширении производства, б) в общем управлении общественными делами и контроле над ними. Эти классы поощряют развитие науки, поскольку их интересы требуют, чтобы они уяснили себе истинное положение вещей вместо того, чтобы пребывать в неведении или придумывать ложные теории.

Таким образом, развитие науки, а также его пределы регулируются теми интересами, которые возникают на основе условий существования определенных классов. Например, в рабовладельческом обществе и в феодальном обществе условия существования правящих классов, связанные со сравнительно низким уровнем развития сельского хозяйства и промышленности, таковы, что вызывают лишь самый ограниченный интерес к развитию науки. Однако с появлением буржуазии интересы последней стали требовать колоссального расширения научной работы, связанной в первую очередь с развитием мануфактур и промышленности, но также в силу условий ее революционной борьбы и с человеком и его общественными отношениями. Современная наука есть детище буржуазии; она является одним из самых типичных порождений буржуазного общества, средством для понимания процессов природы и общества и контролирования их, созданным в условиях развития капитализма.

Классовая идеология в науке

Тот факт, что определенный класс берет на себя ведущую роль в общем развитии науки, определяет также условия и пределы развития научных идей. На основе материальных условий существования определенного класса формируются предвзятые представления, которые определяют характер классовой идеологии. Эти предвзятые представления используются и применяются тем или иным путем интеллектуальными представителями класса во всех сферах их идеологической деятельности. Так, они используются и применяются в научной работе, пропитывают теорию науки, опутывают ее и тем самым влияют на весь ход развития науки в каждый данный период, накладывая определенный отпечаток на это развитие.

В рабовладельческом обществе была развита идея, которая получила дальнейшее развитие в феодальном обществе, что все существующее представляет иерархию, простирающуюся начиная от бога через разнообразные градации более низших духовных существ до ступеней, на которых находятся люди, животные, растения и минералы. Каждая вещь существовала для цели, соответственно ее месту в этой системе, и это определяло ее существенные свойства, а также ее движения и изменения. Такое понимание вселенной господствовало в науках. Каждая теория относительно человека и природы должна была формулироваться на основе этого понимания и соответствовать ему.

Например, считалось, что небеса за пределами орбиты луны относятся к высшей природе, принадлежат к высшей ступени бытия по сравнению с землей. Поэтому небесные движения (которые, как предполагалось, должны быть круговыми, потому что такие движения считались наиболее совершенными) рассматривались как движения, подчиняющиеся законам, отличным от земных. Земные тела имели естественно тенденцию падать по направлению к центру, что объяснялось тяготением, наблюдавшимся на земле, но это не распространялось на небеса. Такие идеи были выражены в концепции Птолемея, которая исходила из того, что центром вселенной является земля, с солнцем и звездами, вращающимися по кругу вне ее. Коперник, помещая Солнце в центр и делая Землю одной из планет, осуществил решающий разрыв с таким видом понимания и открыл путь для ньютоновской концепции всеобщего тяготения и законов движения, которая подвела движение всех тел во вселенной под всеобщую схему механической причинности.

Буржуазная идеология в целом и буржуазная наука в частности начали наступление на традиционные воззрения прошлого и в конце концов в основном избавились от них. Это наступление имело свои причины и развивалось на основе развития буржуаз-

ных общественных отношений. На смену старым представлениям пришли новые, типично буржуазные представления о качественной тождественности всех материальных существ и о механической причинности. В то же время буржуа, за исключением самых радикальных своих представителей, отнюдь не отказались от представлений о боге и о духе. Однако вместо единой иерархии всего сущего, начиная с самых низших видов материальных существ и кончая высшей духовной сущностью (или богом), было введено разделение вселенной на две совершенно различные сферы: с одной стороны, сфера материального существования, подчиняющаяся установленным законам детерминизма, а с другой стороны, бог и духовный мир.

Тем или иным путем такие буржуазные представления пропитали всю теоретическую структуру современной науки подобно тому, как представления, свойственные рабовладельческому и феодальному обществам, пропитали всю древнюю и средневековую науку. Но есть и важная разница: в то время как старые представления препятствовали изучению природы путем экспериментов, новые воззрения благоприятствовали такому изучению и вызывали необходимость в нем[1].

Открытие и предвзятое представление

В силу классового идеологического влияния на научную теорию в ходе развития науки все время возникает различие между открытиями науки и предвзятыми представлениями, которые она перенимает и использует.

Открытия делаются тогда, когда в результате исследований выявляется нечто о видах существующих предметов, их свойствах, взаимных связях и законах. Однако открытия всегда должны быть выражены в положениях, сформулированных с помощью определенных понятий, и такие положения всегда делаются частью общей теории. Поэтому, изучая общую сумму всех идей и теорий науки любого периода, мы находим, что они, с одной стороны, состоят в формулировках фактических открытий, а с другой стороны, в общих предвзятых представлениях, на языке которых открытия формулируются и связываются воедино в общую теорию.

Это различие между открытием и предвзятым представлением, которое характерно для науки во все периоды, зачастую порождает противоречие между открытием и предвзятым представлением. Это противоречие неизменно действует на протяжении всего хода развития науки.

[1] См. S. Mason, A History of the Sciences, London, 1953.

По существу, речь идет о противоречии между содержанием и формой в науке – противоречии между фактическим содержанием научных открытий и теоретическими формами, в которых они выражены и обобщены. Это противоречие может оказывать либо положительное воздействие, либо отрицательное. Положительное его воздействие выражается в том, что новые открытия помогают разбивать старые предвзятые представления и ведут к новым путям понимания вещей. Отрицательное воздействие выражается в том, что сохранение старых предвзятых представлений препятствует новым открытиям.

Например, на заре современного естествознания старые предвзятые представления препятствовали новым открытиям – так, утверждение, что движение небесных тел совершенно отличается от движения тел на земле, препятствовало развитию астрономии и механики. Новые открытия в астрономии и механике, когда они были осуществлены, помогли поколебать былые предвзятые представления и привели к появлению новых воззрений.

В современном буржуазном естествознании возникло противоречие между открытиями науки и традиционным буржуазным механистически-метафизическим методом их истолкования.

Так, Энгельс указывал, что суммарный результат открытий современного естествознания состоит в том, что он показывает, что «в природе, в конце концов, все совершается диалектически, а не метафизически... Но так как и до сих пор можно по пальцам перечесть естествоиспытателей, научившихся мыслить диалектически, то этот конфликт между достигнутыми результатами и укоренившимся способом мышления вполне объясняет ту безграничную путаницу, которая господствует теперь в теоретическом естествознании...»[1].

С одной стороны, это противоречие ведет к «безграничной путанице» в науке, которая задерживает прогресс науки. Например, биологии были навязаны окостеневшие, механистические идеи о жизненных процессах, и когда это вызвало трудности, то стали прибегать к мистическим идеям о жизненных силах, что привело к бесплодному спору между «механизмом» и «витализмом». Далее, когда современные открытия в физике подорвали традиционную схему механистической причинности, было заявлено, что вся идея причинности потерпела крушение и что нет никакой возможности дать представление об основных физических процессах. С другой стороны, накопление открытий вызвало появление новых способов мышления, привело к вытеснению буржуазной идеологии диалектическим материализмом. На основании

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, стр. 122.

изучения развития современной физики Ленин пришел к следующему выводу: «Современная физика лежит в родах. Она рожает диалектический материализм»[1].

Общественная наука

До сих пор мы касались только естественных наук. Но имеется еще и общественная наука.

Развитие естественных наук, которые занимаются исследованием свойств и законов естественных явлений, в конечном счете определялось производством. С другой стороны, развитие общественной науки, которая занимается исследованием свойств и законов общественных явлений, определялось классовой борьбой. Корни общественной науки – в опыте различных классов, приобретенном ими в ходе классовой борьбы.

Науки всегда возникают вследствие какой-то потребности. Естественные науки, в конечном счете, создаются в ответ на потребности производства, и их исследования проводятся в интересах любого класса, который руководит производством. В свою очередь потребности общего руководства общественными делами и контроля над ними вызывают появление общественной науки. И ее исследования ведутся в интересах любого класса, который или действительно руководит общественными делами и контролирует их, или борется за то, чтобы обеспечить такое руководство и контроль.

Исследование общественных явлений значительно развилось при рабовладельческом, феодальном и капиталистическом обществах. Было проведено самое тщательное исследование многих различных форм общества и управления, исследование социальных законов, с которыми должно считаться любое правительство; проводились и исследования историков, установивших последовательность общезначащих событий в истории различных обществ. Но вплоть до появления современного рабочего класса эти исследования проводились представителями эксплуататорских классов. Таким образом, в общественную науку прежде всего включались уроки и выводы о человеке и обществе, к которым пришли эксплуатирующие классы. Это дало общественной науке характер, глубоко отличный от естествознания. Общественная наука, занимающаяся отношениями людей друг к другу и их взаимодействиями, разработанная представителями эксплуататорских классов, была совершенно отделена от естествознания, которое занимается внешней природой и воздействием человека на природу. И оказалось невозможным создать такой же фундамент

1 В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 299.

достоверной науки об обществе, какой эти же классы оказались способными сделать в отношении внешней природы.

Четыре основные черты общественной науки существенно отличали ее от естествознания:

1. Классовые интересы абсолютно запрещают некоторые исследования и открытия в общественной науке, чего не бывает в естествознании. Тот факт, что общественная наука была создана эксплуататорскими классами в качестве подспорья в их классовой борьбе, ставит непроходимые границы возможностям открытия общественной наукой, пока она остается в руках этих классов.

Правильно, конечно, что представители господствующих классов в течение некоторого времени сопротивлялись и различным открытиям относительно природы вследствие своих собственных идеологических причин. И в этом отношении путь естественных наук иногда был вовсе не гладок. Так обстояло дело, например, с Галилеем, или позже с Дарвином, или совсем недавно с Мичуриным. Но в конце концов неизменно сами факты заставляют их признать, открытия усваиваются и используются, а идеологии приспособляются к этим новым открытиям. В области общественных наук, напротив, сопротивление новым фактам является абсолютным. Эксплуататорский класс не станет признавать фактов и законов, касающихся общества, если это признание наносит роковой ущерб его классовым интересам. Он не признает фактов, которые могли бы обнажить подлинную правду его системы эксплуатации, законы, которые ясно показали бы неизбежность краха этой системы.

2. Эксплуататорские классы, развив естественные науки как орудия коллективного господства людей над природой, не развили в то же время соответственно общественную науку как орудие коллективного господства людей над их собственной общественной организацией. Эксплуататорские классы развивали общественные науки только как орудие, помогающее им обеспечить и сохранить их собственное классовое господство. Было предпринято много исследований об обществе, и из этих исследований были сделаны теоретические и практические выводы. Но, в противоположность исследованиям и выводам естественных наук, эти исследования никогда не давали людям возможность обеспечить такой контроль над результатами их действий, чтобы они могли направлять и планировать их соединенные усилия для достижения определенных целей.

Эксплуататорские классы были заинтересованы в развитии орудий производства, которые представляли собой средство установления и расширения их господства над природой. Таким образом, при поощрении этих классов естественные науки стали все более и более помогать человеку достигать господства над природой. Но в то же время развитие частной собственности и эксплуатации

подчинило людей воздействию их собственных общественных отношений, которые находятся за пределами их сознательного общественного контроля. И так должно быть, пока существует эксплуатация. Отсюда вытекает, что тот самый исторический процесс, который создает для эксплуататорских классов возможность развития естествознания, помогающего осуществить господство человека над природой, отнимает у них возможность развития общественной науки, помогающей осуществить господство человека над его собственной социальной организацией.

3. Хотя эксплуататорские классы имели возможность все дальше и дальше развивать научное исследование, не останавливаясь только на поверхности явлений природы, но и исследуя глубокие причины и законы, управляющие этими явлениями, их общественная наука никогда не может проникнуть до коренных причин жизни и законов движения общества.

Коренные причины и законы движения общества лежат в сфере производственных отношений, то есть в сфере собственности и классовых отношений. Но невозможно провести до конца научное исследование в этой области, не высказывая в конце концов истины об основе привилегированного положения эксплуататорских классов и о противоречивой и преходящей природе системы эксплуатации, скрыть и замаскировать которую эти классы жизненно заинтересованы. Поэтому, даже когда во время прогрессивной фазы общественная наука эксплуататорского класса начинает проводить более глубокий анализ экономической основы общества (как это было с английской буржуазией на начальном этапе промышленного капитализма), этот класс вскоре отказывается от своих собственных достижений и его общественные исследования возвращаются к уровню поверхностного описания, полного ошибочных идей. Социологи эксплуататорских классов в конечном счете никогда не могут правильно классифицировать, анализировать и объяснять исследуемые явления и постоянно вводят в свои сочинения об обществе иллюзорные мотивы и ложные объяснения.

4. В руках эксплуататорских классов общественная наука осталась в гораздо большей степени под влиянием классовой идеологии, чем естественные науки. Предвзятые классовые идеологические представления были препятствием для развития естественных наук, но в конечном счете они не помешали ученым открыть ряд объективных законов и существенных взаимосвязей явлений, которые они исследовали. С другой стороны, в общественной науке общая теория общества определялась прежде всего предвзятыми классовыми идеологическими представлениями.

Поскольку классовые интересы запрещают некоторые исследования и открытия; поскольку классы, занимающиеся общественной наукой, не могут развить ее как средство господства человека

над его собственной общественной организацией и таким образом подвергнуть ее выводы испытанию общественной практики; поскольку общественная наука отказывается от исследования коренных причин и законов движения общества — общие представления общества в области общественной науки не вытекают из научного исследования, но имеют характер ложного сознания, классовой идеологической иллюзии. Вследствие этого исследования и выводы общественной науки в руках представителей эксплуататорских классов имели прежде всего тенденцию развиваться как просто разработка предвзятых классовых идеологических представлений, как классификация и толкование общественных фактов с тем, чтобы они укрепили иллюзии данного класса об обществе и дали аргументы в защиту его политической линии. Поэтому, в силу всех этих причин, общественная наука в руках представителей эксплуататорских классов не достигла и не могла достичь того же научного состояния, как естественная наука. И она проявляла постоянную тенденцию выродиться в чистую апологетику господствующего класса.

Общественные функции науки

Мы подведем итоги этой главы, сделав некоторые выводы о природе науки и о роли, которую она играет в общественной жизни, в экономическом и культурном развитии. В следующей главе мы рассмотрим некоторые общие черты исторического развития науки и роль, которую она должна играть в будущем, в построении социалистического общества.

Различие научного и иллюзорного видов сознания зависит от различных методов образования идей о вещах: с одной стороны, идеи образуются на основе практического взаимодействия с вещами, развиваются путем постоянного наблюдения и постоянно испытываются на практике; с другой стороны, они происходят от предвзятых идеологических представлений.

Эти два вида сознания не исключают друг друга. Они противоположны, но они взаимопроникающи. Это — противоположные тенденции, постоянно действующие в ходе общего развития общественного сознания, находящиеся в состоянии взаимного проникновения на каждой стадии и определяющие вместе фактическое образование идей о природе и обществе и о конкретных сторонах природы и общества. А это в свою очередь ведет к постоянным противоречиям в таких идеях. Как мы видели, научный метод сознания постепенно получал господствующее влияние в формировании идей о природе, а иллюзорный метод сознания сохранил господствующее влияние в образовании идей об обществе.

Научное исследование и открытие связаны с общественной практикой — практикой производства и практикой классовой

борьбы. В конечном счете оно всегда возникает из требований практики и подчиняется им. А удовлетворяя требование практики, оно вносит в нее существенный вклад.

Научное исследование и открытие играют необходимую роль в развитии производительных сил: чем выше развитие производительных сил, тем более необходима роль науки в их развитии. Например, наука не играла никакой роли в развитии производительных сил в каменный век. Она начала играть определенную роль, когда стали развиваться земледелие, обработка металлов, общественные работы. Она играет важную роль в развитии современных производительных сил, поскольку современная технология была бы невозможна без науки; более того, она играет ведущую роль, поскольку научное исследование прокладывает путь техническому развитию и непосредственно ведет к большим переворотам в технологии.

Таким образом, способствуя развитию производительных сил, наука становится революционизирующей силой общества. Ибо она является одним из основных факторов в том движении производительных сил вперед, которое приводит их к конфликту с существующими производственными отношениями и таким образом делает необходимым и неизбежным изменение всей экономической структуры общества. Это очевидно ныне, например, в развитии физики. Так, производство атомной энергии — один из факторов, делающих настоятельно необходимой замену капитализма социализмом, чтобы это производство могло плодотворно развиваться в интересах общества.

В то же время наука играет определенную роль в классовой борьбе. Естественные науки играют такую роль косвенно, и это их вторичная функция, общественные науки — непосредственно, и это их первичная функция.

Первичная общественная функция естествознания — служить производству. Из этого вытекает его вторичная функция в классовой борьбе. Определенные движения вперед в науке и технике служат интересам определенных классов или в их борьбе за власть, или в укреплении их режима, когда они у власти. Так, например, первые успехи современной науки и техники служили поднимающейся буржуазии двумя способами: во-первых, они позволили ей приумножить ее богатство и этим укрепить свое общественное положение; во-вторых, идеологически они помогли ей в борьбе против феодальной идеологии. А когда буржуазия укрепилась у власти, наука и техника оказывали ей могучую поддержку в деле укрепления капиталистического режима. В настоящее время они все еще служат режиму монополистического капитализма. В то же время их также заставляют служить рабочему классу и делу социализма и развивают на этой службе в странах строящегося социализма как одну из важнейших движущих сил

социалистического строительства; повсюду — как часть основного оснащения социалистической идеологии.

С другой стороны, различные виды общественного исследования обслуживают классовую борьбу непосредственно, и требования классовой борьбы составляют основную мотивировку подобных исследований. При наличии эксплуататорских классов это, как мы видели, объясняется тем фактом, что классовые идеологические иллюзии играют гораздо большую роль в общественной жизни, чем в естествознании. Сравнительное изучение различных форм общества и управления, описание и иллюстрация различных форм общественной деятельности, исследование лучших путей осуществления различных форм экономической деятельности — вот каковы были основные занятия различных господствующих и эксплуататорских классов, помогавшие им направлять их деятельность как для завоевания и укрепления власти, так и для разработки своих классовых взглядов в идеологической борьбе с другими классами. В классовой борьбе рабочего класса, в борьбе за социализм общественная наука впервые развивается как существенное средство, помогающее найти пути преобразования общества; в это время она начинает впервые приобретать научный статус, равноценный статусу естественных наук.

Главную и наиболее существенную функцию науки, таким образом, надо искать в роли, которую она играет в развитии общественной практики. Проводя научные исследования для того, чтобы изучать окружающие предметы и получать общие выводы на основе обнаруженного, люди могут расширять и развивать свои производительные силы и налаживать свои общественные отношения, свою индивидуальную и общественную деятельность в соответствии с уровнем своих производительных сил и вытекающего из него характера производственных отношений. Таким образом, развитие науки есть существенное средство для усовершенствования человеческой жизни, служащее увеличению господства людей над природой, увеличению их общественного богатства, масштаба и могущества их деятельности, их способности вести свои дела и удовлетворять свои потребности.

Это связано с вопросом, недавно поднятым марксистами: развивается ли наука как часть идеологической надстройки над экономическим базисом общества?

С одной стороны, поскольку предвзятые классовые идеологические представления составляют часть науки, ясно, что наука включает те взгляды, которые возникают и развиваются как надстройка над экономическим базисом. Такие предвзятые представления возникают именно как продукты данного базиса, данных отношений собственности и классовых отношений, обслуживают этот базис как средство его укрепления и развития и исчезают

с исчезновением этого базиса. Мы не сможем понять историю науки или ее специфического характера и противоречий на той или иной конкретной стадии, если не примем во внимание тот факт, что она развивается определенными классами, чьи предвзятые классовые представления играют активную роль в ее развитии.

С другой стороны, содержание открытий науки не определяется экономическим базисом. Они непосредственно связаны с потребностями производства и социального общения, вытекающими из производства, отражают объективные факты и законы, обслуживают общество вообще и сохраняют ценность для любого экономического базиса. Возьмем конкретный пример — квантовую физику и ее развитие в современном буржуазном обществе. Открытия, касающиеся законов движения материи на субатомном уровне, не являются идеологической надстройкой над буржуазным экономическим базисом. Но теория, согласно которой события происходят, не имея причин, построенная в связи с этими открытиями, является такой надстройкой. Следовательно, в своих существенных открытиях квантовая физика не развивалась в качестве надстройки над экономическим базисом, но определенные временные черты ее общей теории развивались именно так.

Итак, развивается ли наука как надстройка? Нет, хотя предвзятые идеи, составляющие часть надстройки, входят в науку и влияют на ее развитие. Они влияют на ее развитие положительно или отрицательно, способствуя научным открытиям или препятствуя им — точно так же, как вообще экономическая основа собственности и классовые отношения могут благоприятствовать или не благоприятствовать дальнейшему развитию науки. Более того, вполне ясно, что сама наука играет очень важную роль в идеологическом развитии общества.

Научно сформировавшиеся понятия, научные открытия входят в идеологии, и наука оказывает сильное и растущее влияние на формирование идеологий, которые таким образом в отдельных своих чертах становятся скорее научными, чем иллюзорными. Чем выше развитие науки, тем большую роль она должна играть в общем идеологическом развитии.

Например, понимание, что эволюция видов происходит путем естественного отбора, представление, что клетка является основной единицей, из которой развивается жизнь, представление об атоме, понимание, что Земля есть часть солнечной системы, внутри островной вселенной Млечного пути — все это научно обоснованные представления, ставшие частью признанного взгляда на природу в буржуазном обществе и таким образом частью буржуазной идеологии. Вообще не только буржуазная идеология проникает в науку путем навязывания ей своих предвзятых представлений, но и сама она испытывает проникновение науки, хотя

в то же время она весьма часто пытается «интерпретировать» и по-своему объяснить научные открытия.

Но прежде всего наука играет роль как оружие критики в развитии идеологии. Новые понятия и открытия науки вступают в конфликт с существующей идеологией и потрясают ее предвзятые представления и выводы, вытекающие из них. Так, когда новые классы поднимаются и бросают вызов господству старых правящих классов и новые идеи противостоят старым идеям, научное исследование и вытекающие из него выводы становятся революционным оружием критики.

Следовательно, прежде всего наука играет прогрессивную и освободительную роль в общественном развитии. Ее открытия повышают коллективную способность людей удовлетворять их потребности и служат целям просвещения, рассеивая облака заблуждения и суеверия и обогащая людей знаниями о природе и о себе самих.

Определенный класс и определенные нации, ведомые определенными классами, вносили свои вклады в развитие науки; они временно накладывали на них печать своих собственных характерных черт и ограничений и часто, несколько продвинувшись в деле научного открытия, поворачивали вспять, внося путаницу в теорию науки благодаря своим иллюзиям и извращая ее употребление. Но какими бы ни были ограничения и неудачи, то, что достигнуто одним классом или нацией, подхватывают и несут другие. Следовательно, история науки развивалась и развивается как система наследования человеческих знаний и могущества. Это общее наследие человечества, предназначенное для использования в деле освобождения всех людей.

Глава IX

НАУКА И СОЦИАЛИЗМ

Хотя буржуазная наука и добилась больших достижении, сами капиталистические отношения создали ограничения для развития науки. При социализме, когда наука развивается на службе народу, эти ограничения устраняются. В частности, лишь вместе с ростом борьбы рабочего класса за социализм создается наука об обществе. В социалистическом обществе старые идеологические иллюзии лишаются своей основы и зарождается всеобъемлющая научная идеология.

Достижения буржуазной науки

В эпоху, предшествовавшую современному капитализму, развитие наук происходило в основном на самом элементарном уровне, ограничиваясь описаниями и классификацией фактов. Научные открытия, как бы значительны они ни были в определенных областях, носили отрывочный характер, касались главным образом свойств отдельных вещей, частных законов и взаимосвязей, не затрагивали более общих и фундаментальных законов и не создавали сколько-нибудь прочной общей картины взаимосвязей в природе. Поскольку научная работа ограничивалась главным образом описанием и классификацией, абстрагирование и обобщение в области наук, представляющие собой два других важнейших аспекта научной работы, неизбежно носили в подавляющем большинстве характер умозрительных предположений и догадок. Общая теория о природе развивалась как часть философии и теологии и воплощала все философские и теологические иллюзии того времени.

На этом этапе для науки были характерны крайне первобытные представления о природе. Алхимики, например, накопили довольно много знаний о химических веществах и их соединениях, но их химическая теория была крайне первобытной в том буквальном смысле слова, что она пользовалась идеями, перенятыми из первобытных времен. Такова, например, была их идея, что химические вещества представляют собой живые существа, состоящие из материи и духа, а также обладающие атрибутами пола. Астрономические наблюдения в рабовладельческом и феодальном обществах также достигли значительного развития, но

космологические теории строения вселенной оставались под влиянием первобытных воззрений.

Энгельс в одном из своих писем указывал, что существовала предысторическая сумма представлений, которую мы теперь назвали бы бессмыслицей. Эта сумма представлений использовалась (кстати, иногда еще и теперь продолжает использоваться) для создания общих взглядов человека на природу.

«Эти различные ложные представления о природе, — писал Энгельс, — ...имеют по большей части лишь отрицательно-экономическую основу; низкое экономическое развитие предысторического периода имело в качестве своего дополнения, а порой даже в качестве условия и даже в качестве причины, ложные представления о природе. И хотя экономическая потребность была и с течением времени все более становилась главной пружиной двигающегося вперед познания природы, — все же было бы педантством искать для всех этих первобытных бессмыслиц экономических причин. История наук это есть история постепенного устранения этой бессмыслицы или замены ее новой, но все же менее нелепой бессмыслицей»[1].

Поэтому положение было таково, что идеология правящих классов накладывала определенный философский и богословский отпечаток на общую теорию наук. В то же время сравнительно низкий уровень экономического развития приводил к тому, что в отдельных частных теориях укрепились различные примитивные и абсурдные представления. Эти факторы не могли не помешать развитию науки. Они действовали как мощные отрицательные факторы, которые должны были быть устранены, прежде чем стало возможно современное развитие науки и производства.

Современное естествознание зародилось в период слома могущества феодальной аристократии и формирования современных европейских буржуазных наций, «...исследование природы совершалось тогда в обстановке всеобщей революции, будучи само насквозь революционно», — писал Энгельс[2]. Те же классовые силы, которые были носителями революции, были также и носителями научного прогресса. Наука выступала как величайшая сила просвещения, пробивающаяся через невежество и суеверие прошлого. Она бросила вызов старым авторитетам, выступив со знаниями, основанными на наблюдении и опыте. Люди, заложившие фундамент современного естествознания, резко отличались от клириков и церковных схоластов феодального общества. Они были в высшей степени заинтересованы в развитии промышленности и торговли, в новой технике, в путешествиях и открытиях. В их руках

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные письма, стр. 429.

[2] Ф. Энгельс, Диалектика природы, стр. 4.

открытия науки стали орудиями улучшения условий жизни человека.

Этот подъем научной мысли явился следствием развития и роста промышленности.

«...со времени крестовых походов промышленность колоссально развилась и вызвала к жизни массу новых механических (ткачество, часовое дело, мельницы), химических (красильное дело, металлургия, алкоголь) и физических фактов (очки), которые доставили не только огромный материал для наблюдений, но также и совершенно иные, чем раньше, средства для экспериментирования и позволили сконструировать *новые* инструменты. Можно сказать, что собственно систематическая экспериментальная наука стала возможной лишь с этого времени»[1].

В ходе развития естествознания в новое время, которое началось таким образом, абстракции и гипотезы, выдвигавшиеся науками, перестали носить умозрительный характер, быть просто догадками; они начали утверждаться как проверенные научные истины. Научная теория начала заменять прежнюю мешанину первобытных сказок с философскими и теологическими домыслами. Люди, занимавшиеся теперь научной работой, получили эту возможность благодаря новым приборам для точных наблюдений и проверки опытов, которыми они располагали, а также благодаря тому, что научные теории подвергались проверке не только путем научных наблюдений и опытов, но и в ходе всей практики общественного производства. Новые достижения естествознания поэтому зависели от развития технологии общественного производства и использования обществом науки как производительной силы (force of production).

Начав движение от этой точки, современное буржуазное естествознание добилось огромных успехов.

1. Было достигнуто то, что Энгельс определил как «*последовательное развитие* отдельных отраслей естествознания»[2] — развитие отдельных наук, выделявшихся из других, их дифференциация. В этом процессе успехи, достигнутые в одной области, создавали возможность научных исследований в новых областях. Весь процесс развертывался на основе развития производительных сил капиталистического общества, которое одновременно поставило новые задачи перед наукой и обеспечило ее техническими средствами для их решения.

2. Во всех последовательно появлявшихся отраслях науки были сделаны значительные достижения в области анализа — разложения явлений природы на части или элементы, выявления свойств, взаимосвязей и законов движения отдельных частей и,

---

1 Ф. Энгельс, Диалектика природы, стр. 145–146.

2 Там же, стр. 145.

таким образом, законов движения целого. Наряду с этим анализом природы проходил процесс обобщения, показывающего, что самые различные свойства и движения материи являются следствиями действия весьма общих, универсально применимых законов.

3. Третьим важным достижением современного естествознания было открытие законов изменения и развития в природе.

В начальный период современного естествознания преобладал взгляд, что, несмотря на непрекращающиеся изменения и взаимодействия, природа в своих общих чертах всегда остается неизменной. «Планеты и спутники их, однажды приведенные в движение таинственным "первым толчком", продолжали кружиться по предначертанным им эллипсам во веки веков... Звезды покоились навеки неподвижно на своих местах... Земля оставалась... неизменно одинаковой. Теперешние "пять частей света" существовали всегда... Виды растений и животных были установлены раз навсегда при своем возникновении... В природе отрицали всякое изменение, всякое развитие»[1]. Но следовавшие друг за другом открытия в различных областях науки — в астрономии и космогонии, в физике, химии, геологии и в биологических науках — поколебали все это представление о неизменности природы. Было доказано, что природа во всех ее частях изменяется и развивается. И этот вывод не был соображением общего порядка, какой, например, был сделан античной греческой философией, а результатом детальных исследований, анализа различных процессов природы и открытия их законов и взаимосвязей.

4. Наконец, открытия естественных наук постепенно привели к познанию природы, одновременно к общему и детальному — общему в том смысле, что оно охватывает основные процессы, происходящие в природе, и их взаимосвязи; детальному в том смысле, что оно охватывает частные законы и взаимосвязи вещей. Это познание во все увеличивающейся степени давало наукам возможность создавать картину естественных процессов, целиком и полностью основанную на исследовании самих этих процессов и проверенную этими исследованиями.

«...мы можем теперь обнаружить, — писал Энгельс, — не только ту связь, которая существует между процессами природы в отдельных ее областях, но также, в общем и целом, и ту, которая объединяет эти отдельные области. Таким образом, с помощью данных, доставленных самим эмпирическим естествознанием, можно в довольно систематической форме дать общую картину природы как связного целого»[2].

---

[1] Ф. Энгельс, Диалектика природы, стр. 6.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, стр. 370.

В результате научное познание природы постепенно вытесняет философские измышления о ней. Изложение отдельных процессов и их общей взаимосвязи основано на детальных исследованиях и проверено ими, а не получено в результате философских дедукций или догадок воображения. Раньше, как замечал Энгельс, «общую картину» природы натурфилософия могла дать, только заменяя «неизвестные еще ей действительные связи явлений идеальными, фантастическими связями» и замещая «недостающие факты вымыслами, пополняя действительные пробелы лишь в воображении»[1]. Но как только научные исследования дали нам недостающие факты, такая процедура становится «не только... излишней», но «*шагом назад*»[2].

Разумеется, по-прежнему существует много пробелов и, хотя их постепенно заполняют, они останутся всегда. В самом деле, восполнение одного пробела часто открывает новые, до того неподозреваемые. Но даже в конце прошлого века наука сделала достаточно много открытий, чтобы дискредитировать прежний философско-теологический взгляд на природу. Стало ясно, что недостающие знания всегда должны быть восполнены при помощи дальнейших научных исследований, а не какими-либо иными средствами.

Ограничения буржуазной науки

Наука, содействуя развитию промышленности и торговли, была необходимым фактором, обусловившим возможность возникновения и развития капиталистического способа производства. Но, раз возникнув, капиталистический способ производства поставил рамки дальнейшему развитию науки.

Крупнейшим достижением капитализма является превращение мелкого индивидуального производства в крупное общественное производство, которое способно заставить служить человеку силы природы и использовать современные механические орудия производства. Рост общественного производства — в первую очередь в промышленности, поскольку сельское хозяйство оставалось сравнительно отсталым, — привел к беспрецедентному развитию науки и в свою очередь опирался на это развитие науки. Открытия следовали одно за другим в разных областях, возникали и бурно развивались новые науки, природа раскрывала свои тайны человеку, были установлены принципы правильного понимания законов и взаимосвязей естественных процессов.

Но общественное производство было направлено на служение определенным капиталистическим целям. Именно капитал выполнял контрольную и руководящую функцию в общественном

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, стр. 370.
[2] Там же.

производстве. Кооперация труда, являющаяся существеннейшей чертой общественного производства, была создана не самими рабочими, а капиталом, который нанимал и эксплуатировал их.

«...наемные рабочие могут кооперироваться лишь в том случае, если один и тот же капитал... применяет их одновременно»[1]. «...движущим мотивом и определяющей целью капиталистического процесса производства является... возможно большее производство прибавочной стоимости и, следовательно, возможно большая эксплуатация рабочей силы капиталистом»[2].

Маркс рассматривал науку как особую, но необходимую составную часть процесса производства в современном обществе. Общественный труд, писал он, включает в себя труд двух родов. Прежде всего существует научная сторона, включающая научное освоение материалов и процессов, приводящая к изобретениям и открытиям, которые улучшают существующие орудия производства и создают новые орудия производства. Это он назвал «всеобщим трудом». И, во-вторых, существует сам кооперированный труд, кооперация рабочих в использовании орудий производства[3].

В капиталистическом производстве эти два рода труда разделены и оба поставлены на службу капиталу. Кооперированный труд является источником прибавочной стоимости, а рабочий – просто «рабочими руками», работающими под началом капиталиста или его управляющих ради прибыли капиталиста. Усовершенствования вводятся в производственную технику не потому, что они облегчают труд или помогают удовлетворить человеческие потребности, а потому и поскольку они дают и увеличивают прибыль. И поэтому наука, теория производства, развивается не как помощник и орудие общественного труда, а как помощник и орудие капитала, эксплуатирующего рабочую силу и направляющего производство в интересах получения капиталистической прибыли.

«Мануфактурное разделение труда приводит к тому, что духовные потенции материального процесса производства противостоят рабочим как чужая собственность и порабощающая их сила», – писал Маркс. Крупная промышленность «отделяет науку, как самостоятельную потенцию производства (в английском переводе – productive force. – *Ред.*), от труда и заставляет ее служить капиталу»[4].

Вначале наука могла развиваться гигантскими шагами в пределах капиталистических отношений, ибо капиталу нужно было

---

1 К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 336.
2 Там же, стр. 337.
3 См. К. Маркс, Капитал, т. III, стр. 109–110.
4 К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 369.

проникнуть в тайны естественных процессов, которые он использовал в своей погоне за прибылью. Капитал, сознавая жизненно важное значение науки, был готов стимулировать научные исследования даже в направлениях, которые не сулили непосредственного практического эффекта. Ученые чувствовали себя свободными и ничем не связанными; им казалось, что они занимаются своими исследованиями во имя человечества или ради науки как таковой и что общество готово чтить и награждать их за совершенные ими открытия и, если позволяют обстоятельства, использовать эти открытия на практике. Тем не менее подлинный смысл этой буржуазной свободы науки заключался в том, что наука всегда работала для капитала, который опирался на ее открытия, изобретения и теории, чтобы производить те улучшения в производстве, которые увеличили бы капиталистическую прибыль.

Однако развитие капитализма в его современную монополистическую стадию постепенно приводило к прямому и открытому подчинению науки монополистическому капиталу. Этому содействовало само развитие науки, которое требовало все больших средств и таким образом ставило науку в почти полную зависимость от финансирования монополиями — непосредственно или через государство. Не только исследования, изобретения и открытия ученых были поставлены на службу капиталу, но также и сами ученые. Они потеряли свое прежнее независимое положение и были превращены в служащих и агентов монополий или государства, которое само подчинено монополиям. Их работа соответственно регламентируется. Результатом этого явились: дезорганизация научной работы, которая может теперь вестись только в том направлении, которое будет оплачиваться монополиями; извращенное ее использование, все в большей степени ставящее ее на службу войны, что связано с таким злом, как секретность и «безопасность», полицейское и военное наблюдение, проверка «лояльности» и проверка идеологической ортодоксии; и, наконец, превращение науки из источника силы и надежд человечества в угрозу ему.

Подчинение науки капиталу, а впоследствии монополистическому капиталу находит соответственно отражение и в теории науки. С точки зрения класса капиталистов, наука, как бы необходима она ни была, всегда таит в себе опасную идеологическую тенденцию. Это объясняется материалистической направленностью ее выводов, в соответствии с которыми все моменты человеческого опыта начинают объясняться только материальными причинами. Буржуазия рано стала понимать, что научный материализм может стать социальной разрушительной силой, если он начнет подвергать научной критике основы общества и привилегии правящего класса, если он начнет показывать, как народ, вооруженный

наукой, может добиться своего освобождения. Вот почему науку в течение долгого времени опутывали философскими теориями, пытаясь опровергнуть ее радикальную материалистическую направленность и прежде всего ограничить возможность ее дальнейшего развития и использования.

Так, науке было предписано, что она может оперировать только с определенными аспектами сил природы, но не с так называемыми управляющими миром духовными силами; что она не способна проникнуть в работу действительных сил природы, а может лишь иметь дело с некоторыми их проявлениями; что она, наконец, может лишь регистрировать и устанавливать соотношения между нашими ощущениями, в то время как реальный, находящийся вне нас мир остается непознаваемым и таинственным. Такие взгляды на науку и в науке, которые получили особенно широкое распространение в капиталистическом мире нашего времени, разрабатывались еще давным-давно — в XVII в.

Чем больше жизнь общества, включая науку, подчиняется господству современных монополий, тем сильнее душит науку мертвая рука реакционной теории. Видные ученые провозглашают, что наука совместима чуть ли не с любой «верой», за исключением веры в человечество; что реальный мир непознаваем; что стремление добиться прогресса на основе научного познания — иллюзорно. Антинаучные идеи привносятся в науку, где они становятся догмами. Такими идеями являются идеи о неподвижном двигателе, таинственном сотворении, событиях без причины. Однако поступательное движение научного открытия не может быть полностью остановлено, и сами ученые начинают сознавать ограничения, навязываемые им в практической области интересами монополий, а в теоретической — антинаучными идеями. Многие начинают искать выход и находят его, присоединяясь к борьбе рабочего класса за новый, социальный строй, при котором наука может неограниченно развиваться, служа интересам всех членов общества.

Наука для народа

При капитализме управление общественным производством является функцией капитала, чья цель — извлечение максимальной капиталистической прибыли. При социализме управление общественным производством, напротив, становится функцией самого общественного труда, целью которого является максимальное удовлетворение материальных и культурных потребностей общества. Именно этой цели подчиняется развитие науки в социалистическом обществе. Задача развития теории производства всегда должна осуществляться теми, кто на деле руководит практикой производства. При капитализме наука отделена от труда

и поставлена на службу капиталу, эксплуатирующему труд. При социализме же наука соединяется с трудом. Социалистическая наука является научной областью общественного труда, другими словами — областью, занимающейся исследованиями, изобретениями и теоретической работой, необходимыми для расширения и усовершенствования социалистического производства и для удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей социалистического общества.

Свободное от контроля монополий и ставшее делом всего общества, всестороннее развитие науки при социализме становится объектом планирования. Это, разумеется, не означает, что открытия, которые делаются в определенный период, должны заранее планироваться, ибо никто не может знать, какие предстоят открытия, до тех пор, пока эти открытия не будут сделаны. Это означает просто, что планируется распределение ресурсов и направление исследований во всех областях. Такое планирование делается с расчетом ближайших, а также более далеких задач. В одно и то же время научная мысль сосредоточивается на разрешении неотложных практических проблем и занимается фундаментальными исследованиями, диктуемыми потребностями теоретического развития и ставящими цель, далеко выходящую за рамки практики текущего момента.

Научные работники тесно сотрудничают с работниками производства. Возникает новый тип ученого, выходца из рядов трудящихся. Сама наука в конечном счете превращается из привилегии отдельной социальной группы, находящейся в союзе с эксплуататорами, в общее достояние, в предмет заботы всех. А это может привести только к одному — к высвобождению огромных новых сил для научной работы и для использования ее результатов с целью бурного развития науки.

В то же время ограничивающие догмы буржуазной теории выброшены за борт. Теоретическая мысль развивается в полном соответствии с научными открытиями, на базе социалистической практики, как направляющая сила дальнейших открытий и их практического использования в условиях свободы дискуссий и критики.

На ранней стадии, еще до развития отдельных областей науки, наука едва отделялась от философии. Важной вехой в истории философии и наук является выделение науки из философии. По мере того, как наука выделялась из философии, возникали общие идеи о природе на основе научного исследования природы. Но, как мы видели, философские идеи по-прежнему проникают в науку, оказывая особое влияние на ее более абстрактные разделы. Освобождение науки от предвзятых представлений философии завершается только с развитием науки при социализме, ибо тогда философия перестает существовать в своей старой форме как

универсальная теория, независимая от науки и навязывающая ей свои взгляды, и начинает развиваться как учение о наиболее общих законах развития природы, общества и мышления, и, следовательно, как теоретическое орудие, направляющее научную работу.

Энгельс, говоря о взаимоотношениях между наукой и философией, писал:

«Естествоиспытатели воображают, что они освобождаются от философии, когда игнорируют или бранят ее. Но так как они без мышления не могут двинуться ни на шаг, для мышления же необходимы логические категории, а эти категории они некритически заимствуют... из обыденного общего сознания так называемых образованных людей... — то в итоге они все-таки оказываются в подчинении у философии, но, к сожалению, по большей части самой скверной, и те, кто больше всех ругают философию, являются рабами как раз наихудших вульгаризированных остатков наихудших философских учений... Довольствуясь отбросами старой метафизики, естествоиспытатели все еще продолжают оставлять философии некоторую видимость жизни. Лишь когда естествознание и историческая наука впитают в себя диалектику, лишь тогда весь философский скарб... станет излишним, исчезнет в положительной науке»[1].

Более того, только при социализме возможна подлинная объективность, жизненно необходимая для полнокровного развития науки.

Процесс научного исследования требует, чтобы выводы делались только на основе исчерпывающего исследования, причем не должно приниматься во внимание, что может быть угодно или неугодно тем или иным заинтересованным кругам или что думает об этом та или иная школа. Этот процесс требует также, чтобы всякое заключение подвергалось критике на основе дальнейших исследований.

Эта необходимая характерная черта научной работы неоднократно подчеркивалась Марксом. Так, например, сопоставляя научный подход Рикардо в политической экономии с подходом Мальтуса, Маркс писал о «прямолинейности Рикардо», его «*научной добросовестности*», о «научной беспристрастности Рикардо», который «столь же *прямолинейно* выступает против буржуазии, как в других случаях против пролетариата и аристократии»[2].

С другой стороны, Мальтус совершает грех против науки, приспосабливая свои заключения к защите интересов правящего класса. «Но Мальтус, этот жалкий человек, делает... только такие

---

1 Ф. Энгельс, Диалектика природы, стр. 164—165.

2 К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. II, ч. 1, Соцэкгиз, 1931, стр. 210, 211.

выводы, которые *приятны* и полезны аристократии против буржуазии и им обеим — *против* пролетариата». Он пытается «*приспособить* науку к такой точке зрения, которая не почерпнута из нее самой... а взята извне, из *чуждых* ей *внешних интересов*»[1].

В обществе, основанном на эксплуатации, не могут не возникать препятствия для беспристрастного исследования. Исследования начинаются, но наступает момент, когда на многих ученых оказывается все более и более сильное социальное давление с тем, чтобы заставить их привести свои выводы в соответствие с различными идеологическими и политическими требованиями правящего класса или даже преждевременно прекратить исследование. Только когда устранена эксплуатация человека человеком и научная работа сознательно подчиняется цели улучшения жизни всех членов общества, препятствия для беспристрастного исследования устраняются, ибо тогда заинтересованность, которая двигает вперед науку, то есть общая заинтересованность в приобретении надежных сведений, как средства улучшения жизни, требует, чтобы никто не мешал ученым доводить исследования до конца.

Разумеется, старая привычка требовать, чтобы исследования доказывали то, что выгодно определенной группе, и противодействовать высказыванию сомнений по отношению к определенным выводам, преодолевается не без труда. Но развитие социализма, с другой стороны, требует, чтобы наука была действительно объективна и проводила свои исследования без учета того, во что привыкло верить то или иное лицо или та или иная группа лиц или во что они хотят верить. «Общепризнано, что никакая наука не может развиваться и преуспевать без борьбы мнений, без свободы критики» — писал Сталин[2].

В общем социализм освобождает науку от всяких ограничений, которые прежде навязывались ей. Точно так же, как социалистическая собственность на средства производства устраняет ограничения, навязанные развитию производства частной собственностью и присвоением, и делает возможным неограниченное развитие производства в целях удовлетворения потребностей народа, — точно так же она ликвидирует ограничения, навязанные развитию науки. Методы научного исследования при социализме ничем не отличаются от методов, применяемых при капитализме, ибо эти методы, постепенно совершенствовавшиеся на различных этапах экономического развития, не являются продуктом какой-то определенной системы. Суть дела в том, что экономические, политические и идеологические факторы, препятствовавшие их приме-

---

[1] К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. II, ч. 1, стр. 211, 212.
[2] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 31.

нению, устранены. Следовательно, методы науки стали еще более усовершенствованными и обогащенными, их размах и применение увеличились.

С наступлением социализма, писал Энгельс, «начнет свое летосчисление новая историческая эпоха, в которой сами люди, а вместе с ними все отрасли их деятельности, и в частности естествознание, сделают такие успехи, что это совершенно затмит все сделанное до сих пор»[1].

Общественная наука

В ходе развития капитализма наука смогла проникнуть глубоко в законы естественных процессов, так как буржуазия нуждалась в подобных знаниях ради увеличения своих прибылей. Капиталистам, например, нужны не волшебные сказки об электричестве, а знание его действительных законов (хотя их идеология принуждает их верить немалому количеству сказок). Что же касается законов общественного развития, то капиталисты хотя могут использовать массу внешних фактов об обществе, но они никогда не смогут открыть и признать законов общественного развития. Ибо такое признание привело бы их непосредственно к выводу о неизбежности их собственного падения и падения всей их системы.

Поэтому в отличие от естественных наук постановка общественной науки на прочную базу, выражающаяся в открытии основных законов развития общества, начинается только с того момента, когда начинается борьба за социализм, и продолжается только в связи с этой борьбой, а впоследствии в связи с практическим построением социалистического общества. Общественная наука развивается как научная теория, руководящая борьбой рабочего класса за социализм. Она возникает и развивается как теоретическая основа общественных взглядов рабочего класса.

Буржуазная общественная наука достигла своей вершины в трудах английских исследователей Адама Смита и Давида Рикардо, чьи исследования законов производства и распределения материальных благ в человеческом обществе заложили основы политической экономии – науки об экономическом базисе общества. Эти исследования были предприняты для удовлетворения нужд управления нарождающейся капиталистической экономикой. Но условия развития господства капитализма и капиталистической эксплуатации помешали всякому дальнейшему движению вперед буржуазных исследователей в области науки. Они не могли

[1] Ф. Энгельс, Диалектика природы, стр. 15.

идти дальше, как это сделал Маркс, чтобы открытием прибавочной стоимости открыть тайну капиталистической эксплуатации. Последующие поколения буржуазных экономистов и вся буржуазная общественная наука в целом занялись накоплением большого количества фактических данных и сопоставлением этих данных. Они накопили также большой запас практических знаний того, как функционирует капиталистическая система. Однако они тщательно избегали исследования действительных производственных отношений, на которых эти данные основаны и единственно исходя из которых они могут быть поняты, давая вместо этого поверхностные и ложные объяснения.

То, что Маркс сказал о «вульгарных» буржуазных экономистах, может быть сказано о всей буржуазной общественной науке в целом.

Она «...толчется лишь в области внешних кажущихся зависимостей, все снова и снова пережевывает материал, давно уже разработанный научной политической экономией, с целью дать приемлемое для буржуазии толкование, так сказать, наиболее грубых явлений экономической жизни и приспособить их к домашнему обиходу буржуа. В остальном она ограничивается тем, что педантски систематизирует затасканные и самодовольные представления буржуазных деятелей производства о их собственном мире как лучшем из миров и объявляет эти представления вечными истинами»[1]. И в отношении такой науки «...дело шло уже не о том, правильна или неправильна та или другая теорема, а о том, полезна она для капитала или вредна, удобна или неудобна, согласуется с полицейскими соображениями или нет. Бескорыстное исследование уступает место сражениям наемных писак, беспристрастные научные изыскания заменяются предвзятой, угодливой апологетикой»[2].

Таким образом, хотя буржуазные исследователи накапливают множество фактов и даже установили некоторые частные и поверхностные законы общественной науки, нет и не может быть буржуазной общественной науки, которая охватила бы основные законы. Существует лишь марксистская, социалистическая общественная наука. Открытие Марксом основных законов развития общества было возможно только потому, что он встал на точку зрения, идущую вразрез с интересами капиталистического общества, и признал революционную роль рабочего класса и необходимость замены капитализма социализмом. Тем самым он создал основу общественной науки так же, как Галилей и Ньютон создали основу физической науки, а Шванн и Дарвин — биологической науки.

---

1 К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 87 (прим. 32).

2 Там же, стр. 13.

Конец старой идеологии

Так как социалистическое движение вырабатывает научные представления об обществе, общественных отношениях и законах общественного развития, то естественно, что оно против идеологических иллюзий и начинает разрушать эти иллюзии.

Социалистическое движение противопоставляет научные идеи идеологическим предвзятым представлениям эксплуатирующих классов. Другими словами, в борьбе за социализм вырабатываются научные идеи, уничтожающие старые заблуждения. Цель создания общества без эксплуатации, основным законом развития которого является максимальное удовлетворение материальных и культурных потребностей народа, включает в себя борьбу с идеологическими заблуждениями всякого рода — за замену их наукой, другими словами, борьбу за выработку всеобъемлющей научной идеологии.

Борьба за социализм требует не развития ложного сознания, а представления вещей такими, каковы они в действительности, и не в их фантастических связях. Вместо того, чтобы использовать иллюзорные идеи для маскировки подлинных общественных отношений и подлинных движущих сил общества и таким образом служить делу эксплуатации одного класса другим, она требует правильных идей, чтобы служить делу уничтожения всякой эксплуатации и удовлетворения потребностей всего общества.

В своей борьбе в условиях капитализма партия рабочего класса должна вести непрерывную борьбу за то, чтобы устранить влияние капиталистической идеологии в своих рядах и в рядах всех трудящихся, чтобы вся политика партии, массовая работа и пропаганда были основаны на научной теории марксизма-ленинизма, добиваться того, чтобы воспитать на этой теории все движение. В отличие от взглядов эксплуататорских классов представления рабочего класса об обществе, которые служат интересам борьбы рабочего класса, не возникают и не могут возникнуть стихийно, как классовая идеология, а возникают и развиваются, как наука.

Когда же рабочий класс захватывает власть и руководит строительством социалистического общества, тогда возникает задача окончательного искоренения всех пережитков старой идеологии из всех областей общественной жизни. Общество в целом должно перейти от идеологических заблуждений к научному мировоззрению.

Этот переход возможен и необходим, так как идеология старого общества, основанного на эксплуатации, с ее ложным сознанием и мистификацией лишаетется своей базы, когда нарождается социализм.

При социализме собственность на средства производства является общественной или кооперативной собственностью и производство сознательно регулируется и планируется. Для какого же рода идей создает базу социалистическая экономика? Именно для научных идей, развивающихся путем расширения научного кругозора людей и улучшения их условий жизни. Только такие идеи могут служить укреплению и развитию экономической базы социализма, ибо этой цели не могут служить идеи, мистифицирующие и вводящие в заблуждение людей. Для успеха социализма необходимы знание законов природы и общества и общественное сознание, вырабатываемое на основе этого знания.

Поэтому, поскольку в социалистическом обществе продолжают существовать пережитки других видов сознания, они могут быть только пережитками старых условий, вредными для укрепления и развития социалистической системы. Поэтому против них необходимо вести активную борьбу, и в конечном итоге они должны уступить дорогу новому, научному социалистическому сознанию и исчезнуть.

Наиболее живучими являются религиозные заблуждения. Они также и самые старые. До тех пор, пока многие люди остаются сравнительно бедными и невежественными, продолжает существовать некоторая база для религиозных иллюзий. Более того, даже социалистическим идеям может быть придана религиозная форма; в этом отношении религия при известных условиях играет даже подчиненную положительную роль в деле строительства социализма, что мы можем наблюдать на примере реформированных церквей в социалистических странах.

«Религиозное отражение действительного мира может вообще исчезнуть лишь тогда, — писал Маркс, — когда отношения практической повседневной жизни людей будут выражаться в прозрачных и разумных связях их между собою и с природой. Строй общественного жизненного процесса, т. е. материального процесса производства жизни, сбросит с себя мистическое туманное покрывало лишь тогда, когда он станет продуктом свободного общественного союза людей и будет находиться под их сознательным планомерным контролем»[1].

Когда общественный жизненный процесс действительно осуществляется свободно объединившимися людьми в соответствии с согласованным планом и если, следовательно, взаимоотношения людей и отношения человека к природе носят понятный и разумный характер, то тогда, естественно, не остается места для каких бы то ни было заблуждений относительно условий человеческой жизни, для каких бы то ни было мистификаций

[1] К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 86.

и человеческое сознание, в конечном итоге, исключает подобного рода мистификацию и заблуждение.

Научные основы социалистического сознания

Новое, социалистическое сознание, установившееся как всеобщий тип сознания в социалистическом обществе, является сознанием новых, социалистических людей — трудящихся, никогда не знавших эксплуатации и являющихся хозяевами своей страны, которые живут в сотрудничестве и свободны от эгоистического индивидуализма владельца частной собственности. Сознательное существование таких людей не нуждается в идеологических заблуждениях. Напротив, оно нуждается в ясном, не затуманенном мировоззрении, постоянно обогащаемом и развивающемся как результат свободных исследований, дискуссий и критики.

Это предполагает знание общества и его законов развития и того, как использовать эти законы в интересах общества, а также знание природы, знание того, как заставить ее служить человеку, — оба эти вида знаний являются частями единого целого и научного мировоззрения.

В социалистическом обществе естественные и общественные науки больше не отделены друг от друга.

«Наука является *действительной* наукой лишь в том случае... если наука исходит из природы... Сама история является *действительной* частью *истории природы*, становления природы человеком. Впоследствии естествознание включит в себя науку о человеке в такой же мере, в какой наука о человеке включит в себя естествознание: это будет *одна* наука»[1].

В этой одной науке, писал Маркс, человек или общество становятся объектом материального сознания; это означает, что представление о человеке и обществе теряет свой прежний иллюзорный, идеалистический характер и получает такое же научное обоснование, как и представление о природе. И аналогично высшие потребности «человека как человека» становятся подлинными потребностями; это значит, что вместо идеалистических взглядов относительно «высших потребностей человека», выражающих в действительности идеологию эксплуататорских классов, которые препятствуют удовлетворению действительных потребностей масс, представление о потребностях человека основывается на его действительных потребностях. Эти действительные потребности, которые развиваются на базе материальной жизни общества, представляют собой значительно больше, чем элементарные физические потребности,

---

1 К. Маркс и Ф. Энгельс, Из ранних произведений, Госполитиздат, 1956, стр. 596.

ибо на основе социалистической экономики возникают потребности культурного характера, потребности в знаниях и в товариществе.

Важнейшим моментом идеи «человека как человека», человека в отличие от животного, является создание и удовлетворение его собственных потребностей при помощи овладения силами природы. В обществе, основанном на эксплуатации, народные массы производят ценности на благо других, а не для самих себя. Удовлетворяются только их минимальные физические или животные потребности; следовательно, они лишаются права на человеческое существование, и в виде компенсации их «высшие потребности» представляются в таком виде, будто они принадлежат к сфере какой-то духовной жизни, отличной от материальной жизни. В социалистическом обществе, где нет эксплуатации человека человеком, все человеческие потребности — и материальные и духовные — следует понимать, как возникающие на базе совместного господства над природой, и они удовлетворяются на базе непрерывного роста и усовершенствования общественного производства.

Поэтому в результате развития социализма в конечном счете становится ясным, что наука играет решающую роль в формировании всего мировоззрения народа. Народ тогда освободит себя для познания и контролирования всех сторон своей жизни ради благосостояния и счастья, ради осуществления полноты жизни.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ИСТИНА И СВОБОДА

Глава X

ИСТИНА

Истина — это соответствие идей объективной действительности. Такое соответствие обычно только частично и приблизительно. Истина, которую мы можем установить, всегда зависит от наших способов открытия и выражения истины, но в то же время истинность идей, хотя она и относительна в этом смысле, зависит от объективных фактов, которым соответствуют идеи.

Мы никогда не можем достигнуть совершенной, полной, абсолютной истины, но всегда приближаемся к ней.

Абсолютная и частичная истина

Мы видели, что по мере развития наших идей возникают всякого рода заблуждения, но зарождается также и истина. Что же такое истина? Истина — это соответствие между идеями и объективной действительностью.

Такое соответствие между нашими идеями и действительностью создается лишь постепенно, и это соответствие часто лишь частичное и неполное, ибо идея может не соответствовать отражаемому ей объекту во всех отношениях, она может соответствовать ему лишь частично; кроме того, в объекте может быть многое, что вовсе не отражено в идее, так что идея и ее соответствие с объектом неполны. В таких случаях мы не должны говорить, что наша идея ложна, но вместе с тем она и не абсолютно, полностью и во всех отношениях правильна. Истина поэтому не является свойством, которым обладает или не обладает идея или предложение; она может принадлежать идее до некоторой степени, в определенных границах, в определенных отношениях.

Разумеется, не может быть сомнения в том, что некоторые положения абсолютно правильны: они достаточно прочно установлены, чтобы мы могли доверять им.

Это, например, распространяется на многие констатации отдельных фактов. Эти факты имели место, и, следовательно, положения, которые констатируют их, правильны, абсолютно

правильны и всегда будут правильны без всяких изменений. Вильгельм-Завоеватель действительно вторгся в Англию в 1066 г., поэтому положение, устанавливающее этот факт, является абсолютной истиной.

Некоторые общие утверждения также абсолютно правильны. Ленин привел два примера этого: человек не может питаться мыслями и рожать детей при одной только платонической любви[1]. Эти общие утверждения соответствуют фактам, и их соответствие абсолютное. Существует множество других общих утверждений, притязания которых на абсолютную истинность не могут быть подвержены сомнению.

Но о большинстве утверждений, которые мы высказываем, нельзя сказать в этом смысле, что они абсолютно правильны. Ибо в наших утверждениях мы в основном не ограничиваемся «трюизмами» и простым установлением хорошо известных фактов. Большинство утверждений, которые мы высказываем, будь то констатация определенных фактов или общие выводы, могут быть достаточно верными, чтобы служить определенным целям, но в то же время они не являются абсолютными истинами в смысле абсолютного соответствия между утверждением и действительностью. Напротив, они нуждаются в коррективах, усовершенствованиях, изменениях в свете нового опыта и новых знаний. Но это не означает, что они неправильны. Они представляют собой частичные, относительные, приближенные истины.

Эта характерная черта истины — что она в большинстве случаев частична, а не абсолютна, приблизительна, а не точна, временна, а не окончательна, — очень хорошо известна в науке. Законы, устанавливаемые наукой, разумеется, отражают объективные процессы. Они соответствуют действительному движению и действительной взаимосвязи вещей в окружающем нас мире. Тем не менее наука установила лишь немного законов, которые могут претендовать на значение абсолютных истин.

Так, например, законы классической механики, которые формулируют принципы механического взаимодействия тел и постоянно и надежно служат во всякого рода технических конструкциях, как теперь стало известно, не соответствуют движению материи в субатомном масштабе, другими словами — эти законы не абсолютные истины. Но это не может служить доказательством ложности классической механики. Квантовая механика дает более близкое приближение к истине, чем классическая механика, так как ее законы не только соответствуют движению материи в субатомном масштабе, но также включают законы классической механики, как частные случаи; но даже квантовую механику ни один ученый не назовет абсолютной истиной.

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 173.

В общем наука не заинтересована в абсолютной истине. В самом деле, как только то или иное положение претендует на абсолютную истину, это кладет конец всяким дальнейшим исследованиям: если абсолютная истина достигнута, то уже нет места для дальнейших исследований. Поэтому утверждать, что тот или иной научный вывод — абсолютная истина, фактически составляет антитезу науки, ибо такое утверждение должно помешать дальнейшим исследованиям, дальнейшему прогрессу науки, переходу от менее приближенных к более приближенным истинам, другими словами, развитию науки.

«...в действительно научных трудах избегают обыкновенно таких догматически-моральных выражений, как заблуждение и истина, — писал Энгельс, — напротив, мы их встречаем на каждом шагу в сочинениях... где пустое разглагольствование о том и о сем хочет навязать себя в качестве сувереннейшего результата суверенного мышления»[1].

Истина и заблуждение

Если мы признаем, что, за исключением небольшого количества раз и навсегда установленных безусловных фактов, истина всякого утверждения частична, приблизительна и только условна, то отсюда вытекает, что мы всегда должны быть готовы корректировать и изменять наши выводы в свете нового опыта.

И даже более того. Если новый опыт требует исправления и изменения определенных законов, то настаивание на том, чтобы они продолжали оставаться в своей старой, неизменной форме, означает, что в новых условиях эти выводы из истинных превращаются в свою противоположность.

Так, например, законы классической механики продолжают оставаться правильными для большинства технических целей и никто не предлагает отказаться от них и отклонить их, как ложные. Тем не менее поскольку опыт показал, что они не могут сохраниться без изменений, если мы хотим, чтобы они могли быть применимы ко всем известным видам движения материи, то отсюда вытекает, что отстаивать ньютоновские законы, как законы, без ограничения применяемые для всякой движущейся материи, — значило бы отстаивать ошибочный взгляд.

Поэтому приблизительная и частная истина, которая достаточно правильна в определенных пределах, может превратиться в заблуждение, если она применяется за этими пределами.

Маркс и Энгельс говорили, что при социалистическом обществе государство должно постепенно отмереть. Это было правильно,

[1] Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 87.

и это правильно и сейчас, но не без ограничений. Маркс и Энгельс не могли указать на это ограничение, так как им недоставало необходимого опыта. Но опыт строительства социализма в одной стране — в Советском Союзе — показал, что до тех пор, пока продолжают сосуществовать социалистические и капиталистические страны, государство в социалистических странах должно быть сохранено; только когда социализм утвердится в мировом масштабе, государство начнет отмирать. Отсюда следует, что утверждать теперь без всяких ограничений, что при социализме государство должно отмереть, — значит утверждать что-то ложное. На деле эго означало бы не только утверждение чего-то ложного, но и определенно вредного для существующих социалистических стран, ибо оно привело бы к ослаблению внимания к укреплению социалистического государства и, следовательно, к возможному ослаблению социалистического государства и к тому, что капиталисты могли бы воспользоваться этим ослаблением для интервенции и ниспровержения социалистической системы.

Это показывает, что, как писал Энгельс, «истина и заблуждение, подобно всем логическим категориям, движущимся в полярных противоположностях, имеют абсолютное значение только в пределах чрезвычайно ограниченной области... Как только мы станем применять противоположность истины и заблуждения вне границ вышеуказанной узкой области... оба полюса противоположности превратятся каждый в свою противоположность, т. е. истина станет заблуждением, заблуждение — истиной»[1].

Или, как писал Сталин: «Диалектика говорит, что в мире нет ничего вечного, в мире всё преходяще и изменчиво, изменяется природа, изменяется общество, меняются нравы и обычаи, меняются понятия о справедливости, меняется сама истина, — поэтому-то диалектика и смотрит на всё критически, поэтому-то она и отрицает раз навсегда установленную истину...»[2].

Точно так же, как истина в большинстве своем лишь приблизительна и заключает в себе возможность превращения в заблуждение, так и многие заблуждения не являются абсолютными заблуждениями, а содержат зерно истины.

Что бы люди ни говорили, они говорят в пределах опыта и идей, которыми они располагают. Отсюда следует, что их утверждения могут быть совершенно ошибочными и в то же время возможен случай, что эти утверждения отражают — хотя и искаженно — нечто, отвечающее действительности.

Так, например, пуритане во время английской революции говорили, что они избранники бога. Но даже это утверждение

[1] Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 85—86.
[2] И. В. Сталин, Соч., т. I, стр. 304.

включало в себя зерно истины, а именно: что они действительно представляли собой поднимающуюся прогрессивную общественную силу, которая должна была свергнуть отживающие силы старого общества. Их идеи, что они «избранники бога», разумеется, были ошибочными, но таким путем они выражали то, что, несомненно, было фактом.

Точно так же многие ошибочные взгляды в науке и философии, которые нужно было не изменять, а отклонять как заблуждение, содержали определенную истину, получившую в них ошибочное, искаженное выражение.

Вообще заблуждения, представляющие собой просто очевидные, явные заблуждения и ничего более, — заблуждения, не содержащие элемента истины вообще, — менее важны и более легко устранимы, чем заблуждения, которые имеют основу в действительности. Заблуждения первого рода могут быть устранены, если просто указать на факты, противоречащие им, или могут быть раскрыты, как простая бессмыслица; заблуждения второго рода могут иметь более серьезные последствия, и, следовательно, они гораздо опаснее. Чтобы обнаружить такие заблуждения, необходимо не просто отклонить их и отбросить в сторону, но нужно доказать искажение в них истины, изложить эту истину в форме, свободной от всяких искажений.

Это иллюстрирует то, что имел в виду Ленин, когда он писал об идеалистической философии:

«Философский идеализм есть *только* чепуха с точки зрения материализма грубого, простого, метафизичного. Наоборот, с точки зрения *диалектического* материализма философский идеализм есть *одностороннее*, преувеличенное... развитие... одной из черточек, сторон, граней познания в абсолют, *оторванный* от материи, от природы, обожествленный. Идеализм есть поповщина. Верно. Но идеализм философский есть... *дорога* к поповщине *через* один из оттенков бесконечно сложного познания... человека... она (поповщина. — *Ред.*) не беспочвенна, она есть *пустоцвет*, бесспорно, но пустоцвет, растущий на живом дереве... человеческого познания»[1].

Мы должны признать, что определенные ошибочные взгляды, включая идеалистические, могли в свое время представлять собой вклад в истину, поскольку они, вероятно, были единственной формой, в которой определенные истины первоначально могли быть выражены. Но это не означает, что нам следует хотя бы в малейшей степени использовать подобные ошибочные взгляды, раз их ошибочность может быть установлена. Идеалисты, например, сделали вклад в философию. Но это не значит, что мы должны сейчас хотя бы в малейшей степени пользоваться идеалистической

[1] В. И. Ленин, Философские тетради, стр. 330.

философией, в наших условиях, когда истина, выраженная идеалистами, может быть значительно лучше выражена без помощи идеализма и когда ложность и принципиальные искажения идеализма могут быть полностью раскрыты.

Относительность и объективность

Мы видели, что большинство истин приблизительно, частично и неполно и что заблуждение обнаруживается в истине и истина — в ошибке. Следовательно, в отношении всякого предмета мы в общем обладаем какой-то степенью истины, но не абсолютной истиной. Степень истины, которой мы обладаем в познании чего бы то ни было и которой мы можем достичь в определенную эпоху, как — в каких пределах и насколько полно — мы ее выражаем, зависит от средств, которыми располагает эта эпоха для открытия и выражения истины.

Истина всегда связана с теми средствами, которыми мы ее установили. Мы можем выразить истину о вещах лишь в пределах нашего опыта в отношении этих вещей и тех операций, при помощи которых мы приобрели знания об этих вещах.

Вместе с тем эта истина, безусловно, связана с объективным материальным миром и представляет собой все более полное отражение действительных свойств и законов движения объективных вещей и процессов. Поэтому, хотя форма выражения истины и пределы ее приближения к объективной реальности зависят от нас, ее содержание, то есть объективная реальность, которой она соответствует, не зависит от нас.

В этом смысле элемент относительности, который принадлежит истине, не только не несовместим с объективностью истины, но эти два элемента до некоторой степени неразрывно связаны друг с другом. Истина относительна, поскольку она выражена в форме, зависящей от конкретных условий, опыта и средств ее достижения, которыми располагают люди, формулирующие истину. Она объективна, поскольку то, что выражено или воспроизведено в данной форме, является объективной реальностью, существующей независимо от знаний человека о ней.

Если подчеркивается только сторона относительности, то мы имеем субъективный идеализм и релятивизм, согласно которым истина распространяется исключительно на наши наблюдения и действия, но не на объективный мир, сущность которого, как утверждают сторонники этих учений, непознаваема и невыразима. Сэр Артур Эддингтон, например, отмечая, что наши сведения об атоме были получены главным образом в результате наблюдений показаний стрелки измерительных приборов и вспышек на экране — поскольку они были именно показаниями, даваемыми приборами, используемыми для изучения мира

атома, — пришел к выводу, что на самом деле мы ничего не знаем об атомах, существующих в объективном мире, а знаем лишь «о показаниях стрелки измерительных приборов и других подобных показаниях»[1].

Если, с другой стороны, подчеркивается только второй момент — абсолютность или объективность, тогда мы имеем догматизм. Прежние физики, например, уверенные, что их физические теории отражают объективную материальную действительность, утверждали, что мир состоит не из чего иного, как из твердых частиц, подобных микроскопическим бильярдным шарам, и что никакой другой материальной действительности не существует.

Очевидно, необходимо принимать во внимание и то, что истина — отражение объективной действительности, и то, что в то же время это отражение обусловлено и ограничено особыми обстоятельствами, при которых оно происходит.

«...для диалектического материализма, — писал Ленин, — не существует непереходимой грани между относительной и абсолютной истиной... Материалистическая диалектика Маркса и Энгельса безусловно включает в себя релятивизм, но не сводится к нему, т. е. признает относительность всех наших знаний не в смысле отрицания объективной истины, а в смысле исторической условности пределов приближения наших знаний к этой истине»[2].

Задавая вопрос, существует ли объективная истина, Ленин указывал, что необходимо различать и не смешивать два вопроса:

«1) существует ли объективная истина, т. е. может ли в человеческих представлениях быть такое содержание, которое не зависит от субъекта, не зависит ни от человека, ни от человечества? 2) Если да, то могут ли человеческие представления, выражающие объективную истину, выражать ее сразу, целиком, безусловно, абсолютно или же только приблизительно, относительно?»[3].

Ответ на эти вопросы ясен:

1. Человеческие идеи могут иметь и имеют содержание, которое не зависит ни от тех или иных людей, ни от человечества вообще, поскольку эти идеи воспроизводят объективную действительность, существующую независимо от идеи какого бы то ни было субъекта о ней.

2. Эти идеи не воспроизводят объективную действительность целиком и полностью и с абсолютной достоверностью, но только приблизительно и относительно, в той мере, в какой люди могут обнаружить и выразить истину.

Поскольку истина представляет собой соответствие идей объективной действительности, то совершенно очевидно, что нам

---

[1] См. Eddington, The Nature of the Physical World, ch. 12.

[2] В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 123, 124.

[3] Там же, стр. 110.

всегда приходится иметь дело с обеими сторонами этого соотношения — с субъектом так же, как и с объектом. С одной стороны, существует объективная действительность, ни в какой мере не зависящая от идей, которые мы можем создать относительно нее; с другой стороны, идеи формируются в процессе деятельности человека и поэтому обусловлены характером этой деятельности, из которой они и возникают. Как и в какой форме, с какой степенью приближенности выражается действительность в наших идеях — зависит от нас и нашей деятельности, то есть от субъективных факторов, но то, что выражено в наших идеях, их содержание, то, что они определяют, не зависит ни от каких субъективных факторов, а является «...объективной, независимо от человечества существующей» меркой или моделью, «к которой приближается наше относительное познание»[1].

Относительная и объективная истина; причинность, пространство и время

В качестве примера, как объективная истина выражается в относительной истине, мы можем рассмотреть представления о причинности, а также о пространстве и времени.

Наши идеи о причинности в природе возникли в результате нашего опыта, имеющего дело с объектами природы. Из опыта мы знаем, что мы можем сами производить изменения в природе контролируемым путем, и на этой основе мы формулируем идеи причинных связей и причинной закономерности. Таким образом, путь, по которому мы приходим к признанию причинности, и идеи причинной связи, которые мы время от времени формулируем, обусловлены субъективно. С развитием производства, общественных отношений и общественной деятельности концепция причинности претерпевала изменения. Анимизм, конечные причины, механическое взаимодействие и диалектическое взаимодействие — вот этапы в развитии представлений о причинности.

Но в то время как наши идеи причинности возникают из нашего опыта и зависят от характера этого опыта, наличие причинности в природе представляет собой объективный факт, совершенно не зависимый ни от нас, ни от нашего опыта. Мы впервые пришли к идее причинности именно потому, что мы, как субъекты, на опыте познаем нашу власть вызывать изменения в окружающей нас среде и аналогично этому испытываем непреодолимую власть этой среды на нас самих, и эта идея вырабатывается и развивается по мере развития общественной жизни. Но действительность, которая соответствует этой идее и которая отражается с большей или меньшей адекватностью

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 124.

в наших представлениях о причинных связях, является объективной действительностью, не зависимой от нас самих, не зависимой от каких бы то ни было отношений между субъектом и объектом.

Идеализм подчеркивает только субъективную сторону идеи причинности. Философы-идеалисты утверждали, что причинность была изобретена просто для того, чтобы внести разумный порядок в наш опыт, и что впоследствии она ошибочно была приписана внешнему миру, не зависящему от опыта. Но в противоположность идеализму «признание объективной закономерности природы и приблизительно верного отражения этой закономерности в голове человека есть материализм»[1].

Точно так же обстоит дело с нашими представлениями о пространстве и времени. Начиная с наших восприятий течения времени и пространственных характерных черт и взаимоотношений предметов, начиная с открытия методов выражения пространственных и временных свойств и отношений вещей при помощи измерений, постепенно развивались и разрабатывались наши общие представления о пространстве и времени. Представление о пространстве и времени всегда связано с человеческим опытом, но сами пространство и время не зависят от человеческого опыта. Напротив, «основные формы всякого бытия суть пространство и время»[2], и человеческие представления о пространстве и времени всегда суть приблизительное отражение действительных пространственных и временных форм объективного мира.

«Признавая существование объективной реальности, т.е. движущейся материи, независимо от нашего сознания, — писал В.И. Ленин, — материализм неизбежно должен признавать также объективную реальность времени и пространства... Изменчивость человеческих представлений о пространстве и времени так же мало опровергает объективную реальность того и другого, как изменчивость научных знаний о строении и формах движения материи не опровергает объективной реальности внешнего мира... Одно дело вопрос о том, как именно при помощи различных органов чувств человек воспринимает пространство и как, путем долгого исторического развития, вырабатываются из этих восприятий абстрактные понятия пространства, — совсем другое дело вопрос о том, соответствует ли этим восприятиям и этим понятиям человечества объективная реальность, независимая от человечества. ...наш “опыт” и наше познание все более приспособляются к *объективному* пространству и времени, все правильнее и глубже их *отражая*»[3].

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 142.
[2] Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 49.
[3] В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 162, 163, 174.

Прогресс истины

В какой степени человеческое сознание способно к познанию и установлению истины?

Совершенная, полная, абсолютная истина — вся истина и ничего, кроме истины, о чем бы то ни было — этого мы никогда не можем достичь. Но мы к этому всегда приближаемся.

Мы идем в направлении полной, всеобъемлющей истины, охватывающей не только отдельные факты, но и общие законы и взаимосвязи, при помощи серии отдельных, временных и приближенных истин. Истина, которая может быть сформулирована отдельным человеком или человечеством в какую-либо отдельно взятую эпоху, всегда приблизительна, несовершенна и подлежит коррективам. Но люди учатся друг у друга как на достижениях других, так и на их ошибках. Это справедливо и в отношении следующих друг за другом поколений общества. Поэтому сумма неполных, отдельных, временных и приближенных истин все больше и больше приближается к полной, всеобъемлющей, окончательной и абсолютной истине, но никогда не достигает ее.

Мир, который воспроизводят наши идеи и утверждения, действительно существует. Эти идеи и утверждения истинны, поскольку они соответствуют внешнему миру и поскольку они его правильно воспроизводят. Мы проверяем эти истины на опыте, на практике. Соответствие никогда не бывает полным, точным, абсолютным. Оно постоянно приближается к своему абсолютному пределу, хотя всегда остается на бесконечном расстоянии от него по мере того, как прогрессируем истинное знание, по мере того, как люди совершенствуют орудия производства и средства получения новых знаний.

Энгельс пишет: «Осознание того, что вся совокупность явлений природы находится в систематической связи, побуждает науку доказывать эту систематическую связь повсюду, как в частностях, так и в целом. Но совершенно соответствующее своему предмету, исчерпывающее научное изображение этой связи, построение точного мысленного отображения мировой системы, в которой мы живем, остается как для нашего времени, так и на все времена делом невозможным. Если бы в какой-нибудь момент развития человечества была построена подобная окончательная система всех мировых связей, как физических, так и духовных и исторических, то тем самым область человеческого познания была бы завершена... Таким образом, оказывается, что люди стоят перед противоречием: с одной стороны, перед ними задача — познать исчерпывающим образом систему мира в ее всеобщей связи, а с другой стороны, их собственная природа, как и природа мировой системы, не позволяет им когда-либо полностью разрешить эту задачу. Но это противоречие не только

лежит в природе обоих факторов, мира и людей, оно является также главным рычагом всего умственного прогресса и разрешается каждодневно и постоянно в бесконечном прогрессивном развитии человечества... Фактически каждое мысленное отображение мировой системы остается ограниченным, объективно — историческими условиями, субъективно — физической и духовной организацией его автора»[1].

Тем не менее в ходе бесконечной прогрессирующей эволюции такого ограниченного мысленного отображения объективного мира человечество непрерывно получает все более совершенную истину, более исчерпывающие знания.

«Суверенно ли человеческое мышление?» — спрашивает Энгельс, подразумевая: можем ли мы достичь абсолютной истины обо всем, можем ли мы получить всеобъемлющие и полностью достоверные знания?

«Прежде чем ответить "да" или "нет", мы должны исследовать сначала, что такое человеческое мышление. Есть ли это мышление отдельного единичного человека? Нет. Но оно существует только как индивидуальное мышление многих миллиардов прошедших, настоящих и будущих людей... Другими словами, суверенность мышления осуществляется в ряде людей, мыслящих чрезвычайно несуверенно; познание, имеющее безусловное право на истину, — в ряде относительных (релятивных) заблуждений; ни то, ни другое не может быть осуществлено полностью иначе как при бесконечной продолжительности жизни человечества.

Мы имеем здесь снова то противоречие, с которым уже встречались выше, противоречие между характером человеческого мышления, представляющимся нам в силу необходимости абсолютным, и осуществлением его в отдельных людях, мыслящих только ограниченно. Это противоречие может быть разрешено только в бесконечном поступательном движении, в таком ряде последовательных человеческих поколений, который, для нас, по крайней мере, на практике бесконечен. В этом смысле человеческое мышление столь же суверенно, как несуверенно, и его способность познавания столь же неограниченна, как ограниченна. Суверенно и неограниченно по своей природе, призванию, возможности, исторической конечной цели; несуверенно и ограниченно по отдельному осуществлению, по данной в то или иное время действительности»[2].

Марксистское учение об истине учит нас избегать догматизма, который устанавливает общие принципы, выдавая их за неизменные и окончательные истины, отказываясь проверить, на чем они основаны, отказываясь изменить и исправить их или в случае

---

[1] Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 35–36.
[2] Там же, стр. 81, 82.

необходимости, в свете нового опыта и новых обстоятельств, вообще отбросить их.

В то же время марксизм учит нас избегать узкого эмпиризма, который ограничивается коллекционированием и упорядочением фактов, не интересуется открытием лежащих в основе этих фактов законов движения и взаимосвязей и скептически относится ко всякого рода смелым обобщениям и теориям. Подобно догматизму, эмпиризм не выходит за рамки ограниченного опыта настоящего момента.

Догматизм и эмпиризм, довольно распространенные в философии и науках, мы встречаем и в рабочем движении. В рабочем движении догматизм выражается в заучивании определенных формулировок и в убеждении, что всякая новая проблема может быть разрешена простым повторением этих заученных формул. В результате этого люди не усваивают уроков опыта и оказываются неспособными в новых условиях смело выдвинуть новую политику. Эмпиризм же, с другой стороны, состоит в погружении в мелочные, повседневные «практические» вопросы, причем все прочие проблемы рассматриваются как маловажные, которыми должны заниматься «интеллигенты», а не практические деятели. В результате этого люди также не усваивают уроков опыта и оказываются не в состоянии смело выдвигать новую политику. Таким образом, и догматизм и эмпиризм приводят к одним и тем же результатам и способны нанести большой вред рабочему движению, мешая ему в поисках правильного пути к достижению социализма.

Марксизм одновременно критичен и революционен.

Он критичен, так как выступает против догм, настаивает на непрерывной проверке и перепроверке всех идей и всякой политики в горниле революционной практики; он признает, что истина меняется, что то, что достаточно истинно сегодня, может стать ложным завтра, если это не уточняется и не развивается в новую истину.

Но быть просто критичным недостаточно. Чисто критическое отношение отрицательно и может привести к параличации всякой деятельности.

Марксизм также революционен. Он революционен потому, что он не только критикует, но движется вперед, чтобы заменить старое новым. Он твердо стоит на своей позиции, уверен в истине и справедливости своего дела, в правильности своих принципов, как основы будущего развития, и проверяет свои революционные идеи в ходе революционной практики.

Глава XI

ИСТОКИ ЗНАНИЯ

Знание представляет собой сумму представлений, взглядов и положений, установленных и проверенных, как правильные отражения объективной действительности. Оно является по существу общественным продуктом, корни которого лежат в общественной практике; оно проверяется и корректируется путем осуществления ожидаемого на практике. Начало всякого знания лежит в чувственных восприятиях, надежность которых проверяется в практической деятельности человека. Знание никогда не может быть полным или окончательным, напротив, оно всегда нуждается в расширении и критике.

Что такое знание?

Достигая правильных идей о предметах, мы также получаем и пополняем наши знания о них. Что же такое знание?

Если мы не приводим наши представления в соответствие с действительностью, мы, несомненно, не можем обладать знанием. Получить знание — это значит заменить невежество или неистинные идеи истинными. Отсюда рост знания следует искать в развитии правильных идей в общей сумме идей, из коих одни правильны, а другие нет.

Однако просто приравнять знание к истине — еще не значит определить, что такое знание, так как возникает вопрос: как мы можем *узнать*, что наши истинные идеи действительно истинны? Просто утверждать или верить в истинность чего-либо и знать, что это действительно так, — вещи разные.

Так, например, некоторые астрономы говорят, что на Марсе есть жизнь. Может быть это так, и в этом случае то, что они говорят, — истинно. Но они еще не *знают*, есть ли на Марсе жизнь, так как не собрали еще необходимых доказательств. С другой стороны, когда астрономы говорят, что Марс — планета, они выражают знание этого предмета, ибо в этом случае их утверждение основано на надежных методах исследования.

Далее, древнегреческие философы говорили, что тела состоят из атомов. Сегодня мы знаем, что это истина, но они этого не знали. С их стороны это была просто удачная догадка. Откуда мы знаем, что тела состоят из атомов? Если древнегреческие философы строили лишь предположения и выдвигали удачные

догадки о природе материи, то мы систематически исследовали ее, построили наши идеи на этих исследованиях и таким образом проверили и доказали истинность этих конкретных идей. С другой стороны, продолжает оставаться много вещей, о которых мы знаем не больше, чем древние греки. О таких вещах мы просто высказываем предположения, точно так же, как делали они. И точно так же, как в их эпоху, теперь нужно выяснять, насколько наши предположения близки к истине.

Значит, мы овладеваем знаниями только в той мере, в какой мы развиваем наши идеи, доказывая и проверяя их соответствие действительности. Только в этом случае мы можем предъявлять притязания на обладание знанием.

Развитие знания поэтому представляет собой развитие особого качества в пределах общего развития наших идей, теорий и взглядов относительно вещей. Многие такие идеи, теории и взгляды разрабатывались часто самым систематическим и логическим путем, но они тем не менее носили характер предположений, пусть даже истинных, а по большей части оказывались весьма иллюзорными. Но в процессе развития идей происходит также и развитие знания, представляющего собой развитие идей, которые не только соответствуют действительности, но соответствие которых проверено и доказано.

Следовательно, наше знание является суммой наших представлений, взглядов и положений, которые установлены и проверены, как правильно отражающие в той или иной степени объективную действительность.

Общественный характер знания

Знание по существу своему – общественный продукт. Оно возникло как продукт общественной деятельности людей.

Некоторые философы доставляют себе и своим читателям множество неприятностей, пытаясь проследить за развитием знания в сознании изолированного человека и найти его источник в индивидуальном опыте. Пытаясь действовать таким образом, они поставили перед собой неразрешимую проблему, поскольку знание не возникает и не может возникать этим путем. Индивидуум, действуя в одиночку, лишенный связи с другими людьми и полагающийся только на самого себя, едва ли мог бы получить какие-либо знания вообще, и если бы он даже и получил их, то это были бы лишь знания об отдельных фактах. Поэтому некоторые из этих философов сделали только логический вывод из своих же предпосылок, когда объявили, что человек не может знать ничего, кроме факта своего собственного существования в данный момент, и, разумеется, не может знать ничего о существовании материального мира и других людей; однако они поступили весьма

нелогично, опубликовав такие заключения, так как, по их собственному свидетельству, у них не было никаких оснований считать, что вообще существует кто-либо, способный прочесть написанное ими.

Разумеется, знание вырабатывается индивидуумами, точно так же, как все, что создано человеком, создано индивидуумами. Но оно создается индивидуумами, действующими сообща, зависящими друг от друга, обменивающимися опытом и идеями. Многие индивидуумы в обществе могут сделать то, что ни один из них не мог бы сделать в одиночку, в том числе они могут развивать человеческое знание. Каждый индивидуум приобретает значительную часть знания на основании собственного опыта, но он не сделал бы этого, будучи лишен связи с другими, если бы он не учился у других тому, чему те уже научились. Само средство формирования и выражения идей, а именно — язык, без которого никакие идеи не были бы возможны, является общественным продуктом и существует лишь как общее достояние людей. Отдельные индивидуумы вносят особенно большой вклад в дело выработки новых знаний, в то время как многие не вносят в это дело ничего вообще. Однако первые не внесли бы своего вклада, если бы не были членами определенного общества, если бы не находились в связи со своими товарищами, если бы не научились тому, чему могло научить их общество, если бы не имели в своем распоряжении созданных обществом обширных материальных и интеллектуальных средств получения знания.

Таким образом, только в обществе приобретается и создается знание, и его истоки — в общественной деятельности человека. Знание формируется в результате обмена опытом и идеями между членами общества в процессе различных форм их общественной деятельности, и оно отбирается и проверяется в ходе того же самого процесса.

В результате сумма общественного знания, то есть знания, накопленного обществом и предоставляемого им в распоряжение своих членов, всегда больше знания, которым обладают индивидуумы. Многие люди и многие поколения создали значительно больше знаний, чем в состоянии приобрести любой отдельный человек. Эти знания накапливаются обществом, оседая, во-первых, в памяти многих людей, и, во-вторых, постоянно записываются, так что в этом отношении книги и записи различного рода служат материальным складом знаний, накопленных обществом. Так, например, никто не знает все телефонные номера Лондона, но это познание общественно доступно и постоянно используется при помощи телефонной книги. Точно так же никто не знает всего, что открыто науками, но весь объем научных знаний общественно доступен, и существует определенная организация (хотя она, безусловно, могла бы быть весьма усовершенствована),

которая помогает использовать эти знания. Таким образом, в обществе существует запас общественного знания, в который отдельные индивидуумы вносят свой вклад и из которого они могут черпать свои знания.

Общественная практика и общественное знание

Всякое человеческое объединение возникает и развивается на базе объединения людей в процессе производства. Поэтому развитие познания, являющегося продуктом человеческой ассоциации, в конечном итоге зависит от развития общественного производства. Люди начали формировать идеи в процессе производства. И развитие мышления и познания, начало которого заложено в производственной деятельности человека, не может быть отделено от нее ни при каких обстоятельствах.

В истории человечества знание приобреталось и накапливалось постепенно. Поскольку люди стремились развивать свои производительные силы и перестраивать свои производственные отношения в соответствии с развитием своих производительных сил, они были вынуждены стремиться к новым знаниям и преодолевать невежество и ложные идеи, которые задерживали их материальный прогресс.

«Марксисты прежде всего считают, что производственная деятельность людей является самой основной их практической деятельностью, определяющей всякую другую деятельность, — писал Мао Цзэдун в своем изложении марксистской теории познания. — В своем познании люди зависят главным образом от материальной производственной деятельности, в процессе которой они постепенно постигают явления природы, свойства природы, закономерности природы и отношения человека к природе; вместе с тем через производственную деятельность они также постепенно в различной степени познают определенные отношения между людьми. Все эти знания не могут быть получены в отрыве от производственной деятельности»[1].

Следовательно, общая сумма знаний и их характер на любом этапе общественного развития всегда зависят от степени развития производства и связаны с ним, ибо все, что людям удалось узнать о природе и обществе, всегда зависит от их практической связи с природой и отношений друг с другом, от практических проблем, поставленных этой связью, и проверяется в ходе практического разрешения этих проблем. На этой основе люди вырабатывают категории мышления, способы умозаключений и методы исследований, при помощи которых строится здание науки.

---

[1] Мао Цзэдун, Избранные произведения, Издательство иностранной литературы, Москва, 1952, т. I, стр. 505.

Но, хотя развитие знания зависит в конечном итоге от развития производства, оно не зависит от одного только производства. Развитие знания также связано с различными формами общественной деятельности и отношений, возникающих на базе производства.

«Общественная практика людей не ограничивается одной лишь производственной деятельностью, а имеет еще многие другие формы: классовая борьба, политическая жизнь, деятельность в области науки и искусства; словом, общественный человек принимает участие во всех областях практической жизни общества. Поэтому человек в своем познании постигает в разной степени различные отношения между людьми не только в процессе материальной жизни, но и в процессе политической и культурной жизни (тесно связанной с материальной жизнью). Особенно же глубокое влияние на развитие человеческого познания оказывают различные формы классовой борьбы. В классовом обществе каждый человек занимает определенное классовое положение, и нет такой идеологии, на которой бы не лежала классовая печать»[1].

Следовательно, развитие познания зависит от материальной производственной деятельности, а в классовом обществе оно зависит и от классов и классовой борьбы. Задача сохранения и увеличения запасов знания в основном лежит на представителях определенных классов. И новые знания как о природе, так и об обществе приобретались в значительной степени как результат деятельности и борьбы — в экономике, политике, науке и искусстве — различных классов в различные периоды.

Теория и практика в выработке знаний

Вообще приобретение знания в обществе представляет собой нечто, возникающее из общей суммы практической деятельности членов общества, их взаимодействия с окружающей природой и из их взаимодействия в обществе. В отрыве от практической деятельности и активных взаимоотношений людей мы не могли бы получить знаний ни о чем, ибо не оказалось бы базы, на основе которой происходило бы возникновение идей, соответствующих объективной действительности, и на которой это соответствие могло бы быть проверено.

Ленин писал: «Точка зрения жизни, практики должна быть первой и основной точкой зрения теории познания»[2].

Что же в точности мы подразумеваем под «практикой» или «практической деятельностью»?

---

[1] Мао Цзэдун, Избранные произведения, т. I, стр. 506.

[2] В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 130.

1. Прежде всего практика состоит из действий людей, которые вызывают изменения в окружающем мире.

2. Однако не просто всякое движение, всякий акт может считаться практикой или практической деятельностью. Так, например, мы не можем считать различные простые рефлексы и иные действия примерами практики. Мы также не можем называть практической деятельностью действия лунатика. Практическая деятельность — это прежде всего сознательная человеческая деятельность, то есть это деятельность, которая ведется преднамеренно: а) с представлением о конечном результате или цели, которая преследуется, и б) с каким-то сознанием условий, в которых проводится то или иное действие, и свойств объекта действия, а также средств, при помощи которых цель может быть достигнута.

3. Практика носит общественный характер. Разумеется, существует индивидуальная практика, то есть практическая деятельность, осуществляемая индивидуумом самостоятельно, наряду с общественной практикой, действиями, которые могут быть предприняты только рядом индивидуумов, действующих совместно. Но никакая сознательная практическая деятельность не может иметь места в отрыве от общественной жизни человека и от обусловленности индивидуумов обществом.

В обществе люди создают разные средства и орудия для своей практической деятельности. Речь, с помощью которой мы общаемся между собой, является одним из этих орудий. Таким образом, большую и важную роль в нашей практической деятельности играет речь, ибо это, безусловно, важное средство в достижении тех или иных целей.

Вышеперечисленные три пункта определяют то, что мы подразумеваем под «практикой».

Итак, познание возникает из практики, ибо оно возникает из развития идей, соответствующих различным условиям, предметам и средствам нашей практической деятельности. Практика требует таких идей, и они развиваются в соответствии с развитием практики.

Знание приобретается в той степени, в какой практика требует формирования истинных идей о различных вещах и в какой она представляет средства и возможности для выработки и проверки этих идей.

Во все времена именно общественная практика заставляла людей развивать и совершенствовать свое познание, именно потребности развития материальной производственной деятельности, а также потребности различных классов, которые испытывали необходимость приобретения все более глубокого знания различных сторон природы и общества с тем, чтобы добиться проведения в жизнь их собственных практических интересов.

Таким образом, по мере того как люди совершенствовали свои орудия производства, свою производственную технику, свою практическую способность подчинять себе природу, развивалось и их познание природы. Ибо изменения в производстве ставят перед наукой новые проблемы и в то же время создают средства для их разрешения. Таким образом, возникают новые области познания и делаются новые, далеко идущие выводы. Это в свою очередь приводит к дальнейшему техническому прогрессу. Новые выводы проверяются и, таким образом, в ходе практического использования развиваются дальше.

Класс капиталистов, взяв на себя развитие современной промышленности, дал сильный толчок углублению знаний о природе, особенно изучению физических и химических процессов. Рабочий класс в свою очередь, беря на себя руководство строительством социализма, нуждается в условиях для развития значительно более обширных знаний о природе и создает условия для этого.

Подобно тому, как люди стремились и стремятся повышать свое благосостояние и сумели создать новые, более совершенные общественные отношения вместо прежних устарелых, так и их знания самих себя и общества неуклонно развивались.

Познание законов общественного изменения, воплотившееся в научном социализме, могло быть достигнуто только тогда, когда с развитием рабочего класса борьба за социализм приобрела практическое значение. В общем в каждую историческую эпоху расширение знания общества и законов его развития всегда отвечало практическим общественным задачам этой эпохи. Так, капитализм развитием мирового рынка и разделом мира между империалистическими державами стимулировал научные изыскания в области мировой истории и истории общества на различных этапах его развития. Эти изыскания привели к грандиозному расширению исследовательской работы в области общественных и исторических наук. Борьба за социализм, далее, заложила фундамент для подлинно научного познания общества, проникающего до коренных общественных отношений и законов общественного развития.

С другой стороны, люди не получают и не могут получить знаний о предметах, относительно которых их практическая деятельность пока не потребовала и не предоставила возможности что-либо узнать. Так, например, пока люди жили небольшими отдельными общинами и пользовались весьма примитивными орудиями производства, они не имели и не могли иметь каких-либо знаний в географии, или в математике, астрономии или механике. Они знали очень мало, хотя у них были всякого рода идеи относительно вещей, мало им известных. До возникновения капитализма и рабочего класса люди не приобретали и не могли приобрести значительные знания о законах развития общества

и о неизбежности победы социализма. У них были всякого рода идеи о подобных вещах, в том числе идеи социализма, но у них было очень мало знаний.

Познание, возникающее из практики, проверяется на практике, ибо соответствие наших идей об условиях, предметах и орудиях практической деятельности объективной действительности, не зависимой от наших идей, проверяется и, в конечном итоге, может проверяться только результатами деятельности, руководимой этими идеями.

Совершение всякого действия сопряжено с определенными ожиданиями, основанными на идее, руководящей этим действием. Единственная окончательная проверка соответствия идей действительности заключается в подтверждении или неподтверждении ожиданий, основанных на этих идеях.

Если, с другой стороны, мы имеем идеи, которые никоим образом не связаны с ожидаемыми результатами практики и правильность которых, следовательно, не может быть проверена на основании подтверждения или неподтверждения ожиданий, то у нас нет возможности когда-либо решить вопрос о соответствии или несоответствии подобных идей действительности, другими словами — такие идеи не могут составлять никакой части знаний и носят чисто иллюзорный, спекулятивный характер.

Так, Маркс писал: «Вопрос о том, обладает ли человеческое мышление предметной истинностью, — вовсе не вопрос теории, а *практический* вопрос. В практике должен доказать человек истинность, т. е. действительность и мощь, посюсторонность своего мышления. Спор о действительности или недействительности (то есть соответствия или несоответствия действительности. — *М. К.*) мышления, изолирующегося от практики, есть чисто *схоластический вопрос*»[1].

Следовательно, мы получаем знание, вырабатывая идеи, выдвигаемые проблемами практики, и мы шаг за шагом проверяем наше познание. Другими словами, мы устанавливаем, что то или иное может считаться или не считаться знанием в связи с подтверждением или неподтверждением на практике наших ожиданий. Таким образом, познание в своем развитии непрерывно проходит цикл, состоящий из трех фаз:

1. Общественная практика, развитие производства и общественных отношений, выдвигающие проблемы для теоретического разрешения.

2. Выработка возникающих из этих проблем теорий, основанных на имеющемся опыте, и логическая разработка этих теорий.

3. Применение этих теорий в общественной практике, испытание их, проверка и уточнение в процессе их использования.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, стр. 383.

Это никогда не прекращающийся процесс. Ибо каковы бы ни были наши знания, новые требования практики приводят к новому расширению знаний. Более того, существующие знания должны всегда приводиться в соответствие с уроками и требованиями практики. Следовательно, как только приобретаются новые знания, старые теории формулируются по-новому и существующие знания корректируются и углубляются.

Подводя итог выводам диалектико-материалистической теории познания, Мао Цзэдун писал: «Марксисты считают, что только общественная практика людей может быть критерием истинности знаний человека о внешнем мире. Ибо фактически, только достигая в процессе общественной практики (в процессе материального производства, классовой борьбы, научных экспериментов) ожидаемых ими результатов, люди получают подтверждение истинности своих знаний...

Теория познания диалектического материализма ставит практику на первое место, считая, что человеческое познание ни в малейшей степени не может отрываться от практики, отвергая все ошибочные теории, отрицающие важность практики и отрывающие познание от практики...

Практика — познание, вновь практика — и вновь познание, — эта форма в своем циклическом повторении бесконечна, причем содержание циклов практики и познания с каждым разом поднимается на более высокую ступень. Такова в целом теория познания диалектического материализма, таков взгляд диалектического материализма на единство знания и действия»[1].

Чувственные восприятия — начало всякого познания

На что мы должны опираться в ходе процесса приобретения и развития знаний, при получении сведений о вещах и подтверждений или неподтверждений наших расчетов? Мы должны полагаться на наши чувства.

Отделяя познание от практики, многие философы утверждают также, что познание строится в процессе «чистого мышления». Чувства, говорят они, ненадежны и не могут быть источником познания. Чтобы добиться познания, мы должны игнорировать показания чувств и полагаться только на разум.

Правда, человеческое познание, способное бесконечно расширяться, всегда является плодом человеческого мозга. Мозг — это орган, фиксирующий самые сложные отношения человека с внешним миром, и, разрабатывая эти отношения, мы зависим в первую очередь от сигналов, полученных посредством органов чувств, как результата нашей взаимосвязи с вещами вне нас. Начало

---

[1] Мао Цзэдун, Избранные произведения, т. I, стр. 507—508, 528.

всего нашего познания, следовательно, не может быть не чем иным, как чувственными восприятиями, получаемыми нами в процессе жизненной деятельности. Познание не может быть создано на иной основе, чем на основе сведений, полученных при посредстве наших органов чувств, при посредстве чувственных восприятий, источник которых находится в объективном материальном мире. «Если человек закрыл глаза, заткнул уши и совершенно отгородился от объективно существующего внешнего мира, то для него не может быть и речи о познании. Познание начинается с опыта — это и есть материализм теории познания»[1].

Эта материалистическая точка зрения на теорию познания содержится в хорошо известном ленинском определении материи, как «объективной реальности, которая дана человеку в ощущениях его, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них»[2].

Этим подчеркивается, что материальный мир — это мир, доступный чувствам. То, что мы знаем о материальном мире, мы узнали с помощью наших органов чувств. Всякие предполагаемые знания, которые выходят за пределы этого, — не знания, а фантазия, и всякая предполагаемая объективная реальность, не доступная нашим чувствам, не реальна, а воображаема.

Можно возразить, что это догматические утверждения, но здесь нет никакой догмы, напротив, как только мы отступим от этой основной материалистической позиции, мы уходим от всякого знания, поддающегося проверке, и уходим в сферу чисто умозрительных построений. Как только мы позволили себе начать изобретать «реальности», которые не могут быть обнаружены с помощью органов чувств, мы уходим в облака. Мы сталкиваемся с вопросами, подобными тем, какие задавали поздние схоласты: «Сколько ангелов может уместиться на острие иглы?» Нет никаких способов обнаружить существование ангелов и, следовательно, невозможно найти ответ на этот вопрос. Вот почему мы можем быть уверены, что подобные вопросы и подобные умозрения не имеют ничего общего с познанием и представляют собой не что иное, как средство одурачивания людей.

В самом деле в утверждении, что мы получаем знания только с помощью органов чувств в процессе практической деятельности, не больше догмы, чем в утверждении, что мы не можем жить без пищи. Обещать людям «сверхчувственное» или «трансцендентное» познание все равно, что обещать им средство достичь бессмертия, предлагая ничего не есть; подобные обещания часто делаются теми же учеными и набожными людьми. Материалистическая

---

1 Мао Цзэдун, Избранные произведения, т. I, стр. 518.

2 В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 117.

теория познания является защитой и оружием против подобного обмана.

Следовательно, мы должны решительно отвергать всякие «принципы» и догмы, которые претендуют на то, что они познаны независимо от опыта, независимо от органов чувств, путем то ли какого-то внутреннего прозрения, то ли авторитетом какой-то высшей власти. Мы не должны доверять тем, кто пытается навязывать свои взгляды на том основании, что они будто бы обладают каким-то особым интеллектуальным даром, посвящены в какую-то мистическую тайну или облечены какой-то особой властью. Нам следует в таких случаях проявлять скептицизм и не верить ничему, что не может быть объяснено и подтверждено практикой, нашими чувствами и опытом, кто бы это ни высказал. Ибо мы не можем ничего знать о существовании или свойствах чего бы то ни было, чье существование и свойства не могут быть обнаружены тем или иным путем, прямо или косвенно, нашими чувствами.

Надёжность чувств

Но можем ли мы доверять нашим чувствам? Как можем мы определить, что наши чувства не обманывают нас всегда, как это бывает иногда при галлюцинациях или в сновидениях. И более общо: как можем мы знать, что вообще существует что-либо соответствующее нашим восприятиям?

Чтобы ответить на эти вопросы, мы должны помнить, что мы приобретаем и строим наши восприятия предметов только в процессе практической деятельности. Сведения, которые мы получаем с помощью органов чувств, не просто приходят к нам. Мы получаем их в практической жизни путем сознательного практического взаимодействия с предметами вне нас.

Новорожденный ребенок, например, начинает жизнь, имея множество неопределенных впечатлений о самом себе и о внешнем мире. Он начинает применять свои органы чувств и получать сведения о предметах, окружающих его, когда он начинает касаться этих предметов, выяснять, что он может сделать с ними, исследовать их, экспериментировать с ними и проверять их всевозможными способами.

Точно так же и каждый представитель человечества первоначально получает сведения о внешнем мире этим путем, так что это — путь приобретения и накопления всех знаний о мире. Наши первые неправильные впечатления о незнакомых нам вещах, безусловно, ненадежны и дают мало сведений, если вообще дают какие-либо сведения о них. Мы используем наши органы чувств, чтобы получить сведения об этих вещах путем исследования их, и мы непрерывно проверяем надежность наших восприятий в процессе нашего практического взаимодействия с этими предметами.

Помимо практического взаимодействия с предметами вне нас, у нас нет никаких способов установить согласованность наших восприятий с объектами, установить, соответствует ли вообще какой-либо предмет этим восприятиям. Но когда мы действуем на основании наших восприятий и когда мы начинаем использовать предметы для наших нужд в соответствии с качествами, которые мы восприняли в них, тогда мы проверяем, действительно ли и в какой степени наши восприятия соответствуют реальному миру вне нас самих.

Философ, сидящий один в своем кабинете и пытающийся извлечь знания из внутренних источников своего ума, может оказаться в очень затруднительном положении. Он задается вопросом, действительно ли существует его кабинет, его книги, кресло, в котором он сидит, и его собственное тело, покоящееся в этом кресле, или же все это своего рода сон или иллюзия его ума. Но вне кабинета, вне академических дискуссий философов никаких затруднений не возникает.

«И человеческая деятельность разрешила это затруднение задолго до того, как человеческое мудрствование выдумало его, — писал Энгельс. — The proof of the pudding is in the eating[1]. В тот момент, когда, сообразно воспринимаемым нами свойствам какой-либо вещи, мы употребляем ее для себя, — мы в этот самый момент подвергаем безошибочному испытанию истинность или ложность наших чувственных восприятий. Если эти восприятия были ложны, то и наше суждение о возможности использовать данную вещь необходимо будет ложно, и всякая попытка такого использования неизбежно приведет к неудаче. Но если мы достигнем нашей цели, если мы найдем, что вещь соответствует нашему представлению о ней, что она дает тот результат, какого мы ожидали от ее употребления, — тогда мы имеем положительное доказательство, что в этих границах наши восприятия о вещи и ее свойствах совпадают с существующей вне нас действительностью... До тех же пор, пока мы как следует развиваем наши чувства и пользуемся ими, пока мы держим свою деятельность в границах, поставленных правильно полученными и использованными восприятиями, — до тех пор мы всегда будем находить, что успех наших действий дает доказательство соответствия наших восприятий с предметной природой воспринимаемых вещей»[2].

Материальный мир существует, и мы представляем собой часть его. Мы узнаем о телах вне нас и о состоянии нашего собственного тела с помощью наших чувств. Таким образом, у нас нет иного пути получения сведений о мире, то есть получения знаний, кроме как через использование наших органов чувств. Наши

[1] Проверка пудинга состоит в том, что его съедают. — *Ред.*

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, стр. 90–91.

органы чувств не могут быть устроены так, чтобы всегда или даже большей частью обманывать нас. Если бы это было так, мы не могли бы жить вообще.

«...продукты человеческого мозга, — писал Энгельс, — являющиеся в последнем счете тоже продуктами природы, не противоречат остальной связи природы, а соответствуют ей»[1]. Наши чувства неизбежно устроены так, чтобы давать нам восприятия, которые отвечают действительности, существующей вне нас самих. Эти восприятия, являющиеся началом всех наших знаний, получаются в процессе практической деятельности, и их соответствие действительности достигается и проверяется в практической деятельности.

Следовательно, все наше знание — то есть сумма наших представлений, которые установлены и проверены как правильное отражение, насколько это возможно, объективной действительности, — стоит на базе восприятий, которые мы получаем в нашей практической деятельности и проверяем в процессе той же самой деятельности.

Расширение, неполнота и критика познания

Некоторые философы полагают, что цель познания заключается в том, чтобы получить полную, завершенную систему, включающую в себя знания обо всем, что существует, чтобы быть познанным. А некоторые поверили, что они сами уже достигли этой цели, как говорили о покойном магистре колледжа Баллиоль профессоре Б. Джоуэтте:

Я здесь стою, мое имя Джоуэтт,
Нет знаний, которых я не знал бы.
Я магистр этого колледжа,
И то, чего я не знаю, — это не есть знание.

Но ни в целом, ни в какой-либо из различных областей человеческое познание не может быть законченным, исчерпанным и завершенным. Познание всегда растет и развивается. Это становится очевидным, если мы учтем, что все наши знания возникают и проверяются в ходе практики, что приобретаем мы их с помощью чувственных восприятий, полученных в нашей практической деятельности. Мы никогда не сделаем все, не исследуем во всех аспектах все существовавшее, существующее и то, что будет существовать. Всегда останется, что делать, что открывать при этом, а, следовательно, и что познавать.

Таким образом, знание всегда расширяется или, по меньшей мере, способно к расширению и поэтому всегда неполно. Существуют две стороны этого расширения и этой неполноты познания.

---

[1] Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 34.

Первая сторона — количественная. Новое познание всегда добавляется к старому, так что в итоге мы узнаем вое больше и больше. И это расширение знаний протекает в двух измерениях, так сказать, вширь и вглубь. Мы узнаем о новых вещах, которых мы не знали раньше, и мы узнаем больше о вещах, о которых мы уже кое-что знали. Таким образом, мы можем узнавать все больше и больше, но никогда не можем познать все.

Так, например, из современной физики мы узнали об «элементарных частицах», существование которых раньше не было известно; узнав о них, мы одновременно расширили и углубили наши знания об атомах и их структуре, о которой кое-что нам уже было известно. Но, хотя мы этим путем увеличили вширь и вглубь наши познания в области физики, мы не можем заключить, что мы завершили наше познание в этой области. Напротив, единственный вывод, который мы можем сделать, заключается в том, что, хотя мы обладаем большими знаниями в области физики, чем наши предшественники, наши преемники, которые начнут с того, чем мы закончили, будут обладать еще большими знаниями.

Вторая сторона — качественная. Когда мы узнаем больше, то прибавление этого нового к тому, что мы уже знаем, не может не повлиять на это прежнее наше знание. Напротив, познание новых вещей и увеличение познания старых вещей проливают, так сказать, новый свет на то, что мы уже знали. В результате мы можем найти новое содержание и новое значение в том, что было уже нами установлено, в то же время мы обнаруживаем, что в свете нового познания некоторые выводы, сделанные на основании прошлого познания, были неправильны и должны быть пересмотрены и сформулированы иначе.

Например, новые открытия физики, которые были подытожены в квантовой механике, проливают новый свет на прежние открытия в области физики, которые были подытожены классической механикой. В результате старые познания нужно было подвергнуть пересмотру, дать различные новые формулировки; стало ясно, что некоторые выводы, сделанные на основании этих старых познаний, были неправильны. Опять-таки, когда в практике строительства социализма в одной стране, в Советском Союзе, были получены новые знания о характере и функциях социалистического государства, появилась необходимость пересмотреть и сформулировать по-новому некоторые положения о социалистическом государстве, выдвинутые ранее марксизмом, при этом выяснилось, что некоторые выводы, сделанные из этих положений, нуждаются в уточнении.

Все это вовсе не означает, что старое познание неизбежно оказывается ложным и что, следовательно, подлинного познания

как такового вообще не было. Все это говорит лишь о том, что несовершенство старого познания приводит к необходимости критического его пересмотра в свете нового познания. То же самое, разумеется, распространяется и на само новое познание, когда оно в свою очередь устареет.

«История человеческого познания показывает, — писал Мао Цзэдун, — что истинность многих теорий была недостаточно полной, но в результате проверки на практике их неполнота была устранена. ...вообще говоря, как в практике изменения природы, так и в практике изменения общества редко бывает, чтобы первоначально выработанные людьми идеи, теории, планы и проекты претворялись в жизнь без малейших изменений»[1].

Познание растет и развивается не только в ходе добавления новых познаний к старым, но также путем совершенствования и исправления уже существующего запаса познаний. Ни в одной области познание не может быть совершенным, окончательным и полным. Следовательно, любое установленное знание должно рассматриваться только как исходная точка для дальнейшего прогресса знания — так же, как все, что достигнуто в практической деятельности, не должно рассматриваться как окончательное достижение, а лишь как исходная точка для новых достижений. Это означает, что мы должны быть готовы к признанию того, что познание всегда ограниченно, несовершенно, чревато ошибками и, следовательно, нуждается не только в добавлениях, но также в критике с тем, чтобы двинуть его вперед, к новым завоеваниям.

[1] Мао Цзэдун, Избранные произведения, т. 1, стр. 522, 523.

Глава XII

РАЗВИТИЕ ПОЗНАНИЯ

Познание приобретается и расширяется в процессе нашего активного отношения к вещам, в котором мы переходим от восприятий к суждениям. Развитие познания происходит путем перехода от чувственного познания к рациональному познанию, от чисто поверхностных суждений о видимости предметов к разумным выводам об их существенных свойствах, взаимосвязях и законах. Этим путем мы приходим ко все более глубокому познанию объективного мира. На каждом этапе наше познание ограничено, но оно развивается, преодолевая эти ограничения.

От незнания к познанию

Приобретение и накапливание знаний по самой своей природе всегда носят характер процесса перехода от невежества к познанию, от незнания вещей к познанию их. Будь то наши знания вообще или знания о некоторых частных вещах, — всегда дело обстоит так, что сначала мы ничего не знаем, а потом постепенно приходим к знанию.

Исходя из этого, Ленин писал, что теория познания должна изучать «переход от *не*знания к познанию»[1]. «...следует... не предполагать готовым и неизменным наше познание, — писал он, — а разбирать, каким образом из *незнания* является *знание*, каким образом неполное, неточное знание становится более полным и более точным»[2].

В противоположность этому многие философы считали несомненным, что знание может быть получено только на основе прежних знаний. Поэтому они предположили, что должны быть какие-то основные несомненные положения, из которых проистекает все познание. Это положение привело их к двум противоположным, но в равной степени вводящим в заблуждение выводам. С одной стороны, они изобретают различные принципы, которые они называют «непреложными», и затем говорят, что знают и доказали все положения, сделанные на основании этих принципов. С другой стороны, они отрицают значительную часть наших реальных знаний, ибо они не могут быть выведены на основании изобретенных ими принципов. Так, например, на основании первоначальных

---

1 В. И. Ленин, Соч, т. 21, стр. 38.
2 Там же, т. 14, стр. 91.

принципов философы вывели разного рода заключения о боге и о последней природе действительности; и они отклонили все наши знания о материальном мире на том основании, что они не подтверждаются ни одним из тех положений, которые они готовы рассматривать как абсолютно непреложные и само собой разумеющиеся.

Однако подлинной исходной точкой познания является не само знание, а незнание; не определенность, а неопределенность. Мы всегда строим знания, начиная с какого-то предыдущего этапа недостаточных знаний. Следовательно, пытаться строить системы знания на фундаменте самоочевидных предпосылок — значит неправильно понимать всю проблему построения знания. Такая попытка неизбежно обречена на неудачу.

Каким же образом познание строится на фундаменте незнания? Это делается и может делаться только с помощью нашего чувственного взаимодействия с вещами. Это делается человеческим мозгом, который, как мы неоднократно говорили, является органом, фиксирующим самые сложные отношения между человеком и внешним миром. На основании чувственного познания предметов, которое проистекает из разнообразных активных связей с ними, мы начинаем познавать их в том отношении, в котором раньше их не знали, и чем разнообразнее связи с предметами, в которые мы вступаем, тем больше мы, следовательно, начинаем узнавать о предметах. Таким образом, познание — это продукт нашего сознательного, активного отношения к предметам. Переход от отсутствия знания к познанию осуществляется в процессе человеческой деятельности, переходящей от отсутствия связи с предметами к связи с ними.

Так, например, мы не знали истоков Нила; мы узнали о них, когда добрались до них. Мы не знали строения атомов; мы узнали его, производя опыты. Мы не знали расстояний между Землей и звездами; мы узнали их, открыв методы измерения этих расстояний. Мы не знали законов развития человеческого общества; мы узнали их, сознательно стремясь использовать их для того, чтобы достичь новой ступени общественного развития.

Восприятия и суждения

Первым условием возникновения познаний является получение восприятий — то есть осуществление наблюдений на основании различного рода отношений с предметами. Сначала мы не располагаем наблюдениями, имеющими отношение к определенному предмету или процессу; затем мы осуществляем такие наблюдения: таков первый шаг. До него может быть только полное незнание или, как это часто случается, замаскированное иллюзорными или умозрительными теориями невежество.

Во-вторых, вступив в отношения с предметами и сделав некоторые наблюдения, мы должны перейти к формулировке суждений или предложений о них и их свойствах и отношениях. Мы должны пользоваться законами мышления, то есть логическими законами отражения объективной действительности с помощью идей, с тем чтобы выразить в идеях, суждениях или предложениях результаты наблюдений.

Процесс познания всегда включает в себя переход от восприятий к мыслям. Все высшие животные обладают восприятием, и в этом восприятии — определенными, конкретными сведениями о предметах, которые они учатся делать более надежными и используют в своей жизненной деятельности. Но только у человека эти сведения, доставленные чувствами, превращаются в познание, то есть выражаются в идеях и предложениях.

Здесь мы понимаем термин «познание» в определенном смысле *человеческого* познания. Так, например, ощущение, на основании которого собака знает дорогу домой, отличается от ощущения, на основании которого знает эту дорогу человек, ибо в последнем случае оно выразимо в идеях и предложениях, которыми он может делиться с другими людьми. Идеи и предложения сообщаются, разделяются и обсуждаются людьми в их общественной жизни, и именно это выражение сведений в идеях и предложениях создает важнейшую черту человеческого познания. Люди приобретают познание и обладают им именно постольку, поскольку они переходят от восприятий, которые индивидуальны у каждого человека и которыми они обладают вместе со всеми животными, к идеям, суждениям, предложениям, посредством которых происходит связь в обществе и которые свойственны только человеку, — другими словами, от использования конкретных сигналов первой сигнальной системы, которой человек располагает наряду с животными, ко второй сигнальной системе, которая свойственна только человеку.

Следовательно, восприятие само по себе только условие для познания, но еще не его осуществление. Познание вещей, обретенное человеком, достигается путем перехода от восприятия их к суждениям, основанным на восприятиях.

Таким образом, в цикле, который мы отметили в предыдущей главе, — «практика — познание, вновь практика, и вновь познание» — познание всегда строится на основе непрерывного цикла качественно различных действий, которые вместе составляют весь процесс познания: вступление в активные отношения с вещами, получение в результате этих отношений восприятий и наблюдений; формулировка суждений на основании наблюдений; использование этих суждений для дальнейших активных отношений с вещами, которые приводят к дальнейшим наблюдениям, дальнейшим суждениям и т. д. до бесконечности.

От поверхностных суждений к более глубоким суждениям

Чувственное восприятие воспроизводит предметы в таком виде, в каком они непосредственно действуют на наши органы чувств. Чувства дают лишь отдельные моменты сведений об отдельных вещах, обусловленные конкретными обстоятельствами, при которых мы обретаем их.

Выражая сведения, полученные на основании восприятий, в предложениях, люди приходят к суждениям, выражающим выводы на основании сравнения и сопоставления многих отдельных данных восприятий.

«...первым шагом процесса познания, — писал Мао Цзэдун, — является первое соприкосновение с явлениями внешнего мира — ступень ощущений. Вторым шагом является обобщение данных, полученных из ощущений, упорядочение их и переработка — ступень понятий, суждений и умозаключений»[1].

Так, например, на основании многих восприятий многих членов общества мы приходим к таким выводам (которые все представляют элементарные предметы общественного познания), как «собаки лают», «коровы дают молоко», «вода в холодную погоду превращается в лед» и т. д. Такие выводы, как выразился Мао Цзэдун, представляют собой «синтез данных восприятия».

Делать такие суждения о предметах можно не на основе одного наблюдения одного человека, а на основе нескольких или многих наблюдений нескольких или многих людей; чем разнообразнее наблюдения, чем разнообразнее обстоятельства, в которых они производятся, и способы подхода к этим наблюдениям, чем разнообразнее изменения и отношения объекта, которого они касаются, — тем шире и надежнее суждение может отражать объективные свойства, отношения и форму движения этого объекта.

Наблюдение само по себе — действие, поскольку мы должны сознательно вступить в отношение с чем-то, если мы хотим наблюдать его, и должны вступить с ним в более разнообразные отношения, отмечая различные аспекты предмета, его разнообразные изменения и т. д., если мы хотим наблюдать его более полно. Но само наблюдение переходит от того, что может быть названо «пассивным наблюдением», к активному наблюдению, и именно последнее имеет первостепенное значение для получения более полного познания вещей.

Наблюдение само по себе не изменяет того, что подвергается наблюдению. В этом смысле оно пассивно. Человек, наблюдающий птиц, например, получает познания о птицах, но он никак

[1] Мао Цзэдун, Избранные произведения, т. 1, стр. 517.

не вмешивается в их жизнь, производя свои наблюдения; более того, в данном случае он должен особенно тщательно следить за тем, чтобы их не тревожить. Активное наблюдение начинается тогда, когда мы сами своей деятельностью принимаем участие в том, чтобы поставить предметы, которые мы наблюдаем, в новые отношения, или производим в них различные изменения и наблюдаем результаты отношений или изменений, которые мы сами вызвали под нашим собственным контролем.

Одним из наиболее важных методов активного наблюдения предметов является, например, измерение их. Процесс измерения независимо от того, что мы измеряем, связан с установлением определенных отношений одного предмета с другим и фиксированием результатов. Другие методы активного наблюдения заключаются, например, в том, чтобы сломать предмет, разделить его на части или элементы, а затем собрать его или же внести изменения в его свойства при помощи других предметов. В общем, вырабатывая методы активного наблюдения, применимые к различным вещам, о которых мы хотим получить сведения, и зависящие от того, что мы хотим узнать о них, мы получаем многие ценные результаты наблюдения, которые позволяют нам делать выводы о свойствах предметов, отношениях между ними, их движении и законах движения, причинах и следствиях, составе и т. д.

Получив с помощью как пассивного, так и активного наблюдений и преобразования их в суждения определенное знание, выраженное в суждениях, мы сможем затем использовать это знание для того, чтобы получить новое знание. Ибо это первое знание откроет новые области исследования и потребует новых методов установления новых отношений с предметами. Уже полученное знание используется для направления дальнейшей деятельности и получения в результате ее новых сведений. Таким путем уже полученное знание подвергается дальнейшей проверке и исправлению, и весь процесс накапливания знания продолжается.

Процесс перехода от наблюдения к суждению и затем от более активного и широкого наблюдения к более широкому суждению в первую очередь приводит к внесению поправок в непосредственные выводы, основанные на недостаточном наблюдении.

Обычный опыт уже учит нас, что имеется разница между первой видимостью вещей в чувственном восприятии и их действительностью. Ибо часто случается, что вещи оказываются отличными от того, чем они казались на первый взгляд. Это подтверждается практикой, когда расчеты, основанные на первой видимости, не оправдываются. В процессе накапливания мы всегда переходим от выводов, выражающих лишь видимые

свойства, отношения и движения предметов, к выводам, более полно приближающимся к действительным вещам.

Так, например, когда мы наблюдаем Солнце, оно кажется сравнительно небольшим телом — и в течение продолжительного времени люди считали, что оно действительно очень невелико.

Но мы узнали, что на самом деле Солнце чрезвычайно велико. Далее, создается впечатление, будто Солнце вращается вокруг Земли, — и в течение длительного периода люди считали, что оно действительно вращается вокруг Земли. Но мы узнали, что на самом деле Земля вращается вокруг Солнца.

Далее, в процессе формирования более широких выводов о вещах мы переходим от отрывочного познания частных вещей к более цельному познанию законов их существования, изменения и взаимосвязей.

Первое познание, которое основано на первых наблюдениях вещей, — это знание ряда фактов об этих вещах, но не законов их существования и взаимосвязей между ними, которые проявляются в этих фактах и определяют их. Поэтому исправляя выводы, основанные на первой видимости предметов, и формулируя суждения об их действительных свойствах, отношениях и движениях, которые определяют их видимость, мы также формулируем суждения об общих законах и взаимосвязях, которые проявляются в отдельных свойствах, движениях и отношениях вещей, первоначально очевидных для наблюдения.

Так, например, установив основные данные о солнечной системе, а именно: что планеты, к которым относится также Земля, вращаются вокруг Солнца, — мы также устанавливаем законы, которые проявляются в этой системе и на основании действия которых она существовала и продолжает существовать.

Далее, зная на основе повседневного опыта, что вода замерзает, когда становится достаточно холодно, мы в дальнейшем в результате синтеза целого ряда специальных наблюдений и умозаключений, выведенных из них, устанавливаем причины этого явления, а именно: что оно объясняется перегруппировкой молекул, вызванной изменением их движения, когда температура падает.

Таким образом, в процессе перехода от наблюдений к суждениям нам одновременно удается перейти от поверхностных к более основательным суждениям — от суждений, просто устанавливающих то, что мы наблюдали, к суждениям, идущим дальше: мы делаем выводы о составе и внутренней организации вещей, об их причинах и следствиях, взаимодействии, взаимосвязях и движении и о законах взаимосвязи и движения.

Это — качественное изменение в содержании суждений: переход от суждений поверхностного содержания к суждениям более глубокого содержания; от суждений, выраженных на основе

элементарных идей, которым соответствуют вещи, непосредственно воспринимаемые нашими ощущениями, к суждениям, выраженным в абстрактных идеях, которые устанавливают причины, основания объяснения, следствия, законы вещей, которые мы наблюдаем[1].

От чувственного познания к рациональному познанию

Мы можем сделать вывод, что познание в целом осуществляется только путем перехода от ощущения к суждению и что в таком случае процесс развития, расширения и углубления познания, выраженного в суждениях, проходит через две качественно различные ступени: во-первых, поверхностное и отрывочное познание вещей, непосредственно полученное в результате ощущений, и, во-вторых, познание их существенных свойств, взаимосвязей и законов.

На первой ступени наши суждения выражают лишь «отдельные стороны вещей, явлений... внешнюю связь между отдельными явлениями». На второй ступени возникают суждения, которые уже представляют «не внешние стороны вещей, явлений, не отдельные их стороны, не их внешнюю связь», но улавливают «сущность явления, явление в целом, внутреннюю связь явлений»[2].

Переход от первой ступени ко второй, во-первых, требует активных наблюдений. Без активных наблюдений данные, на основе которых можно сделать более глубокие и широкие выводы, будут недостаточными, и всякие суждения, которые могут быть сделаны, неизбежно будут умозрительными или иллюзорными.

Во-вторых, однако, необходим процесс мышления, вытекающий из наблюдений, — процесс просеивания и сравнения наблюдений, обобщения и формулировки абстрактных идей, процесс рассуждения и извлечения выводов из такого обобщения и абстракции. После того как выводы сделаны, они снова должны быть подвергнуты проверке путем активного наблюдения, чтобы гарантировать, что они соответствуют ему и что абстрактные обобщения, достигнутые в процессе мышления, выражают конкретные факты, данные в ощущении. Следовательно, переход от первой стадии ко второй есть переход от суждений, непосредственно отражающих данные, полученные в восприятии, к суждениям, выведенным из данных восприятия посредством процесса абстракции и обобщения.

---

[1] Это переход, который Гегель первым подверг научному анализу в своей известной книге «Наука логики» и который он назвал переходом от категорий «бытия» к категориям «сущности».

[2] Мао Цзэдун, Избранные произведения, т. 1, стр. 508, 509.

Переход от вывода, что солнце горячо, к выводу, что температура на его поверхности составляет около 6000°С, — это как раз такой переход познания от первой ко второй стадии. Вывод, что солнце горячо, непосредственно выражает один из путей, которыми солнце воздействует на наши чувства. Но чтобы сделать вывод о его температуре, необходимо прежде всего, чтобы мы сформулировали абстрактную идею о температуре и, во-вторых, чтобы с помощью этой идеи мы сделали вывод о температуре солнца посредством тщательного активного наблюдения и рассуждения на основе этого наблюдения. В результате мы переходим от вывода, который просто отражает определенные наблюдения над солнцем, к выводу, выражающему его внутреннее состояние.

Предположим опять-таки, что мы рассматриваем государственное устройство определенной страны, скажем, Великобритании. Первые наблюдения, которые могут быть сделаны, касаются частных фактов, например, что Лондон — столица, что законы издаются людьми, сидящими в двух палатах парламента, что эти законы подписываются королевой и осуществляются при помощи полиции, и т. д. Многие исследования характера английской парламентской демократии не идут дальше формулировки выводов, подытоживающих эти наблюдения. Это значит остановиться на первой ступени познания. Если, однако, исследование проводится дальше, если государство рассматривается в своем историческом развитии на основе всего развития экономической структуры общества и если на основании этого анализа делаются аргументированные выводы, то мы приходим к суждению, что английское парламентарное государство — это орган господства английского класса капиталистов. Это значит перейти в познании государства ко второй ступени познания, охватывающей не просто ряд наблюденных фактов, а существенную природу явлений.

В своем труде по теории познания Мао Цзэдун назвал первую ступень познания «чувственным познанием», ибо оно ограничивается суммированием наблюдений, а вторую ступень — «рациональным познанием», или «логическим познанием», ибо оно достигается в процессе абстракции и рассуждения с использованием законов логики.

«...логическое познание отличается от чувственного познания тем, — писал он, — что чувственное познание охватывает отдельные стороны вещей, явлений, внешние их стороны, внешнюю связь явлений, а логическое познание делает огромный шаг вперед, охватывая явление в целом, его сущность и внутреннюю связь явлений, поднимается до раскрытия внутренних противоречий окружающего мира и тем самым может постигнуть

развитие окружающего мира во всей его целостности, с его всеобщими внутренними связями»[1].

Многие философы (те, что принадлежат к школам так называемых «эмпиристов» и «позитивистов») отрицают, что познание проходит через две ступени. С их точки зрения, мы сначала получаем различные «чувственные данные» и затем сравниваем и сопоставляем эти данные, с тем чтобы сформулировать суждения или предложения, подытоживающие эти наблюдения. Для них весь процесс познания заключается только в этом. Следовательно, для них познание ограничивается исключительно отдельными сторонами вещей, явлений, внешними связями явлений, и будет иллюзией предполагать, что возможно более глубокое познание предметов — их сущности в отличие от их видимости для нас, их существенных свойств, взаимосвязей и законов.

В отличие от этого эмпирического или позитивистского вида философии марксизм прослеживает развитие познания от низшей к высшей ступени. Прежде всего, получая сведения с помощью органов чувств, мы переходим от ощущений к восприятиям, то есть от отдельных сигналов различных органов чувств к координации сигналов в восприятиях; затем, по мере развития нашего познания, выраженного в идеях и суждениях, мы переходим от чувственного познания видимости и внешних отношений предметов к рациональному познанию их основных качеств и внутренних отношений.

Явление и сущность

Переходя от элементарных к абстрактным идеям, от поверхностных суждений к более глубоким, от чувственного познания к рациональному познанию, мы переходим от видимости предметов к их сущности. Изучая познание, всегда следует проводить различие между явлением и сущностью — между отдельными явлениями, непосредственно очевидными для наблюдения, и существенными чертами, взаимосвязями и законами, проявляющимися в этих видимостях и лежащими в основе наблюдаемых фактов. При познании вещей всегда нужно переходить от явления к сущности с тем, чтобы схватить их внутреннюю природу, обнаруживающуюся в их конкретном существовании и способе проявления, схватить их существенные взаимосвязи и законы.

Так, Маркс подчеркнул, что задача науки всегда заключается в том, чтобы перейти от непосредственного познания явлений к познанию сущности, существенных связей и законов, лежащих в основе явлений, и таким образом прийти к всестороннему пониманию явлений.

[1] Мао Цзэдун, Избранные произведения, т. 1, стр. 510–511.

«Исследование, — писал Маркс, — должно детально освоиться с материалом, проанализировать различные формы его развития, проследить их внутреннюю связь. Лишь после того как эта работа закончена, может быть надлежащим образом изображено действительное движение. Раз это удалось... жизнь материала получила свое идеальное отражение...»[1].

Таким образом, Маркс подчеркнул, что познание сущности и законов любого предмета всегда должно исходить из детального анализа всех относящихся к данному событию фактов и в свою очередь должно служить объяснению их, показать их внутренние связи и фактическое движение.

Исследования Маркса в области общественных наук сами по себе служат примером этого положения. Так, например, в «Капитале» Маркс указывает, что в то время, как «вульгарные экономисты» занимались только поверхностными явлениями капиталистической экономики, научная политическая экономия стремится вскрыть действительные производственные отношения, лежащие в основе видимостей, и этим путем объяснить видимость. Если бы лежащие в основе видимостей существенные связи были очевидны для поверхностного наблюдения, не было бы необходимости для дальнейшего глубокого исследования. Но сущность предметов никогда не лежит на поверхности, она может быть обнаружена только путем тщательного научного анализа.

«...*характер представлений* мещанина и вульгарного экономиста», писал Маркс, основан «именно на том, что в их мозгу всегда отражается лишь непосредственная *форма проявления* отношений, а не их *внутренняя связь*. Если бы, впрочем, последнее имело место, то зачем вообще нужна была бы тогда *наука*?»

И объясняя свой собственный метод научного анализа капиталистической экономики, он указывал: «Наконец, мы приходим к *формам проявления*, которые для вульгаризатора служат *исходным пунктом*, — к земельной ренте, источником которой является земля, к прибыли (проценту), возникающей из капитала, заработной плате, возникающей из труда. С нашей же точки зрения дело представляется теперь иначе. Кажущийся процесс находит свое объяснение»[2].

Из этого становится ясно, между прочим, что позитивистская философия, ограничивающая познание только внешней видимостью, была совершенно согласна с процедурой «вульгарных экономистов», которых критиковал Маркс, а их процедура полностью соответствовала этой позитивистской философии. В самом деле эта философия представляет собой самую удобную философию для апологетов капитализма, все мировоззрение которых

[1] К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 19.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные письма, стр. 190, 207.

основано на том, что они никогда не заглядывают вглубь общественной жизни.

В качестве наглядного примера, подтверждающего значение изучения вещей не на основании поверхностной видимости, а с точки зрения их внутренних отношений и связей, мы можем взять вопрос о заработной плате. Если мы будем судить только о внешней видимости, то заработная плата представляет собой просто плату за труд. Человек работает столько-то часов и получает столько-то за час. В этом случае мы не могли бы обнаружить разницу между заработной платой, скажем, в капиталистическом обществе и социалистическом обществе. Работает ли человек на капиталистическом предприятии или на социалистическом — он работает столько-то часов и получает столько-то. В чем же различие? Различие заключается в том, что внешняя форма заработной платы выражает различные общественные отношения. В капиталистическом обществе заработная плата — это цена рабочей силы рабочего, которую он продал капиталисту. В социалистическом обществе заработная плата уже не цена рабочей силы, поскольку заводы принадлежат трудящимся, которые не продают свою рабочую силу самим себе — заработная плата здесь выражает предоставление рабочему определенной доли ценностей, которые он произвел, в соответствии с трудом, который он вложил. Поэтому, в то время как в капиталистическом обществе рабочие могут сохранить или повысить свою заработную плату только с помощью борьбы против класса капиталистов и угрозы забастовки, в социалистическом обществе они непрерывно повышают свой жизненный уровень, увеличивая производство. Другими словами, законы, определяющие заработную плату в социалистическом обществе, в корне отличаются от законов, устанавливающих заработную плату в капиталистическом обществе. Но причина, почему они различны, может стать понятной только, если мы пойдем дальше видимостей вещей и попытаемся вскрыть внутренние отношения и связи, определяющие видимости.

Революционная теория и революционная практика

Переход от поверхностных суждений к глубоким суждениям о вещах и от их явления к их сущности представляет собой, как мы уже говорили, переход от одной ступени познания к другой. Такое качественное изменение в познании является, как правило, революционным изменением. Оно революционно, ибо оно приводит к революционному изменению в том, что мы можем делать.

Когда практика определяется только тем, что мы узнали относительно внешней видимости вещей, она не обладает возмож-

ностью сознательно вносить глубокие изменения в эти вещи или широко использовать их для далеко идущих целей. Когда мы знаем предметы только по их видимости, мы в нашей практике, как правило, вынуждены ждать, что произойдет, чтобы приспособиться к вещам, вместо того чтобы овладеть ими и приспособить их к нашим целям; при этом мы часто приспосабливаемся плохо и испытываем неожиданности, неудачи и злоключения.

Но когда мы начинаем охватывать сущность вещи, мы можем действовать в отношении ее более эффективно, производить в ней глубокие изменения и использовать ее для наших целей.

Так, например, до нового времени люди имели лишь весьма поверхностные знания о химических процессах. И поэтому они едва ли могли эффективно планировать использование этих процессов в производстве. Но современная химия позволяет нам разлагать вещества и снова синтезировать их из их составных элементов, благодаря чему многие материалы могут изготовляться синтетическим способом, и можно придавать им качества, удовлетворяющие нашим требованиям. Мы можем расщеплять атомы, разлагать один элемент на несколько других и использовать энергию, высвобождающуюся в этом процессе, и даже создавать новые искусственные элементы, как, например, плутоний.

Далее, утопические социалисты и прежнее рабочее движение не могли эффективно изменить общественный строй. Однако марксистская теория, которая проникает в сущность общественных процессов, дала возможность рабочему движению в некоторых странах до основания преобразовать общество и приступить к построению социализма.

Рассматриваем ли мы познание природы или общества всюду, где познание поднялось до познания сущности предмета, — это было результатом революционного процесса, революции в том, что могут делать люди.

Такие глубокие успехи в познании — связывали ли их сознательно с практикой или нет те, кто играл ведущую роль в их достижении, — всегда в конечном итоге представляют собой продукт революционных стремлений в общественной практике. Именно тогда, когда люди стремятся сделать что-либо новое, чтобы увеличить свои силы и улучшить условия своего существования, они испытывают необходимость развития своего познания до познания сущности какого-либо предмета. Не может быть революционной практики без познания, ибо без познания она лишена направления и не может достичь цели. Скачок вперед в познании представляет собой условие для осуществления революции в практике.

В области познания вещей нельзя подняться до его рациональной ступени независимо от соответствующей практики или до того, как эта практика будет осуществлена, — точно так же,

как практика будет нащупывать свой путь в потемках без необходимых знаний. Без соответствующей практики основательные знания невозможны, возможны лишь гадания и расчеты. Все глубокие знания вытекают из практики и в свою очередь проверяются практикой, что отнюдь не означает, что теоретические выводы из открытия не могут пойти дальше применения всех его потенциальных практических последствий. Нет иного пути для обнаружения существенных взаимосвязей и законов действительного мира, как вступление в практические отношения с действительными предметами и процессами, стремление овладеть ими и изменить их, создание представлений на базе полученного опыта и затем новая проверка теоретических выводов на основе развивающейся практики.

Поэтому, подобно всему познанию, познание сущности предметов также проверяется только практикой. Революционная теория проверяется революционной практикой, самим успехом, с которым революционная практика применяет открытие, сделанное в области познания. И само познание укрепляется, развивается дальше, критикуется и исправляется в этом процессе.

«Познание начинается с практики; обретя через практику теоретические знания, нужно вновь вернуться к практике. Активная роль познания выражается не только в активном скачке от чувственного познания к рациональному познанию, но, что еще важнее, в скачке от рационального познания к революционной практике. Познание, овладевшее закономерностями мира, должно быть вновь направлено на практику преобразования мира, применено в практике производства, в практике революционной классовой борьбы и национально-освободительной борьбы, а также в практике научных экспериментов. Таков процесс проверки теории и развития теории — продолжение единого процесса познания»[1].

Следовательно, задача развития знаний до уровня познания сущности вещей сводится к тому, чтобы вызвать революцию в человеческой практике, в способности человека подчинять себе природу, изменять ее, управлять своей собственной жизнью и изменять ее. Задача познания — «от чувственного познания активно переходить к рациональному познанию и, далее, от рационального познания к активному руководству революционной практикой, к преобразованию субъективного и объективного мира»[2].

Вещи в себе

Из анализа развития познания вытекает, что на всех его стадиях оно представляет собой развитие достоверного отражения в человеческом сознании реального, объективного мира.

---

1 Мао Цзэдун, Избранные произведения, т. 1, стр. 521.
2 Там же, стр. 528.

Многие философы утверждали, что наше познание ограничивается фиксированием внешней видимости вещей в нашем сознании и что «вещи в себе» — вещи, какими они являются в действительности независимо от того, какими они представляются нам, то есть сущность вещей, — должны быть непознаваемы. С точки зрения таких философов, между данными чувств, зафиксированными нашим сознанием, с одной стороны, и вещами, существующими независимо от нашего сознания, — вещами в себе, с другой стороны, существует непроходимая пропасть. Многие не только отрицают, что мы можем познать вещи в себе, но даже, что такие вещи вообще существуют.

И, тем не менее, в суждениях, непосредственно основанных на восприятии, мы приобретаем познание вещей в себе — не с самого начала полное или глубокое познание, но по крайней мере познание различных отдельных аспектов и внешних отношений вещей. Мы приобретаем это познание именно при помощи данных чувственного восприятия. И когда при дальнейшем исследовании и рассуждении мы приходим к выводам о существенных свойствах и отношениях и законах движения вещей, мы приобретаем более глубокое познание тех же самых вещей в себе, которые до этого мы знали только поверхностно.

Следовательно, нет никакой пропасти между вещами в себе и их видимостью или явлениями. Мы знаем вещи в себе именно на основании того, как они являются нам. И сущность вещей познается постольку, поскольку познается их явление. В равной степени нет пропасти между явлением вещей и их сущностью, ибо явление представляет собой выражение сущности и мы не познаем сущность отдельно от явления, а только через него, «...если вы знаете все свойства вещи, то вы знаете и самую вещь», — писал Энгельс[1]. Мы познаем вещи в себе на основании практики и изучения. Обнаруживая, что мы можем делать с вещами, изучая различные явления их различных аспектов при многообразных условиях, мы приобретаем все большее и большее познание самих вещей.

Следовательно, все наше познание — это познание вещей в себе, которые безусловно существуют и безусловно познаваемы. Материалист «утверждает существование и познаваемость вещей в себе»[2]. Сначала мы познаем вещи в себе поверхностно, с помощью восприятия, а затем — более глубоко и всеобъемлюще с помощью мышления, оперирующего на основании данных восприятия. Нет и не может быть разницы между вещами, познанными нами, и вещами в себе. Единственная разница может

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, стр. 91.
[2] В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 95.

существовать между тем, что познано, и тем, что еще не познано, и между тем, что познано только поверхностно, в определенных аспектах, и тем, что познано более основательно.

Познание одновременно и ограниченно и беспредельно

Существуют ли какие-либо пределы для человеческого познания или же пределов нет?

На каждом данном этапе развития человечества познание наталкивается на пределы, обусловленные неизбежно ограниченным характером имеющегося опыта и существующими средствами приобретения познания.

Однако человечество прогрессирует, именно преодолевая эти пределы. Новый опыт устраняет пределы старого опыта; новая техника, новые способы получения знаний ломают пределы старой техники и старых средств получения знаний. Тогда, однако, появляются новые пределы, но у нас не больше оснований полагать, что эти новые пределы более абсолютны и окончательны, чем у нас были основания считать абсолютными и окончательными старые пределы. На каждом этапе имеются люди, полагающие, что предел достигнут, и не заглядывающие дальше. Но всегда — рано или поздно — находятся другие люди, ломающие эти пределы и смело идущие вперед к новым пределам.

Следовательно, познание всегда ограниченно и в то же время беспредельно. Другими словами, познанное всегда ограничивается непознанным, но не непознаваемым.

Так, например, в феодальном обществе люди не могли ничего знать о социалистическом обществе и его законах, не могли формулировать истину о социализме и о переходе от социализма к коммунизму. Это стало возможно только с развитием капиталистического общества; только тогда появились средства для составления научной концепции социализма. Точно так же для нас сегодня невозможно узнать, как полное коммунистическое общество после того, как оно осуществится, будет развиваться дальше; но в свое время люди смогут обнаружить истину об этом дальнейшем развитии и его законы.

Далее, до изобретения современной электронной техники невозможно было получить сведения об атоме и его структуре. Сегодня при помощи этой техники мы уже миновали то, что когда-то казалось пределом всех мыслимых физических знаний. Сама по себе эта техника, однако, ставит свои собственные пределы физической науке, так что теперь некоторые физики говорят о невозможности узнать когда-нибудь, скажем, структуру электрона. Но было бы догматично и близоруко утверждать, что эти пределы в большей степени абсолютны, чем прежние, казалось, непреодолимые рамки другой техники в прошлом.

«...если вчера это углубление не шло дальше атома, сегодня — дальше электрона и эфира, — писал Ленин, — то диалектический материализм настаивает на временном, относительном, приблизительном характере всех этих *вех* познания природы прогрессирующей наукой человека. Электрон так же *неисчерпаем*, как и атом, природа бесконечна...»[1].

На каждом этапе и при всех условиях познание несовершенно и временно, обусловлено и ограничено историческими условиями, при которых оно было приобретено, включая средства и методы, которые применялись для его приобретения, и исторически обусловленные положения и категории, использовавшиеся для формулировки теорий и выводов.

Но развитие познания, каждый этап которого обладает таким обусловленным характером, представляет собой развитие познания реального, материального мира, открытие взаимосвязей и законов движения реальных, материальных процессов, включая человеческое общество и человеческое сознание. Это — прогрессивное развитие, в котором познание этап за этапом расширяется, в котором согласование идей и теорий с объективной действительностью этап за этапом углубляется и в котором этап за этапом все временное и гипотетичное уступает место достоверному и проверенному.

Прогресс познания всегда наталкивается на барьеры, возникающие из-за ограничений существующих знаний и существующей практики. Однако непреодолимых барьеров нет. Хотя прогресс познания всегда наталкивается на барьеры при своем дальнейшем развитии, познание прогрессирует, как раз находя способы преодоления этих барьеров. Для познания нет пределов, нет непознаваемых вещей, нет тайн вселенной, нет ничего, что в принципе не может быть познано и объяснено.

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 249.

Глава XIII

НЕОБХОДИМОСТЬ И СВОБОДА

Рациональное познание вскрывает необходимость вещей и в то же время оно вскрывает, что необходимое всегда проявляется через случайное. Приобретая познание, мы приобретаем свободу, которая заключается в контроле над самими собой и над окружающей природой, основанном на познании необходимости. Мы свободны, когда на основе познания мы решаем, что делать, и осуществляем сознательный контроль над факторами, влияющими на осуществление наших целей.

Необходимость и случайность

Когда познание прогрессирует до стадии рационального познания, охватывающего сущность и внутренние связи вещей, тогда мы начинаем понимать аспект *необходимости*, принадлежащий явлениям как природы, так и общества.

Мы называем необходимым то, что по самой природе данного случая не может быть иным. Когда сущность вещи такова, что она должна проявлять именно такие определенные характерные черты, а не иные, и развиваться определенным путем, а не каким-либо другим, то эти характерные черты и это развитие понимаются как необходимые.

Представление о необходимом связано с представлением о существенном. Вообще, поскольку мы приобретаем знания о существенных чертах, внутренних связях и законах развития вещей, мы можем не только констатировать то, чем являются факты, но также объяснить их, понять их причины, осознать их необходимость.

В области естественных наук, например, открытия Ньютона, касающиеся принципов механики, вскрывают необходимость многих явлений природы. Так, принципы Ньютона, между прочим, показали необходимость определенных черт солнечной системы, частью которой является Земля. Такая необходимая черта была, например, установлена в факте вращения планет вокруг Солнца по эллиптическим орбитам. Этот факт был установлен Кеплером. Но необходимость, содержащаяся в кеплеровском законе движения планет, была доказана Ньютоном, чей анализ механики солнечной системы показал, что вследствие самой природы сил, действующих в такой системе, планеты должны двигаться по эллиптическим

орбитам, а не по окружностям или каким-либо иным орбитам. Таким образом, общий характер солнечной системы не случаен — он представляет собой необходимое следствие сущности такой системы, ее внутренней связи и законов развития.

Далее, возьмем пример из общественной жизни. Известно, что в Англии полиция всегда вмешивается в промышленные конфликты, выступая на стороне предпринимателей. С точки зрения поверхностного наблюдения — это просто факт. Однако он не случаен, ибо, как только мы вскроем сущность современного английского государства, как капиталистического государства, мы поймем, что помощь полиции предпринимателям является необходимым следствием капиталистического режима.

Если, однако, мы считаем, что определенные аспекты вещей и определенные тенденции событий носят необходимый характер, то это не означает, что все понимается как необходимое, что в мире нет места *случайности*. Напротив, отдельные события всегда имеют случайный характер. Признание необходимости в вещах неотделимо от одновременного признания случайности.

Так, например, полиция в капиталистическом государстве с необходимостью служит классу капиталистов. Но она вовсе не обязательно должна носить синюю форму. Напротив, она может также хорошо служить капиталистам, будучи одетой в форму другого цвета; следовательно, тот факт, что английская полиция носит синюю форму, случаен — он вызван случайными, несущественными обстоятельствами.

Точно так же, если вращение Земли вокруг Солнца по эллиптической орбите является необходимым свойством солнечной системы, то те точные размеры Земли, которые она имеет, не являются необходимостью. Эти размеры объясняются случайными, несущественными обстоятельствами.

С точки зрения поверхностного наблюдения все кажется случайным. Мы просто имеем дело с наблюдаемыми фактами и внешними связями между ними. Если мы еще не вскрыли законов развития и взаимосвязи, управляющих вещами и проявляющихся в вещах, которые мы наблюдаем, каждый факт, наблюдаемый нами, воспринимается просто как факт, который вполне мог бы быть иным. «Каждый факт мог бы иметь место или мог бы не иметь места, и все остальное осталось бы неизменным»[1], — таков вывод сторонников поверхностного наблюдения вещей.

Однако более глубокое исследование показывает, что «...где на поверхности происходит игра случайности, там сама эта слу-

---

[1] L. Wittgenstein, Tractatus Logico-Philosophicus, 1, 21.

чайность всегда оказывается подчиненной внутренним, скрытым законам. Все дело лишь в том, чтобы открыть эти законы»[1].

Открытие этих законов, однако, не устраняет представления о случайном. Скорее оно показывает, что необходимые черты предметов проявляются в целом ряде случайностей и что случайное, с другой стороны, всегда управляется необходимым.

Так, тот факт, что в развитии общества капитализм должен быть сменен социализмом, представляет собой историческую необходимость. Когда и каким образом в точности эта революция произойдет, зависит уже от целого ряда случайных обстоятельств, но развитие этих обстоятельств в свою очередь управляется исторической необходимостью.

Аналогично обстоит дело в природе. Развитие материи необходимо идет по определенному пути. Однако, когда и как в определенной материальной системе протекают различные этапы развития и протекают ли они вообще, в отдельных случаях зависит от случайных, несущественных обстоятельств.

Так, рассматривая вопрос о взаимосвязи случайности и необходимости в природе, Энгельс писал, что солнечная система возникла «естественным путем, путем превращений движения, которые *присущи от природы* движущейся материи и условия которых должны, следовательно, быть снова воспроизведены материей, хотя бы спустя миллионы миллионов лет, более или менее случайным образом, но с необходимостью, присущей также и случаю»[2]. И он таким же образом рассматривал появление сознания как высшей формы движения материи: «В действительности же материя приходит к развитию мыслящих существ в силу самой своей природы, а потому это с необходимостью и происходит во всех тех случаях, когда имеются налицо соответствующие условия (не обязательно везде и всегда одни и те же)»[3].

Энгельс поэтому делает вывод: «...то, что утверждается как необходимое, слагается из чистых случайностей, а то, что считается случайным, представляет собой форму, за которой скрывается необходимость, и так далее»[4].

Если необходимое представляет собой то, что в силу природы данного события не может быть иным, то случайное представляет собой то, что может быть другим. Обе стороны всегда встречаются во всех вещах. Вообще необходимы некоторые общие черты событий и общий характер их результатов. С другой стороны, детали, частные моменты отдельных событий и вытекающие из них детальные конкретные черты их результатов не необходимы, а случайны. В этом смысле можно сказать, что необходимое

---

1 К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, стр. 371.
2 Ф. Энгельс, Диалектика природы, стр. 17.
3 Там же, стр. 164.
4 К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, стр. 368.

«слагается из чистых случайностей». Именно в случайных деталях проявляется внутренне необходимое, и, будучи случайными сами по себе, эти детали в то же время формируются и управляются тем, что необходимо.

Необходимость, случайность и причинность

Открытие необходимости в природе и обществе связано с открытием причин и законов, управляющих отношением между причинами и следствиями. То, что необходимо, — необходимо в силу действия причин. Если бы существовали вещи, возникшие без всяких причин, если бы имели место события, которые происходили абсолютно по произволу и не регулировались бы причинными законами, тогда в этих вещах и событиях невозможно было бы обнаружить необходимость.

Так, если определенная черта представляет собой необходимую черту определенных событий и если определенный результат является их необходимым результатом, то это вытекает из природы причинных процессов, действующих в этих событиях. Понять необходимость, присущую событиям, — значит достигнуть глубокого познания причинных процессов, действующих в них.

Например, если капитализм неизбежно должен смениться социализмом, то это потому, что причины перехода от капитализма к социализму зарождаются внутри капиталистической системы и ничто не может остановить их действие. Если мы глубоко познаем природу капитализма, то будем знать, что такие причины существуют и не могут не существовать и действуют в пределах этой системы.

В то же время знание причин также дает нам возможность понять случайные черты вещей.

Причины социализма, например, появляются и начинают действовать внутри капитализма, и, следовательно, известно, что появление социализма представляет собой необходимость. Но конкретные черты этих причин случайны; в них нет необходимости. Таким образом, необходимо, чтобы рабочий класс рос и развивал свою организацию по мере развития капитализма. Это должно произойти, и это одна из причин, почему капитализм породит социализм. Но хотя непрерывное развитие капитализма неизбежно приводит к тому, что число рабочих увеличивается и что они объединяются в организации и в конечном счете свергнут эту систему, вовсе не обязательно, что, скажем, мистер Джонс и мистер Смит вступят в какую-то организацию и будут играть видную роль в качестве руководителей движения. Руководители должны быть, но суждено ли конкретному отпрыску конкретных родителей стать руководителем, — это зависит от многих случайных факторов. Однако эти случайные факторы, вместе взятые,

в конечном итоге должны привести к тому, что руководители выдвинутся.

Таким образом, действие причинности приводит к тому, что в мире существуют и необходимость и случайность и что необходимое проявляется в случайном.

Из этого следует, что неправильно утверждать, как это делалось неоднократно, что когда найдена причина чего-либо, то этим доказывается необходимость данного явления. В равной степени неправильно определять случайное как то, что случается без причины. Все события имеют причину — как необходимые, так и случайные. Выявить конечную причину чего-либо еще не значит доказать его необходимость, ибо случай действует непрерывно во всей цепи событий. Если что-либо необходимо, то это не следствие частной причины, а следствие общих законов.

Взаимосвязь случайности и необходимости в событиях, следовательно, выявляется в результате развития познания от внешних связей к внутренним связям вещей, от явления к сущности, от поверхностного наблюдения и сопоставления фактов к исследованию подлинной диалектики развития. Следовательно, мы видим, что необходимые следствия сущности вещей проявляются через целый ряд случайных обстоятельств и что случайные события обусловлены и управляются внутренней необходимостью и содействуют тому, чтобы дать необходимый результат.

Необходимость и свобода в человеческой практике

Мы рассмотрели взаимосвязь необходимости и случайности и как та и другая возникают в процессе непрерывного действия причинности в природе и обществе. Теперь мы рассмотрим значение этих выводов для практической жизни.

Располагаем ли мы, осуществляя ту или иную практическую деятельность, какой-либо свободой в ее осуществлении, или же все необходимо определяется независимо от нашей воли? Таков вопрос, на который мы сейчас должны ответить. И точно так же, как в отношении необходимости и случайности часто говорят, что это несовместимые противоположности, то есть что там, где имеет место одна, не может быть другой, — точно так же часто смотрят на необходимость и свободу. Считают, что там, где есть необходимость, не может быть свободы и что, с другой стороны, если мы действуем свободно, мы каким-то образом должны были избежать необходимости.

Если бы это представление было правильным, то тогда человеческая свобода была бы иллюзией. Вся деятельность человека, как и все в мире, во всех отношениях управляется причинными законами. Действие причинности порождает необходимые черты событий и определяет их необходимый результат. Это справедливо

в отношении человеческой деятельности так же, как и в отношении чего бы то ни было другого. Следовательно, человек никогда не может сделаться независимым от необходимости в природе и обществе. Однако неправильно противопоставлять свободу и необходимость как несовместимые вещи; напротив, необходимость порождает свободу и является ее предпосылкой.

Действие естественных и общественных законов и необходимостей, вытекающих из них, не зависит от нашей воли и от нашего сознания. Следовательно, что бы мы ни думали, желали или решали, наши действия всегда определяются законами природы вообще и нашей собственной природы в частности и соответствуют по их выполнению и по их следствиям диктату необходимости.

Человек сам по себе часть природы, и «...необходимость природы есть первичное, а воля и сознание человека — вторичное. Последние должны, неизбежно и необходимо должны, приспособляться к первой»[1].

Однако человеческую деятельность характеризует, отличая ее от поведения животного, то, что люди в процессе своей общественной деятельности познают необходимость, и в первую очередь необходимость в природе, и, таким образом, учатся действовать на основании этого познания и использовать его для достижения своих целей, для выполнения своих намерений.

Это начинается с самого процесса производства, в котором человек «для того чтобы присвоить вещество природы в известной форме, пригодной для его собственной жизни... приводит в движение принадлежащие его телу естественные силы: руки и ноги, голову и пальцы» и таким образом «осуществляет... свою сознательную цель»[2].

Следовательно, люди в своем поведении не обязаны, подобно животным, следовать какому-то предопределенному образцу поведения. Они не просто приспосабливаются к окружающим условиям, как это делают животные, а по своей воле приспосабливают окружающие условия к себе. Они *приобретают свободу* для достижения целей, которые они сами перед собой ставят и которых они желают. Поступая так, они одновременно изменяются сами, изменяют свою природу.

Однако господство над природой, отличающее человека от животного, отнюдь не обусловливает хотя бы малейшую независимость человека от естественного закона и от естественной необходимости. Напротив, оно зависит не от отмены естественных законов и естественной необходимости, а от познания и сознательного использования их.

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 176.
[2] К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 184, 185.

Аналогичным образом, когда люди учатся контролировать свою общественную жизнь и планировать ее в целях удовлетворения своих материальных и культурных потребностей, это так же не означает, что они добились независимости от объективных законов общества, от общественной необходимости. Напротив, их успех зависит не от отмены объективных общественных законов, общественной необходимости, а от познания и сознательного использования этих законов — не искоренения необходимости в обществе, а ее признания и управления общественной деятельностью в соответствии с этим признанием необходимости.

«Марксизм понимает законы науки, — всё равно идёт ли речь о законах естествознания или о законах политической экономии, — как отражение объективных процессов, происходящих независимо от воли людей» — писал Сталин[1].

Поэтому люди никогда ни в каком отношении, ни в каких своих действиях не могут быть независимыми от естественных или общественных законов и от их необходимых последствий. Отсюда вытекает, что, поскольку у людей нет знаний этих законов и их последствий, они связаны и несвободны. Эти законы с их необходимыми последствиями в этом случае выступают в качестве чужой силы с неожиданным и разрушительным действием, срывающим выполнение целей человека. Но по мере того, как люди начинают познавать эти законы и их необходимые следствия, они могут научиться использовать их для своих целей.

Свобода заключается не в том, чтобы избавиться от действия причинности, а в том, чтобы понять ее. Она заключается не в том, чтобы избавиться от необходимости, а в том, чтобы познать ее. Поэтому между существованием необходимости и человеческой свободы нет несовместимости. Напротив, как мы уже говорили, необходимость порождает свободу, а именно, когда люди познают необходимость и таким путем могут распознать ее и принять свои решения с полным пониманием того, что они делают. Более того, как мы также говорили, существование необходимости не только не противоречит человеческой свободе, но является предпосылкой этой свободы.

Что случилось бы, если бы в природе и обществе не было причинных законов, если бы не было объективной необходимости, регулирующей ход событий? В этом случае могло бы произойти все, что угодно. Мы не могли бы принять решение о самых простых действиях, не могли бы осуществить их, ибо мы никогда не могли бы знать, что сделать для обеспечения необходимых результатов. Мы не обладали бы даже свободой согреть чашку чая, ибо мы никогда не знали бы, будет ли кипеть вода, или, когда мы нальем ее в чайник для настойки чая, что будет собой

[1] И. Сталин, Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 4.

представлять в результате этот напиток. Еще в меньшей степени мы могли бы осуществлять более сложные общественные действия, ибо всюду царил бы хаос. Мы вообще не могли бы существовать.

Только потому, что все *подчинено* законам, потому, что в природе и обществе *существует* объективная необходимость, мы можем принимать решения об определенных действиях и проводить их в жизнь. Таково условие человеческой свободы. И эта свобода реализуется в той мере, в какой мы расширяем наше познание и, следовательно, нашу способность принимать решения на основе познания и таким образом осуществлять эти решения.

Далее, когда мы знаем законы, управляющие вещами, то мы можем производить действия в соответствии с ними, чего мы не могли бы делать, не зная законов. Так, например, люди часто мечтали о том, чтобы научиться летать, но до недавнего времени они считали, что законы природы лишают их этой возможности. Но когда мы открыли законы, управляющие полетом, мы получили возможность сконструировать средства для полета. Во многих подобных случаях познание законов, породивших определенные ограничения в наших действиях, дает нам возможность на практике устранить эти ограничения.

Познание как средство достижения человеческой свободы

Однако не определяются ли наши собственные действия различными причинами и не подчинены ли они поэтому какой-то высшей необходимости? Как же мы можем в таком случае быть свободными?

Справедливо, что мы сами представляем собой продукт определенных условий и мы были бы иными, будь эти условия иными. Справедливо также, что мы действуем в соответствии с необходимостью наших собственных условий и нашей собственной природы. Но это ни в малейшей степени не противоречит возможности того, что мы свободные деятели.

Что бы мы ни делали, все наши действия имеют какую-то причину. Если эта причина была внешней силой того или иного рода, воздействующей на нас таким образом, что она заставляет нас сделать что-то без вмешательства какого-либо акта воли с нашей стороны, тогда, разумеется, мы действуем по принуждению и не свободны. Так, например, если в толпе кто-либо меня толкнет так, что я в свою очередь толкну другого, то в этом случае я не свободный деятель. Вопрос о свободе возникает только тогда, когда мы делаем вещи в соответствии с нашим собственным желанием, то есть когда причина того, что мы делаем, — наш собственный акт воли. Но как определяется наша воля? Если она определяется различными внешними силами, действующими

на нее, формирующими ее таким образом, чтобы мы осуществляли цели, не являющиеся нашими, то тогда мы также не свободны. В этом случае у нас может возникнуть иллюзия свободной деятельности, но это только иллюзия. Но, наконец, если наша воля определяется нашим знанием обстоятельств нашего действия и того, что должно быть сделано для достижения цели, которую мы сделали своей, то в этом случае мы не только чувствуем себя свободными, а мы на самом деле свободны.

Такое качество свободной деятельности не внутренне присуще воле, а появляется. Его появление и степень его развития в свою очередь зависят от определенных причин, действующих в общественной жизни.

В результате действия законов нашего собственного развития, в результате необходимостей нашей собственной природы, мы приобретаем познание об окружающих явлениях и о нашей собственной природе и потребностях, и тогда мы действуем на основании этих знаний. В той мере, в какой это имеет место, то, что мы делаем, вытекает из наших собственных сознательных решений, основанных на знании наших потребностей и способов их удовлетворения. И тогда мы свободны. Какого другого рода свободу можем мы ждать или пожелать?

Это, между прочим, вопрос, который еще давно в основных чертах был выяснен великим философом-материалистом Спинозой, когда он указывал, что человеческие действия, как и все прочие вещи, определяются предварительными причинами и что люди свободны не тогда, когда их действия лишены причин, а когда их действия определяются знанием собственных потребностей и способов их удовлетворения[1].

«Не в воображаемой независимости от законов природы заключается свобода, — писал Энгельс, — а в познании этих законов и в основанной на этом знании возможности планомерно заставлять законы природы действовать для определенных целей. Это относится как к законам внешней природы, так и к законам, управляющим телесным и духовным бытием самого человека, — два класса законов, которые мы можем отделять один от другого самое большее в нашем представлении, отнюдь не в действительности. Свобода воли означает, следовательно, не что иное, как способность принимать решения со знанием дела... Свобода, следовательно, состоит в основанном на познании необходимостей природы (Naturnotwendigkeiten) господстве над нами самими и над внешней природой»[2].

Человеческое познание, следовательно, является важным средством для достижения человеческой свободы. Если познание

---

[1] См. Б. Спиноза, Этика.

[2] Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 107.

зависит от практики, то развитие познания в свою очередь оказывает преобразующее воздействие на практику. Практика, основанная на познании, существенно отличается от практики, не основанной на познании, ибо, поскольку мы знаем качества и законы вещей, мы можем овладеть ими на практике, подчинить их себе вместо того, чтобы подчиниться им. Развитие познания, будучи продуктом стремления человека подчинить себе природу и организовать свою собственную общественную жизнь, шаг за шагом приближает человека к такому господству и созданию более высоких форм общественной организации, приближает человечество к осуществлению возможности полной и свободной жизни для всех.

Свобода и случайность

Мы уже рассмотрели связь необходимости и случайности в природе и обществе и увидели, что необходимость проявляется через целый ряд случайностей. Действовать свободно на основании знаний означает, что мы, как сознательные деятели, должны осуществлять практический контроль над этими случайностями с тем, чтобы устранить случайный элемент при определении результатов нашей деятельности и привести эти результаты в полное соответствие с нашими намерениями. Другими словами, осуществление нашей свободы действий означает, что, проводя действия, направленные к определенной цели, мы на основе нашего знания законов предмета нашей деятельности осуществляем такой контроль над предметом, что воздействие случайности устраняется при определении результатов.

Таким образом, хотя осуществление свободы человеческой деятельности отнюдь не означает в каком бы то ни было отношении освобождения от необходимости, оно в определенном смысле означает освобождение от случайного, устранение случайного.

Осуществляя какое-либо мероприятие, мы не должны, как хорошо известно всем, допускать, чтобы случайности могли повлиять на его успех. Если мы это допустим, то тогда успех предприятия поставлен под угрозу. Если оно все же удается, то это объясняется удачей, а не расчетом. Обстоятельства привели к нашему успеху, а не мы сами добились успеха своими преднамеренными действиями. Однако не всегда можно надеяться на то, что обстоятельства сложатся благоприятно.

Так, например, люди, организующие митинги на перекрестках улиц, иногда забывают распорядиться, чтобы кто-нибудь принес трибуну. Они предоставляют это дело случаю, и бывает, что они оказываются без трибуны. По той же причине они могут иногда оказаться и без оратора. Естественно, что человек,

организующий что-либо, должен принимать во внимание все факторы, могущие влиять на успех предприятия, и не надеяться на случай.

Элементарная черта свободной деятельности, а именно знание необходимости и устранение случайностей, имеет многочисленные примеры в трудовом процессе — основном процессе человеческой деятельности.

В процессе труда человек, используя орудия труда, воздействует на предмет своего труда для того, чтобы определенным образом изменить его. Чтобы сделать это, он должен знать необходимые свойства предмета труда и считаться с ними. Он должен также устранить эффект воздействия случайности на предмет труда.

Чем крупнее и шире становится по своим масштабам человеческий труд, тем больше человек преуспевает в устранении фактора случайности в своей деятельности.

Это весьма важный момент во всякой строительной работе. Чтобы построить, например, мост, инженеры основывают свои планы на знании местности и используемых материалов и на учете различных случайных факторов, воздействию которых строение может быть подвергнуто. Недавно морские плотины на восточном побережье Англии дали пример того, как недостаточно был учтен элемент случайности. Те, кто отвечал за конструкцию этих плотин, не посчитались с возможностью того, что исключительно высокий прилив может совпасть с исключительно сильным восточным ветром. Когда это случайное совпадение имело место, море прорвало плотину. Но если строительство морских плотин и любых других сооружений планируется достаточно тщательно, то тогда эти случайности принимаются во внимание и их воздействие устраняется.

Одним из наиболее случайных факторов, влияющих на деятельность человека, является погода. Сельскохозяйственные работы постоянно зависят от погоды. Одной из главных черт широких сельскохозяйственных планов в социалистическом Советском Союзе является стремление частично контролировать погоду и частично противодействовать ее отрицательному влиянию постольку, поскольку она будет находиться вне прямого контроля. Защитные полосы как раз отвечают этим целям. Они служат частично тому, чтобы контролировать погоду, и частично тому, чтобы защитить урожай от плохой погоды. Этим путем советский народ добьется регулярных высоких урожаев.

Элементы сознательного контроля

Рассматривая такие примеры, мы можем сделать некоторые дальнейшие выводы о взаимосвязи необходимости, случайности и человеческой свободы.

Утверждать, что свобода включает в себя устранение случайностей, разумеется, не означает, что, когда мы пользуемся свободой, мы каким-то образом устраняем связь между случайностью и необходимостью. Действие случайности и ее связь с необходимостью являются объективным фактом, общей чертой развития как природы, так и общества, с которой мы обязаны считаться и к которой мы должны приспосабливать наши действия. Она существует независимо от нас, и мы никакими средствами не можем избавиться от нее или изменить ее. Чтобы добиться свободы деятельности, мы должны, познав необходимость, подчинить целый процесс, включая его случайные элементы, нашему контролю и таким образом направить его к определенной цели, установленной нами самими. Следовательно, устранение случайного означает подчинение его нашему контролю с тем, чтобы направить его воздействие и таким образом добиться, чтобы результат больше не был случайным. Это достигается а) путем непосредственного контролирования случайных факторов и б) путем предвидения и мер предосторожности в тех случаях, когда эти факторы остаются вне нашего прямого контроля. Вот почему социалистический экономический план, например, всегда должен предусматривать создание резервов.

Один из аспектов предвидения в связи со случайностью выражен в пословице: «Орел – выигрываю я, решка – проигрываешь ты». Если такое положение может быть достигнуто, то тогда я обеспечил себе победу. Если исход зависит от случайности вращения монеты, то тогда он определяется независимо от воли человека и не человеческой волей. Но если приняты соответствующие меры предосторожности, чтобы получить желательный результат при всех возможных случаях, тогда именно воля человека определяет исход. Когда люди держат пари, это называется обманом, но мы не считаем это обманом по отношению к природе. Таким образом, например, успех урожая в открытой степи может зависеть от того, пройдет или не пройдет суховей: если он пройдет, то урожай пострадает. Создать лесозащитную полосу – значит устранить эту возможность. Если в этом случае пройдет суховей, урожай будет защищен. Если же он не пройдет, урожай будет в порядке и так. Это как раз тот случай: «Орел – выигрываю я, решка – проигрываешь ты». Случайность потерпела поражение.

Другой аспект устранения случайностей можно проиллюстрировать примером вращения монеты, на которой заранее произведен определенный срез. Использование лесозащитных полос также иллюстрирует этот аспект. Они сохраняют влагу, делают климат более влажным, и таким образом мы заставляем погоду всегда служить нам.

Мы видели, что необходимость проявляется в целом ряде случайностей и что случайные события управляются внутренней необ-

ходимостью. Когда мы усвоим практически этот момент и вооружимся познанием законов объекта нашей деятельности, тогда мы сможем учитывать и контролировать случайные факторы, присущие этому объекту, и таким образом добиться необходимого результата, соответствующего нашим намерениям.

Это далее требует, чтобы наше познание было не только познанием неизбежного, но также вероятного. Так, например, в отношении определенного процесса мы должны не только знать, какая причина к каким последствиям приводит вообще, чтобы, воздействуя на эту причину, мы могли гарантировать соответствующее следствие; мы должны также знать вероятности различных причин, которые могут воздействовать, и различных следствий, которые явятся их результатом. Это позволяет нам судить о том, как действовать для того, чтобы подчинить весь процесс, включая его случайные элементы, нашему контролю.

Суждения о вероятности выражают наши предположения относительно появления случайностей. Согласно некоторым теориям, вероятность чисто субъективна в том смысле, что суждение о вероятности является выражением ничего иного, как нашей субъективной неуверенности или недостатка знаний. Однако на самом деле идея вероятности отражает объективную действительность или, вернее, один из аспектов объективной действительности, а именно: действие случайных причин в целом ряде событий или отдельных моментов, взятых в их совокупности. Это является в такой же степени объективной реальностью, как и действие одной единственной причины в одном единственном случае, которое не является объектом вероятности.

По мере того, как люди познают вероятности, присущие событиям, и достигают правильных суждений о вероятностях, они получают возможность лучше учитывать *все* факторы, действующие на протяжении целого процесса, включая случайные факторы, и, таким образом, направлять весь процесс к определенной цели.

Подведем итог.

Свобода — это контроль человека над самим собой и над окружающей природой, основанный на познании необходимости. Такое познание требует также, чтобы люди знали, какие случайные факторы участвуют в процессе, с которым они имеют дело, и какие вероятности характерны для их действия, с тем чтобы они, во-первых, могли контролировать действие случайного и, во-вторых, чтобы они могли принять меры предосторожности по отношению к воздействию случайного там, где они не могут контролировать его. В результате всего этого весь процесс направляется к желаемой цели.

«...случайность — это только один полюс взаимозависимости, другой полюс которой называется необходимостью... — писал Эн-

гельс. — Чем больше какая-нибудь общественная деятельность, целый ряд общественных процессов ускользает из-под сознательного контроля людей, выходит из-под их власти, чем более эта деятельность кажется предоставленной чистой случайности, тем больше с естественной необходимостью пробиваются сквозь эту случайность свойственные ей внутренние законы»[1].

Когда события, к которым люди имеют отношение, протекают, таким образом, вне их сознательного контроля, тогда результат определяется естественной необходимостью, осуществляемой через целый ряд случайностей. Но по мере того, как мы достигаем сознательного контроля над событиями, мы начинаем сами сознательно определять их течение, действуя на основании познания законов этих событий и факторов, влияющих на их результат.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, стр. 306—307.

Глава XIV

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ СВОБОДЫ

Люди не рождаются свободными, а постепенно приобретают свободу. Свобода достигается и развивается в процессе борьбы за господство над природой и в процессе классовой борьбы.

В классовом обществе свобода, действительно завоеванная и ставшая достоянием различных классов, и ограничения их свободы различны в зависимости от позиции и цели этих классов. Борьба за свободу — в сущности борьба народа за возможность удовлетворять спои потребности; начав свое развитие в чисто животных условиях существования, человечество постепенно развивается на пути к осуществлению свободы, что ведет к коммунистическому обществу. Этапы эволюции свободы являются также этапами эволюции морали.

Завоевание свободы

Большинство теоретических трудностей, на которые наталкиваются люди, размышляя над проблемой свободы, вытекает из представления, что свобода является врожденным качеством воли. Однако свобода не является врожденным качеством воли и также не является каким-либо даром, которым бог или природа наградила человека. Свобода *завоевывается* и завоевывается постепенно, шаг за шагом, создается и осуществляется в процессе многовековой общественной деятельности человечества.

Жан-Жак Руссо начал свою книгу «Общественный договор» знаменитыми словами: «Человек рождается свободным». Однако человек не рождается свободным. Напротив, человек рожден без всякой свободы, как существо, определяемое обстоятельствами, не зависящими от его воли. Однако благодаря его общественной жизни и законам ее развития он постепенно в процессе общественной практики развивает те способности, которые позволяют ему *стать* свободным. Он достигает их в борьбе с окружающей природой, в общественной и классовой борьбе, а также в личной борьбе. Он создает для самого себя и завоевывает для себя всю свободу, какой он обладает, и он никогда, следовательно, не может обладать большей свободой, чем та, которую он создал и завоевал сам для себя.

Свобода — это не врожденное качество, и ее нельзя считать также вопросом всего или ничего. В метафизике утверждают, что

либо мы свободны, либо мы несвободны. Говорить так — значит забывать о том, что мы можем быть свободными в некоторых отношениях, но можем быть несвободными в других, или что мы можем быть более или менее свободными.

В споре между волюнтаризмом, утверждающим, что воля не определена, и детерминизмом, утверждающим, что воля *определена*, марксизм принимает сторону детерминистов, поскольку каждый акт воли имеет причину. Однако важный вопрос заключается не в том, определены ли наши действия или нет, поскольку нет никаких сомнений, что они определены, а в том, как и чем они определяются — внешними причинами или нашим собственным познанием наших нужд и способов удовлетворения их. Когда вопрос ставится таким образом, становится очевидным, что свобода — это вопрос степени. Мы освобождаемся лишь постольку, поскольку мы достигаем того, что наше сознательное решение, основанное на познании, определяет то, что мы делаем и чего достигаем. Однако такая свобода редко бывает или вообще не может быть абсолютной. Чем *больше* наши собственные решения основаны на познании, определяющем наши действия и их исход, и чем *меньше* эти действия и их исход определяются для нас другими факторами, тем *больше степень* свободы действия, которой мы достигли.

Свобода личности и свобода в обществе

Свобода представляет собой нечто реализуемое индивидуумом. Свободно не человечество вообще или общество, а индивидуумы.

Но, во-первых, индивидуум осуществляет свободу только через общество. Средством для достижения свободы является познание, а оно общественно. Свобода индивидуума зависит от достижений общества, к которому он принадлежит, от образования и помощи, оказанных ему обществом, а также от того, в какой степени он может сотрудничать в обществе с другими индивидуумами и добиться их сотрудничества с ним.

Во-вторых, индивидуум поэтому может добиться лишь такой степени свободы, которая достигнута и предоставлена ему обществом, к которому он принадлежит, размеры его свободы зависят от достижений его общества, но они также зависят от того, в какой мере общество разрешит ему делить с ним эти достижения и пользоваться ими. Потенциальные размеры его свободы столь же велики, как существующее общественное познание и открытые средства их использования. В то же время ограничения, налагаемые обществом на его собственные достижения и его собственные действия, могут помешать ему фактически пользоваться этой потенциальной свободой.

Таким образом, свобода индивидуумов зависит от положительных достижений общества и от возможностей, предоставляемых обществом индивидуумам для использования этих достижений. Поскольку это так, индивидуумы борются вместе — бок о бок и друг против друга — за более высокую степень свободы. Тем самым они увеличивают степень свободы, которой обладают все индивидуумы и которую они осуществляют в обществе.

Отсюда следует, что индивидуум развивается как свободный деятель на протяжении своей жизни в соответствии с образованием, стимулами и возможностями, предоставляемыми ему обществом. И аналогичным образом люди в обществе развили человеческую свободу в процессе социальной эволюции. Человечество постепенно прогрессирует по пути ко все большей свободе действий. Эта свобода действий представляет собой фактически масштаб или критерий общественного прогресса.

Борьба за свободу

В первобытном обществе человеческая свобода ограничивается главным образом из-за того, что человек не является господином над природой. Первобытные люди в очень большой степени зависят от милости окружающей природы, и существование дикаря в весьма значительной степени определяется для него внешними условиями, так же как это имеет место с животными.

По мере развития цивилизации росло господство людей над природой. Поэтому их свобода в этом отношении становилась все менее и менее ограниченной, все более и более расширялась. Однако появилось новое ограничение. В цивилизованных обществах до сих пор человеческая свобода ограничивается общественными обстоятельствами, в особенности таким обстоятельством, как угнетение одного класса другим. Следовательно, хотя свобода, связанная с господством над природой, увеличилась, она снова была сведена на нет в результате классового угнетения. Это означает, что люди подвергаются эксплуатации и принуждению и в то же время лишены возможности использовать в своих интересах познание и силу, имеющиеся в распоряжении общества.

Современную английскую молодежь, например, посылают участвовать в колониальных войнах. Это не только способствует сохранению ограничения свободы народов колоний, но также ограничивает свободу английской молодежи жить и пользоваться благами жизни. Если бы знания и ресурсы, необходимые для подготовки и проведения таких войн, использовались народами колоний и большинством английского народа для собственного процветания, то мы могли бы сделать многое и пользоваться многими вещами, которых мы не можем делать и которыми

не можем пользоваться в настоящее время. Это также является ограничением нашей свободы.

Если люди должны быть свободными, то ни в экономической деятельности, ни в любой другой деятельности их нельзя при помощи внешнего давления заставлять работать, или действовать, или думать вразрез со своими интересами и в ущерб собственным существенным потребностям и на благо других. Их также нельзя лишать возможности использовать все, что имеется в распоряжении общества, для удовлетворения своих нужд. Если все это делается, то это — отрицание свободы народа. Преобладание подобных условий до сих пор было вызвано разделением общества на эксплуататорские и на эксплуатируемые классы.

Философы-метафизики тщательно отделили вопрос о так называемой свободе воли от вопроса об экономической и политической свободе, и это разграничение помогло им ввести людей в заблуждение как в отношении первого, так и в отношении второго. Но на самом деле это не самостоятельные вопросы, а две стороны одного вопроса — борьбы людей за свободу. В обществе, где один класс эксплуатирует другой, борьба за свободу является главным образом борьбой за ликвидацию существующих форм эксплуатации и угнетения. В процессе этой борьбы люди действуют свободно, освобождают себя и расширяют границы человеческой свободы. Пассивный раб — это просто раб, а восставший раб действует как свободный человек, даже несмотря на то, что он все еще носит цепи. Такие люди являются пионерами человеческой свободы.

Отсюда следует, что в классовом обществе свобода и завоевание свободы всегда имеют классовую подоплеку. Понятие «свобода» поэтому имеет классовое значение. Во-первых, свобода, завоеванная и реализованная на любом этапе, или отсутствие свободы всегда являются свободой или отсутствием свободы определенного класса. Во-вторых, свобода или отсутствие свободы одного класса конкретно отличаются от свободы или отсутствия свободы другого класса; следовательно, различные классы имеют различные представления о том, что составляет свободу.

Человеческая свобода всегда прогрессировала в процессе классовой борьбы, и различные классы, борясь за осуществление своих собственных целей, за обретение свободы для достижения этих целей, двигали вперед с одного этапа на другой свободу человечества вообще. Каждый этап осуществляется в результате борьбы против ограничений свободы, устанавливаемых определенной системой классового господства, и в свою очередь создает свои собственные ограничения свободы.

Так, например, феодальное господство и крепостное право были уничтожены в результате борьбы против феодальных ограничений, руководимой буржуазией. Это был шаг вперед в деле

развития человеческой свободы. Он принес с собой новые формы эксплуатации и угнетения, но принес и новый прогресс, завоевание более широких политических прав и свобод, создание новых и более могущественных форм организации, развитие науки и культуры. В то же время этот шаг приводил на практике два основных класса капиталистического общества к различным результатам. Класс капиталистов заинтересован в том, чтобы сохранить свое господство и увеличить прибыли. Перед рабочим классом, с другой стороны, стоит задача освобождения от капиталистического господства и капиталистической эксплуатации и использования уже завоеванной свободы для того, чтобы перейти к более высокой степени свободы.

Точно так же ограничения свободы испытываются различными классами по-разному. Каждая система эксплуатации навязывает эксплуатируемым определенные формы принуждения и насилия; в наше время, например, рабочий класс ощущает это. В то же время каждый правящий класс, которому кажется, что он осуществил свою собственную свободу с помощью эксплуатации других, на практике обнаруживает, что его свобода в значительной степени иллюзорна. Буржуазия, например, оказывается порабощенной законами своей собственной системы, и буржуа должны продолжать накоплять капитал в процессе взаимной конкуренции и борьбы между собой до тех пор, пока один капиталист не побеждает другого.

Бедной семье в наше время, обсуждающей вопрос, использовать ли свою свободную волю для внесения квартирной платы или для покупки продуктов, часто кажется, что богатый капиталист гораздо свободнее бедняка. Ее члены не понимают, в какой степени этот злосчастный человек является рабом своего бизнеса, страдает от высокого кровяного давления и другого рода расстройств. Если бы они понимали это, то чисто человеческие мотивы могли бы побудить их избавить его от этих забот и принести кое-какую пользу также и себе, отобрав у него его дела и предоставив ему свободу честного труда. Представители различных эксплуатирующих классов часто предполагали, что богатство и власть дадут им полную свободу. Но даже их собственные философы с грустью, но правдиво указывали им, что богатство и власть порабощают их владельцев в тот самый момент, когда они занимаются порабощением других.

От отсутствия свободы к свободе

Борьба за свободу в сущности является борьбой людей за возможность удовлетворять свои потребности, материальные и культурные. Для этого нужно знать эти потребности и способы их удовлетворения и обладать властью, чтобы добиться этого удовлетворения.

Когда в социалистическом обществе люди, уже расширив в значительной степени свое господство над природой, подчиняют свою собственную общественную организацию своему сознательному контролю при помощи общественной собственности на средства производства, тогда бывает пройден решающий шаг вперед в деле достижения человеческой свободы. В социалистическом обществе, где нет эксплуатации человека человеком и где средства производства являются общим достоянием и используются в целях удовлетворения потребностей каждого индивидуума, люди в меньшей степени борются за свободу и в большей степени начинают пользоваться ею и учиться тому, как использовать ее полностью. А когда в коммунистическом обществе люди окончательно устраняют все следы подчинения людей их собственным средствам производства и продуктам их труда, они достигнут наибольшей степени свободы, которую мы можем представить себе, «...человек, — как писал Энгельс, — теперь — в известном смысле окончательно — выделяется из царства животных и из звериных условий существования переходит в условия действительно человеческие... Это есть скачок человечества из царства необходимости в царство свободы»[1].

Мы можем сказать, что люди начали с чисто животных условий существования, но стали создавать условия свободы, впервые начав развивать общественное производство, то есть когда они стали применять орудия труда для изменения вещей в соответствии с объективными законами природы, с сознательным намерением удовлетворять свои собственные потребности.

Производя, люди вступали в определенные производственные отношения, и в процессе вековой борьбы за удовлетворение своих постоянно растущих потребностей они непрерывно развивали свое познание и, следовательно, свой контроль над своими собственными делами и над окружающей средой. Эта борьба прошла через целый ряд этапов, на каждом из которых люди изменяли свои производственные отношения в соответствии с развитием их производительных сил и на каждом из которых отдельные классы расширяли сферу своей свободной деятельности только за счет новых форм господства одного класса над другим и новых форм подчинения объективным законам своей собственной общественной организации. Наконец классовая борьба достигла той стадии, на которой борьба эксплуатируемого класса за свое освобождение окончательно освободит общество в целом от всякого рода эксплуатации и угнетения и таким образом создаст условия, в которых сама общественная организация людей подчинится их сознательному общественному контролю и станет

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, стр. 143.

результатом их собственной свободной деятельности. Тогда и трудовой процесс, с которого они начали свой путь к свободе, но который стал процессом порабощения, превратится в сознательное средство, при помощи которого они достигнут удовлетворения всех своих потребностей; путем ограничения рабочего времени каждый сможет свободно развивать и применять все свои способности.

Таким образом, с помощью процесса, который полностью управляется законами, который определяется в каждый данный момент действием объективных законов, люди постепенно выйдут из состояния полного отсутствия свободы, при котором их действия и достижения определяются не их сознательными решениями, а обстоятельствами, и постепенно завоюют свободу, достигнув, наконец, состояния, в котором они индивидуально и коллективно смогут сознательно определять свою судьбу на основании познания собственных потребностей и сознательного контроля над условиями их удовлетворения.

Мораль

Этапы эволюции свободы тесно связаны с эволюцией морали или этики. Развитие морали представляет собой фактически одну сторону или один аспект развития свободы, и различные этапы развития моральных идей являются этапами эволюции человеческой свободы.

Многие философы морали указывали, что мораль является выражением свободы и что моральная жизнь имеет смысл постольку, поскольку люди действуют свободно. И, разумеется, если бы все наши действия являлись только следствиями, определяемыми внешними причинами, тогда не было бы смысла называть их правильными или неправильными, или утверждать, что мы были обязаны делать одно и не делать другое, так как в этом случае мы не могли не делать то, что мы сделали. В этом пункте упомянутые философы были, очевидно, правы. Однако они не отмечали, что свобода представляет собой нечто, общественно развивающееся на базе деятельности определенных классов, и что то же самое распространяется и на мораль.

Человеческая мораль не является выражением какого-то вечного морального закона, провозглашенного небом и каким-либо путем открытого человечеству. Она также не представляет собой, как воображал Кант, выражение «категорического императива», присущего человеческой воле; она является естественным продуктом общественной организации людей. Поскольку люди живут в обществе, они неизбежно вырабатывают какой-то моральный кодекс, регулирующий их взаимные отношения и их деятельность в обществе. В отношении индивидуума это

равносильно появлению навязанной извне морально связывающей силы, поскольку она носит характер общественного регулятора поведения. Она приобретает своеобразный характер *моральной* силы: мы не вынуждены действовать правильно, а мы должны поступать так.

Мораль состоит из определенных норм и принципов поведения. Она устанавливает, что определенные вещи следует делать, а другие вещи не следует делать независимо от того, хочет ли данный индивидуум делать их или нет. Весь смысл таких моральных понятий, как «хорошо», «плохо», «следует» и т. д., заключается в утверждении норм, не зависящих от конкретных желаний, импульсов и действий индивидуумов. Такие нормы вырабатываются — и вырабатываются неизбежно — именно в силу общественной необходимости регулирования индивидуального поведения.

Безусловно, одно дело выработать и признать эти нормы и другое — действовать в соответствии с ними. В общем и целом каждое общество вырабатывает различные формы санкций, чтобы учить и заставлять людей делать то, что они обязаны делать, — санкции, включающие такие методы, как небольшое поощрение или порицание и кончая системами награждения и наказания; последние применяются, однако, но большей части лишь в отношении действий, касающихся безопасности жизни или целости имущества. Однако в обществах, основанных на классовом антагонизме, где люди получают прибыль за счет других и конкурируют между собой, значительная часть морали приобретает форму идей, которые проповедуются для других, но выполнения которых каждый стремится избежать. Мораль не отделима от лицемерия. Наконец, когда моральные нормы не только часто нарушаются, но ставятся под сомнение и игнорируются вообще, и когда различные моральные санкции расшатываются и ослабляются, то тогда соответствующая общественная система ломается и меняется.

Вся общественная взаимосвязь обусловлена производственными отношениями в обществе и основана на них. И мораль, как регулятор общественной взаимосвязи, в любом обществе является продуктом определенных производственных отношений. Она отражает их и изменяется в соответствии с ними, и каждый класс в обществе вырабатывает свои собственные идеи морали в соответствии со своим конкретным классовым положением.

«...люди, сознательно или бессознательно, черпают свои нравственные воззрения в последнем счете из практических отношений, на которых основано их классовое положение, — писал Энгельс, — т. е. из экономических отношений, в которых происходят производство и обмен. ...всякая теория морали являлась

до сих пор в конечном счете продуктом данного экономического положения общества»[1].

Раз это так, то естественно, что мораль в различных социальных системах и для различных классов во многих отношениях различна. И в то же время мы должны ожидать, что обнаружим — и действительно обнаруживаем, — что в этой морали есть что-то общее, а часто и много общего. Ибо теории морали различных социальных систем и классов представляют «различные ступени одного и того же исторического развития, значит, имеют общую историческую почву, и уже потому в них не может не быть много общего. Более того. Для одинаковых или приблизительно одинаковых ступеней экономического развития нравственные теории должны непременно более или менее соответствовать друг другу». Например, «с того момента, как развилась частная собственность на движимые вещи, для всех обществ, в которых существовала эта частная собственность, должна была стать общей моральная заповедь: «не укради»[2].

Этика любой общественной группы является выражением конкретной природы ее свободы и ее стремлений к свободе, которые основаны на месте, занимаемом данной группой в общественном производстве, и на отношениях ее к средствам производства. Поскольку такая группа может находиться под влиянием и господством какой-либо другой группы, она может принять моральные идеи этой другой группы — часто к своему собственному ущербу и на пользу другим, ибо этим другим выгодно держать их в подчинении. Но поскольку они становятся сознательными и начинают бороться за собственные цели, начинают играть активную, а не только пассивную роль в процессе изменения общества, поскольку они начинают утверждать собственную свободу, они в этом процессе развивают и собственную мораль.

Почему свобода включает мораль? Это объясняется тем, что свобода действий является противоположностью действий по импульсу или в силу внешнего принуждения. Постольку, поскольку люди действуют импульсивно или в силу внешнего принуждения, они прямо противоположны свободным людям и зависят от случая или от внешних причин. Люди действуют свободно, когда они сами, преднамеренно и сознательно, определяют ход своих действий. Следовательно, осуществляя и используя свою свободу, люди создают максимы или принципы деятельности, составляющие их моральные идеи. Их мораль, следовательно, соответствует условиям и целям их борьбы, которая

---

1 Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 88, 89.
2 Там же, стр. 88.

определяется фактическими условиями их материальной жизни. В то же время они создают институты и общественные санкции, которые в этом отношении служат внешним олицетворением и защитой их морали и того вида и степени свободы действий, которой они достигли или которой они добиваются.

Современный рабочий класс, например, создал и создает свою собственную мораль, которая находит конкретное выражение в таких институтах, как профсоюзное движение и коммунистическая партия, — мораль солидарности и взаимной помощи, мораль, согласно которой общая борьба оттесняет на задний план частные и ближайшие интересы индивидуума. Буржуазная мораль коренным образом отличается от этой морали. Если многие рабочие остаются под влиянием буржуазной морали или, к чему это часто сводится ныне, — буржуазной аморальности, то это просто означает, что они остаются сравнительно пассивными рабами капиталистической системы, хотя сами они, может быть, и думают — и в этом помогают им их предприниматели, — что они проявляют большую силу духа и действуют независимо.

Таким образом, когда рабочий, которому предлагают принять участие в борьбе его профсоюза, отвечает, что он не будет этого делать, так как каждый должен беспокоиться о себе, то это просто означает, что он впитал индивидуалистические элементы буржуазной морали, которой накачивала его капиталистическая пропаганда. В то же время это означает, что он фактически не умеет беспокоиться о себе, поскольку идеи, выработанные капиталистами и направленные на обеспечение их собственных интересов, не могут служить прямо противоположной цели — делу рабочих.

В классовом обществе мораль всегда и неизбежно является классовой моралью. Она отражает потребности, общественное сознание и степень и характер свободы различных классов. Когда класс уходит со сцены, его мораль также уходит, уступая место другой морали. Мы можем сказать, что выше та мораль, которая служит развитию общества на пути к материальному прогрессу и свободе. Эти два момента не отделимы друг от друга, поскольку в борьбе за большую свободу люди осуществляют свой материальный прогресс и, борясь за материальный прогресс, они добиваются большей свободы. Жить более полной жизнью — такова цель всей свободной и активной деятельности. И только это является объективным критерием» для оценки того, какая мораль выше.

В настоящее время нет морали выше той, которая является выражением классовой борьбы рабочих. Если те, кто скорбит о падении морали в капиталистическом обществе, хотят найти примеры моральных принципов, то они должны обратиться

именно к рабочей морали. Они не делают этого, так как они и стыдятся и боятся.

«...наша нравственность подчинена вполне интересам классовой борьбы пролетариата. Наша нравственность выводится из интересов классовой борьбы пролетариата, — писал Ленин. — ...нравственность это то, что служит разрушению старого эксплуататорского общества и объединению всех трудящихся вокруг пролетариата, созидающего новое общество коммунистов. Коммунистическая нравственность это та, которая служит этой борьбе, которая объединяет трудящихся...»[1].

Когда в социалистическом и коммунистическом обществе ликвидируется классовый антагонизм, тогда мораль становится общечеловеческой, а не классовой моралью.

«...так как общество до сих пор развивалось в классовых противоположностях, — писал Энгельс, — то мораль всегда была классовой моралью: она или оправдывала господство и интересы господствующего класса, или же, когда угнетенный класс становился достаточно сильным, выражала его возмущение против этого господства и представляла интересы будущности угнетенных. Никто, конечно, не сомневается, что при этом в морали... в общем наблюдается прогресс. Но мы еще и теперь не вышли из рамок классовой морали. Мораль истинно человеческая, стоящая выше классовых противоречий и всяких воспоминаний о них, станет возможной лишь на такой ступени развития общества, когда не только будет уничтожена противоположность классов, но изгладится и след ее в практической жизни»[2].

Такая мораль выражает принципы и максимы свободного действия в ассоциации, «в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех»[3]. Она выведена не из чего другого, как из познания человеческих потребностей и способов их удовлетворения. В условиях, где люди обладают преднамеренным, сознательным контролем над средствами удовлетворения их потребностей, мораль представляет собой выражение их свободы и принцип, руководящий их свободной деятельностью. Этика борьбы рабочего класса за свободу, которая не отклоняет, а включает все положительное и постоянное во всей моральной эволюции человечества, прокладывает для нее путь и создает базу.

Хотя общечеловеческая мораль еще не существует, мы можем строить догадки относительно некоторых ее черт. Она не догматична, а научна и самокритична. Общечеловеческая мораль не кичится своей праведностью, она не поощряет моральное

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 31, стр. 266, 268.
[2] Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 89.
[3] К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. I, стр. 28.

пустословие и бахвальство, она свободна от эмоций и разумна. С точки зрения этой морали аморальное поведение есть просто антиобщественное поведение, объясняющееся слабостью и недостатком воспитания; ее цель заключается не в том, чтобы наказывать, а в том, чтобы перевоспитывать и просвещать. Она во всех отношениях добра и человечна и ценит превыше всего свободное развитие и счастье человеческого индивидуума.

Мы можем заключить из этого, что мы должны бороться против философии, утверждающей, что мораль создается небом. Мы должны также бороться против философии, не менее распространенной сегодня в буржуазных кругах, утверждающей, что суждение о добре и зле — просто выражение эмоционального состояния и не может быть основано на действительности. Когда социалистов спрашивают, почему они считают это хорошим, а то — плохим, им не приходится произносить проповеди и пожимать плечами. Социалистическая мораль основана на понимании действительных условий и действительных нужд современной борьбы человечества за свободу.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы закончили обзор основных идей марксистской философии, рассмотрев в трех томах материализм и диалектический метод, материалистическое понимание истории и теорию познания. То, что мы рассматривали, является просто главными идеями, разработанными и установленными марксизмом посредством научного исследования и практического применения не как завершенная и догматическая система, а как основа, как начало. Весь смысл этих идей заключается в том, что они должны использоваться или меняться и творчески развиваться в процессе их научной постановки и в процессе разрешения многих теоретических и практических проблем нашего времени.

Наше время — это время, когда люди не только неизмеримо расширяют свое господство над природой, но также устанавливают господство над собственной общественной организацией. Результатом этого будет то, что сами люди своими сознательными и коллективными решениями будут контролировать свою жизнь, полностью понимать свои собственные потребности и осуществлять прогресс в их удовлетворении. Марксистские идеи, будучи выработаны на основе всех научных и общественных достижений человечества, помогают нам разрешать проблемы, возникающие в ходе этого процесса. Это идеи, которыми мы должны руководствоваться, которые должны служить нам при построении коммунистического общества, то есть в деле осуществления действительно человеческих условий существования. Таким образом, они представляют собой постоянное достижение для человечества. Имеются все основания полагать, что с дальнейшим научным и социальным прогрессом творческое использование марксистских идей и их дальнейшее развитие еще больше сблизят их с действительностью и превратят их в еще более действенное орудие в борьбе за прогресс человечества.

Однако за будущее нужно бороться. И в заключение данного обзора мы хотим рассмотреть некоторые проблемы, с которыми мы сталкиваемся в этой борьбе.

Идеологическая надстройка общества всегда отражает его экономический базис. Периоды, в которые возникает и формируется новый базис, являются вообще периодами культурных

достижений — возникновения новых идей, новых открытий во всех областях, отражающих достижения, устремления и веру в себя новых зарождающихся классов. Но когда старый базис отживает и его защитники в отчаянии стремятся сохранить его, тогда начинаются периоды упадка и разложения в идеях и культуре.

Естественно поэтому, что общий кризис капитализма должен найти свое отражение в общем кризисе капиталистической культуры — в путанице, упадке и отчаянии во всех областях идейной и культурной деятельности. Этот общий кризис не является одним из временных экономических кризисов капитализма, которые оказывают лишь второстепенное и временное влияние на культуру, — он представляет собой постоянный кризис всей системы, агонию этой системы.

В то же время нынешний период не является периодом вырождения, так как это прежде всего период великого прогресса, величайшего в истории человечества. Элементы нового общества зарождаются, ведется борьба между старым и новым, и новое общество определенно и навсегда утвердилось в социалистической части мира. Это период активной борьбы. Таким образом, состояние путаницы и упадка, в которое капиталистическая культура вступила, в свою очередь отнюдь не является пассивным состоянием. Идеологическая надстройка всегда активно служит своему базису, и сегодня эта активность особенно заметна и стала носить характер лихорадочных попыток всеми и любыми средствами сохранить умирающую систему и остановить развитие социализма.

Важной чертой общего кризиса капитализма является то, что класс капиталистов дошел до того, что начинает отказываться от своих собственных былых достижений, подрывать и уничтожать их.

Так, например, класс капиталистов обычно выступал за демократию. Но теперь он выступает против демократии. Первоначально буржуазия боролась за демократию против феодального господства, так как только опора на демократические институты давала ей лучший способ захвата власти у прежних правителей и возможность самой стать господствующим классом. Тогда буржуазия могла согласиться на демократические достижения, завоеванные рабочим классом, так как капитализм прогрессировал и мог влиять на рабочий класс в пределах демократической системы. Но теперь, в эпоху монополистического капитализма, демократические институты становятся препятствием и угрожают неоспоримому господству монополистов. Отсюда проистекают бесконечные попытки уничтожить демократические права и заменить демократическое правительство фашистским насилием.

Далее, класс капиталистов раньше обычно всегда отстаивал национальное достоинство и независимость. Теперь же он выступает против них. Современные монополисты не только топчут ногами права других наций, но предают жизненные интересы своей собственной нации, и все это ради своих прибылей.

Хотя апологеты капитализма пытаются изобразить дело так, что они якобы отбрасывают старые предрассудки для того, чтобы усвоить новые идеи, но тот факт, что класс капиталистов выступает против всего положительного, с чем его обычно ассоциировали, и предает это положительное, является характерным для всей нынешней деятельности этого класса. Это же распространяется и на сферу идеологии и культуры, на науку, философию и искусство.

В искусстве и в литературе, например, наблюдается отход от реализма. Задача глубокого изображения и критики действительности вышла из моды. В науке гуманистическая задача расширения знаний ради увеличения коллективной мощи людей, ради их процветания уступила место подчинению всей науки милитаристским целям. В области философии капиталистический мир перешел от оптимизма к пессимизму, от идеи, что мы можем все больше и больше познавать действительность, к идее, что такое познание невозможно, от идеи, что мы можем улучшать условия нашей жизни, к идее, что прогресс является иллюзией, и, наконец, от светской традиции свободы исследования и критики к клерикализму, авторитаризму и догматизму. Клерикалы и обскуранты, которые прежде находились в обороне, теперь перешли в наступление, воспользовавшись тем, что их прежние противники объявили разум беспомощным. Так называемая профессиональная философия лишена жизни и духовной силы; умирающая схоластика конца средневековья, которая дегенерировала в мелкое крючкотворство и пустословие, была плодородным садом по сравнению с никчемностью современной буржуазной философии. В журналах профессиональных буржуазных философов эти черты увеличились в тысячу раз и заменили всякое положительное исследование. Буржуазная философия, отказавшись от прежних достижений, не предлагает никакого разрешения для любых практических и теоретических проблем, стоящих перед человечеством.

Задача рабочего движения, прокладывающего путь к уничтожению старого общества и построению нового, заключается не в том только, чтобы защитить все положительные достижения старого общества. Сам класс капиталистов обращается против всего прогрессивного, чем человечество обязано капиталистической эпохе. Наша задача заключается в том, чтобы защитить это прогрессивное от всяких посягательств и сохранить его как

строительный материал для будущего — защитить все достижения человеческой культуры, продолжать двигать их вперед.

Если, следовательно, сохранение культуры и ее будущее, как и цивилизации вообще, находится в руках рабочего класса, то, следовательно, вожди рабочего класса, достойные своего названия, не могут не занять ответственной позиции в вопросах культуры так же, как в политических и экономических вопросах. Партия рабочего класса обязательно должна обладать определенной политикой, «партийной линией» в отношении вопросов культуры.

Защищая наше наследие прошлого, мы одновременно должны поднять его на новую, более высокую ступень.

Так, например, защищая демократические институты и демократические права, мы должны создать очень широкий народный союз, который заложит основу для высшей формы демократии, а именно для народной демократии.

Защищая нашу национальную независимость и национальный суверенитет, мы должны перейти от узкого буржуазного национализма к социалистическому интернационализму, который признает равноправие всех наций и устанавливает права каждого на основе равенства и дружбы между всеми.

Защищая наследие реализма в искусстве и литературе, мы развиваем новый, социалистический реализм, более правильно отражающий многосторонность и мощь человеческих индивидуумов и человеческой ассоциации.

Защищая наследие науки, свободного исследования и гуманистических традиций, мы двигаем вперед научные открытия и освобождаем науку от ига монополистического контроля и буржуазной идеологии.

Защищая наследие философии, как стремление понять мир и место и назначение человека в этом мире, мы преодолеваем старые метафизические и идеалистические взгляды в философии и поднимаем ее выше, на новую научную ступень, когда философия будет прочно опираться на науку, освещать наши проблемы и указывать путь вперед.

Двойная задача защиты и движения вперед распространяется на каждую сферу борьбы рабочего класса. Так, например, в вопросах промышленной борьбы мы сохраняем основные принципы профсоюзов и развиваем их в борьбе за социализм, мы сохраняем старую цель рабочего движения — цель национализации промышленности, и развиваем ее дальше, ставя задачу социалистической национализации.

Эта задача стоит перед нами во *всех* областях экономической, политической и культурной жизни, ибо наша задача — изменить мир и создать подлинно человеческие условия жизни; следовательно, мы должны вести борьбу на фронте искусства, науки

и философии так же, как на экономическом и политическом фронте. Мы можем сказать, следовательно, что политика рабочего класса, борьба рабочего класса за власть и за построение социализма охватывает *каждый* аспект человеческой жизни.

Одним из основных проявлений капиталистического влияния на движение рабочего класса является идея, что рабочее движение не нуждается в философии и культуре, не в состоянии развивать их, а может принять обрывки их из вторых рук, от так называемых «образованных классов». Действительно ли рабочий класс не заинтересован в этом? Напротив, все прогрессивное наследие человечества принадлежит трудящимся, которые должны готовить себя к тому, чтобы принять его. Трудящиеся завоюют мир. Следовательно, все в мире и все, что открыто или создано человечеством, начиная с мельчайшей частицы в атоме и кончая высотами культуры, имеет отношение к трудящимся.

Следовательно, они должны воспитать и воспитывают тысячи, сотни тысяч и миллионы новых борцов, оснащенных не только воинственностью и практическим опытом, но также широкими знаниями и культурой.

Старая общественная система эксплуатации человека человеком, старая культура эксплуататорских классов принадлежала ничтожному меньшинству эксплуататоров и была создана ими, чтобы служить их целям. Однако они никогда ничего не могли бы достичь, если бы их не поддерживали усилия и труд эксплуатируемых масс. Теперь же их время прошло. Новая общественная система и новая культура создаются и направляются самими трудящимися, чей труд всегда был главным источником общественной жизни, и эта новая общественная система оставит старую далеко позади. Наша философия вооружает нас в борьбе с капитализмом и его идеологией, помогает нам взять власть и строить счастливое и славное социалистическое будущее.

УКАЗАТЕЛЬ

ОГЛАВЛЕНИЕ

ТОМ III
ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

Морис Корнфорт
ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ

Художник *Л. Г. Ларский*
Технический редактор *В. И. Шаповалов*
Корректор *М. М. Рожкова*

Сдано в производство 2/I 1956 г.
Подписано к печати 9/VII 1956 г.
А-09303. Бумага 60x92 $^{1}/_{16}$= 15,6 бум. л.
31,3 печ. л. Уч.-издат. л. 30,6. Изд. № 9/2758.
Цена 20 руб. Зак. 895.

Издательство иностранной литературы.
Москва, Ново-Алексеевская, 52.

Министерство культуры СССР
Главное управление полиграфической
промышленности

4-я типография им. Евг. Соколовой.
Ленинград, Измайловский пр., 29.